

МІНІСТЭРСТВА АДУКАЦЫІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт
Інстытут гісторыі НАН Беларусі

*75-годдзю абароны Беларусі
п р ы с в я ч а е ц ц а*

**БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ:
ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ**

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі

Мінск, 8 красавіка 2016 г.

Выпуск 15

Мінск МДЛУ
2017

УДК 947.6
ББК 63.3(4 Бєи) + 63.3(4 Гєм)
Б43

Рэкамендаваны Рэдакцыйным саветам Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта. Пратакол № 3 (44) ад 17.06.2016 г.

Рэдакцыйная калегія: А. А. Каваленя (*адказны рэдактар*), С. Я. Новікаў (*намеснік адказнага рэдактара*), Э. Р. Іофе, У. К. Коршук, А. М. Літвін, А. В. Шаркоў

Рэцэнзенты: доктар гістарычных навук, прафесар *В. М. Фамін* (БДПУ імя М. Танка); кандыдат гістарычных навук *С. У. Жумар* (Беларускі НДІ дакументазнаўства і архіўнай справы)

Канферэнцыя праведзена ў рамках Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг. «Гісторыя, культура, грамадства і дзяржава» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя), а таксама Дзяржаўнай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг. «Эканоміка і гуманітарнае развіццё беларускага грамадства» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя).

Падпраграма № 1 «Гісторыя і культура».

Б43 Беларусь і Германія : гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 8 крас. 2016 г. Вып. 15 / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2017. – 248 с. ISBN 978-985-460-791-7.

У зборніку змешчаны навуковыя артыкулы, у якіх аўтары на аснове дакументальных і гістарыяграфічных крыніц асвятляюць асобныя старонкі гістарычнага мінулага і сучаснасці Беларусі і Германіі.

Матэрыялы зборніка адрасаваны навукоўцам, выкладчыкам, студэнтам і ўсім, хто цікавіцца гісторыяй беларуска-германскіх адносін.

УДК 947.6
ББК 63.3(4 Бєи) + 63.3(4 Гєм)

ISBN 978-985-460-791-7

© УА «Мінскі дзяржаўны
лінгвістычны ўніверсітэт», 2017

ПРЫЎІТАЛЬНАЕ СЛОВА ПРАРЭКТАРА ПА НАВУКОВАЙ ПРАЦЫ ПРАФЕСАРА А. М. ГАРЛАТАВА

Шаноўныя ўдзельнікі і госці канферэнцыі! Паважаныя калегі!

Я маю высокі гонар ад імя старшыні аргкамітэта – рэктара ўніверсітэта Н. П. Баранавай – сардэчна вітаць вас на адкрыцці чарговай сустрэчы і пры гэтым адзначыць наступнае.

Ваша сустрэча сабрала ў гэтай зале прадстаўнікоў Беларусі, Германіі, Польшчы і Расіі, што сведчыць аб захаванні сталага інтарэсу навукоўцаў розных краін да беларуска-германскай гістарычнай праблематыкі.

Праграма канферэнцыі і тэматыка выступленняў яе ўдзельнікаў пераконвае, што новыя рэаліі сучаснага развіцця не толькі ставяць перад даследчыкамі актуальныя праблемы і задачы, але і патрабуюць сумеснага пошуку адэкватных шляхоў па іх паспяховым вырашэнні.

Адной з такіх задач з'яўляецца працяг сустрэч прадстаўнікоў розных навуковых школ з мэтай больш поўнага, ўсебаковага і параўнаўчага абмеркавання супярэчлівых пытанняў мінулага і сучаснасці.

Знакавым у правядзенні канферэнцыі бачыцца і тое, што яна прысвячаецца 75-годдзю абарончых баёў Чырвонай арміі на тэрыторыі Беларусі летам 1941 года. Тры чвэрці стагоддзя мінае з тых часоў, аднак навуковы інтарэс да ваеннай гісторыі застаецца, не знікае ён і ў беларускім грамадстве. У Беларусі шмат напісана аб тым перыядзе. Не спыняецца гэта справа і сёння – такая заканамернасць гісторыі як навукі. Чым далей адсоўваюцца ад нас тыя падзеі, тым больш раскрываюцца іх таямніцы і тым грунтоўней павінен праводзіцца іх аналіз з выкарыстаннем новых дакументальных крыніц. У значнай ступені гэта адбываецца дзякуючы вашаму асабістаму ўдзелу і прафесійнай працы па стварэнні сучаснай навуковай базы гісторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны.

Правядзенне 15-й Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў МДЛУ мы разглядаем як прызнанне пэўных поспехаў гісторыкаў нашага ўніверсітэта. За час пасля мінулагадняй сустрэчы імі выдадзены 2 манаграфіі, у тым ліку: Новікаў С. Я. «Беларусь улетку 1941 год: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў» (2-е выд., Смаленск: Універсум, 2015. – 436 с.), Цымбал А. Г. «Праваслаўная царква ў Заходняй Беларусі (1921–1939)» (Мінск: МДЛУ, 2016. – 124 с.), а таксама матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць», вып. 14 (Мінск: МДЛУ, 2016. – 304 с.).

Нагадаю, што канферэнцыя праводзіцца ў адпаведнасці з планам выканання Дзяржаўнай комплекснай праграмы навуковых даследаванняў на 2016–2020 гг. «Гісторыя, культура, грамадства і дзяржава» (навуковы кіраўнік – член-карэспандэнт НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар А. А. Каваленя).

Упэўнены, што новыя думкі і высновы, да якіх вы прыйдзеце ў выніку абмеркавання пастаўленых праблемных пытанняў, не застануцца толькі ў сферы акадэмічнай навукі, але паўплываюць на вырашэнне актуальных інфармацыйных задач у нашым грамадстве, асабліва ў справе выхавання і прафесійнай падрыхтоўкі студэнцкай моладзі. У нашым універсітэце студэнты актыўна ўдзельнічаюць у даследчыцкай рабоце, творча падыходзяць не толькі да правядзення студэнцкай навуковай работы па гістарычнай праблематыцы, але і практычнага выкарыстання гісторыка-дакументальных напрацовак пры выкананні курсавых і дыпломных праектаў па напрамку спецыяльнасці «Лінгвістычнае забеспячэнне міжкультурных камунікацый (міжнародны турызм)».

Шаноўныя калегі, госці і сябры МДЛУ! Дазвольце аб'явіць адкрытай 15-ю Міжнародную навуковую канферэнцыю «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць» і пажадаць удзельнікам поспехаў у такой важнай сферы навуковай дзейнасці, якая дапамагае вывучаць, развіваць і памятаць ваеннае мінулае.

ЗМАГАЦЦА, ЖЫЦЬ І ПАМ'ЯТАЦЬ: ПОГЛЯД ПРАЗ ДЗЕСЯЦГОДДЗІ

В. К. Коршук

ТРАГЕДИЯ И МУЖЕСТВО БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Война – это время больших и трагических потрясений, прошедших через судьбы миллионов людей и оставивших неизгладимый след – рану в их памяти. Она стала бедой, трагедией, ломающей человеческие судьбы, неизлечимо ранящей души людей. У многих она исковеркала детство, юность, зрелость. И кто бы ни начинал войну, чем бы она ни закончилась, страдает народ, воюют солдаты, выживают или умирают на полях сражений.

Оккупировав территорию Беларуси, фашисты установили здесь режим грабежа, террора, массовых репрессий. Им нужна была Беларусь при минимуме ее населения. Были попораны все международные конвенции, все нормы морали. На захваченной белорусской земле гитлеровцы творили преступления и зверства, не поддающиеся человеческому разуму.

Страшная судьба готовилась для белорусского народа: намечалось «выселение» 75 % населения, а остальные подлежали онемечиванию и использованию в качестве рабов. Во всех крупных городах Беларуси фашисты намеревались создать поселения для привилегированных слоев немецкого общества. При этом на каждого господина «высшей германской расы», каковыми считали себя гитлеровцы, планировалось оставить два представителя «низшей расы».

Фашизм уничтожал людей разными способами: расстрелами, виселицами, голодом, сжиганием в крематориях. Это была колоссальная машина зверств и убийств. Жестокость была неизмеримой, масштабы преступлений огромны, нацистское мировоззрение извращенным до крайностей, а убийства – тщательно организованными и продуманными. Так, в Минске 26 октября 1941 г. впервые на оккупированной территории СССР устроили показательные казни, повесив на виду у специально согнанных людей в разных местах города 12 подпольщиков. Какая же сила толкала немцев на такие жестокие преступления. Не Гитлер с больной рукой, не хромым Геббельсом, а миллионы немцев-здоровяков вешали и расстреливали людей, сжигали и закапывали живыми. И при этом охотно фотографировались на фоне трупов с победоносной улыбкой.

Мы много говорим о фашизме, но думается, что почву, на которой он вырос, надо исследовать тщательнее, чем само растение.

Ценой эксплуатации других народов фашизм получил возможность подкармливать население в самой Германии. Так, к осени 1936 г. проблема безработицы в стране была в основном решена. Количество зарегистрирован-

ных безработных снизилось по сравнению с февралем 1933 г. с 6 до менее 1 млн человек. Уровень зарплаты был несколько ниже, чем при Веймарской республике, однако за счет возвращения безработных на предприятия общий фонд зарплаты с 1932 по 1938 годы возрос с 25 миллиардов до 42 миллиардов марок.

Следует иметь в виду и то, что огромная часть населения Германии была запугана и подавлена невиданными по своей жестокости и безжалостности репрессиями. Кроме выгоды и страха, была слепая и фанатичная вера, которая подогревалась распространением фашизма в 1930-х годах, его военными успехами в Западной и Восточной Европе.

Милитаризм проник во все сферы общественной жизни Германии. Все были одеты в военизированную форму: дети, молодежь, члены штурмовых отрядов, работники хозяйственных управлений, профессора и академики. Старый лозунг националистов «Германия – превыше всего» захватил в ту пору миллионы немцев. Фашистские пропагандисты ловко спекулировали на поражении Германии в Первой мировой войне. Проповедь расизма использовалась против других народов. Все представители не германской расы были объявлены недочеловеками. Яд шовинизма и человеконенавистничества отравил сознание большинства немецкого народа, парализовал в нем чувство истинной гражданской ответственности за то, что происходило в стране. Для уничтожения демократических свобод и установления террористической диктатуры гитлеровцы использовали идею «нового порядка», согласно которой государство господствует над всем: политикой, экономикой, культурой, личной жизнью граждан. Диктатура вождя и личная преданность ему всех членов общества была логическим завершением фашистских представлений о власти [1, с. 460–461].

На первых порах, когда немцы оккупировали Беларусь, население не представляло себе всех ужасов и несчастий, которые они с собой принесли. Люди вели себя настороженно, были в состоянии подавленности и растерянности. Под влиянием провокационных слухов, не имея сведений о действительном положении на фронте, многие выжидали. Были и такие, кто надеялся с помощью гитлеровцев спастись от сталинских репрессий, избавиться от большевизма, у некоторой части населения появились иллюзии относительно «освободительной роли Германии».

Подобные надежды сильно ослабли в связи с ужесточением оккупационного режима. Нацистские карательные акции, события на фронте, партизанская пропаганда постоянно уменьшали количество тех, кто доверял гитлеровцам. Оккупанты обнародовали строгие приказы, за нарушение которых следовал расстрел. Проводилась политика экономического ограбления. Все фабрики и заводы поступали в полное распоряжение немцев. Администрация имела право избивать рабочих, сажать их в карцер, высылать в концлагеря. Население грабили всевозможными налогами и поборами. Продовольствие и промышленные товары вывозились в Германию. Были созданы центральное налоговое общество «Восток», металлургические объеди-

нения, частные немецкие фирмы, монополии, акционерные общества. Люди в возрасте от 14 до 65 лет привлекались в обязательном порядке к принудительным работам на строительстве оборонительных сооружений, мостов, дорог.

Одним из проявлений гитлеровской оккупационной политики был вывоз населения на принудительные работы в Германию. В рейхе этих людей называли «восточными рабочими», пытаясь таким образом лишить их не только имени и фамилии, но и национальности. Особенно широкие масштабы принимает угон в 1943 г. Вначале планировалось вывозить людей 1925 г. рождения, затем – 1926, а позже была дана установка отправлять и несовершеннолетних в возрасте от 10 до 14 лет.

Насильственный вывоз людей в Германию, их использование в промышленности и сельском хозяйстве – одно из направлений фашистской политики геноцида, проводимой немецкими властями на оккупированных землях Беларуси (около 400 тыс. человек было угнано за годы войны на принудительные работы в Германию) [2, с. 189].

Орудием репрессий и геноцида являлись фашистские лагеря, будучи местами сосредоточения людей для прямого массового уничтожения. В Беларуси вместе с филиалами и отделениями их насчитывалось более 260. Из них – 110 лагерей для гражданского населения (в том числе 70 гетто) и более 150 лагерей военнопленных. Здесь царила массовая смерть от голода, холода, непосильного труда, эпидемий. Расправы над заключенными сопровождалась пытками и носили мученический характер. Людей сжигали в кремационных печах, уничтожали в газовых камерах, живыми закапывали в землю, сжигали заживо, расстреливали.

В Беларуси за годы Великой Отечественной войны было уничтожено 1,4 млн гражданского населения, из них около 700 тыс. в немецко-фашистских лагерях. Самым крупным был Тростенецкий лагерь под Минском (четвертый по количеству загубленных людских жизней после Освенцима, Майданека и Трешлинка) – свыше 206 тыс. человек [3, с. 396]. Кроме специальных лагерей уничтожения людей, создавались трудовые лагеря с целью использования заключенных как рабочей силы.

Весной 1944 г. появились 3 лагеря прикрития. Узники, общая численность которых по всем трем лагерям составляла около 50 тыс. человек, были согнаны гитлеровцами в район Озаричей бывшей Полесской области под видом эвакуации населения из зоны военных действий. С целью создать на пути наступающей Красной армии очаг эпидемии сыпного тифа согнанные из ближайших населенных пунктов дети, женщины и старики намеренно размещались вперемешку с сыпнотифозными больными, специально вывезенными из разных районов оккупированной Беларуси. На территории лагеря строжайше запрещалось разводить костры, строить шалаши или землянки, каждое нарушение пресекалось автоматной очередью. Только за 7 дней марта 1944 г. фашисты умертвили здесь около 9 тыс. человек [4, с. 289].

Считая большинство мирного населения потенциальным противником, гитлеровцы, нарушая все законы ведения войны, захватывали гражданских лиц, зачисляя их в разряд военнопленных. Все лагеря являлись местами принудительного задержания, местами смерти, массового уничтожения людей, носивших гражданскую или военную одежду.

Важнейшим средством реализации планов гитлеровцев были карательные операции, представлявшие совокупность террористических акций военного, политического и экономического характера с целью порабощения людей, грабежа имущества. За годы оккупации Беларуси фашисты провели свыше 140 крупных карательных операций. Методы варварских расправ с гражданским населением, уничтожение населенных пунктов вместе с жителями стали повседневной практикой захватчиков. Трагическую судьбу Хатыни разделили 627 деревень Беларуси [5, с. 84].

С особенной жестокостью немцы уничтожали детей как социально-биологическую основу нашего народа. Их принуждали к непосильному физическому труду, морили голодом, помещали в концентрационные лагеря, отправляли на каторжные работы в Германию (за время оккупации из Беларуси было вывезено более 33 тыс. детей), у них брали кровь для немецких солдат. Дети погибали в концентрационных лагерях, в огне сожженных гитлеровцами белорусских деревень, тонули в непроходимых болотах, спасаясь от карателей, умирали от голода, холода и болезней. Всего за годы войны в Беларуси погибло 166 тыс. детей.

Большинство присутствующих знает о войне от очевидцев по документам, фильмам, книгам, рассказам ... А я ее видел в возрасте с 7 до 10 лет. Видел детскими глазами Брест в огне 1941, откуда мы пешком с родителями уходили на рассвете 22 июня. На всю жизнь я запомнил горящие улицы города, развалины домов, свист пуль и страшный гул вражеских самолетов. Иногда приходилось переступать через трупы людей...

Практически на моих глазах фашисты расстреляли маму. Отец находился в партизанском отряде и, боясь за мою жизнь, забрал меня к себе. Так, с ноября 1943 по июнь 1944 г. я был с ним в бригаде им. Брагина при штабе соединения партизанских бригад Минской области, а затем в Первом спецдетдоме г. Гомеля. Кстати, сегодня многие не знают, что такое спецдетдома. А они были созданы в феврале 1944 для детей воинов Красной армии и партизан и подлежали открытию в первоочередном порядке. Государственные нормы обеспечения этой категории детей была больше на 15–20 % по сравнению с общими детдомами. Спецдетдомов в начале 1946 г. в Беларуси было 98 из общего количества 252. Ведь к концу войны в республике было около 82 тыс. детей-сирот погибших военнослужащих и партизан [6, с. 413, 416].

Я знаю, как страшно войти в страну детства, которое отняла война у детей, родившихся в 30–40 гг. прошлого столетия. Большинство из них не воевали, не трудились в тылу, но они видели войну своими глазами, видели смерть и кровь, голод и холод. Потеряв родных и близких, отчий дом, они оставались одни. И просто выживали в страшных условиях оккупации.

Сегодня, отдавая дань уважения и почтения ветеранам войны, которых по данным Министерства труда и социальной защиты в республике на 1 января 2016 г. было 14,5 тыс. человек, следует осознать, что на линию Памяти выходят последние свидетели – дети войны, пережившие тяготы оккупации, выжившие назло врагам и внесшие свой вклад в Победу. Поколение, воспитанное войной, – это особая категория людей, незаслуженно забытая у нас.

Злодеяния, которые планировали и осуществляли гитлеровцы на оккупированной земле Беларуси, по массовости, планомерности, утонченности исторически беспрецедентны. Оккупанты расстреляли, замучили, повесили, сожгли заживо, задушили в «газовых камерах» не менее 2,8–3 млн человек [3, с. 92].

Однако оккупированная территория Беларуси не стала для захватчиков обеспеченным и спокойным тылом. Большинство населения республики встало на защиту Отечества. Широкий размах получило в Беларуси партизанское движение, которое развернулось в первые месяцы оккупации и продолжалось до самого последнего ее дня. По своим целям, социально-демографическому составу участников и поддерживающего его населения оно было всенародным. 374 тыс. партизан, 70 тыс. подпольщиков и 400 тыс. скрытого резерва, постоянно помогающего партизанам, – подтверждение этому. Белорусов среди партизан было около 71,2 %. При этом 88,6 % партизан являлись жителями БССР [6, с. 143].

В силу ряда причин процесс создания партизанских отрядов и подпольных организаций на оккупированной территории Беларуси был трудным. Далеко не сразу эта работа получила должный размах и высокую эффективность. Не хватало опыта организации такой борьбы, проблемы были с оружием, боеприпасами, медикаментами. Ведь партизанская война – это особая форма борьбы, которую вели люди, представляющие патриотические силы общества, путем самовооружения на добровольных началах. Важнейшей, глубинной причиной, побудившей их взять в руки оружие, было стремление защитить родную землю, родной дом.

В напряженной обстановке прифронтной и фронтной полосы, в которой оказалась Беларусь в первые месяцы войны, коммунистическая партия взяла на себя функции организации борьбы с врагом. Это правда. Хотя сегодня кое-кто с этим и не согласен.

Первый призыв к развертыванию народной борьбы в тылу немецко-фашистских войск прозвучал в директиве СНК и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. Ставились задачи создать невыносимые условия для германских интервентов, дезорганизовать их связь, транспорт и сами воинские части, срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, всемерно помогать созданию конных и пеших партизанских отрядов, диверсионных и истребительных групп. Конкретные рекомендации по формам организации, средствам связи, мерам конспирации были даны в директивах ЦК КП(б) «О переходе на подпольную работу партийных организаций районов, занятых врагом» (30.06.1941 г.) и «О развертывании партизанской войны в тылу врага», принятой 1 июля 1941 г.

Одни партизанские отряды создавались партийными комитетами на местах, другие засылались из-за линии фронта, третьи формировали военнослужащие, попавшие в окружение. Развитию в Беларуси широкого партизанского движения, несомненно, способствовало беззаконие и произвол, чинимые здесь оккупантами. Партизанская борьба была и единственным выходом для многих красноармейцев, не сумевших выйти из окружения и оказавшихся на оккупированной гитлеровцами территории. Среди активных участников борьбы были и те, кто не входил в состав партизанских отрядов, но, живя в деревнях, обеспечивал партизан продовольствием, одеждой, вел разведку, помогал выводить из строя шоссейные и железнодорожные коммуникации, нарушать линии связи.

«Рельсовая война», глубокие рейды по тылам противника, ощутимые удары по гарнизонам, постоянная разведка, активное взаимодействие с войсками-фронтовиками характеризовали их борьбу.

К 1943 г. сопротивление гитлеровским захватчикам на временно оккупированной территории Беларуси приняло всенародный размах, превратилось в фактор крупного военно-стратегического и политического значения. При этом борьба в тылу врага развертывалась в органической связи и тесном взаимодействии с боевыми операциями Красной армии на фронте. В результате хорошо скоординированных ударов партизан по вражеским коммуникациям гитлеровскому командованию приходилось затрачивать на перегруппировку своих сил в два-три раза больше времени, чем это требовалось в начале войны. Партизаны истребляли живую силу, срывали политические, военно-экономические и другие мероприятия противника, деморализовывали оккупационный аппарат.

В то время, когда фронт требовал от гитлеровцев все новых пополнений, они вынуждены были держать на оккупированной территории огромное количество войск для борьбы с партизанами, подавления сопротивления населения, охраны коммуникаций. Оккупанты стремились вывести свои кадровые части из-под ударов партизан и заменить их воинскими частями, сформированными из военнопленных и местного населения.

Неразрывная связь партизан с населением особенно чувствовалась в партизанских зонах, имевших огромное значение для развертывания борьбы с врагом, охраны жизни многих людей. Первая партизанская зона была создана уже осенью 1941 г. К осени 1943 г. партизаны удерживали под своим контролем более 108 тыс. кв. км (около 60 % оккупированной территории Беларуси) [7, с. 317]. Здесь, на очищенной от врага территории, функционировали органы советской власти, координировалась вся военно-политическая и хозяйственная жизнь, поддерживалась устойчивая связь с Большой землей, под охраной партизан жили десятки тысяч советских людей. Переселение мирных жителей в лесные лагеря приняло широкий размах уже с середины 1942 г. Образование партизанских зон означало полную несостоятельность гитлеровского «нового порядка», беспочвенность надежд фашистской верхушки на «умиротворение» оккупированной территории Беларуси.

Утрата территорий, на которых они с начала вторжения в Беларусь были полновластными хозяевами, влияния на определенные группы населения, потери в людском составе, оружия, техники, дискомфортное состояние войск, когда солдатами владел страх (противник везде и всюду, не знаешь, откуда прилетит пуля, чувство неминуемости краха), – таковы показатели результативности партизанской войны, фиксировавшиеся в штабах германского вермахта в 1942–1943 гг. [8, с. 323].

Вынужденные признания противника являются убедительным доказательством эффективности народных форм борьбы с врагом. Ни казни, ни карательные экспедиции, ни административные и пропагандистские меры гитлеровцев не помогали, не сломали волю людей к сопротивлению. Избавиться от кошмара оккупации, фашистского геноцида можно было только сражаясь. Покорность перед врагом не позволила бы выжить значительному количеству людей.

В народе восстал Гражданин и Патриот. Белорусы защищали себя, свою землю. Уже в октябре–декабре 1941 г. в германских документах прямо указывается на массовый характер сопротивления и практически повсеместную поддержку партизан населением Беларуси.

Нельзя недооценивать влияния партизанского движения и на ход войны в целом, в результате чего гитлеровцы вынуждены были отвлекать с фронта значительные силы. Зимой 1943–1944 гг. против белорусских партизан действовало 18 фашистских дивизий, а также отдельные части, следовавшие на фронт или отводимые в тыл для переформирования. Но врагу так и не удалось уничтожить ни одной партизанской бригады, ни одного отряда. Сочетая тактику упорной борьбы с умелым маневрированием, неожиданными ответными ударами, партизаны удерживали в своих руках инициативу вплоть до полного освобождения территории республики от оккупантов. К тому же, отдельные операции партизан, например, «рельсовая война», оказали прямое влияние на положение дел на фронте. Диверсии совершались на всех железнодорожных линиях оккупированной Беларуси.

Наряду с боевой и диверсионной деятельностью партизаны постоянно вели разведку в тылу противника. В этой работе участвовали десятки тысяч патриотов. Разведывательная служба белорусских партизан снабжала командование Красной армии ценными сведениями о состоянии тыла противника и его планах, своевременно выявляла и обезвреживала шпионов и диверсантов. Информация о противнике собиралась в трудных условиях, в постоянном противоборстве со спецслужбами гитлеровцев.

Характерным для борьбы партизан Беларуси к началу вступления советских войск на территорию республики в сентябре 1943 г. было дальнейшее укрепление их взаимодействия с армейскими частями. Наличие крупных боеспособных партизанских соединений и разветвленной сети подполья в выгодных в тактическом отношении районах учитывалось советским командованием при осуществлении наступательных операций.

В ходе освобождения республики воинские соединения и части Красной армии тесно взаимодействовали с партизанскими формированиями, с их помощью проникая в тыл противника, они совершали глубокие обходные

маневры и совместными внезапными ударами освобождали населенные пункты. За несколько дней до начала операции «Багратион» партизанские отряды провели ряд крупных боев. Они преграждали гитлеровцам путь к отступлению, захватывали и удерживали до подхода советских войск удобные позиции, переправы и плацдармы, освобождали населенные пункты, принимали участие в ликвидации окруженных воинских частей. В результате успешного осуществления Белорусской операции бойцы Красной армии и партизаны разгромили одну из наиболее крепких вражеских группировок – группу армий «Центр». При этом 17 дивизий и 3 бригады были полностью уничтожены, 50 дивизий потеряли более половины своего состава [5, с. 176].

Трудным был путь к победе, но народ выдержал и вышел победителем. Нельзя не согласиться с исследователем Е. А. Гребенем, который утверждает, что «помимо физического уничтожения гражданское население Беларуси столкнулось с реальной угрозой смерти на фоне экстремальных социально-экономических условий... Подвигом являлась сама жизнь в условиях оккупации, поскольку сохранить ее, выжить ради будущего было крайне сложно» [9, с. 493]. Выжили и победили.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Полторанин, М.* Власть в тротиловом эквиваленте / М. Полторанин. – М., 2010.
2. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. – Минск, 2005.
3. Памяць Беларусі. – Мінск, 2005.
4. Нямецка-фашысцкі генацыд на Беларусі (1941–1944). – Мінск, 1995.
5. *Каваленя, А. А.* Беларусь напярэдадні і ў гады Другой сусветнай і Вялікай Айчыннай вайны / А. А. Каваленя, І. А. Саракавік. – Мінск, 2008.
6. Вклад белорусского народа в Победу в Великой Отечественной войне. – Минск, 2015.
7. Партизанское движение в Беларуси и его роль в разгроме немецко-фашистских захватчиков в 1941–1944 г. – Минск, 2009.
8. *Платонаў, Р. П.* Старонкі гісторыі Беларусі / Р. П. Платонаў. – Мінск, 1995.
9. *Гребень, Е. А.* Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941–1944гг.) / Е. А. Гребень. – Минск, 2016.

Ю. З. Кантор

ВОЕННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ «РУССКИХ» МУЗЕЙНЫХ И ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ ФИНЛЯНДИИ

Прежде чем приступить к обзору событий, происходивших на территории Карелии в годы Великой Отечественной войны, следует заметить, что почти все ценное в художественно-историческом отношении было вывезено в Хельсинки из Выборга и его окрестностей, а также с Карельского перешейка еще в 1939 г. – в начале Зимней войны.

Планы Военного управления в области сохранения и обеспечения охраны памятников культуры охватывали несколько направлений. Они касались музеев, памятников церковной архитектуры, карельской строительной культуры, сбора предметов, охраны мест сбора предметов и инструктирования. С самого начала в этих планах заметно было восприятие Восточной Карелии как финской территории, на изучении которой следовало сосредоточить достаточное внимание [1, S. 45]¹.

В 1941–1944 гг. в Восточной Карелии работала комиссия от Национального музея Финляндии, которая собирала карельские этнографические ценности: предполагалось, что в дальнейшем, после войны, эта территория (никогда не относившаяся к Финляндии) останется за финнами, и здесь будут созданы новые музеи краеведческого характера, в которые эти экспонаты и поступят. Финские оккупационные власти планировали также создать единственный в мире музей вепсов. Сейчас в фондах Национального музея свыше 400 предметов, собранных в это время – т.н. «русская коллекция». Финляндия была единственным государством – союзником гитлеровской Германии, имевшим намерения не только расширить свои границы за счет территории России, но и принявшим государственные планы по вывозу художественных ценностей с оккупированных территорий. И, соответственно, были сформированы структуры – военные и гражданские – для осуществления этих целей.

В числе задач военных властей в Восточной Карелии была и образовательно-просветительская: «Образование и просветительская работа должны быть направлены на финское население края. Основываются библиотеки, школы, кружки, газеты, начинается радиовещание» [2, л. 58]. В планы по просветительской работе входило также сохранение и собирание памятников культуры. Уполномоченный по сбору художественных и этнографических ценностей Г. Вилкун сообщал в Главную ставку, что при военном управлении необходимо учредить должность этнографа, который мог бы работать при археологической комиссии.

Главная ставка финляндского командования обязывалась соблюдать необходимые требования в отборе вещей и их атрибуции при отправке в финские музеи: «Когда предметы поступают на хранение в музей, нужно, чтобы с ними поступали важные сведения о месте изготовления, наименовании, назначении и т.п. Собрать нужно столько, чтобы коллекции Национального музея были значительно пополнены, и чтобы типичные и тщательно отобранные предметы были для будущих музеев Беломорья и Олонецкой провинций. Кроме того, для типологических предметов есть другие возможности использовать их в волостных музеях, которые уже имеются в Шёлтозеро и Лодейном поле. Развитие музея в Шёлтозеро особенно важно, поскольку это единственный в мире музей вепсов» [3, S. 26].

---

¹ Здесь и далее представлен материал, переведенный автором статьи.

20 апреля 1942 г. комендант Военного управления отдал приказ «О переводе наиболее ценных в художественном отношении предметов, отобранных специалистами-искусствоведами Л. Санту и С. Тоска из хранилища Государственного музея Карелии в Янислинна [Петрозаводск. – Ю. К.], и передаче их в художественное собрание Атенеума в Хельсинки. Указанные произведения искусства остаются, вплоть до иного распоряжения, в собственности Военного управления Восточной Карелии... ». Эти специалисты и начинали упаковывание предметов [4].

В этой связи представляет интерес обзорный документ, составленный годом позже, но проливающий свет на перемещение художественных и этнографических ценностей из Карелии.

«В архиве трофейных материалов штаба Военного управления Восточной Карелии хранятся важные коллекции изображений, включающие в себя:

1. Перемещенные осенью 1941 г. из музея Янислинна фотографии на паспарту и фотопластины в объеме ок. 25 погонных метров.

2. Полученные из Янислинна и Восточной Карелии трофейные материалы, среди которых имеются старые картины и большая коллекция большевистских пропагандистских изобразительных материалов [5].

В ходе беседы с командующим отделом статистики, капитаном Ярнефельтом, выяснилось, что его отдел хотел бы отправить имеющиеся у них на хранении коллекции в Просветительский отдел Департамента по просветительской работе, в ведении которого находилась музейная деятельность в Восточной Карелии. «В ходе обсуждения мы пришли к выводу, что собрание фотопластин и пропагандистские материалы лучше всего было бы направить на хранение в Финляндию, а фотографии на паспарту оставить пока для возможного использования у отдела Статистики. За упаковывание отвечает отдел Статистики, и груз будет готов к отправке примерно к 10 мая. Поскольку хранимые в архиве трофеев материалы отправятся в Финляндию и принадлежащие Просветительскому отделу иконы следуют туда же, предлагается, чтобы упомянутые выше фотопластины и пропагандистские материалы были перевезены в Тампере, где есть подходящие условия для этого груза. Поскольку для собранных материалов потребуется вагон, можно было бы в этот же раз перевезти также другие ценные предметы из музея, например, кантеле.

Янислинна
29.4.1943

Военнослужащий Эйно Никкиля» [5].

На документе имеется резолюция: «Командующий одобрил».

В 1942–1944 гг. были организованы финские экспедиции в Посвирье и Беломорскую Карелию. Значительная часть собранных ими коллекций блуждала по частным рукам до конца войны. Две из них, собранные во время «войны-продолжения», в Посвирье, Кархумяки, на Карельском перешейке и в Петрозаводском регионе, в 1946–1947 гг. пополнили коллекцию Национального музея. В январе – феврале 1942 г. на территории Карело-Финской ССР

работала экспедиция одного из крупнейших финских археологов С. Пяльси. Она обследовала Александро-Свирский монастырь, деревни Троица, Кенкиево и Самбатус. В исследовательскую группу входили известный журналист О. Пааволайнен и не менее известный поэт и активист М. Хаавио [6]. По данным штаба Военного управления Восточной Карелии через музей Оулу были отправлены на консервацию в исторический отдел и для временного хранения предметы, которые были найдены в Ювалакше. «Поскольку у штаба Военного управления Восточной Карелии не имеется полного списка, просим, чтобы его составили в историческом отделе и направили бы его в просветительский отдел штаба военного управления Восточной Карелии» [7]. Из Беломорского округа штаба Военного управления Восточной Карелии в музей Оулу были отправлены найденные в Ювалакше церковные предметы. Оттуда их предполагалось перевезти в исторический отдел Национального музея для консервации и хранения [8].

Структура, призванная обеспечить и обосновать идеологически государственный грабёж, проводимый финскими оккупантами, была сформирована при Министерстве образования Финляндии. В декабре 1941 г. начал работу Государственный научный восточно-карельский комитет, задача которого сводилась к координации и сбору воедино сведений, полученных в научных отделах и обществах Восточной Карелии.

Одним из первых его документов стал меморандум «О сохранении памятников культуры в Восточной Карелии» от 18.08.1941 г. Его ключевые положения позволяют получить представление об идеологическом «обеспечении» захвата культурных ценностей.

В освещении и описании истории формирования финского племени Восточная Карелия – это то место, откуда берет начало подлинная «калевальскость» [«Калевала» – карельский эпос. – *Ю. К.*]... «Образ старой Восточной Карелии и ее человеческого капитала можно лишь искусственно сохранить в музеях, архивах и в избранных памятниках на местах. Именно сейчас ожесточенная война велит нам истребить все это огнем. Но гражданская обязанность Финляндии в том, чтобы немедленно защитить все то наследие старины, которое пощадила война... Ближайшие задачи таковы:

При сохранении вещественных памятников следует обращать внимание на то, что старые предметы не во всех случаях можно в нетерпении начинать собирать для научной работы. Если предмет сохраняется для музея, необходимо получить точные сведения о его бытовании, наименовании, назначении и т.д. Нельзя все собирать для музеев, сбору подлежит лишь столько, сколько может иметь значение для пополнения коллекций Национального музея и те предметы, которые достаточно представительны и хороши для коллекций будущих музеев Беломорской и Олонецкой провинций. Для последних уже имеется хорошее начало, поскольку предметы сохранились, в Петрозаводске» [9].

Комиссии уже в январе 1942 г. было предписано заниматься исследованиями, которые направлены «прежде всего на те задачи, в решении

которых в Финляндии уже прежде были достигнуты важные результаты, и которые дополняли бы важнейшие с точки зрения нашей страны исследовательские задачи». И, что принципиально важно, по прямой аналогии с нацистским *остфориунгом*, комиссия должна была «направлять упомянутые исследования так, чтобы с их помощью постараться, насколько возможно, сформировать общее представление о новых территориях, которая доказывала бы их безусловную принадлежность Финляндии» [3, S. 57].

Финская археологическая комиссия начала работу в Восточной Карелии еще осенью 1941 г. Совместно с Правлением греко-католической (униатской) церкви они создали «группу по сохранению церковных предметов». От нее в военное управление в качестве консультанта предложена кандидатура сотрудника Национального музея Э. Никкиля. Его задачей было обеспечение сохранности ценных с музейной точки зрения предметов [10, S. 89]. Никкиля начал работу в ноябре 1941 г. и составил инструкцию по обеспечению сохранности и сбору памятников культуры. Согласно ей охране подлежали музеи, церковные древности и строительная культура. Предметы следовало собирать для Центрального и Национального музеев Карелии. Была проведена работа среди капелланов, офицеров, военной полиции, назначены ответственные за сбор и сохранение ценностей в отдельных военных частях [11].

Под руководством Археологической комиссии сотрудники Национального музея «вели исследования в Восточной Карелии». В октябре 1941 г. в результате экспедиции финно-угорская коллекция Национального музея пополнилась 410 предметами. На следующий год экспедиция в Пораярви собрала и передала в Национальный музей около 1 000 карельских предметов. За годы «войны-продолжения» Археологической комиссии было передано свыше 500 икон, в тот же период в отдел нефинской этнографии поступило около 400 русских предметов [10, S. 119]. Финны собрали в общей сложности около 900 предметов культа из кижских церквей и других храмов Заонежья и погрузили на пароход «Медвежьегорск». Так древние русские иконы оказались на территории Финляндии [12].

Работы по изъятию ценностей в Заонежье и Кижях с 1942 г. велись централизованно: под руководством генерал-лейтенанта В. Хеглунда и магистра по церковной архитектуре и истории искусств Л. Петтерссона. Для консультаций в 1942 г. в Карелию были приглашены: один из чинов греко-католической церкви Л. Казанко, православные священники, а также директор художественной галереи в Хельсинки, специалист по иконописи Б. Хинце. Если судить по специализации привлеченных экспертов, то становится ясно, что шла продуманная работа по инвентаризации наиболее ценных образцов древней православной живописи для последующего ее вывоза.

Летом 1943 г. четверо финских экспертов объехали Заонежье. Именно в этот период и созрел план, согласно которому вывезенные вскоре иконы разместили в 5 различных регионах Финляндии – якобы из соображений безопасности. В Хельсинки собирались открыть выставку «Защита искусства в годы войны. Иконопись Восточной Карелии». На нее отобрали 152 иконы,

вывезенные из Кижей, Кондопоги, сел Яндомозеро, Тамбицы, Типиницы и других мест, однако выставка сорвалась. В последний момент лично Верховный главнокомандующий К. Г. Маннергейм распорядился иконы как военные трофеи не выставлять [12].

Финские профессионалы, занимавшиеся санкционированным грабежом художественных и этнографических ценностей, негодовали по поводу того, что «в финских частях идет охота за ценными предметами, особенно за произведениями церковного искусства». Все хотели на память о войне получить карельские образа. «Их берут, где только можно, отправляют в котомки и переправляют домой. В каждой деревне, где мы были, эти собиратели военных трофеев уже побывали до нас, и редкий дом сохранился от них... Эти награбленные в Карелии образа перевозят в Финляндию в огромном количестве, и ими уже здесь торгуют» [13, S. 153]. На вепсских территориях происходило аналогичное, о чем свидетельствовали сами же финские участники экспедиций: «Финские и шведские солдаты уже во время Зимней войны рыскали вокруг, как шакалы или саранча Египетская, и у них нет никакого представления о морали, частной собственности и уважении к памятниками старины...» [3, S. 82]. Специалисты констатировали, что неистовство в сборе сувениров достигло такого размаха, что все «отправлявшиеся к месту отдыха рюкзаки и пакеты теперь нуждались в осмотре силами военной полиции» [14, S. 149].

По заданию главнокомандующего финскими вооруженными силами К. Г. Маннергейма, во время оккупации Заонежья, длившейся с октября 1941 г. по июнь 1944 г., финские специалисты сделали описания многочисленных икон, «собранных для Великой Финляндии». Стоимость каждой, от простой до наиболее ценной иконы, по их оценкам варьировалась от 10 до 15 миллионов финских марок [1, с. 12]. В 1943 г. иконы из знаменитых кижских, построенных в XVII в., и других церквей Заонежья были вывезены в Финляндию. В январе 1944 г. лучшие из вывезенных икон были представлены на выставке, организованной в художественной галерее в Хельсинки. Сценарий этой акции напоминал аналогичную в Риге, где нацистами экспонировались ценности, вывезенные из Пскова, Новгорода и т.д.

Собрание икон в Финляндии пополнилось. В период войны-продолжения (1941–1944. – Ю. К.) его удалось за короткое время расширить. В основанном в Янислинна (Петрозаводске. – Ю. К.) музее за время войны накопилось около 950 различных экспонатов, из которых около половины, (когда гитлеровская Германия и ее союзники стали проигрывать войну) были эвакуированы под угрозой бомбежки в так называемую Внутреннюю Финляндию – на исконно финскую территорию. Из оказавшихся в Финляндии 600 предметов большая часть была помещена под охрану в замке Турку, а остальные дожидались лучших времен по разным уголкам страны: в Пялькяне, Рауталампи и Куусамо. Цифры таковы: в 1944 г. в историческом музее Турку – 260 икон, в усадьбе Няри в Пялькяне – 22, в музее Перуа в Рауталампи – 247 и в Куусамо – 5 икон из Восточной Карелии [16, S. 8].

Финские музейщики подключились к санкционированному государством грабежу вполне активно, организуя экспедиции и участвуя в них непосредственно. Делалось это в ряде случаев вполне добровольно, причем, было «оправдано» опять же историко-идеологической целесообразностью. Так, финский этнограф-фольклорист, до войны – просто сотрудница, а с 1948 г. по 1971 г. – директор музея в Хельсинки, Х. Хелминен стала первым исследователем-этнографом, отправившимся в Восточную Карелию для «собира-тельской работы» во время войны-продолжения. По окончании экспедиции, длившейся полтора месяца, она передала в собрание Национального музея Финляндии свыше 400 единиц этнографических предметов из Ребол¹. Эти вещи не возвращены до сих пор.

Было получено разрешение на поездку в регион Ребола. Поездки: Хауккасаари, Вуосниemi, Кииманваара, Сааренпяя, Роуккула, Колвасярви и Вира. Там, а также в Туту, Риикосенниemi, Лахденпохья и Таавинениemi и в других местах церковной деревни Ребола собрано в целом 410 различных музейных предметов, которые в настоящее время прошли инвентаризацию и внесены в опись Национального музея. В разных деревнях сделано в целом 74 фотографии и 175 рисунков. В этнографический отдел Национального музея сдан для архива отчет о поездке на 78 листах [17].

Изучение этого списка могло бы помочь российским исследователям в поиске утраченных в годы войны отечественных этнографических, археологических и художественных ценностей.

Важно отметить, что в 1992 г. финское министерство образования, которому подчиняются музеи, инициировало вывод в отдельный музей «нефинских» этнографических коллекций и создание так называемого Музея культур в рамках музейного ведомства. Странным образом значительную часть собрания нового музея составили предметы из финно-угорских коллекций, иллюстрирующие результаты исследовательских работ на оккупированных территориях [1, S. 250].

Состояние памяти о Второй мировой войне получило новое освещение на открытой весной 2008 г. выставке Музея культур, посвященной Карелии по ту сторону границы. На ней впервые были представлены результаты собирательской работы, проделанной финскими учеными в годы Второй мировой войны в Восточной Карелии. При осмотре выставки прослеживалось, как идея Великой Финляндии и племенных связей финских народов повлияла на этнографическую фиксацию и сбор предметов. Среди прочего на ней были представлены предметы, собранные Хельми Хелминен на Хауккасаари, близ Ребол и Сакари Пяльси – в русских деревнях в окрестностях Александрo-Свирского монастыря [1, S. 250].

Тема вывоза художественных и этнографических ценностей с территории Карелии сегодня остается фактически не исследованной отечественными специалистами, и связей, а тем более совместных проектов в этой

---

¹ <http://suomenmuseotonline.fi/fi>.

области истории и музееведения практически не существует. Хотя именно такие проекты могли бы существенно расширить представления о карельских культурных утратах времен Великой Отечественной войны и, вероятно, выявить местонахождение вещей, покинувших этот регион в 1941–1944 годах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Pimiä, T.* Tähtäin idässä. Suomalainen sukututkimus toisessa maailmansodassa / T. Pimiä. – Yväskylä: Yväskylän yliopisto, 2009. – S. 45.
2. РГВА. – Фонд 1401. – Д. 65. – Л. 58.
3. *Furu, L.* Museoesineitä Itä-Karjalasta / L. Furu. – Helsinki, 2010. – S. 26.
4. KA.SA. T – 5684/6 Itä-Karjalan sotilashallintoesikunta. Valistusosasto. 1941 – 1943. Yleiset kirjet.
5. E. Nikkilän raportti Päämajalle. 29.04.1943. – KA.SA. T – 5684/7. Itä-Karjalan sotilashallintoesikunta. Valistusosasto. 1942 – 1943. Yleinen kirjeenvaihto.
6. *Haavio, M.* Me marssimme Aunuksen teitä : Päiväkirja sodan vuosilta, 1941-1942 / M. Haavio. – Porvoo; Helsinki, 1991.
7. Valistusasiainosaston päälikkön p.o. Y. Vuorjokin ja E. Nikkilän kirje historialliselle osastolle Muinaistietelille toimikunnalle. 13. 01. 1942. – KA.SA. T–5684/6. Itä-Karjalan sotilashallintoesikunta. Valistusosasto. 1941 – 1943. Yleinen kirjeenvaihto.
8. Valistusasiainosaston päälikkön p.o. Y. Vuorjokin ja E. Nikkilän kirje Oulun museolle. 13. 01. 1942. – KA.SA. T–5684/6. Itä-Karjalan sotilashallintoesikunta. Valistusosasto. 1941 – 1943. Yleinen kirjeenvaihto.
9. *Vilkuna, K.* Promemoria Itä-Karjalan kulturimuistijien säilyttäminen. 18.08.194 / K. Vilkuna. – SKSKIA. B 2064 a. Valtion tiittelin Itä-Karjalan toimikunta.
10. *Helminen, H.* Matkapäiväkirja : Museoesineiden keruumatka Repolassa, 6.10-18–11.1941 / H. Helminen. – Helsinki, 2008. – S. 89.
11. *Laine, A.* Suur-Suomtn kahdet kasvot : Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941-1944 / A. Laine. – Helsinki; Otava, 1982.
12. В Финляндии всплыли художественные ценности, вывезенные во время Второй мировой войны. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : URL: http://www.lostart.ru/ru/press/?element_id=1196.
13. *Pälsi, S.* Voittaijen jäljissä : Sodanakaisen Aunuksen oloja ja elämää / S. Pälsi. – Helsinki, 1942. – S. 153.
14. *Paavolainen, O.* Synkkä yksinpuhelu / O. Paavolainen. – Helsinki: Otava, 1963. – S. 149.
15. *Гущина, В.* Рука не поднялась на красоту /В. Гущина, Б. Гущин // История. Культура. Литература. – 2001. – № 2. – С. 12.
16. *Huvönen, A.* Itä-Karjalan ikoneista / A. Huvönen // Museotiedote Turusta. – 2005. – № 3. – S. 8.
17. H. Helmisen toimintakertomus Valtion tietellisen Itä-Karjalan toimikunnalle. 1941. – SKSKIA. B 2064 a. Valtion tiittelin Itä-Karjalan toimikunta.

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В 2017 г. будет отмечаться 100-летняя годовщина Великой российской революции. Немецкий исторический музей приурочит к этой важной дате временную выставку¹, темой которой станут революционные события в России и их последствия для Европы. Но для чего мы вообще должны хранить память о 1917 году?

Революционные события в период с 1917 по 1922 г. привели к смене политической системы, что отразилось на истории всего XX века. Это стало переломным моментом не только в истории России и граничащих с нею регионов, но и для межгосударственных отношений в Европе.

Революция поспособствовала прорыву во всех сферах общественной жизни. Она содействовала развитию инновационных концепций в экономике, образовании, культуре; дала толчок национальным, политическим и социальным освободительным движениям; вдохновляла деятелей культуры и искусства в России и за ее пределами и бросала вызов системе ценностей Старого Света. Однако с самого начала революция сопровождалась политическим противостоянием, террором и насильственным подавлением всех противников, чему в конечном счете она обязана своим завершением. Затем последовала Гражданская война и связанный с нею опыт насилия, что вкупе наложило отпечаток на несколько поколений населявших данный регион народов.

Последствия этих событий сказываются и сегодня. Хотя поляризация мира была результатом Второй мировой войны, начало ее положили революция и образование СССР, что привело к возникновению новой политической системы, представляющей собой противоположность парламентско-демократическому развитию в других европейских странах. Это было отправной точкой для продолжительной конфронтации разных политических моделей в период между двумя мировыми войнами. Из Второй мировой войны СССР вышел победителем и стал мировой державой наряду с США. Последовавшие за ней «холодная война» и разделение мира на два блока закончились лишь с распадом СССР в 1991 г.

И только знание истории образования и распада СССР поможет внести ясность в понимание сегодняшней ситуации в Центральной и Восточной

---

¹ Данная выставка, проведение которой планируется на период с 20 октября 2017 г. до 15 апреля 2018 г., разрабатывается в соответствии с рекомендациями научно-экспертного совета. Она расположится в здании Немецкого исторического музея в помещении площадью 1 000 м². Сборник эссе выйдет на немецком и английском языках, а выставочный каталог – на немецком языке. В рамках выставки запланированы образовательные программы для различных целевых групп, сопроводительные мероприятия, доклады и серия кинопоказов. Руководитель проекта – д-р Арнульф Скриба, куратор – д-р Кристиане Янеке, второй куратор – Юлия Франке. Также имеется сотрудник, ответственный за получение экспонатов из других музеев.

Европе. Многие из нынешних проблем неразрывно связаны с событиями в период с 1917 по 1922 год. Так, к примеру, без знания проводимой большевиками политики национализации и идеи построения СССР как многонационального государства невозможно понять дебаты о политических, экономических и культурных сферах влияния. Некоторые из предпосылок российской политики, например, боязнь окружения врагами, основываются на историческом опыте революции и Гражданской войны. Еще более глубокие корни имеет ностальгия по старой, дореволюционной России, что находит свое отражение в национально-патриотических нормах и регулятивах. Однако в сегодняшней интерпретации умалчивается тот факт, что в конце XIX в. и в особенности в период с 1905 по 1917 год впервые в истории страны появились зачатки альтернативной, демократической политики и общественного порядка. Но вытекающие из этого возможности остаются неиспользованными. К долгосрочным последствиям революции можно отнести политические процессы в других странах: основание и попытки прихода к власти коммунистических партий, национально-освободительное и рабочее движение, а также вызванное чувством социальной несправедливости желание участвовать в принятии политических решений.

О многогранности тех исторических событий важно помнить особенно сейчас, ввиду напряженной ситуации в Европе и мире.

Основная цель выставки состоит в том, чтобы донести информацию об исторических процессах в России и отразить их сложность. Кроме того, посетитель должен осознать весь масштаб тех событий и их связь с современностью. Также выставка преследует цель показать различные интерпретации, инструментализацию и политическую конъюнктуру революции, происхождение СССР, «Великой Октябрьской социалистической революции», или, как сегодня говорят, «Великой российской революции».

Ключевые вопросы выставочной концепции связаны с тезисом о многогранности тех процессов, симбиозе ожиданий и реальности и одновременности противоречивых эффектов. Попытка радикального изменения политических кругов и общественного строя и высокая эффективность связанной с этим утопии не отменяют факта тотального разрушения экономических и социальных структур. Нормативная сила такого мировоззрения, а также необходимость удержания власти служат оправданием террору, репрессиям и насилию.

С одной стороны, выставка преследует цель показать, какие новые феномены и структуры на политическом, экономическом, социальном, национальном, культурном и ментальном уровнях породила революция в России и за ее пределами, а также восторг и энтузиазм, вызванные идеей равенства и социальной справедливости. С другой стороны, при этом нельзя забывать о том, какие следы оставили действия большевиков, спровоцировавшие раскол общества. Здесь необходимо упомянуть учреждение органов государственной безопасности, репрессии раннего периода, уничтожение политических и классовых врагов, а также разрушение экономических структур.

Таким образом, выставка делает попытку задокументировать двойственность тех событий и их восприятия современниками и последующими поколениями.

В этой связи возникает вопрос о том, как революция несмотря на свою противоречивость могла иметь настолько устойчивые последствия. Исследования объясняют это либо инновационным потенциалом, либо разрушительной силой революции. Это ставит перед выставкой задачу подчеркнуть данную амбивалентность. Что касается предыстории революции, то здесь агонии царизма и политических репрессий важно противопоставить стремление отдельных частей населения к реформам и прорыв в искусстве. В описании революции должны быть задокументированы восстание против старого порядка, с одной стороны, и террор и гражданская война как инструмент революционеров – с другой. При рассмотрении последствий и влияния революции следует показать конкретные реакции и контрреакции на эти события в Советском Союзе раннего периода, различные взгляды на революцию и ее связь с современностью. И, наконец, тезис о многогранности и одновременности противоположных тенденций требует рефлексии собственной позиции на выставке, т.е. описания различных трактовок, интерпретаций и идеологем революции в разнообразных политических и научных контекстах.

Хронологические рамки революции заканчиваются 1920-ми гг., прошедшими под знаменем революционных идей Ленина и большевиков. С окончанием Новой экономической политики и укреплением власти Сталина, а самое позднее – с первой пятилетки, коллективизации и индустриализации начинается новая фаза советской истории. Презентация данного периода вышла бы за концептуальные рамки выставки, поэтому 1930-е гг. будут включены в выставку только там, где это целесообразно (например, при рассмотрении таких тем, как искусство и история миграции), либо там, где это необходимо для понимания дальнейшего хода истории в контексте конфронтации между национал-социализмом и сталинизмом и Второй мировой войны.

Лейтмотив концепции состоит в том, что по указанным выше причинам невозможно взглянуть на революцию лишь с одной стороны. Вместо этого необходимо применять мультиперспективный подход, чтобы таким образом показать, что не было единой российской революции, но имели место отдельные революционные процессы, в ходе которых различные социальные и национальные группы пытались добиться своих целей. К тому же, эти процессы проходили по-разному в городе и в деревне, в центре страны и на периферии. Одни при этом стремились захватить власть в своих интересах, причем удавалось им это не столько на основании идеологического и политического расчета, сколько благодаря случаю и непредвиденным обстоятельствам. Вместе с тем по отношению к инакомыслящим они с самого начала применяли террор и репрессии. Другие же руководствовались идеей бесклассового справедливого общества, что тоже очень быстро оказалось иллюзией.

Всю сложность данной тематики можно показать лишь посредством визуального и пространственного представления, учитывающего одновременность и противоречивость тех процессов. Для того чтобы при этом показать ход истории, макроструктура выставки будет строиться в хронологическом порядке (предыстория – революция – ее влияние). Одновременно при помощи отличающихся по оформлению островков в центре внимания посетителя окажутся отдельные события, люди и темы, из которых для посетителя складывается общая, хоть и неполная картина. Таким образом, концепция носит не нарративный, а тематико-символический характер (поскольку, как сказано выше, здесь невозможно применить повествовательный подход). Это значит, что история будет задокументирована посредством экспонатов (предметов, документов, текстов, мультимедиа, произведений искусства и т.д.), а через своего рода «плотное описание» при помощи отдельных экспонатов или биографий будут показаны различные точки зрения, а также связь тех событий с современностью и их актуальность.

Ключевые экспонаты послужат ориентиром при осмотре выставки и позволят проходить ее различными путями. Данная пространственная композиция будет дополнена отдельными инсценировками, видео- и аудиостанциями, цифровыми презентациями фотографий, картами и инфокиосками.

Структура выставки.

Оживление и агония. Российская империя в начале XX в.

В первом разделе будет предложен обзор российского общества на рубеже XIX–XX вв. с целью показать, что здесь мы не имеем дела ни с умиротворенным дореволюционным обществом, ни с ситуацией такого накала, когда революция уже неизбежна. На самом деле страна была охвачена напряжением и конфликтами в социальной и политической сферах, которые, однако, лишь из-за Первой мировой войны превратились в благодатную почву для революционных событий. Одновременно на фоне достижений революции 1905–1907 гг. развивалась многогранная и относительно свободная политическая жизнь, что среди прочего способствовало культурному расцвету в Российской империи.

Утопия и действительность. Русская революция.

Во втором разделе, посвященном революционному перевороту, будут представлены во многом взаимосвязанные аспекты (политические, общественные, экономические и военные), приведшие к свержению монархии и смене системы. Будет показано, что революции как таковой не было, а был ряд революционных событий от Февраля и большевистского переворота 1917 года до многолетней гражданской войны, положившей конец революционным событиям и позволившей большевикам реализовать свои цели.

Влияние и противостояние. Последствия революции в Европе.

Третий раздел будет посвящен новообразованному Советскому Союзу и реакциям на революцию за пределами России.

Результатом революционных процессов стало образование Советского Союза в 1922 г. Это повлекло значительные территориальные изменения и установление новых внешних границ, а также оказало сильное воздействие на отдельные этнические группы. Подлежали пересмотру и отношения с другими европейскими государствами. Внутреннюю политику нового общества определяли централизация, плановая экономика, а также эмансипация ущемляемых прежде социальных групп. Культура и искусство вновь переживали подъем, пока и здесь в начале 1930-х гг. государством не начали вводиться рестриктивные меры. Всё это сопровождалось непрерывным террором и репрессиями по отношению к тем, кто оказывал сопротивление новой системе.

Одной из целей Ленина и большевиков было распространить революцию и способствовать переходу к социализму и коммунизму в других странах. Чтобы дестабилизировать старые общества и установить новый порядок по российско-советскому образцу, ими поддерживались коммунистические движения и восстания, основание коммунистических партий и национальные освободительные движения. Успешное распространение коммунизма/большевизма и подъем рабочего движения бросали вызов буржуазно-консервативным политическим силам и новым европейским демократическим партиям и правительствам, что потребовало от них занятия четкой позиции. Реакция, имевшая в основном националистическую окраску, сильно отличалась в разных странах и оказала существенное влияние на дальнейшее политическое развитие. На выставке это будет представлено на примере отдельных стран (Германии, Венгрии, Франции, Великобритании, Италии, Польши США, Канады). При помощи мультимедиа будет показан глобальный масштаб революции, включая документацию событий в Австрии и Швейцарии, Южной Америке, британских колониях в Азии и Китае.

Еще одним последствием революции стали разнообразные миграционные процессы. После распада монархии множество людей бежали от войны, насилия и изменившихся условий жизни либо были изгнаны со своей родины. В рамках выставки будут рассмотрены новые центры русской эмиграции в Берлине, Праге, Париже и США. Вместе с тем новая Россия вызывала большой восторг среди архитекторов, интеллектуалов, деятелей культуры, рабочих и казалась благодатной почвой для реализации новых идей. В 1930-е гг. из-за нацистских репрессий немецкие коммунисты были вынуждены бежать из Германии и, в частности, находили убежище в Советском Союзе.

Толкование и наследие. Интерпретации революции.

Ввиду существования во второй половине XX в. противоположных научных позиций в Восточной и в Западной Европе в последнем разделе выставки будут представлены различные трактовки, политические ситуации и инструментализация революционных событий. Особенно это касается Германии: в ней несколько десятилетий противостояли друг другу, с одной стороны, марксистско-ленинская теория в ГДР, с другой стороны – теории

тоталитаризма, социальной истории, истории насилия в ФРГ. В самой же России интерпретация революции менялась многократно: от советского нарратива о Великой Октябрьской социалистической революции и ее полного неприятия в 1990-е гг. до современной интерпретации как Великая российская революция.

Различные выводы исследований и разнообразная инструментализация революции могут быть поняты только в свете дальнейших исторических событий в XX в., которые при помощи нескольких экспонатов или фильма также будут представлены в последнем разделе данной выставки.

В дополнение к презентации исторического материала и культурно-исторических объектов, таких как документы, фотографии, плакаты, личные вещи, военные объекты и изделия народных промыслов, выставка отразит многогранность и неоднозначность в отношении искусства к революции. Для этого будут созданы два «художественных павильона» с экспонатами из немецких и российских художественных музеев (картины, скульптуры, плакаты, книги, эскизы декораций, фотографии, фарфор), чтобы показать развитие искусства и разнообразные тенденции от реалистичной живописи художников-передвижников, авангарда до революционного искусства Пролеткульта и Агитпропа и художественного многообразия 1920-х гг.

Биографии таких разных людей, как Владимир Ленин, Лев Троцкий, Александра Коллонтай, Матильда Кшесинская, Максим Горький, Эрнст Рейтер и Владимир Набоков, послужат иллюстрацией исторической документации, событий до, во время и после революции, дадут представление о том, как пережили революцию представители разных социальных слоев и политических убеждений. Эти биографии воплощают опыт ссылки и эмиграции, активное участие в политических и революционных процессах на разных сторонах баррикад, причастность к планированию тех событий или их полное неприятие, а также отражение революции в литературе.

Выставка разрабатывается в контексте сотрудничества со Швейцарским национальным музеем. С февраля по июль 2017 г. в Цюрихе также пройдет выставка по теме русской революции, однако по отдельной концепции, с упором на швейцарско-российские отношения в период с конца XIX в. до 1930-х гг. При этом планируется, что выставки в Цюрихе и Берлине будут почти совпадать в разделах, посвященных дореволюционной России, собственно революции, Гражданской войне и Советскому Союзу.

Также предусматривается, что оба музея будут сотрудничать при планировании сопроводительных мероприятий и изданий. По каждой из обеих выставок будет выпущен отдельный каталог, а также опубликован совместный сборник эссе.

Нашими партнерами в России являются Музей политической истории в Санкт-Петербурге, Государственный исторический музей, Музей современной истории России в Москве (бывший Московский музей революции) и Государственная Третьяковская галерея.

**ЖИВОЙ ПОСЛЕ СМЕРТИ: ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА
ВЫЖИВШИХ О МАССОВЫХ ЭКЗЕКУЦИЯХ,
ПРОВОДИМЫХ НАЦИСТАМИ НА БЕЛАРУСИ (1941–1944)**

Во время работы над документами по истории Беларуси периода Великой Отечественной войны нам приходилось часто встречаться с уникальными свидетельствами людей, случайно выживших во время массовых расстрелов населения гитлеровцами, карательных акций и других экзекуций. Истории эти не всегда возможно было представить и осознать, но они вызывают восторг и восхищение. Казалось, у человека, стоящего на краю расстрельного рва под дулами винтовок и автоматов, находившегося в охваченном огнем заколоченном сарае, церкви и т.п., не было никаких шансов выжить. Но, как свидетельствуют документы, случались исключения. Иногда они выходят за пределы понимания, что впору поверить в чудо.

Именно так легче всего объяснить спасение всемирно известного ныне бывшего жителя Хатыни Иосифа Каминского, образ которого запечатлен в мемориале «Хатынь». О нем мы подробнее скажем ниже.

Вспомним малоизвестный случай спасения Клавдии Циро, за месяц до вышеупомянутой трагедии. Во время проведения карательной операции «Зимнее волшебство» каратели согнали в сарай жителей трех небольших деревень (Бузово, Шабалы, Корзуны), а затем расстреляли их огнем из пулемета, установленного в окне. После этого сарай и д. Бузово сожгли. Но случилось чудо. Одной из жертв удалось вырваться из объятых пламенем сарая. Как это было, на всю жизнь запомнилось 13-летней жительнице деревни В. С. Любимовой, о чем она рассказала спустя много лет.

«Жена двоюродного брата моей мамы Циро Клавдия во время такой экзекуции была легко ранена и упала, на неё упали муж и сын. Когда уже начали тлеть тела, она поднялась, потрясла сына, мужа (они были мертвы – застрелены) и потом сама сквозь огонь выскочила на улицу. Каратели уже уехали, решив что, что сделали своё черное дело. Она ушла в поле, где стоял стог сена, и зарылась в него. Спустя сутки после этой трагедии ее нашла разведка партизан и привезла к моим родителям. Она обо всем рассказала и партизанам и моим родителям, но не выдержало сердце, как констатировал врач (я не знаю его фамилии), умерла от разрыва сердца» [1, с. 356].

О фактах спасения, о случайно выживших во время расстрелов и массовых экзекуций мы знаем из различных документах военного и послевоенного времени, из опубликованных и неопубликованных мемуарных источников, из официальных материалов Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) по расследованию преступлений гитлеровцев, а также из материалов судебно-следственных дел на бывших нацистских преступников и их помощниках. В данной статье мы поставили цель обратить внимание на этот комплекс документов, на свидетельства случайно выживших во время расстрелов и экзекуций советских людей.

Обзор сведений начнем с материалов ЧГК, которые создавались по свежим следам событий¹. Свидетельствам этих людей уделялось должное внимание, и их показания включались в официальные документы – акты городских, районных и областных комиссий ЧГК. Показания случайно выживших во время карательных экзекуций являлись важными, порой самыми вескими аргументами на судебных процессах против нацистских преступников и их помогателей.

Чтобы читателю было ясно, какая информация отражалась в актах комиссий ЧГК, в качестве примера приведем некоторые выдержки из них. Так, в акте Речицкой районной комиссии ЧГК о совершенных злодеяниях немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками на территории Речицкого района и города Речица за период временной оккупации с августа месяца 1941 по ноябрь месяц 1943 года, который был составлен 21 апреля 1945 г. и подписан председателем комиссии В. П. Половинко (секретарь Речицкого РК КП(б)Б), членами комиссии В. А. Костромой (председатель Речицкого райсовета депутатов трудящихся), И. Ф. Павловским (председатель Речицкого горсовета депутатов трудящихся), Н. И. Романенко, (районный прокурор), райсудмедэкспертом О. Ф. Лебской, а также гражданами города Речица (И. И. Бондаренко, Н. А. Шестаковым, В. Ф. Шмойловым) и протоиереем Речицкого собора Александром Петровским, отмечалось: «О немецко-фашистских злодеяниях случайно оставшаяся в живых гр-ка Матвеева Екатерина Анатольевна комиссии рассказала: “В конце ноября месяца 1941 г. все еврейское население города Речицы немцы согнали в 2-х этажное здание фабричного района, огороженное колючей проволокой, куда было согнано примерно 785 семей, что составляло около 3 000 человек, а затем приступили к массовому расстрелу. Примерно 25 ноября 1941 г. утром, к тюрьме, где содержались военнопленные, коммунисты и актив города, подъехали 3 автомашины, на которых грузили по 30–35 человек, а затем их увозили за город, где безжалостно расстреливали...»

Процесс расстрела граждан проходил в следующем порядке: машины с нагруженными на них людьми подходили к противотанковому рву, из них выгружали по 15–20 человек, людей ставили в противотанковый ров, а затем из автоматов расстреливали их. К противотанковому рву подвели 7-ю машину, на которой находилась и моя мать. Вместе с другими мы с матерью были поставлены в противотанковый ров, по нам дали залп из автоматов – мы упали. Будучи ранеными, мы с большим трудом освободились от навалившихся на нас трупов”» [2, оп. 1, д. 6, л. 337–339, 345; 3, с. 87–88, 204].

В «Акте Барановичской городской комиссии ЧГК о преступлениях, совершенных гитлеровцами в г. Барановичи и его окрестностях» от 1 января 1945 г. помещена выдержка из рассказа жительницы станицы Лесная Серафимы Юдкевич, которая случайно осталась живой во время расстрела: «13 марта 1942 г. нас, 42 человека, вывезли на автомашине за ст. Лесная. Когда машина остановилась возле ямы, мы поняли, что были привезены на расстрел. Среди нас было 19 детей от 8 месяцев до 7 лет. Руководящий

---

¹ Комиссии ЧГК действовали с 1942 по 1946 (?) г.

расстрелом немец по имени Роберт приказал всех грудных детей положить на краю ямы, а матерям стать возле них. Когда были расстреляны мужчины и женщины без детей, то по его команде немцы медленно штыками сбрасывали детей в ямы, а потом убили и матерей» [4, с. 230].

В «Акте Минской областной комиссии ЧГК о преступлениях гитлеровцев в окрестностях деревни Малый Тростенец» от 25 июля 1944 г. приведено свидетельство Степаниды Ивановны Савинской, также случайно спасшейся во время расстрела. Минчанка С. И. Савинская была арестована СД 29 февраля 1944 г. вместе с мужем Я. В. Савинским по подозрению в партизанской деятельности. После длительных пыток в СД их в середине мая перевели в концлагерь на ул. Широкой, а затем 30 июня 1944 г. доставили к месту уничтожения в лагерь Тростенец. «Здесь мы все узнали, что нас привезли на расстрел. Мы слышали, как у передовой автомашины, где находились арестованные мужчины, раздалась команда “выходи по два”, после чего слышались выстрелы из автомата и револьверов. Вскоре очередь дошла и до меня. Я совместно с Голубович Анной и Семашко Галиной и еще одной женщиной, фамилии которой не знаю, по команде немцев вышли из машины и взошли на штабель трупов. Когда послышались выстрелы, я упала и была легко ранена в голову. Я лежала на трупах до позднего вечера. Немецкие палачи привозили в этот день еще две машины с женщинами, которые были расстреляны на моих глазах. Среди них были и дети в возрасте от 3 до 10 лет...» [5, с. 105–106]. С. И. Савинской удалось выбраться из под трупов, вырваться из горящего сарая и под покровом темноты спрятаться в болоте. Через 15 дней вконец обессиленная она пришла в д. Малый Тростенец, где и узнала что Минск уже освобожден Красной армией. Воспоминания С. И. Савинской были опубликованы в 1963 г. в сборнике документов и материалов «Преступления немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии 1941–1944» [6, с. 188–189].

В акте Полоцкой областной комиссии ЧГК от 9 мая 1945 г. приведены также свидетельства случайно спасшейся от расстрела Нины Ивановны Матецкой. «Я, вместе с депутатом областного совета Матюшковым, учительницей Фальковской и другими, 20 октября 1942 г. были арестованы немецким гестапо и заключены в лагерь 24 ноября 1942 года, нас, в количестве 8 человек, положили в закрытую автомашину, на которой подвезли к яме расстрела, где уже было 700–800 трупов, расстрелянных и раздетых догола. Из автомашины нас выводили по одному человеку и подводили к яме с трупами. Стоявший у ямы немецкий офицер ударял подводимого железным ломом по голове и сталкивал его в яму и, если упавший проявлял признаки жизни, его пристреливали. Меня подвели к яме седьмой, стоявший рядом немецкий офицер ломом нанес мне удар по голове, после чего я потеряла сознание и выстрела не слышала. Находясь в яме я пришла в сознание, почувствовала, что я ранена, по лицу текла кровь. Не слышала шума. Я вылезла из ямы, тогда шатаясь, ушла в лес. Вечером, получив от знакомых одежду, ушла к партизанам» [3, с. 87–88; 7, оп. 1, д. 346, л. 243–247, 256].

Сразу после начала освобождения территории Беларуси соответствующие органы, наряду с комиссиями ЧГК, вели поиск нацистских преступников и их приспешников, причастных к совершению злодеяний, для предания их суду. В ряде случаев на судебных процессах приводились показания случайно выживших во время расстрелов людей. В сборнике «Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 года)» (1947) опубликованы следующие свидетельства. Так, Д. Г. Мирук, житель г. Борисова, показал на судебном заседании 18 января 1946 г., что 14 апреля 1944 г. он за связь с партизанами был арестован и находился в лагере рядом с фабрикой «Коминтерн»: «28 июня 1944 г., примерно в 12 час. дня, все мужчины были согнаны в один барак, а дети и женщины в другой. Конвой в лагере был усиленный. Скоро всех снова загнали во двор лагеря, женщин вывели на улицу и увезли, а мужчин свыше 600 чел., оцепленных автоматчиками и пулеметами, начали расстреливать. Я сам, раненый в грудь тремя пулями и одной в ногу, остался среди трупов, которые лежали тут же, а затем с трудом отполз к болоту и залез в сарай. Из этого сарая я видел всё, что делалось внутри лагеря, как добивали ни в чем не повинных заключенных советских граждан...» [8, с. 122–123].

Свидетельница М. Д. Виноградова, бывшая узница фашистской тюрьмы в Бобруйске, на судебном заседании 24 января 1946 г. показала о расстреле ее и других советских граждан гитлеровцами 5 апреля 1943 г. М. Д. Виноградова с пятью детьми проживала в Бобруйске. В марте 1943 г. она была арестована жандармерией по подозрению в связи с партизанами и заключена в тюрьму, где подвергалась пыткам. «Через неделю меня вывели из камеры во двор, посадили в закрытую машину вместе с мужчинами, которых было 7 чел., и повезли по Минскому шоссе в лес около дер. Еловики. Привезли нас к ямам, остановили машину. Соскакивают полицейские, жандармы и говорят: сходите с машины. Мы все сошли с машины. Полицейские стали по бокам, а жандармы сзади. Подвели к яме, приказали ложиться. Я была в середине мужчин, закрыла глаза руками и легла вдоль ямы. Когда положили мужчин, начали стрелять. Мне пуля попала в грудь. Мы лежали лицом вниз, я боялась, чтобы они не повернули меня и не посмотрели в лицо, но они не поворачивали никого. Я притворилась мертвой. Полицейские схватили лопаты и немного прикрыли нас землей. Когда ушла машина, я выкарабкалась из земли и на рассвете выбралась на Минское шоссе и добралась домой. Моей сестре уже сказали в комендатуре, что я расстреляна. После этого, чтобы не быть обнаруженной, я пряталась в течение 14 месяцев до прихода Красной Армии. О моем расстреле было напечатано в местной бобруйской газете на русском языке. В газете сообщалось о расстрелянных: Герасимове, у которого по месту работы не хватило 3 одеяла; механике, который работал заведующим сапожной мастерской, и у него не хватило 3 пары подметок; обо мне – за агитацию против вооруженных немецких сил...» [Там же, с. 337–338].

Эти показания, со ссылкой на первое издание были вновь опубликованы в сборнике документов и материалов «Преступления немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии 1941–1944 (1963)», а также приведены свидетельства еще двоих случайно выживших во время расстрелов жителей Беларуси – С. И. Пилунова и С. И. Савинской [9, с. 140–149, 188–189]. С. И. Пилунов, житель д. Присна Могилевского района был арестован гитлеровцами летом 1943 г. и почти два месяца находился под следствием в здании СД по ул. Быховская, 18 (здание бывшего педтехникума). Поводом для ареста послужило обнаружение в документах убитого полицией командира взвода 121-го партизанского отряда А. И. Якубова упоминания его фамилии. Допрашивался с применением побоев, а затем был направлен в Могилевскую тюрьму. Там он находился до 4 октября 1943 г., до времени, когда кончилась «разгрузка» тюрьмы, выражавшаяся в том, что заключенные партиями вывозились в «душегубках» за город. Пилунову выпала участь быть увезенным с последней партией заключенных, Они должны были скрыть следы гитлеровских преступлений – их заставили раскапывать места массового уничтожения, извлекать и сжигать трупы уничтоженных в 1941–1943 гг. советских граждан. После чего все они также подлежали уничтожению. Так и случилось. Однако С. И. Пилунову суждено было выжить. Пуля, пробив грудь насквозь, не задела жизненно важных органов. Придя в себя, ему удалось выбраться из под заваливших его трупов. После долгих мытарств он оказался в партизанском отряде. Его рассказ о пережитом был срочно передан в Белорусский штаб партизанского движения. Это было одно из первых свидетельств об уничтожении узников могилевской тюрьмы и о том, что гитлеровцы приступили к сокрытию следов своих массовых преступлений. Отличительной особенностью этого документа является его чрезвычайная информативность, наличие множества фамилий, важных деталей об арестованных, об уничтожении советских людей и о том, как оккупанты скрывали следы массовых убийств.

Приведем некоторые выдержки. «За период с 15 сентября по 4 октября 1943 г. я из окна камеры № 224 наблюдал совместно с товарищами погрузку заключенных в “душегубки”, которых в тюрьме было 2 шт. Совместно со мной в камере сидели: Низовцев Иван Андреевич, родившийся в 1906 году в дер. Ракузовка Тишовского сельсовета Могилевского района, связной 121-го партизанского отряда... Шпаков Георгий Алексеевич, родившийся в 1912 г. в дер. Белевичи того же сельсовета Могилевского района, связной 121-го партизанского отряда.

Гришанов Михаил, родившийся в 1914 г. в гор. Могилеве, проживал по ул. Ленина. Арестован за связь с партизанами (двоюродный брат Шпакова Георгия). Наблюдение мы все четверо производили украдкой, так как охрана, обнаруживая наблюдающих, стреляла по окнам. Погрузка в “душегубки” производилась ежедневно. В светлое время каждая из них делала по 3–4 рейса и столько же в ночное время, увозя за 1 раз 50–60 чел. В частности, я был свидетелем увоза в “душегубках” 86 чел. из личного состава 51 ба-

тальона “РОА”, арестованных во главе с командиром батальона бывшим капитаном Бондаренко за попытку перехода к партизанам. Они были увезены за один рейс в двадцатых числах сентября, приблизительно в 16–17 час. Перед посадкой в “душегубки” их заставляли раздеться. Оставив в одних кальсонах, руки завязывали назад...

Всех немцев было 10–12 чел. Они наблюдали за “порядком”, а 8–10 полицейских, раздевали направляемых в “душегубки”, убирали их одежду, выполняли всю остальную работу. Сопротивлявшихся били и, хватая за руки и ноги, кидали в “душегубки”, шум моторов которых лишь частично заглушал крики обреченных на смерть.

Таким же путем происходило дело и в остальных наблюдавшихся мною случаях... В 6 час. 4 октября 1943 г. оставшихся после “разгрузки” 280 чел. разместили на 4 трехтонных автомашинах, предварительно снабдив (не полностью) инструментом – лопатами, топорами, пилами, и повезли в район с. Пашково Могилевского района. Остановились мы на поляне, вблизи Пашковского леса, у зарытого противотанкового рва, берущего свое начало в 200 м на север от шоссе Минск – Могилев и проходящего между Старым и Новым Пашковым до болота, что севернее двух последних пунктов.

В 8 час., после завтрака (хлеб и чашка черного эрзац-кофе), часть из нас (около 40 чел.) подвели к противотанковому рву. Переводчик (из немцев Поволжья, имя Василий, фамилии не помню, в возрасте около 30 лет... объявил, не вдаваясь в детали, что нам предстоит раскапывать противотанковый ров» [9, с. 148–149].

Работая с материалами Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), мы обнаружили свидетельства жителей г. п. Туров о расстрелах мирного населения гитлеровцами летом 1941 г., во время первой массовой карательной экспедиции, вошедшей в историю под названием «Припятские болота».

В начале августа 1941 г. каратели кавалерийской бригады СС убили в д. Сторожевцы 49 человек, а затем сожгли деревню. Схваченных 9 человек повели на расстрел на деревенское кладбище. Раздались выстрелы. Оставив на земле трупы, эсэсовцы отправились в Туров. Через какое-то время один из расстрелянных пришел в себя. Это был – Левковец Николай Кириллович, раненый в лицо. Ему удалось выжить [10, оп. 91, д. 23, л. 2–4].

После освобождения г. п. Турова велось расследование обстоятельств массового уничтожения гитлеровцами жителей поселка летом 1941 г. Свидетель, Бруй Константин Карпович, 1893 г.р., житель г. п. Турова 19 декабря 1944 г. рассказал следователю М. Н. Шалыгину об обстоятельствах массового расстрела жителей города в августе 1944 г.: «Особенно мне помниться 18 или 19 августа 1941 г. Отрядом СС было собрано с поселка Туров 96 человек мужчин (их) привели в д. Ридча, после чего, отвели от деревни метров 200–300. В этой группе был и я. Когда отвели нас под конвоем от деревни, положили вниз лицом оцепили конвоем.

Отводили по шесть человек и расстреливали. Таким образом, был выведен на расстрел и я. Когда произошел выстрел, то меня ранило в шею, я упал вместе с убитыми и притворился как убитый. После меня была расстреляна еще одна партия в количестве 6 человек. После расстрела всех, все они ушли в неизвестном направлении, пролежав минут 15–20 все утихло, тогда я ползком от убитых в болото и где встретились еще 3 человека из этой партии по фамилии: Черный Кирилл Иванович, Аретовский Павел Иванович, Бруй Петр Емельянович – все они уроженцы и жители поселка Туров» [10, оп. 91, д. 23, л. 5]. Трудно представить, что пережили эти люди, лежавшие вниз головой на сырой земле в ожидании их очереди на расстрел! Чудо спасло Кирилла Ивановича Черного, 1913 г.р. При выстрелах он упал и не шевелился. Пули не задели его.

В годы войны настоящий подвиг по спасению шестерых узников Пинского гетто совершила пинчанка Софья Федоренко. На протяжении двадцати одного месяца она прятала их в погребе своего дома, рискуя ежечасно своей жизнью и жизнью своей одинокой соседки – старушки Барановской. Долгие годы она с мужем железнодорожником жила в Пинске. Муж и единственный ребенок умерли еще до начала войны. «Однажды, это было в три часа ночи, я услышала стук в дверь – вспоминала впоследствии С. Федоренко. Я сразу поняла, кто идет и сказала Барановской: “Это наверное жандармы”. Так и было. В комнату вошло несколько человек. Первым вбежала собака – настоящий волк. И тут случилось нечто совершенно непредвиденное. В углу в корзине лежала моя кошка с котятками. Когда кошка увидела овчарку, она сразу вцепилась ей в глаза. Жандармы оторвали ее от собаки. Один из них махнул рукой и сказал другому: “Пошли”. Они даже не осмотрели дом и вышли. Когда я рассказала об этом евреям, Купер¹ сказал: “Разве это не божий промысел, что кошка нас спасла”» [11, с. 244].

В конце июня 1944 г. войска правого крыла Первого Белорусского фронта, выйдя на оперативный простор, устремились из Слуцка в сторону Барановичей. Предчувствуя быстрый приход советских войск, гитлеровцы решили ликвидировать Колдычевский лагерь смерти. 1 июля наступил трагический день, когда в лагерь пришли комендант Иори, начальник внутренней охраны Калько, команда СС и СД 21 человек, которые разделили всех узников на четыре группы, а затем повезли на расстрел. В числе их были священник кельцкой Свято-Покровской церкви Георгий Александрович Хильтов, его жена Лидия Алексеевна, белорусский поэт Сергей Новиков-Пеюн (Пяюн) и его жена Людмила. Раздались выстрелы. Удалось спастись только С. Новикову-Пеюну. Раненым он упал и прикинулся убитым [12, с. 5].

«За несколько дней до бегства гитлеровских захватчиков с территории Брестской области каратели концлагеря начали массовые расстрелы узников... В воскресенье всех 18 женщин нашей камеры вывели в коридор

---

¹ Купер (пекарь), его жена, дочь и племянница, а также мать и дочь Ратновские прятались в подвале дома С. Федоренко.

тюрьмы и приказали раздеться до нижнего белья – свидетельствовала на допросе 24 марта 1961 года бывшая заключенная Колдычевского лагеря, случайно спасшаяся во время расстрела в июле 1944 г. В. К. Извекова. Женщины польской национальности должны были снимать и нательное белье. Всем нам связали назад руки, и повели в березняк к месту расстрела. К нашей группе еще присоединили две женщины, одного священника из м-ка Городище, фамилию его не знаю, и жителя дер. Гордейчики Барановичского района Гордейчика Антона. Когда привели нас к яме, где производился расстрел, я увидела, что место расстрела было оцеплено карателями из числа охраны лагеря... Нас привели вплотную к яме. У меня было такое состояние, что я не помню подробностей этого расстрела. В яме лежало много трупов, некоторые были еще живые и истекали кровью, некоторые издавали храп, захлебывались кровью, а отдельные пытались сдвинуться с места. Это была ужасная картина, и смотреть на нее у меня не хватало сил. Из нашей группы к каждому подходил каратель, наклонял голову узника в сторону ямы и производил выстрел в затыльную часть головы. Узник затем падал в яму...» [3, с. 75; 13, с. 75].

Архивные партизанские документы, воспоминания людей переживших войну, материалы судебно-следственных дел на бывших военных преступников, а также документы противника свидетельствуют о том, что при проведении массовых акций уничтожения мирного населения, а также при расстрелах узников тюрем, гетто, концентрационных лагерей и т.п. некоторые попытки совершения побега были успешными. При этом нередко обреченные на расстрел нападали на конвоиров и, захватив их оружие, совершали побег.

Такой эпизод произошел 11 июля 1942 г., когда группу арестованных и приговоренных к расстрелу василевичских подпольщиков везли в урочище Рубаники. Подпольщики, собрав последние силы, напали на охранявших их в машинах немцев. Но силы были слишком неравные. Истерзанные до полусмерти подпольщики не смогли победить. Однако два узника – Астапенко Павел Алексеевич и Алисейко Николай Герасимович – смогли спрыгнуть с автомашины и уйти к партизанам [14, с. 255]. Подобные случаи можно приводить и далее, как и примеры успешных побегов при уничтожении еврейского населения.

Так, водитель С. М. Конопко на допросе 12 сентября 1947 г. на вопрос о том, что ему известно о расстреле еврейского населения в Лидском районе в 1942–1943 году немецкими войсками, дал следующий ответ: «8 мая 1942 года утром в городе Лида был массовый расстрел еврейского населения немецкими войсками. В этот день было расстреляно еврейского населения 6 300 человек. В этот период, то есть в этот день, 8 мая 1942 года, была расстреляна моя семья. Расстреляли мою жену Конопко Раису и дочь семи лет Сару. 8 мая 1942 года утром, в 3 часа, немцы окружили все еврейское население, где они располагались. Это место немцы называли гетто. Все еврейское население собрали в количестве 6 300 человек и вывели на окраину гор. Лида, восточную сторону города, где были приготовлены ямы, и в этот

день они расстреляли 6 300 человек. Этот факт расстрела я сам лично видел. Я также был в этом окружении, и мне удалось сбежать со стороны окраины леса видел всё это – террористические акты расстрела. В ночь с 8 на 9-е мне совместно со своим сыном удалось уйти в лес, и я присоединился к партизанскому отряду имени Калинина, где и пробыл по день освобождения Лидского р-на от немецкой оккупации частями Красной Армии» [2, оп. 1, д. 7, л. 36–37; 3, с. 168–169].

Приведенные примеры – лишь незначительная часть хранящихся в архивах и в народной памяти фактов случайно спасшихся людей во время массовых уничтожений и расстрелов населения Беларуси нацистами и их помогатыми. Дальнейший поиск сведений будет способствовать созданию своеобразного информационного банка об этих страшных событиях и о лицах, чудом выживших в них.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Зимнее волшебство». Нацистская карательная операция в белорусско-латвийском пограничье. Февраль – март 1943 г. : док. и материалы. – М. : Фонд «Ист. память», 2013. – 512 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 861.
3. Хатынская Стена памяти : док. и материалы / Департамент по арх. и делопроизводству М-ва юстиции Респ. Беларусь, Нац. арх. Респ. Беларусь, Центр. арх. Ком. гос. безопасности Респ. Беларусь ; сост.: В. Д. Селеменев (рук.) [и др.]. – Минск : НАРБ, 2016. – 377 с.
4. Памяць : Гіст.-дак. хроніка г. Баранавічы і Баранавіцкага р-на. – Мінск, 2000. – 735 с.
5. Лагерь смерти Тростенец. Док. и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2003. – 292 с.
6. Преступления немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии, 1941–1944 : док. и материалы. – 2-е изд. – Минск : Беларусь, 1963. – 435 с.
7. НАРБ. – Фонд 1363.
8. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 года). – Минск : Госиздат БССР, 1947.
9. Преступления немецко-фашистских захватчиков в Белоруссии. – Минск : Беларусь, 1963.
10. Государственный архив Российской Федерации. – Фонд 7021.
11. *Розенблат, Е. С.* Пинские евреи. 1939–1944 гг. / Е. С. Розенблат, И. Э. Еленская. – Брест : Брест. тип., 1997.
12. Мікалай Хільтоў. Браты Хільтовы – святары пакутнікі // Краязнаўчая газета. – 2015. – Сакавік .
13. Архив Управления КГБ по Брестской области. – Арх.-угол. д. 19592, т. 3.
14. Памяць : Гіст.-дак. хроніка Рэчыцкага р-на : у 2 кн. / укл. П. П. Рабянок. – Мінск : Беларусь, 1998. – Кн. 1. – 503 с.

И. Н. Кузнецов

РАССТРЕЛЫ ЗАКЛЮЧЕННЫХ ТЮРЕМ И ЛАГЕРЕЙ НКВД БССР (22–30 июня 1941 г.)

Массовые расстрелы заключенных тюрем и лагерей НКВД осуществлялись во внесудебном порядке НКВД и НКГБ в прифронтовой полосе в условиях приближающихся войск противника в первые 10 дней начала Великой Отечественной войны.

В официальных документах НКВД эти действия именовались как «разгрузка тюрем» или «убытие по 1-й категории». Расстрелы преимущественно проводились в тюрьмах, но известны многочисленные случаи, когда они происходили при конвоировании задержанных и подозреваемых по «контрреволюционным» статьям. Массово подобная практика применялась в ряде западных областей УССР, в Белорусской ССР и в Прибалтийских советских республиках, которые были быстро заняты немецкими войсками, а также в РСФСР и Карело-Финской ССР во время прорывов немецких войск.

Одна из самых мрачных страниц эвакуации тюрем западных областей – незаконные расстрелы заключенных. Нигде в документах цель этих расстрелов не сформулирована в явном виде. Видимо, фактически она состояла прежде всего в том, чтобы не оставить противнику живых свидетелей преступлений НКВД и советского режима как в довоенное время, так и в дни войны.

Чтобы оценить масштабы трагедии, необходимо привести данные о количестве тюрем и исправительно-трудовых колоний НКВД БССР (табл. 1) [1, с. 175–179].

Т а б л и ц а 1

Тюрьмы и исправительно-трудовые колонии НКВД БССР (июнь 1941 г.)

Тип тюрем и исправительно-трудовых колоний	Общее количество	Фактически содержалось заключенных
Следственные и срочные тюрьмы	33	26 237
Исправительно-трудовые колонии, из них	28	77 380
сельскохозяйственные	3	6 250
промышленные	7	19 580
особого строительства	14	48 950
трудовые колонии для несовершеннолетних	4	2 600
Итого	61	103 617

В связи с быстрым продвижением немецких войск советское руководство осознало, что необходимо принимать срочные меры по вывозу заключенных.

23 июня 1941 г. нарком ГБ СССР В. Меркулов отправил директиву: «НКГБ – тов. Мешик Минск, НКГБ – тов. Цанава Рига, НКГБ – т. Шустину Таллин, НКГБ – тов. Кумм Петрозаводск, НКГБ – тов. Баскакову Мурманск, УНКГБ – тов. Ручкину Ленинград, УНКГБ – тов. Куприну

Предлагаю Вам:

1. Проработать вопрос о вывозе подавляющего числа арестованных, числящихся за НКГБ, НКВД, судом и прокуратурой. Сообщите общее количество имеющихся у Вас арестованных, с указанием – сколько, за какими органами числится и какое количество арестованных, по Вашему, следует вывезти...

2. Примите меры к отбору из числа архивных дел наиболее важных, которые также должны быть Вами направлены в Москву, в адрес 1-го спец. отдела НКВД СССР.

3. Рассмотрите дела на всех имеющихся у Вас арестованных органами НКГБ и составьте списки на тех, которых Вы считаете целесообразным расстрелять.

В списках укажите имя, отчество, фамилию, год рождения, последнюю должность или место работы перед арестом, а также краткое содержание обвинения, с указанием сознался ли арестованный. Указанные списки вышлите не позднее 23 июля» [2, л. 306–311].

Но к 4 июля практически вся Литва, Западная Украина и Западная Беларусь уже были заняты немцами. Не найден ни один директивный документ о порядке эвакуации тюрем с этих территорий, в ряде случаев сопровождавшейся физической ликвидацией заключенных. Известно лишь, что ЦК КП(б)Б весьма оперативно, 23 июня 1941 г., издал постановление о срочном приведении в исполнение приговоров в отношении заключенных, осужденных к высшей мере наказания, – белорусские тюрьмы начали «разгружать» задолго до постановления.

По данным исследователей, самый ранний документ НКВД о порядке эвакуации заключенных – это докладная записка от 4 июля 1941 г. замнаркома внутренних дел СССР Чернышова и начальника тюремного управления НКВД Никольского на имя Берии, в которой предлагалось решать вопросы разгрузки тюрем в следующем порядке.

«1. Вывозу в тыл подлежат только подследственные заключенные, в отношении которых дальнейшее следствие необходимо для раскрытия диверсионных, шпионских и террористических организаций и агентуры врага.

2. Женщин с детьми при них, беременных и несовершеннолетних, за исключением диверсантов, шпионов, бандитов и т.п. особо опасных, – освобождать <...>

4. Ко всем остальным заключенным (в том числе дезертирам) применять ВМН – расстрел» [3, л. 112–113].

Территории Белорусской ССР и Прибалтийских советских республик накануне военных действий «обслуживала» 42-я бригада конвойных войск НКВД СССР (со штабом в Минске). Из ее состава в немногих выявленных документах, касающихся эвакуации заключенных, упоминаются 226 и 240-й конвойные полки. 226-й полк дислоцировался в Минске (с подразделениями в Вилейке, Заславле, Молодечно, Свенцянах и Глубоком), а 240-й полк – в Вильнюсе. Кроме них, в состав бригады входили также: 131-й отдельный конвойный батальон (ОКБ) со штабом в Гродно, 132-й ОКБ со штабом в Бресте, 135-й ОКБ со штабом в Барановичах.

Из донесения № 1 зам. начальника Управления Конвойных войск комбрига Кривенко Начальнику Конвойных войск генерал-майору Шарапову по состоянию на 21 час 23.6.41 (из Минска):

«... В Паневежисе, Каунасе, Вильнюсе, Шауляй началась эвакуация тюрем <...>

<...> НКВД Белоруссии предъявил 226 полку требование на вывоз 23 тысяч заключенных в порядке эвакуации тюрем <...>

г. Глубокое: 24 июня Во время эвакуации заключенных из тюрьмы г. Глубокое заключенные поляки подняли крики: “Да здравствует Гитлер!”. Начальник тюрьмы Приемышев, доведя их до леса – по его заявлению – расстрелял до 600 человек. По распоряжению военного прокурора войск НКВД, Приемышев в Витебске был арестован. Приемышев при эвакуации пропал»...

Аналогичная ситуация была и в других тюрьмах Западной Белоруссии – из 32 тюрем НКВД БССР, функционировавших на 22 июня 1941 г., удалось провести эвакуацию лишь из 14 (Глубокое, Молодечно, Пинск, Столин, Дрогичин, Орша, Полоцк, Витебск, Могилев, Мозырь, Гомель, Червень, Вилейка и Столбцы). В результате из БССР в тюрьмы тыловых районов СССР было эвакуировано 9 573 человека, «оставлено противнику» – 16 048 человек [4, л. 112–113].

Из «Докладной записки об эвакуации тюрем НКВД БССР» зам. начальника Тюремного управления НКВД БССР лейтенанта госбезопасности Опалева начальнику Тюремного управления НКВД СССР майору госбезопасности Никольскому от 3 сентября 1941 г.:

«... заключенные были эвакуированы из тюрем: Глубокое, Молодечно, Пинск, Столин, Дрогичин, Орша, Полоцк, Витебск, Могилев, Мозырь, Гомель, Червень, Вилейка и Столбцы. Из остальных тюрем з/к или были выведены из тюрем и разбежались по дороге во время налета на них немецких самолетов, или же были оставлены в тюрьмах при занятии городов немецкими войсками.

В первый день войны 22 июня 1941 года в связи с вступлением немцев в г. Брест в 5 часов утра, Ломжу в 12 часов дня, ввиду невозможности эвакуации тюрем, заключенные были оставлены в корпусах.

<...> После 11 часов дня телефонная и телеграфная связь с Гродно была прервана. О дальнейшей судьбе тюрьмы стало известно лишь 28 июня 1941 года лично от нач. тюрьмы Владимирова и начсанчасти Горюнова, которые сообщили:

Политрук тюрьмы г. Ошмяны Клименко и [неразборч.] Уполном. Авдеев, в момент бомбежки гор. Ошмяны самочинно вывели из камер 30 чел. заключенных, обвиняемых в преступлениях к-р характера и в подвале тюрьмы расстреляли, оставив трупы незарытыми. Остальных заключенных оставили в корпусах и покинули тюрьму со всем личным составом.

На второй день местные жители г. Ошмяны, узнав о расстреле заключенных, пошли в тюрьму и, разбирая трупы, разыскивали своих родственников <...>

Из тюрем Восточных областей Белоруссии не эвакуированы заключенные из г. Слуцка, Приямино и Борисова. О тюрьме г. Минска мною дано объяснение н-ку Оперативного отдела полковнику тов. Ильину ...» [5, с. 46–53].

Автором по официальным и неофициальным источникам подсчитано примерное количество заключенных, расстрелянных 42-й бригадой конвойных войск НКВД СССР (табл. 2).

Т а б л и ц а 2

Расстрелы заключенных на территории Беларуси (23–30 июня 1941 г.)

Места расстрелов и захоронений	Примерное количество расстрелянных, человек
Тростенец (урочище Благовщина)	2 500
Червень	3 000
Глубокое	2 700(714)
Вилейка	2 400
Жлобин	1 500
Барановичи	3 600
Итого	15 700

Трагическая эвакуация тюрем НКВД продолжалась в течение всего 1941 года (а затем в 1942). Описанные выше события относятся к самому началу эвакуации. Последующие этапы также отражены в архивных документах. При изучении представленных выше документов возникает вопрос об ответственности за расстрелы заключенных. До сих пор не обнаружены директивные материалы о порядке эвакуации, которые относились бы к рассматриваемому периоду – первым десяти дням войны.

Не исключено, что местные органы НКВД-НКГБ (включая конвойные части) основывались на устных распоряжениях и инструкциях или на собственной инициативе. В некоторых документах имеются сведения, кто из работников НКВД, НКГБ и Конвойных войск отдавал в ходе эвакуации приказы о расстреле заключенных в конкретных случаях: начальник тюрьмы г. Глубокое Приемышев (чьи действия были одобрены секретарем ЦК ВКП(б) Белоруссии Пономаренко), начальник Тюремного управления НКВД БССР Степанов, политрук тюрьмы г. Ошмяны Клименко и уполномоченный Авдеев.

Руководители самого высокого ранга в найденных документах почти не упоминаются, хотя, по-видимому, основополагающие решения могли исходить только от них. Выявлены приказы и инструкции 1942 г. о порядке эвакуации заключенных из тюрем прифронтовой полосы. Инструкции содержат обтекаемые (без термина «расстрел» или «убытие по 1-й категории»), но фактически недвусмысленные формулировки о действиях в случае окружения противником.

А несут ли ответственность непосредственные исполнители казней – в их числе надзорсостав тюрем, другие низовые работники НКВД и НКГБ, военнослужащие конвойных войск? Ведь они могли бы сослаться на условия войны и отступления перед немецкой армией, свою подневольность, распоряжения руководства, ведомственную инструкцию или Устав, приказ командира и воинскую дисциплину.

В связи с этим можно вспомнить случаи, когда заключенных «всего лишь» оставили в тюрьме или даже распустили. Значит, все же было возможно не расстреливать заключенных (даже если это было сделано только по растерянности в условиях поспешного отступления и отсутствия приказов вышестоящего руководства)?

ЛИТЕРАТУРА

1. Шарков, А. В. Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь / А. В. Шарков. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 323 с.
2. ГАРФ. – Фонд 9413. – Оп. 1. – Д. 21.
3. ГАРФ. – Фонд 9413. – Оп. 1. – Д. 22.
4. РГВА. – Фонд 40. – Оп. 1. – Д. 188.
5. Приказано приступить: Эвакуация заключенных из Беларуси в 1941 году: сб. док. / сост. А. И. Кокурин [и др.]. – Минск: НАРБ, 2005. – 72 с.

В. В. Федюнин

В ТЕНИ БЕЛОСТОКСКОЙ ОПЕРАЦИИ: БОИ ЗА ЗАПАДНЫЙ БЕРЕГ НЕМАНА ОТ ГРОДНО ДО ГОЖИ 16–23 ИЮЛЯ 1944 г.

Республика Беларусь по праву гордится своей великой и многогранной историей, которую, кроме Института истории НАН Беларуси, продолжают обогащать своими трудами и малоизвестные историки-краеведы, проводящие на местах порой титаническую работу по изучению исторических событий, происходивших по месту их проживания.

Один из них, белорусский историк, краевед и учитель истории Вертелишковской средней школы Гродненского района (на 2008 г.) Дмитрий Лютик, написал книгу «Горячий июль 44-го. Бои за Гродно 15–24 июля 1944 г. Контрудар 3-й танковой дивизии СС “Мёртвая голова”», посвященную

боям вдоль Немана от Гродно до н.п. Гожа, которые продолжались в течение десяти дней в июле 1944 г. и отличались как упорством в обороне немецкой стороны, так и стремлением советских войск наступать, рассказав о немалом значении этих боев в общем контексте операции «Багратион».

Как оказалось, бои за западный берег Немана от Гродно до Гожи 16–23 июля 1944 г. действительно заслужили отдельную монографию за их важный вклад в дело освобождения Беларуси летом 1944 г. В результате советского наступления, начавшегося 22 июня 1944 г., уже к 13 июля немецкая группа армий «Центр» была почти уничтожена, вследствие чего А. Гитлер в середине июля переместил свою ставку в Восточную Пруссию. Все наличные немецкие военные силы были брошены на разваливавшийся фронт. Фельдмаршал В. Модель, командовавший группой армий «А», был 28 июня назначен вместо фельдмаршала Э. Буша командующим группой армий «Центр» (как после войны с иронией выразился генерал-полковник Г. Гудериан – командующим «пустым пространством») [1].

С выходом советских войск к Гродно и форсированием реки Неман создавались перспективы для наступления не только к довоенным границам СССР, но и к территории Германии – Восточной Пруссии. В условиях разгрома войск группы армий «Центр» для немецких войск было очень важно удержать линию фронта по рекам Неман [2, с. 30] и Западный Буг.

Фельдмаршал В. Модель, чтобы выиграть время на восстановление линии обороны по Неману, направил и 3-ю моторизованную дивизию СС «Мертвая голова» (которая, будучи на отдыхе в Румынии, переформировывалась в танковую и должна была иметь в своем составе около 21 тыс. человек, но официально танковой стала именоваться с 21 октября 1944 г.) [3] под Гродно для прикрытия правого фланга 4-й армии и левого фланга 2-й армии [4]. Эта дивизия должна была в районе Гродно – Белосток отвлечь на себя силы стремительно наступавших советских войск [5].

Когда 10 июля войска центра и левого крыла 3-го Белорусского фронта начали выдвижение к Неману, то задача овладеть Гродно к исходу 13 июля была поставлена 3-му Гвардейскому кавалерийскому корпусу генерал-лейтенанта Н. С. Осликовского во взаимодействии с 31-й армией генерал-лейтенанта В. В. Глаголева, и к исходу 13 июля он достиг пригородов Гродно, но был остановлен сильным артиллерийским и пулеметным огнем [6, с. 412–413], а 14 июля 3-й Гвардейский кавкорпус, завязавший бои на окраинах Гродно, был передан 2-му Белорусскому фронту с сохранением за ним задачи по овладению городом [7, док. № 144].

3-й Гв. кавкорпус, обходя Гродно по топким болотам, ворвался в него с той стороны, откуда немцы не ждали, и этим же маневром (почти без средств ПВО!) сумел переправиться через Неман и захватить несколько господствующих высот над окраинами Гродно на левом берегу Немана [8]. Еще один плацдарм, южнее н.п. Гожа, 14 июля был захвачен 220-й стрелковой дивизией (СД) из 31-й армии [6, с. 421].

Впереди 50-й армии генерал-полковника (с 15.07.1944 г.) [9] И. В. Болдина, наступавшей в направлении Гродно, продвигался армейский подвижный передовой отряд, сформированный еще 6 июля 1944 г. под командованием заместителя командующего 50-й армией генерал-лейтенанта А. А. Тюрина, в составе (данные на 6 июля 1944 г.) 23-й Гвардейской отдельной танковой бригады (4 Т-34), 1444-го самоходного артполка (4 СУ-76), 1434-го самоходного артполка (7 СУ-85), 2-го истребительно-противотанкового артполка 5-й истребительно-противотанковой артбригады, 4-го отдельного штурмового инженерно-саперного батальона 1-й Гв. отдельной штурмовой инженерно-саперной бригады РКК. В ночь с 12 на 13 июля этот армейский отряд, усиленный 398-м Гв. минометным дивизионом из состава 100-го Гв. минометного полка, двигаясь по дороге Щучин–Турья–Каменка, у н.п. Прудцы, попытался задержать части отходившей из-под Минска немецкой 50-й пехотной дивизии. В ходе боя армейский отряд был почти полностью разгромлен, а его остатки отошли в лес севернее шоссе Гродно–Лида [10].

В советских штабах поспешили посчитать, что противник сломлен и деморализован в результате мощного советского наступления в Белоруссии, забыв о том, что приближение советских войск к госграницам Германии сильнее мобилизовывало немцев сражаться уже за свое отечество.

Командование вермахта не теряло надежды отразить наступление соединений 2 и 3-го Белорусских фронтов и спешно усиливало свою группировку на гродненском направлении за счет прибывших из Германии трех пехотных, двух полицейских полков, полка «Митте», а также других резервов. Только против частей 121 и 70-го СК 50-й армии в течение 15 июля противник предпринял одиннадцать контратак силами от роты до батальона пехоты с танками и штурмовыми орудиями [6, с. 421].

В этот же день начались и первые попытки противника сбросить советские части с западного берега Немана, когда боевая группа 5-й танковой дивизии (ТД) атаковала советские части у н.п. Баля Костельная, но свою задачу сбросить их с западного берега не выполнила [2, с. 50].

Не принимая во внимание возникшие проблемы с боеприпасами в 50-й армии, командующий 2-м Белорусским фронтом генерал-полковник Г. Ф. Захаров 15 июля в очередной раз приказал ее командующему овладеть Гродно. Одновременно он поставил задачу командиру 3-го Гв. кавкорпуса перекрыть возможность отхода немецким войскам из города. Соединения 69 и 81-го СК 50-й армии вечером того же дня достигли восточной окраины Гродно, а части 6-й Гв. кавдивизии из состава 3-го Гв. кавкорпуса прорвали оборону врага на северной окраине города. Вскоре они вышли к переправе через Неман и отрезали ему пути отхода на запад. Несколько часов кавалеристы отражали контратаки немецких подразделений, но так и не позволили им осуществить прорыв из Гродно [6, с. 421–422].

Конницу поддержали танки 198-го отдельного танкового полка (ТП) подполковника К. Н. Карпова из 6-й Гв. кавдивизии, имевшего на вооружении танки Т-34, Мк III «Валентайн» и даже один трофейный Т-V

(«Пантера»), который с трофейным бронетранспортером (БТР) был использован для штурма железнодорожной станции Поречье, введя немцев в заблуждение [11].

Вслед за 6-й Гв. кавдивизией 15 июля в город с севера и северо-востока вошли с боями части 220, 174 и 352-й СД 36-го СК 31-й армии. С востока и юго-востока в Гродно ворвались полки 42, 95 и 290-й СД 69 и 81-го СК 50-й армии [6, с. 422].

С утра 15 июля начались повторные попытки противника сбросить с западного берега Немана части советской 32-й кавдивизии силами 5-й ТД, но вновь безрезультатно, а в этот же день Неман форсировали на широком участке и другие войска 3-го Белорусского фронта от Гожи до литовского г. Меркине, создав угрозу расширения советских плацдармов от Гродно до Меркине [2, с. 57].

Сорвав первые попытки противника сбросить их с западного берега, советские войска воспользовались еще и переброской 5-й ТД в Литву, в ночь на 16 июля и до утра почти беспрепятственно перевозя через Неман подкрепление [2, с. 58].

16 июля была полностью освобождена восточная часть Гродно и отбит железнодорожный вокзал (о взятии города было сообщено в Москву, которая салютовала освободителям), а 1-я Гв. Могилевская отдельная инженерно-штурмовая бригада немедленно приступила к разминированию многочисленных зданий, подготовленных немцами к взрыву (согласно полученному в бригаде радиоперехвату, командующий немецкой обороной Гродно обергруппенфюрер СС Курт фон Готтберг получил из Берлина приказ на полное уничтожение города) [11].

И уже 16 июля 174-я СД получила приказ сдать свои позиции частям 50-й армии и выйти в район Гожи, где происходила переправа через Неман частей 31-й армии, которая началась еще до боев за Гродно [2, с. 45–46], а также форсирование Немана начали части 153, 42 и 95-й СД под немецкими авиаударами и пулеметным огнем полицейских частей, и уже в этот день у н.п. Колбаски и н.п. Беличаны в бой вступили отдельные части 3-й мотодивизии СС «Мертвая голова», в составе которой было всего около 13–14 тыс. человек, 28 Т-IV, 10 Т-VI («Тигры»), 60 разных САУ и т.д. [2, с. 127].

Также 16 июля продолжались упорные попытки закрепиться и в занеманской части Гродно частями советской 290-й СД [2, с. 58–62].

В ходе наступления на занеманскую часть Гродно 3-й Гв. кавкорпус внезапно (в ночь на 17 июля) получил приказ: выйти из боя, передать свой участок пехоте, а самому – продолжить со слабо прикрытым левым флангом наступление на Августов (глубоко в тыл немецкой 4-й армии) и до госграницы СССР и Восточной Пруссии [8].

С учетом усилившегося сопротивления противника представитель Ставки маршал Г. К. Жуков приказал генералу Г. Ф. Захарову с целью массирования сил и средств на важнейших направлениях создать в 50 и 3-й армиях ударные группировки, а также ускорить выдвижение и ввод в сражение 49-й армии

генерал-лейтенанта И. Т. Гришина с задачей нанести удар в обход белостокских лесов с севера. 3-й Гв. кавкорпус должен был (не позднее 19 июля) захватить важный узел шоссейных дорог на Августов и удерживать его до подхода передовых частей 50-й армии [6, с. 424].

Теперь 2-му Белорусскому фронту предстояло вести наступление по двум расходящимся направлениям: на правом крыле – с целью выхода к госгранице Восточной Пруссии, а на левом – с задачей овладения Белостоком. Однако при этом не учитывалось, что 3-я мотодивизия СС «Мертвая голова» отдельными частями уже была введена в бой. Не были также приняты во внимание весьма слабое обеспечение войск материально-техническими средствами и недостаточная укомплектованность соединений людьми. К середине июля в 50-й армии тылы отстали от передовых частей на 100–150 км, а артиллерия усиления – до 200 км. Ощущался недостаток в боеприпасах и горючем [6, с. 424].

В таких условиях утром 17 июля 3-й Гв. кавкорпус и части 50-й армии (как прикрытие 3-го Гв. кавкорпуса), не завершив форсирование Немана из-за действий немецкой авиации, должны были закончить бои за Гродно и наступать на Августов и Липск. Этот заманчивый в теории маневр на практике очень дорого стоил советским войскам в боях за западный берег Немана от Гродно до Гожи 16–23 июля 1944 г.

На западном берегу Немана северо-западнее, западнее и южнее Гродно к 17 июля заняли оборону группа «Ангальт» в составе пяти полицейских полков, 1065, 1068 и 1069-й пехотные полки, 50-я пехотная дивизия без одного полка, 501-й сводный жандармский батальон [6, с. 422].

Что касается переправы остальных советских частей на западный берег Немана, то на протяжении всех боев 16–23 июля 1944 г. за район от Гродно до Гожи немецкая авиация в светлое время суток упорно уничтожала почти все переправы, нанося потери советским частям [2, с. 55–56].

17 июля передовые части 3-го Гв. кавкорпуса овладели н.п. Пролейки (5 км юго-западнее Сопоцкина) и Голынка, но остальные его силы растянулись по всему маршруту, начиная от Немана, а в полосе 50-й армии противник предпринял несколько контратак при поддержке авиации, танков и штурмовых орудий (до 25–30 единиц) [6, с. 422], тем не менее части 153 и 174-й СД, наступавшие на Сопоцкин из района Гожи, вечером 17 июля вышли на госграницу СССР и Польши западнее Сопоцкина [2, с. 69–72].

Когда утром 17 июля советские войска значительно усилили левый фланг центрального плацдарма (части 42-й СД), то перешедшие в атаку части 3-й мотодивизии СС «Мертвая голова» практически ликвидировали плацдарм 95-й СД в районе н.п. Пышки и поставили под угрозу окружения части 42-й СД, находившейся западнее. Начались бои за один из фортов крепости Гродно у н.п. Загораны (2-я рота 1-го батальона 455-го полка), блокировав который, немцы заодно захватили и высоты западнее н.п. Баля Костельная [2, с. 66–67]. Продолжались тяжелые бои для 290-й СД в занеманской части Гродно [2, с. 69–72].

18 июля наиболее тяжелая обстановка сложилась в полосе 42-й СД. Противник окружил в районе одного из плацдармов на Немане 1 и 2-й батальоны ее 455-го СП (остатки которых укрылись в форте крепости у н.п. Загораны), и только к ночи на 21 июля немецким частям удалось овладеть фортом (оставшиеся в живых защитники с тяжелораненым замкомполка майором М. В. Сидорцом переправились через Неман к своим) [6, с. 424].

В результате немецких атак 18 июля 42-я СД была вынуждена вернуться на восточный берег Немана (но в ночь на 19 июля снова заняла плацдарм на западном берегу), а 290-я СД удерживала узкий плацдарм в занеманской части Гродно во многом благодаря поддержке артиллерии с восточного берега [2, с. 84–86].

Стремительно продвигаясь вперед, подвергаясь авиаударам, 3-й Гв. Кавкорпус подошел к Августову, но во второй половине 18 июля противник вернул себе район Лойки–Колбаски, перерезав коммуникации корпуса. Части 3-й мотодивизии СС «Мертвая голова» атаковали заслон 5-й Гв. кавдивизии в Липске. 3-й Гв. кавкорпус оказался охвачен с трех сторон (с запада, юга и востока), только на севере поддерживая непрочную связь с 174-й СД из 31-й армии, которая тоже оказалась в тяжелом положении. Из-за угрозы полного оперативного окружения штаб 3-го Гв. кавкорпуса принял решение на сокращение обводов занятого района [8].

В итоге боев 18 июля соединения 3-го Гв. кавкорпуса оставили Липск, но попытку противника продвинуться дальше на север и перерезать шоссе Гродно–Августов пресек 121-й кавполк 32-й кавдивизии [6, с. 424].

Положение 3-го Гв. кавкорпуса и действовавшей правее 153-й СД ухудшилось, когда 19 июля части 3-й мотодивизии СС «Мертвая голова» вышли к Сопецкину и, продолжив наступление (до двух пехотных полков с танками и штурмовыми орудиями), стали продвигаться в северо-восточном направлении на соединение с примерно такой же по составу группировкой, прорывавшейся из района северо-западнее Сопецкина через боевые порядки 36-го СК 31-й армии [6, с. 425].

19 июля на западном берегу Немана продолжились тяжелые бои. 42-я СД атаковала в южном направлении. Севернее н.п. Пышки 95-я СД (ночью снова форсировав Неман) попыталась с целью расширения плацдарма атаковать н.п. Адамовичи, но контрударом частей 3-й мотодивизии СС «Мертвая голова» вновь была сброшена в реку [2, с. 88].

Бои 19 июля показали, что частям 50-й армии и 3-го Гв. кавкорпуса явно не хватало собственных сил для того, чтобы сохранить инициативу за собой. Атаки в этот день 69-го СК не дали положительных результатов (его 42 и 153-я СД так и не соединились). 3-й Гв. кавкорпус попал в окружение. Противник провел ряд успешных контратак, а также отбил Сопецкин, через который проходили дороги из Гродно в направлении Августова, Липска и Белостока [2, с. 93].

С утра 20 июля части 3-й мотодивизии СС «Мертвая голова» атаковали части 220 и 174-й СД в районе Августовского канала (н.п. Соничи), а также части 153-й СД юго-западнее Сопецкина, сорвав их наступление на

н.п. Наумовичи. 3-й Гв. кавкорпус, против которого фельдмаршал В. Модель бросил в бой еще и 19-ю ТД, фактически занял «круговую оборону», испытывая острую нехватку продовольствия (питались лесной ягодой), горючего и боеприпасов (использовали даже снаряды, найденные в местных довоенных ДОТах) [2, с. 94–97].

В полдень после отражения немецких атак и подавления их огня начала форсирование Немана и 330-я СД в районе н.п. Бережаны. На фронте от н.п. Пышки до н.п. Колбаски 330 и 42-я СД вместе с многочисленными частями артусилена и саперов перешли в наступление. К вечеру 330-я СД была остановлена немецкими контратаками и закрепились на линии западнее рубежа Шадинцы–Василевичи, загнув свой левый фланг на восток. 42-я СД закрепились на позициях восточнее рубежа Баля Костельная–Баля Сольная. 95-я СД (после попыток атаковать н.п. Адамовичи) занимала плацдарм 5 км по фронту и 2 км в глубину от н.п. Баля Сольная (исключая ее) до н.п. Головниччи) [2, с. 98–101].

В районе Гожи аврально строились переправы под прикрытием 47-й зенитной артдивизии РКК. С другой стороны, как слабая сторона любого стремительного наступления, в 20–30 км от Гродно с 18 по 20 июля без горючего стояли 23-я Гв. отдельная танковая бригада и 233-й танковый полк из 49-й армии, 1099-й корпусной артполк (в Щучине) и 144-я армейская пушечная артбригада. В 50-ю армию горючее и боеприпасы доставлялись со складов у Кричева на транспортных самолетах [2, с. 101–102].

21 июля бои достигли наивысшего накала. Атаки 95-й СД н.п. Адамовичи и 42-й СД н.п. Баля Костельная отражались противником. Командование 50-й армии перебрасывало на западный берег Немана как можно больше войск. В районе Гожи действовали четыре переправы, но к исходу дня немецкой авиацией эти переправы были разрушены на 70 %. На помощь 50-й армии были направлены все инженерные и саперные подразделения 2-го Белорусского фронта. Стали строиться и ложные переправы, чтобы запутать немецкую воздушную разведку [2, с. 102–103].

330 и 324-я (срочно переброшенная на западный берег Немана) СД с утра атаковали из района западнее Гожи от н.п. Белые Болота в направлении Сопочкина и в южном направлении на н.п. Моньковцы при мощной поддержке многочисленной артиллерии и бомбардировочно-штурмовой авиации. Окруженные противником части 3-го Гв. кавкорпуса (в котором раненых отправляли на большую землю на самолетах «У-2») [8] и 153-й СД атаковали в восточном направлении на Сопочкин. Части 3-й мотодивизии СС «Мертвая голова», оборонявшиеся в районе Сопочкина, попали в тяжелое положение, но контратаками отбросили на исходные позиции 330 и 153-ю СД. Успех в этот день сопутствовал только 290-й СД, которой удалось расширить плацдарм (в районе занеманской части Гродно) и отразить немецкие контратаки без больших потерь для себя [2, с. 103–106].

В итоге боев 21 июля немецкие войска, получившие из Германии 33-й пехотный батальон СС, сбросить части 330 и 95-й СД в Неман так и не смогли [6, с. 425].

Понимая, что теперь оборону по западному берегу Немана удержать явно не удастся, командование немецкой 4-й армии отдало приказ о подготовке новой оборонительной линии в тылу своих войск (линия «Ласка» рубежом: 2 км восточнее м. Сокулка вдоль ж/д в направлении н.п. Кузница). В штаб же 50-й армии (где уже был член Военсовета 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Л. З. Мехлис) в ночь на 22 июля прибыл сам маршал Г. К. Жуков [2, с. 107] для разрешения сложившейся ситуации, будучи с 19 июля координатором действий 1 и 2-го Белорусских, а также 1-го Украинского фронтов [7, док. № 148].

Маршал Г. К. Жуков после изучения обстановки приказал генералу Г. Ф. Захарову усилить 50-ю армию еще одной СД и в течение 22 июля подтянуть отставшую артиллерию, подвезти боеприпасы и горючее, чтобы с утра 23 июля нанести удар с целью разгрома группировки немецких войск в районе Наумовичи–Сопоткин–Голынка [6, с. 425–426].

С утра 22 июля 42 и 95-я СД атаковали фронт между н.п. Адамовичи и н.п. Наумовичи, который немцы удержали, но привлекли для этого свой последний резерв (3-й саперный батальон СС). Попытка 3-го танкоистребительного батальона СС отвлечь часть 42-й СД с помощью контратаки на выс. 166.0 была отражена мощным артогнем из-за Немана и авианалетами штурмовой авиации. В то же время немцы провели удачные оборонительные действия против 153, 330 и 324-й СД [2, с. 108–109].

Но в этот день южнее Гродно произошел прорыв войск 49-й армии к н.п. Кузница, и против них срочно была брошена в бой 19-я ТД. В случае успешного продвижения войск 49-й армии из Кузницы в западном и северо-западном направлении все немецкие войска (корпусная группа Готтберга и вся 3-я мотодивизия СС «Мертвая голова») западнее Немана от Гродно до Гожи попали бы в окружение.

Наступавшие на белостокском направлении 19–20 июля 35, 41 и 40-й СК 3-й армии завершили форсирование р. Свислочь, обошли частью сил Белостокскую пуцу. Учитывая то обстоятельство, что немецкие войска на западном берегу Немана от Гродно до Гожи почти остановили наступление 50-й армии, генерал Г. Ф. Захаров решил перенести направление главного удара в полосы 49 и 3-й армий. Для развития наступления на белостокском направлении он усилил 49-ю армию 121-м СК из 50-й армии [6, с. 426].

22–23 июля в районе Кузницы противник пытался контратаковать силами до двух полков пехоты при поддержке до 50 танков и штурмовых орудий, но, оставив на поле боя 29 подбитых и сожженных боевых машин, овладел лишь северной частью Кузницы [6, с. 426].

23 июля с утра началось наступление 50-й армии при широкой артподдержке и вводе в бой бронетанковых сил против приготовившихся к отступлению немецких частей, у которых в штабах стала усиливаться паника. Навстречу войскам 50-й армии в восточном направлении начали наступление окруженные противником части 3-го Гв. кавкорпуса и 153-й СД (к концу дня 324-я СД установила с ними локтевую связь) [2, с. 110–112].

В итоге боев 24 июля теснимые советскими войсками корпусная группа Готтберга и части 3-й мотодивизии СС «Мертвая голова» отступили на оборонительную линию «Куница» в Польше [2, с. 116].

Численность советских войск (69 и 81-й СК, 330-я СД 121-го СК и 324-я 19-го СК 50-й армии, 174 и 220-я СД 31-й армии) на плацдармах на западном берегу Немана от Гродно до Гожи на завершающем этапе боев 22–25 июля вполне могла достигать 70 тыс. человек [2, с. 119], из которых одна только 50-я армия потеряла более 7 089 человек [2, с. 132]

Численность же немецких войск, действовавших на этом фронте боевых действий, составляла примерно 20–22 тыс. человек (без учета частей 5 и 19-й ТД). По советским данным в период 17–25 июля немцы потеряли убитыми 4 570 человек, а 183 человека попали в плен [2, с. 126–130]. В основном, это были потери полицейских полков.

Таким образом, одну из главных ролей в победе в боях за западный берег Немана от Гродно до Гожи сыграл 3-й Гв. кавкорпус под командованием талантливого военачальника генерала Н. С. Осликовского, отвлекший на себя своими действиями значительные силы противника, в том числе заставив 3-ю мотодивизию СС «Мертвая голова» контратаковать «растопыренными пальцами», т.е. разбросав свои части по разным участкам этого фронта. Прорыв же войск 49-й армии 22 июля южнее Гродно помог окончательно закрепить победу в этих боях и полностью освободить нынешнюю территорию Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гудериан, Г.* Воспоминания солдата / Г. Гудериан. – Смоленск : Русич, 1999. – С. 463.
2. *Люттик, Д.* Горячий июль 44-го. Бои за Гродно 15–24 июля 1944 г. Контрудар 3-й танковой дивизии СС «Мертвая голова» / Д. Люттик. – Смоленск : Хартекс, 2014. – 169 с. с ил.
3. *Залесский, К. А.* Командиры элитных частей СС / К. А. Залесский. – М. : АСТ: Астрель, 2007. – С. 207–208.
4. *Манн, К.* SS-TOTENKOPF: История дивизии СС «Мертвая голова». 1940–1945 / К. Манн. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. – С. 135.
5. *Хауссер, П.* Войска СС в бою / П. Хауссер. – М. : Издатель Быстров, 2006. – С. 191.
6. Великая Отечественная война 1941–1945 годов : в 12 т. – М. : Кучково поле, 2012. – Т. 4: Освобождение территории СССР. 1944 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://encyclopedia.mil.ru/files/VOV/tom4/VOV_Vol4_345-448_Chap7-.pdf/. – Дата доступа : 25.03.2016.
7. Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945: в 25 т. – М. : ТЕРРА, 1999. – Т. 16. – 368 с.
8. *Якушин, И. А.* Шашки наголо! / И. А. Якушин. – М. : Яуза, Эксмо, 2008. – С. 185–199.
9. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ru.wikipedia.org/wiki/>. – Дата доступа : 25.03.2016.

10. *Киенко, Д.* Освобождение Щучина 12 июля 1944 г. Как это было... / Д. Киенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rubon-belarus.com/fort/245-schuchin1944/>. – Дата доступа : 10.02.2016.

11. *Лютик, Д.* Июль 1944-го: как и кто освобождал Гродно / Д. Лютик [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.vgr.by/home/society/15350-iyul-1944-kak-i-kto-osvobozhdal-grodno/>. – Дата доступа : 10.02.2016.

И. Д. Попов

ЭТАПЫ КОМПЕНСАЦИИ УЩЕРБА, НАНЕСЕННОГО ВОЙНОЙ, В ИСТОРИИ ФРГ

Компенсация ущерба, понесенного в результате Второй мировой войны, являлась основной экономической, социальной и даже политической задачей для новых властей Западной Германии в послевоенные годы. Важность была обусловлена не только масштабами разрушений и потерь, но и огромным количеством лиц, которые претендовали на компенсацию. Поэтому решение данной проблемы изначально требовало многомиллиардных затрат, которые в условиях устойчивого недостатка бюджетных средств неизбежно становились предметом политической борьбы.

Необходимо было не только восстанавливать разрушенные жилые и хозяйственные объекты, оказывать материальную поддержку вдовам, сиротам, инвалидам войны, но и включать в экономическую жизнь вынужденных переселенцев из отторгнутых провинций рейха. Последнее становилось все более насущной задачей, поскольку непрекращающийся приток беженцев и изгнанных со своей родины приводил к появлению миллионов новых граждан, которые во время переселения, как правило, теряли все имущество и в связи с этим также претендовали на компенсацию своих потерь. Чтобы понять масштабы этой проблемы, стоит обратиться к тем демографическим сдвигам, которые повлекло переселение с востока. Так, уже в 1950 г. численность населения Западной Германии превысила 50 млн человек (по сравнению с 43 млн человек в 1939 г.); 8 млн человек переселились из отошедших восточных провинций, а еще 1,5 млн – с территории советской оккупационной зоны. Причем количество беженцев из ГДР продолжало расти и к 1961 г. составило по некоторым подсчетам до 3,7 млн человек [1, S. 19]. Всего, согласно переписи населения 1961 г., к беженцам и вынужденным переселенцам относилось 21,5 % населения ФРГ [2, S. 102].

Положение обострялось также довольно непростой экономической ситуацией, ведь в ходе войны было уничтожено около 20 % производственных мощностей, а в результате послевоенного демонтажа предприятий было утрачено еще около 3–4 % рабочих мест. Это естественным образом вызывало высокую структурную безработицу: около трети рабочих рук попросту не имели работы. Обострилась ситуация и в жилищном секторе: бомбардировки в ходе войны оставили без жилья миллионы человек, особенно в индустриальных городах; и все это в условиях постоянного роста

прибывающих вынужденных переселенцев, которые также были оставлены без домов. Дополнительную нагрузку получили и земельные бюджеты, особенно Баварии, Шлезвиг-Гольштейна и Нижней Саксонии, на долю которых в 1950 г. приходилось свыше 58 % вынужденных переселенцев [2, S. 102]. Однако в силу высокой концентрации прибывшего населения в этих землях некоторые вынужденные переселенцы по собственной инициативе переезжали в соседние земли – Баден-Вюртемберг, Северный Рейн–Вестфалия и Рейнланд-Пфальц: только в эти три земли с 1950 по 1961 г. переселились 1,46 млн человек [2, S. 102]. Таким образом, во многих землях Западной Германии создавалась критическая ситуация с занятостью, а огромное количество людей оставалось без основных материальных гарантий.

В силу того, что компенсация ущерба от войны изначально требовала огромных денежных средств, ее осуществление неизбежно растягивалось на годы. К тому же с течением времени менялись приоритеты и характер восстановления утраченного в результате войны. Поэтому представляется необходимым попытаться проследить фазы осуществления компенсации и выделить основные вехи ее изменения.

Первый этап (май 1945 – июнь 1948). Для этого времени характерно, с одной стороны, общее понимание необходимости возмещения ущерба от войны, с другой – полная неопределенность путей его осуществления и отсутствие единой, четкой и долгосрочной стратегии. Причинами тому были стремительно меняющаяся демографическая обстановка и невозможность определения даже примерного количества адресатов помощи и необходимых денежных средств. Это также усугублялось проблемами с избытком денежной массы, которые мешали строить долгосрочные программы. Помимо этого, играли свою роль и трудности в осуществлении единой экономической политики в зонах оккупации. Однако даже когда началось экономическое объединение американской и английской (а затем и французской) оккупационных зон, одновременно углублялись противоречия между западными союзниками и СССР, закончившиеся разрывом с советской зоной. Все это делало невозможным проведение компенсации ущерба в масштабе всей Германии, как это предполагалось изначально.

Тем не менее уже на этом этапе в западных оккупационных зонах можно фиксировать первые планы возмещения ущерба, причиненного войной. Одним из таких был план Г. Кайзера 1945 г., который предусматривал формировать источники финансирования, в основном, за счет имущества активистов НСДАП [3, S. 334]. В марте 1946 г. в Совете земель американской зоны был создан специальный комитет для разработки вопросов финансов и долгов рейха. Однако его деятельность не нашла широкого отклика у политиков. Одновременно к разработке плана подключились союзники: с мая 1946 г. они возложили на земельные правительства оценку ущерба; а в августе 1946 г. представили план Кольма–Доджа–Смита, который должен был стать базисным проектом для компенсации ущерба во всех зонах [3, S. 335]. Но всем этим планам не суждено было сбыться не только в связи с обострением отношений с Москвой, но и неожиданно огромным наплывом беженцев.

Второй этап (июнь 1948 – август 1952) – время активной разработки закона о компенсации и приоритета первоочередной помощи пострадавшим от войны. Основанием для выделения качественно нового периода является проведение валютной реформы 21 июня 1948 г., с момента которой собственно и началось реальное решение проблемы компенсации ущерба. Реформа привела к трем довольно важным изменениям. Во-первых, появление крепкой валюты, что позволило создать устойчивую модель экономического развития («социально-рыночное хозяйство») и осуществлять долгосрочные социальные проекты. Во-вторых, «Закон о новом регулировании денежной системы» законодательно закреплял необходимость компенсации ущерба от войны и возлагал ответственность за нее на немецкие законодательные органы, считая это внутригерманским делом [4]. В-третьих, реформа привела к появлению новых социальных групп, понесших убытки. Прежде всего, речь шла о тех, кто владел активами в форме, зависимой от стоимости денег (например, владельцы вкладов). Однако в результате реформы пострадали также ремесленники и крестьяне: первые не могли сбыть продукцию из-за невозможности конкурировать с фабриками, а вторые лишились черных рынков, что ставило под удар также и всех беженцев, нашедших себе временный приют и работу в сельском хозяйстве. Компенсация потерь всех вышеперечисленных категорий населения также увязывалась с общей компенсацией ущерба от войны.

При разработке законопроекта о компенсации немецким органам власти необходимо было решить 2 основные проблемы. Во-первых, война и валютная реформа поляризовали немецкое общество на тех, кто не понес потери и смог даже стать богаче в результате валютной реформы, и тех, кто потерял возможности для существования. Тем самым выравнивание между этими категориями населения представлялось главной задачей социальной политики. В условиях дефицита денежных средств считалось, что этого можно достичь, когда собственники уцелевшего имущества будут делиться с неимущими. Во-вторых, необходимо было создать экономическую основу для компенсации ущерба, в частности, создавать рабочие места, строить жилье, улучшать благосостояние населения.

Поэтому к разработке базового законопроекта о компенсации приступили уже в 1948 г. в Экономическом совете Бизонии. Закон был подготовлен достаточно быстро и уже 14 декабря того же года принят, однако военная администрация отклонила его и вернула на доработку. Союзники потребовали исключить передачу имущества иностранцев для компенсации ущерба от войны и не определять окончательные параметры компенсации [5, S. 135–136]. Вскоре законопроект был доработан и принят 8 августа 1949 г. под названием «Закон о смягчении острой социальной нужды», неофициально – «Закон об оказании немедленной помощи» (Soforthilfegesetz). На этом этапе он стал не только первым серьезным шагом к компенсации ущерба от войны, но и базовым нормативным документом, регулировавшим этот вопрос.

По новому закону без предварительного установления ущерба предусматривались меры по созданию рабочих мест, жилищному строительству, профессиональной подготовке, пенсиям и прочей социальной поддержке [6, S. 209–211]. В реализации этого закона ставка была сделана на включение вынужденных переселенцев в экономическую жизнь, а не на компенсацию имущественных потерь. Так, например, в 1949–1952 гг. гарантированные законом выплаты в размере 6,2 млрд немецких марок пришлось на помощь по постройке съемного жилья (37 %) и пенсии по старости тем переселенцам, у которых не было другого страхования по старости (35 %). Лишь 9 % этой суммы пошли на компенсацию имущественных потерь, причем направлялись исключительно на восстановление домашнего движимого имущества. Остальные 12 % этих средств шли на создание самостоятельных источников существования в ремесленной и сельскохозяйственной областях в форме дешевых кредитов, которые, естественно, не являлись компенсацией утраты конкретного имущества [7, S. 182].

Другим базовым нормативным актом на данном этапе стал принятый 1 октября 1950 г. «Закон о снабжении жертв войны» (Bundesversorgungsgesetz). Он регулировал положение и материальную помощь инвалидам войны (порядка 2,5 млн человек) и вдовам (1,5–2,5 млн человек). Вводились пенсии по 6 степеням инвалидности, составлявшие от 10 до 75 марок ежемесячно (для тяжелораненых – от 40 до 90 марок) и пенсии по потере кормильца (от 80 до 130 марок ежемесячно). На 1 января 1958 г. число получателей этих пенсий составило 3,787 млн человек, для содержания которых бюджет выделял 3,5 млрд марок [8, с. 182].

Одновременно шла активная разработка «Закона о компенсациях ущерба, причиненного войной» (Lastenausgleichsgesetz, далее – Закон о компенсациях) – который был бы нацелен, прежде всего, на возмещение имущественных потерь (в том числе и недвижимого имущества). Он должен был отталкиваться от «Закона о немедленной помощи» и стать фундаментальным нормативным актом, регулирующим компенсационные выплаты. Однако ожесточенные споры как в правительстве, так и в парламенте вызывал вопрос, на каких принципах будет выстраиваться эта компенсация в условиях серьезного недостатка бюджетных средств. Так, большинство депутатов от ХДС предлагало *квотируемую* компенсацию, предусматривавшую учет потерянного имущества, индивидуальное возмещение понесенного ущерба в соответствии с его величиной и восстановление ранее существовавшей структуры собственности. В свою очередь, СДПГ настаивала на *социальной* компенсации, предполагавшей социальное обеспечение и пособия для скорейшего включения в экономическую жизнь. За этими позициями стояли также и различные группы вынужденных переселенцев в зависимости от их прежнего имущественного положения.

Непосредственно разработкой закона занималось министерство финансов во главе с Фрицем Шеффером. Интересно то, что сам министр финансов, представлявший правящую коалицию ХДС/ХСС и СвДП, первоначально

выступал резко против котируемой компенсации. Однако столкнулся с упорным сопротивлением как в правительстве, так и в Бундестаге: в правительстве главным критиком проекта Ф. Шеффера был министр по делам вынужденных переселенцев Ганс Лукашек, а в Бундестаге – председатель комитета по компенсации ущерба от войны Йоханн Кунце и председатель комитета по делам вынужденных переселенцев Линус Катер. В итоге после бурных дискуссий было решено остановиться на компромиссном варианте, учитывавшем оба подхода [3, S. 338,348]. Расчеты показывали, что компенсация растянется на годы, а на первых этапах значительная ее часть должна производиться из доходов от оставшегося имущества. В силу невозможности единовременной уплаты налога на имущество было решено организовать его уплату по образцу налога на наследство, т.е. частями в рассрочку.

Третьим этапом (август 1952 – конец 1950-х) – постановка компенсации ущерба на прочную юридическую основу, которой стал «Закон о компенсациях», принятый 14 августа 1952 г. и пришедший на смену «Закону о немедленной помощи». Компенсационные выплаты проводились, прежде всего, за счет граждан. Выплаты предусматривались беженцам и вынужденным переселенцам из бывших восточных провинций и заграничных земель, а также пострадавшим от войны собственно жителям федеральных земель.

Согласно Закону о компенсациях 50 %-ным налогом облагалось все имущество, стоимость которого превышала 5 000 немецких марок. В расчет налога был взят доход от имеющегося имущества [9, S. 456–457]. Тем самым реализовывался принцип социальной солидарности, когда лица, сохранившие имущество, жертвовали в пользу лиц, его утративших.

Для этого создавался специальный Фонд компенсаций, выплаты в который продолжались вплоть до 1979 г. В 1950-е гг. практически 2/3 доходов фонда составляли выплаты с имущества граждан. При оценке недвижимого имущества была положена в основу стандартная, а не рыночная стоимость. К тому, же шли дотации из федеральных и земельных средств, доля которых постоянно росла, однако в 1950-е гг. составляла лишь 21,1 % [7, S. 290]. Поэтому в целом компенсация пострадавшим от войны производилась в основном за счет граждан, которые осуществляли выплаты с сохранившегося имущества. По состоянию на 30 сентября 1957 г. гражданам ФРГ из средств Фонда компенсации было выплачено 24,55 млрд марок [8, с. 182]. Иски пострадавших каждый раз проверялись обширным бюрократическим аппаратом.

В пакете с Законом о компенсациях 14 августа 1952 г. были приняты «Закон о компенсации ущерба от валютной реформы» (Währungsausgleichsgesetz) и «Закон об установлении ущерба от войны и переселений» (Feststellungsgesetz). Последний содержал нормы об установлении размера ущерба различных видов, после чего могли подаваться индивидуальные иски о компенсации. 14 июля 1953 г. был принят «Закон о владельцах вкладов, внесенных до 1945 г.» (Altspargergesetz), который предусматривал компен-

сацию потерянных вкладов военного и довоенного времени [10, S. 115]. Многократно менялся и сам Закон о компенсациях, став одним из наиболее динамичных социальных законов ФРГ.

В целом Закон о компенсациях соединил подходы котируемой и социальной компенсаций и предусматривал несколько направлений компенсационных выплат. К *котируемым* направлениям относились «основная компенсация», компенсация потерь вкладов и компенсация потерь домашнего имущества. Их размер первоначально зависел от ущерба, понесенного наличному имуществу, однако при последующих выплатах привязка к потерявшему имуществу уже отсутствовала, а сами эти компенсации служили главным образом для включения в экономическую жизнь или социальных гарантий.

«Основная компенсация» представляла собой возмещение потерь имущества, а также объектов, необходимых для осуществления профессиональной деятельности. Для этого перемещенные лица разделялись на 15 категорий и в зависимости от категории получали компенсации от 5 000 марок [8, с. 182]. Они осуществлялись по принципу квот: так, утрата имущества до 6 200 рейхсмарок компенсировалась в размере 100 %, а имущества до 2 млн рейхсмарок – лишь в размере 6,5 % [7, S. 288]. Первоначально под действие закона попадали около 3 млн человек, которым следовало возместить ущерб в размере 37 млрд марок [8, с. 182]. Наиболее существенной проблемой здесь была оценка утраченного имущества, которая так и не стала унифицированной: для вынужденных переселенцев с восточных областей она происходила по единой стоимости, а для беженцев с других областей исчислялась в ходе оценки имущества. Зачастую стоимость компенсаций не соответствовала рыночным ценам. Особенно недооцененным оказалось недвижимое имущество в сельской местности (эта проблема стояла вплоть до 1969 г.). К тому же имелись определенные проблемы с оценкой в случае частичной, а не полной утраты имущества. Это приводило к постоянным спорам вокруг единой стоимости.

Характерной особенностью этого этапа была также значительная доля компенсации потерь домашнего имущества. До 1957 г. на эту статью выделялось порядка 20 % расходов Фонда компенсации. Такая ситуация была вызвана не только большим количеством претендовавших (ведь те, кто лишился жилья, лишился и домашнего имущества), но и тем, что общая стоимость домашнего имущества была значительно меньше утраченной недвижимости. Поэтому в условиях острой нехватки средств эти существенные потери компенсировались в первую очередь. А вот компенсация потерянных вкладов, напротив, практически не производилась, составляя лишь 5 % общей суммы выплат, которые касались в основном вынужденных переселенцев, чьи вклады были потеряны.

К *социальным* направлениям компенсаций относились, прежде всего, помощь при устройстве на работу, помощь в приобретении жилья, пенсии пострадавшим от войны и помощь в профессиональной подготовке. Помощь

при устройстве на работу подразумевала, в основном, дотации работодателям для лиц, имевших проблемы с трудоустройством, чтобы они организовывали рабочие места на долгосрочную перспективу. Эта помощь могла быть направлена в том числе и на строительство жилья около рабочего места [9, S. 506–507]. Помощь в профессиональной подготовке (образовании) касалась преимущественно молодежи из среды беженцев, нуждавшейся в получении профессионального образования.

Помощь в приобретении жилья осуществлялась через Фонд компенсаций, который направлял эти деньги непосредственно строительным компаниям. В законе предпочтение отдавалось приобретению жилья в собственность [9, S. 515]. Однако в 1950-е гг. у людей, как правило, на руках не было достаточно средств для строительства собственных домов. Лишь во второй половине 1950-х гг. стало постепенно преобладать приобретение жилья в собственность. И это относилось лишь к тем, кто получал средства из Фонда компенсаций; что же касается получателей помощи из средств бюджета (федерального или земельных) на финансирование социального жилья, то и в дальнейшем они направлялись преимущественно на съемное жилье [7, S. 283].

Пенсии пострадавшим от войны также составили значительную часть компенсационных выплат, ведь пенсионное страхование вынужденных переселенцев, как правило, утрачивалось вместе с переселением. Это было связано с тем, что основная масса переселенцев являлась жителями сельской местности и получала страхование в форме земельного выдела престарелым, который, естественно, терялся. Однако именно пенсионное страхование в 1950-е гг. подверглось наибольшим ограничениям в силу недостатка средств Фонда компенсации. Выплата этих пенсий растянулась на долгие годы. Те нуждающиеся, кому не было гарантировано пенсионное обеспечение, получали ограниченные пенсионные выплаты, так называемые пособия для поддержания (*Unterhaltshilfe*), причем только в случае, если остальные доходы не превышали сумму этих пособий.

Анализ структуры производившихся выплат позволяет говорить о том, что до конца 1950-х гг. компенсация ущерба была нацелена на приобщение беженцев, поэтому на данном этапе основная часть помощи была направлена на обеспечение жильем и домашним имуществом. Это было также связано с тем, что федеральное правительство в условиях острого недостатка финансовых средств в качестве приоритетных задач ставило включение как можно большего числа пострадавших от войны в экономику и накопление капиталов для дальнейшего расширения налоговой базы. Впервые компенсации потерянного имущества стали производиться лишь в 1957 г. и то в отношении лиц старше 70 лет и суммами не более 5 000 марок.

Четвертый этап (конец 1950-х – 1979) связан со значительным усилением роли государства и доли государственных средств в процессе компенсации ущерба от войны. Во многом это было обусловлено бурным экономическим ростом в 1950-е гг., который значительно улучшил ситуацию с бюджетными поступлениями. Кроме того, с уходом Ф. Шеффера с поста

министра финансов правительство отказалось от курса строгой экономии в бюджетной политике. Поэтому в 1960-е – 1970-е гг. планомерно увеличиваются государственные расходы на компенсацию ущерба.

Так, в структуре доходов Фонда компенсации отмечается постепенное снижение доли выплат с имущества граждан и увеличение доли федеральных и земельных дотаций. В итоге уже в 1970-е гг. доля поступлений от граждан составляла всего 1/3 доходов фонда. В то же время существенно росли дотации из федеральных и земельных средств: если в 1960-е гг. они составили 31,8 % поступлений, то в 1970-е – 42,6 %, превысив долю поступлений от граждан. Всего в общей сложности к концу данного этапа пострадавшим было начислено 110,4 млрд марок [7, S. 278, 290].

Меняется и структура расходов Фонда компенсации. Именно на этом этапе компенсировать стали прежде всего имущественные потери: порядка 80 % компенсационных выплат было обращено на эти цели. Наибольший объем выплат по данному направлению пришелся на 1967–1977 г. Была значительно расширена и компенсация потерянных вкладов, которая на предыдущем этапе почти не осуществлялась. Она составляла 6,5 % заявленного количества рейхсмарок, чтобы беженцы оказались в одинаковом положении с местным населением, пережившим валютную реформу. В более привилегированное положение были поставлены вкладчики, сделавшие свои вложения до 1940 г.: компенсационные суммы для них увеличивались до 20 % [7, S. 277–278, 286–287]. Кроме того, на этом этапе перестали подвергаться жестким ограничениям пенсионные выплаты.

Увеличение госрасходов на компенсацию позволяло также расширять перечень адресатов компенсационных выплат. Таковыми, к примеру, являлись беженцы из советской зоны (и впоследствии – ГДР), которые до конца 1960-х гг. не могли претендовать на компенсацию утраченного имущества, а их материальная поддержка осуществлялась лишь через фонды помощи нуждающимся согласно §301 и §301a Закона о компенсациях [9, S. 515–516]. Причина состояла в том, что территория Германии рассматривалась как единая, а соответственно всё неразрушенное имущество ГДР юридически считалось наличным, даже если собственники им не располагали. Впервые возможность установления ущерба для беженцев из Восточной Германии была открыта 22 мая 1965 г. «Законом об обеспечении доказательствами и установлении материального ущерба в советской оккупационной зоне Германии и советском секторе Берлина». Лишь в 1969 г. были внесены поправки в Закон о компенсации, признающие право на компенсацию и для этой категории населения [11, с. 65].

Пятый этап (с 1979 г.) стал заключительной фазой компенсации потерь пострадавшим от войны. С 1979 г. граждане уже не осуществляли выплаты в Фонд компенсаций, а доля федеральных и земельных дотаций в 1980-е гг. составила 86,2 % [7, S. 290]. Кроме того, заключительный этап знаменовал уже окончание как компенсации имущественных утрат, так и

включения в экономическую жизнь. Приоритетными становятся долгосрочные программы помощи, в частности, пенсионное обеспечение беженцев. В 1986 г. эти программы составили свыше 70 % общей помощи [7, S. 277–278].

Таким образом, компенсация ущерба, причиненного войной, представляла для ФРГ долгосрочную и самую масштабную программу социальных выплат, характер которой менялся в зависимости от экономического положения и наличия бюджетных средств. Общая хозяйственная разруха и недостаток финансовых средств в первые послевоенные годы вызывали необходимость делать приоритеты компенсации в пользу скорейшего включения пострадавших в экономическую жизнь. Однако даже после устранения наиболее острых социальных проблем невозможно было одними бюджетными средствами осуществить настолько крупные выплаты, адресатами которых были миллионы человек. Поэтому с самого начала компенсация ущерба была также своего рода механизмом социальной солидарности, создавая некий общественный компромисс между имущими и неимущими слоями, что в конечном счете и обеспечивало стабильное социальное развитие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jung, M.* Ausländer und Migranten im Spiegel der Presse : ein diskurshistorisches Wörterbuch zur Einwanderung seit 1945 / M. Jung, Th. Niehr, K. Böke. – Wiesbaden: Westdt. Verl., 2000. – 190 S.
2. *Beer, M.* Flucht und Vertreibung der Deutschen : Voraussetzungen, Verlauf, Folgen / M. Beer. – München : Beck, 2011. – 205 S.
3. *Henzler, Ch.* Fritz Schäffer, 1945–1967 : Eine biographische Studie zum ersten bayerischen Nachkriegs-Ministerpräsidenten und ersten Finanzminister der Bundesrepublik Deutschland / Ch. Henzler. – München : Hanns Seidel Stiftung eV, 1994. – 637 S.
4. Erstes Gesetz zur Neuordnung des Geldwesens (Währungsgesetz) (20. Juni 1948) // Gesetz- und Verordnungsblatt des Wirtschaftsrates des Vereinigten Wirtschaftsgebietes. – 1948. – Beilage 5. – S. 1.
5. *Schillinger, R.* Der Entscheidungsprozess beim Lastenausgleich, 1945–1952 / R. Schillinger. – St. Katharinen : Scripta Mercaturae, 1985. – 325 S.
6. Gesetz zur Milderung dringender sozialer Notstände (Soforthilfegesetz) // Gesetzblatt der Verwaltung des Vereinigten Wirtschaftsgebietes. – 1949. – №28. – S.205–214.
7. *Albers, W.* Der Lastenausgleich Rückblick und Beurteilung / W. Albers // Finanz Archiv / Public Finance Analysis. – 1989. – Bd . 47. – H. 2. – S. 272–298.
8. *Терехов, О.Э.* Основные направления социальной политики ФРГ в 1949–1963 гг. / О. Э. Терехов // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., г. Нижневартовск, 12–13 февр. 2015 г. / отв. ред. А. В. Коричко. – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та : в 2 ч. – 2015. – Ч. I. – С. 181–186.

9. Gesetz über den Lastenausgleich (Lastenausgleichsgesetz – LAG) // Bundesgesetzblatt. – Jg.52. – №13. – S. 446–533.
10. Die Sozialversicherung der Gegenwart : Jahrbuch für die gesamte Sozialversicherung und Sozialgerichtsbarkeit. Bd 1,2: Doppelband mit Dokumentation für die Jahre 1961 und 1962. – Berlin : Erich Schmidt, 1963. – 755 S.
11. Попов, И. Д. Проблема компенсации ущерба от войны в период становления ФРГ / И. Д. Попов // Вестн. Брест. гос. техн. ун-та. – 2015. – № 6(96) : Гуманитарные науки. – С. 64–66.

Р. Р. Хисамутдинова

НАЧАЛО ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕАКЦИЯ (из воспоминаний жителей Урала)

Неожиданная весть о нападении фашистской Германии на нашу страну и начале войны глубоко потрясла людей, вызвала тревогу за судьбу Родины. По указанию партийных органов на предприятиях, в учреждениях, колхозах, совхозах, воинских частях проводились митинги и собрания. Но и в такой момент патриотизм и чувство долга перед Родиной зачастую уживались с благодушием и беспечностью. Предвоенная пропаганда постаралась воспитать в народе уверенность в превосходстве Красной армии: «Красная армия всех сильнее»; «Малой кровью на чужой территории победим врага». Вначале почти никто не сомневался, что понадобится всего-навсего каких-нибудь три-четыре недели для того, чтобы враг был разбит. Вспоминал Генерал К. Ф. Телегин, служивший тогда в управлении политпропаганды пограничных войск СССР, все «с нетерпением ждали с границы сообщений, что враг не прошел, а там, где прорвался, разгромлен и отброшен назад» [1, с. 119]. По словам участника войны В. П. Седова, «Мы боялись, что война закончится без нас, что мы не успеваем повоевать» [2].

Войну ждали, и в то же время для многих людей она была неожиданной. Это объясняется во многом тем, что 14 июня 1941 г. в советских газетах было опубликовано Сообщение ТАСС, в котором опровергались появившиеся в западной печати слухи о предстоящей войне и утверждалось, что «Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского договора о ненападении, как и Советский Союз», ввиду чего, «по мнению советских кругов, слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы». Со стороны СССР это была попытка дипломатическим путем умиротворить Гитлера, чтобы избежать войны в 1941 г. и оттянуть ее начало хотя бы до 1942 г., поскольку Сталин как никто другой понимал, что страна еще не готова воевать. Израильский историк Г. Городецкий называет эту политику Сталина «роковым самообманом» [3]. После выхода Сообщения ТАСС у людей появилась надежда, что войны не будет, если об этом заявляет правительство. В своем дневнике студентка Ленин-

градского горного института М. Д. Ярушок написала: «Окончен второй курс. 1941 г. 15 июня уехала на учебную практику в Кривой Рог... 22 июня рано утром прозвучал по радио сигнал тревоги. Мы очень удивились, думали – с чего бы это проводить учение? Нет, война. И с кем? С Германией! Вот так договор о ненападении!» [4, с. 104]. Из письма Шамгулова Фаттаха из Кугарчинского района Башкирской АССР, будущего Героя Советского Союза, погибшего 18 апреля 1945 г. (он был мобилизован в 1940 г., а 22 июня 1941 г. он писал письмо домой, когда В. Молотов объявил о нападении фашистской Германии на Советский Союз): «Война, которую мы ждали, началась. Это будет большая война <...> Победа будет за нами!» [5, с. 20–21]. На вопрос о начале войны многие опрошенные отвечали: «Неожиданно, мы почти ни о чем не знали, телевизоров не было. Конечно, ходили разговоры о войне, но наступление ее было все же неожиданным» [6]. «На улице по радио объявили, что началась война. Все бежали, плакали и кричали: “Война! Война!”» [7]. По воспоминаниям шестнадцатилетней студентки Чкаловского (Оренбургского) медицинского железнодорожного техникума А. П. Гончаровой: «Я утром проснулась, чтобы идти в техникум, и тут по радио объявил Левитан – Внимание, внимание.... И все забегали, через каждый час объявляли ... паника, шум – никто не мог поверить. Сознательность была массовая, тут же все толпами ринулись в военкомат, через 4 часа после объявления очередь в военкомат была на полквартала, и парни и девушки все шли на фронт» [8]. «21 июня в субботу проводили время за городом – на выходных выбрались на природу. Когда вернулись на следующий день – узнали о начале войны по радио. Папа сразу пошел на призывной пункт, но его не взяли на фронт из-за брони, наложенной на работников оборонной промышленности. Завод ПРМЗ-11 “Красный партизан”, директором которого был А. З. Блинников, выпускал колодки и “башмаки” для поездов» (из воспоминаний его дочери Нины, которой к началу войны было 4 года) [9]. «Первый день войны был как гром среди ясного неба. Люди села собрались группами и со слезами на глазах обсуждали это страшное сообщение. Жизнь как будто остановилась» [10].

В отдаленных селах о начале войны узнали немного позже. Об этом свидетельствуют детские воспоминания Д. Ф. Рахматуллиной: «О начале войны узнали 23 июня в 9 часов утра. Руководители села собрали митинг в клубе и оповестили о начале войны» [11]. «О начале войны мы узнали не сразу, деревня наша глухая была. Узнали, когда папу забирали на фронт. Как сейчас помню, как собирали его всей семьей, вещи, еду. Много кого из мужчин в тот день забрали на фронт. Но как сейчас помню фразу, которую сказал папа плачущей маме и бабушке: “Не плачьте, не пугайте детей. Свидимся, дай Бог еще”. Помню, как поцеловал нас с сестрой и уехал» [12].

В тот же день Президиум Верховного Совета СССР принял указ о введении в ряде республик и областей страны военного положения и о мобилизации военнообязанных граждан 1905–1918 годов рождения, а в августе вышло постановление ГКО о мобилизации мужчин 1890–1904 годов рожде-

ния и призывников 1922–1923 годов рождения (всего за годы войны призваны военнообязанные 1890–1927 годов рождения, т.е. 38 возрастов) [13, с. 168].

Вместе со всей страной на защиту своей Отчизны встало 13-миллионное население Уральского региона. По всем городам, поселкам и селам прошли многотысячные митинги, где выступавшие заявляли о своей готовности защищать Родину. В Оренбурге на митингах 22 и 23 июня участвовало свыше 100 тысяч человек. В Свердловске к полуночи первого дня войны были проведены митинги на всех промышленных предприятиях [14, с. 20].

В Саткинском районе Челябинской области 22–23 июня прошло 270 митингов, на которых выступило 987 человек [15, с. 61].

С первых дней войны развернулось массовое добровольческое движение. В военкоматы поступали десятки тысяч заявлений. В Чкаловской (Оренбургской) области только 23 июня подано свыше 8 тыс. заявлений, в Молотовской (Пермской) области за первые две недели войны – более 30 тыс., из них 7 тыс. от женщин [14, с. 20]. Газета «Правда» 24 июня 1941 г. писала: «Вчера утром до начала работы и днем во время обеденных перерывов на всех предприятиях и в учреждениях города Чкалова проходили митинги. На шорно-сидельной фабрике митинг состоялся утром перед началом работы. Выступавшие с чувством негодования говорили о нападении фашистов и обещали всемерно помогать Красной Армии в борьбе с немецкими оккупантами». В Уфе только за два дня после начала войны поступило около 2 тыс. заявлений от добровольцев. За первые две недели войны изъявили желание выехать на фронт: в Белорецке и Тирляне – более 1 тыс., в Стерлитамаке – 500, в Баймакском районе – 420, Давлекановском – более 300, Кигинском – 150, Альшеевском – более 100 патриотов [16, с. 29].

За первые три дня войны в Магнитогорске подали заявления более 600 добровольцев, в Троицке – 458, в Чебаркульском районе – 214. К 29 июня 1941 г. в военкомат Златоуста поступило 1 091 заявление. Среди добровольцев Челябинской области в эти дни было 13 тыс. юношей и девушек. Сразу после выпускного вечера 52 выпускника школы № 37 Челябинска вместе с директором И.В. Гароном ушли на фронт [17, с. 7].

Потрясает письмо Нигматуллина Хамита Самигулловича, написанное жене и маленькой дочери 22 июня 1941 г. (1920 г.р., проходил срочную военную службу с 1939 г., погиб летом 1941 г., так и не увидев свою дочь, хотя постоянно в своих письмах мечтал об этом): «Сегодня воскресенье. Солнечный теплый день. Никакой работы нет... Это письмо продолжаю после того, как прослушал речь Молотова. Дела ведь очень плохи. Все мои мечты разбились вдребезги. Сейчас задача – либо умрем, либо останемся живы. Но мы должны победить! Будем ли когда-нибудь вместе? Ты наверно надежду уже потеряла. Пока не теряй надежду. Не все ведь погибнут!» [5, с. 109–110]. Через месяц после начала войны в своем письме жене он пишет: «Кто останется в живых после этой войны, мне кажется, он будет жить вечно. Мы находимся в аду. Если даже тело будет истерзано, если

останемся живы, мы имеем право жить вечно. Враг очень силен, особенно в технике. Сражения идут очень сильные. Таких войн никогда не было и не будет». В своем последнем письме в июле он пишет: «Ты мои письма береги. Долгие годы береги!» [5, с. 111–112].

Многие солдатские письма, написанные в первые дни войны, свидетельствуют о том, что люди верили в победу, хотя с тяжелыми боями отступали в глубь страны. Мухамедьяров Хай Габдрафикович ушел на фронт с начала войны, 24 июня в своем письме другу пишет: «На наше поколение выпала доля, для исполнения которой не пожалею своей силы» [5, с. 14–15]. Из первого и последнего письма Сулейманова Закарии Камаловича, написанного 12 июля 1941 г. матери, любимой жене, двоим своим детям: «Всем горячий свой привет посылаю, что касается наших дел, дела очень плохи. Сегодня, 12 июля, в кровавой битве были. До сих пор не верю, как я живым вышел. Многие мои друзья погибли. Мы понесли большие потери. Большие бои прошли. Но мы не растерялись. Не сдались. Стойко будем стоять. Мы будем драться до последней капли крови. Мы знаем, что дороже Родины ничего нет. Мы победим! Без сомнения мы победим. Победа будет за нами» [5, с. 140–141].

Даже молодые люди понимали, что война – это страшное бедствие: «27 июня прибыла в родной, любимый город Ленина... Все мои планы нарушены. Будь проклят тот, кто выдумал эту войну!» (Из дневника студентки горного института М. Д. Ярушок (Арбатской) [4, с. 104]. Об этом свидетельствуют и дневниковые записи ленинградского школьника Юры Рябинкина 1941 г.: «9 и 10 ноября... Я сижу и плачу... Мне ведь только шестнадцать лет! Сволочи, кто накликал всю эту войну..» [4, с. 108].

Люди задавали себе вопросы о причинах отступления: «Почему наши отступают? Лучшие части немцев, судя по информации, разбиты, армии их почти морально разложились, потери их больше наших, они голодают – и все же идут. Идут, как к себе домой и уже недалеко от Ленинграда. У них лучшая техника, но наши самолеты, как говорили, много лучше их... Но где они? А люди-то у нас какие – что ни боец, то герой. Так в чем дело? Я стала похожа на ненормальную, каждое поражение меня чуть в гроб не вгоняет. Все дни только и думаю, как бы попасть на фронт. Но кто возьмет меня с таким зрением?» (дневниковые записи студентки Ленинградского горного института М. Д. Ярушок (Арбатской) 17 августа 1941 г.) [4, с. 104]. Из секретных донесений НКВД видно, что разные были настроения населения и в Архангельской области: «Все говорили, что будем бить врага на его территории. Выходит, наоборот... Наше правительство два года кормило немцев, лучше бы запасло продуктов для своей армии и для народа, а то теперь всех нас ожидает голод». И такие разговоры ходили не только среди рядовых рабочих и колхозников. Так, секретарь парторганизации Архангельского управления связи П. В. Лобанов заявил: «Со стороны нашего правительства были допущены хвастливые речи, что у нас неисчерпаемые запасы всего, что будем бить врага только на его территории, а на деле получается обратное» [4, с. 61].

Проводы на фронт родных и близких остались в памяти у всех. По воспоминаниям подростка войны Е. Ф. Кужман: «В первый день войны в бричку загребли мужчин из нашей деревни и повезли на фронт. Плакали все ... и дети, и старики. Встретить мне довелось только брата Шуру, он воевал в самой Германии, а другой брат Гриша погиб на Дальнем Востоке» [6]. «Беззаботное детство прервалось неожиданно. Мы были мальчишками, по 13 лет мне и моим друзьям, когда мы услышали, что началась война. Мы всем селом провожали; женщины плакали, и нам было не по себе от этого, нас одолевал страх», – вспоминает К. Т. Алиев [18]. «О приближении станций, задолго до их появления, узнавали по вою – то женщины провожали мужчин на фронт. До сих пор жутко вспоминать это...» (из дневника студентки горного института М. Д. Ярушок (Арбатской) [4, с. 104]. В детской памяти Т. Г. Бегмы (Золотаревой) отпечатались проводы отца на фронт: «Проводы на фронт были в райцентре – Ташле. На вокзальной площади было очень много народа. Люди кричали, пели, плакали, пили, надрывались от частушек гармошки. Мать глазами искала в толпе отошедшего куда-то своего мужа Гурьяна. Уже объявили построение, а Гурьяна все не было. Мужчины усаживались на подводы. И в это время появился отец. В его руках были гостиницы: розовое мороженое и розовая погремушка. Ему очень хотелось порадовать своих дочек. Он протянул Тамаре мороженое и сказал: “А игрушку – Але”. И вдруг Тамара расплакалась. Ей тоже хотелось такую же игрушку, как у младшей сестренки. Отец в растерянности неловко обнял жену и дочь и побежал догонять подводу» [19].

Положение усугубляли периодически возникавшие среди населения слухи. Борьба с провокационными, контрреволюционными слухами оставалась в течение всей войны одной из главных задач партийных и особенно правоохранительных органов. Однако преодолеть распространение слухов было непросто. Люди хотели высказаться, поделиться наболевшим, услышать слова поддержки и утешения. Неудачи первого периода войны провоцировали граждан на пораженческие и антисоветские высказывания. В первые дни войны в Чкаловской области с 23 июня по 2 июля 1941 г. арестовали 173 человека, которых обвинили в контрреволюционной агитации. Так, 18 ноября 1941 г. в отдел пропаганды и агитации Чкаловского горкома партии поступила информация о том, что 22 октября на занятиях кружка с домохозяйками на ул. Горького, 21 Ускова высказывала антисоветские идеи: «Нагнали к нам всяких, особенно евреев, которые работать не любят, а теперь нас они обучают. Нас просвещать нечего – 24 года заставляли хлопать в ладоши, говорили, что все хорошо, а прошло 3 месяца, и половины России нет» [20, с. 78–79].

Всем опрошенным респондентам на всю оставшуюся жизнь запомнился День Победы. «Этот день я никогда не забуду. Помню его как сейчас. Мы с мамой были дома, когда по радио передали о Победе, которую мы так долго ждали. Мы сидели и плакали, но это уже были не те слезы, что в войну. Это были слезы радости» [21]. «Помню, что постучала в дверь соседка и крик-

нула: “Победа!” Все кинулись к радио, а потом раскрыли окна и кричали: “Победа! Победа!” Я сняла со своей младшей двоюродной сестры Риммы пионерский галстук и размахивала им в раскрытое окно и кричала: “Победа! Победа!”» [22]. Как вспоминала Принько (Бабина) Ирина Георгиевна, подросток войны: «Мы все шли в школу, моросил небольшой дождь, и по радио передали, что война закончилась. Как мы все радовались. Все не обращали внимание на дождь... Люди выглядывали из окон, а мы с криками побежали на железную дорогу, встречать поезда...» [23]. «Утром ученики пошли в соседнее село Яшкино в школу, а там уже в колокол звонили – война кончилась. Мальчишки прибежали обратно в колхоз и кричали все: “Война кончилась, война кончилась!” У кого жив кто на фронте был, радовались, а у кого погибли, плакали. Да все плакали... Тепло было, дождик моросил... стол накрыли общеколхозный, а утром после Победы опять вышли на работу...стали приходить те, кто выжил, шестеро пришло – калеки в основном, долго не прожили...» [24].

«Я с работы возвратилась домой, а мать плачет, я к ней: “Что случилось мама?” Она мне и ответила, что кончилась война, тогда не говорили, что мы победили или день победы. Говорили “Война кончилась”» [6]. «Как отмечал день Победы? Плакал от радости. И не стыжусь этих слез», – говорил инвалид войны Климов Иван Никитович [25]. «Я спала, было часов 6 утра и тут крик, в окна стучат, я соскочила, думаю, что случилось? И на улицу, а там кто в чем бежит и кричат – война кончилась! Война кончилась! Полураздетые все обнимаются, целуются, все родные. Плакали, было прямо какое-то безумие. Радости не было предела!» [8].

Таким образом, общественная реакция на начало войны была разная, но основная масса населения была патриотично настроена, и толпы молодых людей устремились в военкоматы с просьбой отправить их на фронт добровольцами. Старшее поколение знало, что война будет долгой и страшной. Особенно сильно плакали женщины, провожая своих родных и близких на войну, прекрасно понимая, что многие видят их в последний раз. Чтобы пройти войну от звонка до звонка и вернуться домой живым, надо было быть очень везучим человеком. Дети и подростки сразу повзрослели. Об этом свидетельствуют их воспоминания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хисамутдинова, Р. Р.* Советский Союз накануне и в период Великой Отечественной войны: учеб. пособие к лекционному курсу для исторических факультетов пед. вузов. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2009.
2. Из воспоминаний участника Великой Отечественной войны Седова Виктора Павловича, 1923 г.р., место рождения – с. Ильинское, Селивановский район, Владимирская обл., ушел добровольцем на фронт в декабре 1942 г. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.

3. *Городецкий, Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз / Г. Городецкий. – М., 1999.
4. Россия, которую мы не знали. 1939–1993: хрестоматия / под ред. проф. М. Е. Главацкого. – Челябинск : Юж-Урал. кн. изд-во, 1995.
5. Письма огненных лет. – Уфа : Китап, 2005.
6. Интервью с Екатериной Федоровной Кужман, 1929 г.р., место рождения – хутор Чулошников, Оренбургский район, Оренбургская обл., ныне проживающей на ст. Чебеньки, Оренбургский район, Оренбургская обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
7. Интервью с Петровой Александрой Антоновной, 1927 г.р., проживавшей в г. Оренбурге в годы войны // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
8. Интервью с Солмановой (Гончаровой) Александрой Павловной, 1925 г.р., место рождения – Одесская обл. с. Сакино, в 1935 семья переехала в Оренбургскую обл. Соль-Илецкий район с. Григорьевка и ныне проживает там // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
9. Воспоминания Александровой (Блинниковой) Нины Александровны, 1934 г.р., жительницы г. Чкалова (Оренбурга) в годы войны // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
10. Воспоминания Емец Владимира Кузьмича, 1930 г.р., проживающий в Чкаловской области // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
11. Воспоминания Рахматуллиной Дины Фазлыахметовны, 1933 г.р., жительницей с. Тукай Оренбургского района Чкаловской (Оренбургской) обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
12. Воспоминания Хохловой Дины Михайловны, 1938 г.р., проживавшей в годы войны и ныне жительницы Оренбургского района, Чкаловской (Оренбургской) обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
13. *Хисамутдинова, Р. Р.* Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945 годы): военно-исторические очерки / Р. Р. Хисамутдинова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014.
14. Урал – фронту / под ред. А. В. Митрофановой. – М. : Экономика, 1985.
15. Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне: сб. док. и материалов. – Челябинск, 1981.
16. *Ахмадиев, Т. Х.* Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / Т. Х. Ахмадиев. – Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1984.
17. *Павленко, В. Д.* Огненный рубеж фронта и тыла / В. Д. Павленко, Г. К. Павленко. – Челябинск, 2005.
18. Интервью с Алиевым Калием Тажбановичем, 1928 г.р., в годы войны проживавшим в с. Донское (ныне Троицк) Соль-Илецкого района Оренбургской обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
19. Интервью с Бегма (Золотаревой) Тamarой Гурьевной, 1937 г.р., проживавшей в годы войны в пос. Калинин Ташлинского района Оренбургской обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
20. *Блинова В. В.* Великая Отечественная война и органы НКВД Южного Урала / В. В. Блинова, Р. Р. Хисамутдинова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2007.

21. Интервью с Дмитриевым Павлом Ивановичем, 1931 г.р., проживавшим в годы войны в пос. Шар Александровского района Чкаловской обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
22. Интервью с Савельевой Валентиной Федоровной, 1927 г.р. – жительницей г. Оренбурга, проживавшей в годы войны в с. Грачевка Чкаловской обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
23. Интервью с Принько (Бабиной) Ириной Георгиевной, 1931 г.р., проживавшей в п. Акбулак Акбулакского района Оренбургской обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
24. Интервью с Анохиной (Кутиловой) Анной Васильевной, 1929 г.р., жившей в годы войны в пос. Дрыгин-Сад, Красногвардейский район, Оренбургская (Чкаловская) обл., ныне проживает в с. Толкаевка Сорочинского района Оренбургской обл. // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.
25. Интервью с Климовым Иваном Никитовичем, 1912 г.р., участником Великой Отечественной войны // Личный архив Р. Р. Хисамутдиновой.

БЕЛАРУСЬ НАПЯРЭДАДНІ І Ў ГАДЫ ВЯЛКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ: НОВЫЯ ФАКТЫ, АЦЭНКІ, ВЫСНОВЫ

И. Ю. Воронкова

МАССОВАЯ ОБОРОННАЯ РАБОТА В БЕЛОРУССКОЙ ССР НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Накануне Великой Отечественной войны массовая оборонная (либо, как ее тогда называли, оборонно-массовая) работа являлась неотъемлемой частью оборонного строительства в СССР и представляла собой систему мероприятий государственных и общественных организаций, направленную на патриотическое воспитание населения и повышение его готовности к защите Отечества. Эта система включала распространение военных знаний, военно-технических видов спорта, подготовку молодежи к воинской службе. Организаторами и руководителями оборонной работы с населением выступали как специальные военизированные и спортивные общества, так и советские, партийные, комсомольские, профсоюзные структуры. На территории Белорусской ССР ее исходным пунктом являлась неустанно внедрявшаяся в сознание людей идея о ведущей роли республики как несокрушимом форпосте социализма на западной границе Советского Союза, способном дать столь же мощный отпор агрессору, как это произошло на дальневосточных рубежах СССР в ходе вооруженных конфликтов на озере Хасан и реке Халхин-Гол в 1938–1939 гг. Так, в постановлении бюро Ворошиловского райкома КП(б)Б (г. Минск) от 20 ноября 1938 г., в частности, отмечалось, что бюро вновь напоминает о сталинском указании «держатъ весь народ в состоянии мобилизационной готовности», особенно сейчас, когда «сроки передышки сокращаются, и горизонт покрыт свинцовыми тучами войны». В связи с этим райком принял решение «из комначсостава на предприятиях создать специальные группы с выделением специального командира для занятия с ними... Особо выпятить вопрос о тактике и топографии, делая упор на изучение театра будущей войны, вероятных наших врагов...» [1, оп. 1, д. 12754, л. 186].

С установлением тесных контактов двух «форпостов» Советского Союза на западной и восточной границах – БССР и Дальневосточного края РСФСР – был связан специфический ракурс военно-оборонной работы. Так, в ноябре 1938 г. пионеры 32-й школы Хабаровска обратились к пионерам и школьникам БССР с призывом развернуть социалистическое соревнование на лучшую организацию оборонной работы в ознаменование 21-й годовщины армии и флота. Суть призыва заключалась в том, чтобы каждый пионер и школьник имели к юбилею по 3 оборонных значка, а также учились только на «отлично» и «хорошо». Обращение школьников Дальнего Востока широко обсуждалось в школах Беларуси, а Президиум центрального совета Осоавиахима БССР принял специальное решение в поддержку идеи соревнования,

отдав распоряжение своим организациям оказать школам и пионерским отрядам практическую помощь в организации оборонных кружков по изучению винтовки и пулемета, юных разведчиков, топографов, связистов и др. В рамках мероприятия был проведен ряд республиканских, областных, городских и районных оборонных соревнований школьников [2].

6 августа 1939 г. в Москве, на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, возле павильона Дальнего Востока состоялась встреча «представителей двух боевых форпостов» – колхозников Дальнего Востока и Беларуси, с участием председателя Совнаркома БССР К. В. Киселева. Во время встречи колхозница из колхоза «Новый путь» Могилевского района, депутат Верховного Совета БССР У. Маханенкова выступила с предложением о заключении договора на социалистическое соревнование по оборонной работе между Дальним Востоком и БССР и предложила, чтобы в дальнейшем, здесь же, на ВСХВ, обнародовать его результаты. Это предложение было поддержано и на Дальнем Востоке, и в Беларуси, на заседании Президиума центрального совета Осоавиахима БССР, который разработал текст договора. Затем состоялись соответствующие решения трудовых коллективов предприятий и организаций. Договор был подписан обеими сторонами и вступил в силу в конце августа 1939 г. [3].

В марте 1940 г. исполком Красного Креста Хабаровского края направил в ЦК Красного Креста БССР письмо с предложением продлить оборонное соревнование «БССР – Дальний Восток» под лозунгом «Крепить санитарную оборону страны, готовить кадры санитарных бойцов!». Это предложение также было принято, и соответствующие мероприятия проходили практически до начала войны.

Качественно новый этап в работе республиканских добровольных оборонных и спортивных обществ, а также военно-мобилизационных органов и организаций местной противовоздушной обороны был связан с началом Второй мировой войны. В 1939 г. было введено ее плотное кураторство со стороны военных отделов, созданных во всех райкомах, горкомах, окружкомах, обкомах, крайкомах и ЦК компартий союзных республик. Военный отдел ЦК КП(б)Б возглавил Н. И. Прохоров. Задачей военных отделов была помощь в подборе и расстановке кадров, обеспечении материально-технической базы военной подготовки, в военно-патриотическом воспитании населения. По инициативе военных отделов вопросы оборонно-массовой работы стали систематически рассматриваться партийными комитетами [4, л. 6].

Весной 1940 г. в Беларуси состоялись областные партийные конференции, на которых обсуждение аспектов патриотического воспитания и повышения мобилизационной готовности населения заняло значительное место. Была поставлена задача, чтобы каждый коммунист и комсомолец овладел одной из военных специальностей, поскольку, как заявил первый секретарь Минского обкома и горкома КП(б)Б А. П. Матвеев на VI Минской партконференции, «нельзя даже на одну минуту забывать, что мы находимся в условиях капиталистического окружения» [4].

Непосредственную военную подготовку и физическое воспитание молодежи обеспечивали спортивные общества, а также военизированные оборонные «общества содействия»: Общество содействия обороне и авиационно-химическому строительству СССР (Осоавиахим), Общество содействия развитию водного транспорта и охраны жизни людей на водных путях СССР (Освод), Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца. Форм и методов этой работы было множество. Так, Осоавиахим готовил кадры для армии и флота по многим военным специальностям. В учебных подразделениях этого общества изучали стрелковое дело, средства противовоздушной и противохимической обороны, военную тактику, топографию, приемы штыкового боя, гранатометание, обучали служебных собак и голубей. В автоучебных пунктах осваивали технику вождения транспортных средств. Готовили также связистов, радистов, водолазов. В аэроклубах, планерных и парашютных школах, кружках авиамоделизма молодежь овладевала авиационной техникой.

На предприятиях, в колхозах, совхозах, учреждениях, жилых домах действовали ячейки Красного Креста, которые развертывали сеть санитарных постов и дружин, осуществляли массовую подготовку медицинских сестер, санитаров, дезинфекторов, проводили просветительскую работу по санитарной обороне.

После выполнения определенных нормативов молодежь Беларуси, как и другие молодые граждане СССР, получала значки оборонных обществ: «Будь готов к труду и обороне» (БГТО), «Готов к труду и обороне» (ГТО), «Противовоздушная и противохимическая оборона» (ПВХО), «Юный ворошиловский стрелок» (ЮВС), «Ворошиловский стрелок» 1-го и 2-го профилей (ВС-1 и ВС-2), «Ворошиловский конник», «Будь готов к санитарной обороне» (БГСО), «Готов к санитарной обороне» 1-го и 2-го профилей (ГСО-1 и ГСО-2).

В 1939 г. согласно новому Закону о всеобщей воинской обязанности была введена допризывная подготовка учащихся старших классов. В школах активизировалась работа по созданию оборонных кружков, массовой сдаче норм на получение военно-спортивных значков. Однако, как указали нарком обороны СССР С. К. Тимошенко и начальник Генштаба Г. К. Жуков в записке И. В. Сталину от 12/13 июня 1941 г., допризывная подготовка, по существу, не могла развернуться должным образом, поскольку положения, предусматривавшего порядок ее проведения, СНК ССР на этот период пока не утвердил. Поэтому в 1940/1941 учебном году учащиеся проходили допризывную военную подготовку на основе Закона об обязательной военной службе, который был отменен в 1939 г., так как качество подготовки не отвечало современным требованиям. Полностью были обеспечены военными руководителями лишь высшие учебные заведения, техникумы, рабфаки, школы ФЗУ, ремесленные и железнодорожные училища. Ввиду низкой материальной заинтересованности военруков средних школ-десятилеток (в средних школах-семилетках планировалось ввести начальную военную подготовку только с 1 сентября 1942 г.) лучшая часть подобранных специалистов из числа начсостава запаса, не дождавшись утверждения новых ставок, уходила на другую работу.

Для стабилизации сложившейся ситуации Наркоматом обороны СССР был предпринят ряд мероприятий. Так, в соответствии с Постановлением СНК Союза ССР от 21 сентября 1939 г. для руководства начальной и допризывной военной подготовкой был создан специальный аппарат – в центре, в военных округах и в областных военных комиссариатах. Были разработаны и разосланы на места программы, специальные учебники и плакаты, приборы, другие наглядные пособия, выделены 35 000 учебных винтовок, 60 000 000 малокалиберных патронов и около 3 000 000 учебно-топографических карт [5].

Действовали и специальные школы, готовившие юношей 8–10-х классов к поступлению в военные училища. К существовавшим с 1937 г. артиллерийским школам добавились военно-авиационные и военно-морские. СНК СССР предложил Совнаркомам РСФСР, УССР, БССР, Грузинской ССР и Армянской ССР организовать 20 школ Военно-воздушных сил, утвердил Положение о спецшколах ВВС и присвоил каждой из будущих школ порядковый номер. Минская специальная школа № 18 ВВС Красной армии была создана постановлением Бюро ЦК КП(б)Б от 18 января 1940 г. на базе средней школы № 21 для «подготовки кадров для комплектования военных авиационных училищ – летчиков и летчиков-наблюдателей ВВС Красной Армии». Эта школа на 500 человек входила в систему Наркомпроса БССР и охватывала учащихся 8–10-х классов, в первую очередь курсантов Минского аэроклуба и детей командиров РККА. Занятия начались 2 января 1941 г. Наряду с общеобразовательными предметами изучалась военная подготовка, были увеличены (по сравнению с общеобразовательными средними школами) часы по алгебре, тригонометрии, химии, черчению, русскому языку за счет уменьшения часов по истории, природоведению и белорусской литературе. Любопытный факт: 30 января 1941 г. командующий Западным особым военным округом Д. Г. Павлов и член Военного совета А. Я. Фоминых обратились с письмом в ЦК КП(б)Б по поводу введения в спецшколе решением Наркомата просвещения БССР преподавания белорусского языка. Командование округа сочло этот шаг неправильным, объяснив свою позицию тем, что учащиеся-белорусы до 7 класса уже изучали белорусский язык, «кроме того, единственным командным языком Красной Армии является русский язык». На основании этого, Военный совет округа счел возможным просить ЦК КП(б)Б отменить преподавание белорусского языка, а за счет освободившихся часов «усилить преподавание русского и одного из иностранных языков, столь необходимых будущим командирам ВВС Красной Армии». Нарком просвещения БССР Е. И. Уралова не смогла найти достаточных аргументов против данного предложения и согласилась заменить часы белорусского языка на преподавание русского и немецкого языков [7, оп. 1, д. 18406, л. 12–13].

В связи с началом Второй мировой войны военной подготовкой начали охватывать все более широкие слои населения, значительно повысилось внимание к обучению допризывников, переподготовке командиров и полит-

работников запаса. Накануне осенней призывной кампании 1939 г. военные комиссариаты БССР вместе с партийными, комсомольскими и общественными организациями провели большую подготовительную работу на основе социалистического соревнования «На лучшую подготовку и лучшее проведение призыва». Помимо других мероприятий эта работа включала ликвидацию неграмотности и малограмотности призывников.

Военкоматы систематически проводили консультации по вопросам ПВХО и ГСО. Повышенное внимание было уделено политической пропаганде: организовывались лекции, беседы о международном положении, продвижении частей Красной армии в Западную Беларусь и Западную Украину. Не забыта была и духовная «пища»: призывникам вручали билеты в театры и другие учреждения культуры. В результате в ходе сентябрьского призыва 1939 г. наблюдалось увеличение заявлений о досрочном зачислении в ряды РККА и ВМФ, об отказе от льгот и др. Одними из наиболее передовых в работе с призывниками проявили себя Сталинский, Ворошиловский и Кагановичский райвоенкоматы г. Минска.

После завершения работы призывных комиссий партийные, комсомольские, оборонные, профсоюзные организации устроили проводы призывников, которые на митингах обещали «быть впереди по боевой и политической подготовке в частях Красной Армии, как были впереди на производстве, чтобы в нужный момент бить врага по-хасановски», а рабочие заверяли призывников, что будут еще лучше работать и тем самым оказывать помощь «любимой Красной Армии» [6, оп. 1а, д. 58, л. 175–177].

Когда началась советско-финляндская война, военкоматы провели скрытую вербовку в Красную армию добровольцев из военнообязанных запаса. Согласно шифротелеграмме наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова до 20 января 1940 г. на территории Белорусского Особого военного округа в обстановке чрезвычайной секретности были сформированы два лыжных батальона добровольцев-военнообязанных из младшего начальствующего и рядового состава в возрасте до 35 лет. В частности, по Минской области таких добровольцев набралось 450 человек [7, оп. 21, д. 2136, л. 14, 16].

В 1940–1941 гг. деятельность оборонных организаций была перестроена на предмет приближения массового военного обучения населения к требованиям современной войны. Центральный совет Осоавиахима СССР разработал новые программы военного обучения. Клубовая система была заменена учебными подразделениями (группами, командами, отрядами). Военные занятия были перенесены из помещений в поле, на стрельбища, в условия, приближенные к боевой обстановке.

В рамках активизации мероприятий военно-оборонительного характера постановлением ЦК КП(б)Б от 26 мая 1941 г. на Центральный совет Осоавиахима БССР (председатель совета – полковник А. М. Молотков) была возложена ответственность за организацию и обучение постоянных групп и отрядов по уничтожению авиадесантов возможного противника. Именно

на базе этих групп и отрядов, а также групп самообороны предприятий и учреждений 24 июня 1941 г. постановлениями СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» и «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» началось формирование истребительных батальонов НКВД СССР.

Согласно решению Президиума Центрального совета Осоавиахима СССР от 17 апреля 1941 г. в БССР в мае того же года было принято постановление, обязывавшее областные, городские и районные советы Осоавиахима так организовать подготовку населения по сдаче норм ПВХО 1-й степени, чтобы в городах-пунктах ПВО угрожаемой зоны, к которым относились Минск, Витебск, Орша, Полоцк, Могилев, Бобруйск, Белосток, Волковыск, Гродно, Барановичи, Лида, Молодечно, Брест, к концу 1941 г. был 100-процентный охват населения от 10 лет и старше. В этих же городах предусматривалось продолжать активную подготовку групп самозащиты жилых домов. В каждую группу входило около 30 человек: начальник группы, заведующий имуществом, звено охраны порядка и наблюдения, пожарное звено, звенья противохимической защиты и аварийно-восстановительное [7, оп. 1, д. 18405, л. 82–85].

В рамках этой работы в специальных магазинах Осоавиахима была налажена продажа населению противогазов (каждый житель, включая детей, обязан был иметь личный противогаз), наглядных пособий по противовоздушной химической обороне, стрелковому делу, черной бумаги и принадлежностей для оконных штор с целью затемнения окон в условиях светомаскировки.

Быстро развивались военно-прикладные виды спорта. Согласно постановлению Совнаркома СССР от 26 ноября 1939 г. был разработан новый Всесоюзный спортивный комплекс «Готов к труду и обороне», включавший такие виды спорта, как гранатометание, штыковой бой, преодоление полосы препятствий, фехтование, стрельба, верховая езда и рубка, лыжи, кроссы, вело- и мотоспорт, борьба, альпинизм. Перед физкультурными организациями была поставлена задача: вовлечь как можно больше населения, особенно молодежи, в спортивные секции и команды. На основе нового комплекса ГТО были пересмотрены и пополнены военно-прикладными упражнениями программы учебно-спортивной работы и соревнований. Большую популярность приобрели спортивные праздники, спартакиады, массовые кроссы. С лета 1939 г. ежегодно праздновался Всесоюзный день физкультурника, подготовка к которому проходила под лозунгом «Сегодня физкультурник – завтра боец». Опыт боевых действий в Финляндии выявил необходимость улучшения лыжной подготовки.

Основными видами физкультурных занятий в БССР являлись легкая атлетика, лыжи, коньки, плавание, гимнастика. Военно-физкультурные мероприятия включали «профсоюзные и комсомольские кроссы», «ночной бег патрулей», «пешие переходы», в том числе в противогазах, и др. В условиях

позитивной психологической настроенности большинства населения все мероприятия пользовались широкой популярностью.

Однако и в этой работе было немало проблем. В частности, негативные последствия имело поспешное сокращение платных физкультурных работников на предприятиях без предварительной подготовки общественных инструкторов. В результате ряд коллективов физкультуры прекратил свое существование. Чтобы ликвидировать этот пробел, городские комитеты по делам физкультуры и спорта совместно с Осоавиахимом организовали курсы по подготовке инструкторов-общественников. В некоторых случаях приходилось оформлять физкультурников на должности рабочих на предприятиях [8, оп. 5а, д. 47, л. 4–13].

В целом накануне Великой Отечественной войны перед партийными, комсомольскими и оборонными организациями БССР стояла задача до конца 1941 г. максимально вовлечь население в оборонно-массовую работу, развивая физическую подготовку и умение применять свои знания в обстановке, максимально приближенной к реальной [8, оп. 5а, д. 47, л. 23–27]. К сожалению, никто в то время не мог предугадать, какие масштабы и характер примет эта «реальная» обстановка на территории Беларуси летом 1941 г. А она, как известно, не позволила населению в должной мере проявить привитые ему накануне войны военно-оборонительные навыки и умение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4п.
2. Звезда. – 1938. – 16 ліст.
3. Советская Белоруссия. – 1939. – 8, 10 авг.
4. Звезда. – 1940. – 6 сак.
5. Известия ЦК КПСС. – 1990. – № 5.
6. Государственный архив Минской области (ГАМО). – Фонд 1п.
7. НАРБ. – Фонд 4п.
8. ГАМО. – Фонд 1п.

М. В. Стрелец

ИЗУЧЕНИЕ ТРАГЕДИИ БЕЛОРУССКИХ ЕВРЕЕВ (1941–1944): ОПЫТ СОВРЕМЕННОГО ПРОЧТЕНИЯ

Предметом нашего исследования является монография [1], которая вышла из печати 15 лет назад.

На первый взгляд книга «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.» не является строго академическим изданием и не претендует на всеобъемлющее освещение проблемы. Пропать трагедии евреев на оккупированной территории республики в годы Великой Отечественной войны настолько бездонна, что ее невозможно осветить даже в многотомном

энциклопедическом издании. Поэтому можно согласиться с Даниэлем Романовским, который в предисловии к книге «Катастрофа евреев в Белоруссии...» пишет, что есть два способа написания истории Холокоста. Один – скрупулезно восстанавливать события день за днем и район за районом; другой – попытаться проникнуть в суть происшедшего, выявить его внутреннюю логику и взаимозависимость, далее анализировать, сопоставлять и т.д. Автор Л. Смиловицкий пошел вторым путем. Его монография поделена на главы не географически или хронологически, а по аспектам истории Холокоста. Насколько это удалось – другой вопрос, но автор, как мы постараемся далее это показать, осмелился «ломать каноны» общепризнанного отношения к истории белорусских евреев в годы нацистской оккупации.

Как известно, научный уровень исследования определяется не только новизной и достоверностью источников, положенных в его основу, но и попыткой нового прочтения уже известных документов и материалов. Если при этом предлагается новая концепция изучения поднятой проблемы, то уровень исследования поднимается на заметную высоту.

Автор книги «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.», о которой пойдет речь сегодня, наш бывший соотечественник, уроженец Беларуси. Леонид Смиловицкий живет в Израиле и с 1995 г. является старшим научным сотрудником Центра диаспоры при Тель-Авивском университете. Монография доктора Смиловицкого, посвященная трагедии белорусских евреев в годы Второй мировой войны, – это первый опыт системной реконструкции Холокоста в белорусской историографии. Метод научного поиска, обобщения и трактовки событий, которые Л. Смиловицкий использует в своем исследовании, включает работу в архивах в сочетании с устной историей. Многочисленные интервью, которые наш израильский коллега проводит в течение последних двух десятилетий с людьми, пережившими Катастрофу, партизанами и подпольщиками, праведниками народов мира, органично вписываются им в ткань повествования.

Л. Смиловицкий, родившийся 10 лет спустя после окончания Великой Отечественной войны, знает о трагедии, постигшей Беларусь, не из личного опыта. Эти знания он почерпнул из документов и материалов фондов Национального архива Республики Беларусь, государственных архивов Брестской, Гродненской, Могилевской, Витебской и Минской областей, Государственного архива Российской Федерации, Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, Российского государственного архива экономики, Центрального архива народов Израиля, «Яд Вашем», архива устной истории Института современного еврейства Иерусалимского университета, Центрального сионистского архива в Иерусалиме и др.

Каждый человек, который прикоснется к теме Катастрофы евреев в годы Второй мировой войны, подсознательно ищет ответ на вопрос – насколько трагедия была неизбежна? Можно ли было ее предотвратить и если да, то какие шаги могли быть предприняты? А если нет, то почему?

Насколько советские евреи были осведомлены о грозящей им опасности и что сделали в этом отношении Коммунистическая партия и советское государство? А если нет, то почему?

Как проходили бегство и эвакуация из прифронтовой полосы и почему в советский тыл бежали именно еврейские женщины, старики и дети (мужчины были призваны в Красную армию)? Вместе с евреями от немцев бежали семьи партийных и советских работников, НКВД. Белорусы, если это не были коммунисты, советские активисты, высокопоставленные управленцы и чиновники, сотрудники органов безопасности, массово не бежали.

Л. Смиловицкий, поднимая эти и другие проблемные вопросы, дал свою трактовку ходу событий. При этом он опирается не только на архивный материал, устные рассказы и результаты анкетирования очевидцев событий тех лет. Автор сравнивает свои размышления с работами по истории Катастрофы, опубликованными на Западе и в Израиле, на английском и иврите за последние 40 лет.

Ученый показывает, как владевшая стратегической инициативой германская военная машина лишила большую часть советских граждан возможности эвакуироваться. Трагическое положение беженцев было усугублено в результате неразумной политики, когда из-за боязни диверсантов и шпионов советские пограничники получили приказ не допускать пересечения населением «старой границы», направляясь из недавно присоединенных областей Западной Белоруссии (и то же самое из Западной Украины, Прибалтики и Бессарабии) в восточные области БССР.

Партийно-государственное руководство Беларуси, застигнутое врасплох, оказалось не способно своевременно организовать эвакуацию. Здесь не было злой воли. Отсутствие правдивой информации о положении на фронте, четкого плана действий и ясных распоряжений от руководящих инстанций, боязнь принятия самостоятельных решений, наконец, фактор времени – привели к тому, что не было объявлено об эвакуации. Вместо этого, руководство республики тайно покинуло столицу на третий день войны, а на седьмой день в столицу республики вступили немцы. Еврейское население оказалось обреченным. В Минске погибло почти 100 тыс. евреев (город захвачен 27 июня 1941 г.), в Витебске около 20 тыс. из 37 тыс. (11 июля 1941 г.), в Могилеве 10 тыс. евреев из 20 тыс. (27 июля 1941 г.), в Гомеле 4 тыс. из 40 тыс. (19 августа 1941 г.) [1, с. 13]. По данным автора, всего удалось эвакуироваться не более 10 % белорусских евреев.

В книге впервые представлена картина влияния Холокоста на изменения в демографическом балансе БССР. Выступая как историк, демограф и социолог в одном лице, Л. Смиловицкий пытается найти объяснение особенностям трагедии белорусских евреев. Катастрофа не только сократила еврейское население республики более чем на 80 %, но и существенно изменила его социальный и культурный облик. Больше всего пострадала та часть еврейства, которая говорила на идиш, жители местечек и простонародье – прослойка, в которой еще сохранялись остатки уклада еврейской общины [1, с. 30]. Конечно, это не окончание разговора на такую важную и болезненную

тему. Мы до сих пор не в силах дать окончательную оценку потерям еврейского населения Беларуси. Эта тема еще долго будет вызывать дискуссии. Любые оценки должны быть обоснованы, гипотезы – доказаны.

В параграфе 2 первой главы, названном «Поиски спасения на оккупированной территории», рецензент выявил очевидную научную новизну в процессе прослеживания следующих сюжетных линий: 1) жизнь в гетто, испытание голодом; 2) деморализация узников; 3) поиски спасения; 4) организованные побеги; 5) помощь в спасении евреев немецкими военнослужащими; 6) спасение евреев христианскими верующими.

Ученый впервые масштабно разрабатывает проблематику, связанную с судьбой еврейских детей на оккупированной территории БССР (параграф 3 первой главы). Известно, что в советской историографии присутствовал тематический комплекс «дети и война», но одновременно из него вычеркивался сегмент под названием «дети и Холокост». И это в то время, когда данный сегмент разрабатывался научным сообществом в США, Западной Европе, Израиле, однако и там он не стал предметом исследования.

Документы о Холокосте в Белоруссии сохранили мало сведений, посвященных детям. Почти не осталось описаний их поведения в гетто, мироощущения, взаимоотношений со взрослыми и сверстниками, евреями и неевреями. Автор обращает внимание на то, что «современная литература о Холокосте накопила достаточно личных историй, воспоминаний о детях, в том числе дошкольного и младшего школьного возраста. Важность их трудно переоценить. Это почти единственный источник, дающий представление о происшедшем с точки зрения детской психологии» [1, с. 67].

Когда писалась книга, не было установлено, сколько еврейских детей находилось на оккупированной территории БССР. Эта проблема не нашла своего решения до сих пор и вряд ли решится в обозримом будущем. Все упирается в то, что оккупационные власти не интересовались подобной статистикой. Правда, доктору Л. Смиловицкому удалось выявить некоторые цифровые выкладки по анализируемому вопросу. Возьмем, например, столицу субъекта федерации. «В Минском гетто к ноябрю 1942 г. насчитывалось 2 127 детей или 22,5 % всех жителей. В самом городе вне гетто проживало 102 132 жителей, включая 44 892 детей в возрасте до 18 лет (44 %)» [1, с. 69].

Понятно, что отсутствие у детей жизненного опыта и физических сил делало их наиболее беззащитными. Еврейские дети не могли объяснить себе природу антисемитизма, но чувствовали, что их участь предопределена. «Гибель грозила *полукровкам* – потомкам от смешанных браков евреев и неевреев, выдачи которых, особенно настойчиво с 1942 г., требовали нацисты. В то же время дети обладали несомненными преимуществами перед взрослыми, скорее реагировали на перемену ситуации. Вместе с тем, стремление к выживанию у детей было часто выше, чем у взрослых, а навыки поведения, которые они усваивали, более действенными. Не случайно партизаны часто использовали детей в качестве проводников, разведчиков, связных, проникавших в гетто и выводивших в лес взрослых» [1, с. 14].

Автор по-новаторски освещает также следующие сюжетные линии: *антисемитизм и дети, дети от смешанных браков, поведение нееврейских супругов, отличие статуса детей евреев от неевреев, количество жертв среди детей, влияние Катастрофы на судьбы детей*. При обращении Л. Смиловицкого к каждой из названных линий задается алгоритм для дальнейших исследовательских поисков, что обязательно должно учитываться коллегами по цеху.

4-й параграф первой главы называется так: «Конфискация еврейской собственности». Проблема изъятия еврейской собственности и ценностей на оккупированной территории изложена автором с исчерпывающим учетом трех аспектов: организационно-правового, концептуального, практического. Он убедительно показывает, что только при корреляции всех перечисленных аспектов возможно достижение справедливости по отношению к жертвам изъятия еврейской собственности и ценностей на оккупированной территории.

Что имелось на момент издания книги в отношении указанных аспектов?

Во-первых, решения проходившей в 1997 г. международной конференции в Лондоне, посвященной судьбе еврейских ценностей, похищенных нацистами. Ключевое из данных решений: появление списка из 15 государств Европы, имеющих право претендовать на возврат еврейских ценностей.

Во-вторых, весьма значимый факт издания в 1998 г. Государственным комитетом по архивам и делопроизводству Республики Беларусь и Национальным архивом сборника документов и материалов, посвященного судьбе личных сбережений и имущества, изъятых в 1941–1944 гг. «Сделана попытка воссоздать картину политики грабежа мирного населения в годы оккупации. Несмотря на нейтральное название, речь идет о ценностях, изъятых именно у евреев... Коллекция документов дает представление, как была организована система принудительного изъятия» [1, с. 94].

Обратимся к некоторым позициям сборника.

«Нет ничего в сборнике об отношении неевреев к контрибуциям нацистов, которые регулярно проводились под страхом расстрела заложников и других наказаний вплоть до ликвидации гетто. Партизаны, поддерживавшие связь с местными жителями, обвиняли евреев, бежавших в лес, чтобы участвовать в вооруженной борьбе: “Свое золото вы отдали немцам, а теперь пришли к нам, чтобы спасти свою шкуру?”. На почве такой предвзятости нередко возникали обвинения евреев в сотрудничестве с нацистами ....» [1].

Возникают противоречия при анализе списков Чрезвычайной государственной комиссии по выявлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, их соучастников и нанесенного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) лиц, у которых оккупационные власти изымали ценности. Они включают имя, фамилию и отчество 2 тыс. 571 свидетеля, подробный домашний адрес, перечисление конфискованных вещей с указанием стоимости в рублях и архивный источник ... Кстати, приводя

документы Чрезвычайной государственной комиссии СССР, Смиловицкий избегает искушения пространно цитировать текст, чем грешат многие начинающие исследователи. Он передает их своими словами без искажения содержания и таким образом рисует типичную картину преступления нацистов. Большинство документов в сборнике посвящено изъятию еврейского имущества, в то же время еврейские имена и фамилии в представленных списках ЧГК составляют абсолютное меньшинство [1, с. 98–99].

Конечно, главную роль в конфискации еврейской собственности играли германские оккупанты. Но в то же время нельзя сбрасывать со счетов и вину известной части местного населения. «После ликвидации гетто проходил организованный и неорганизованный грабеж. Белорусы и русские через родных, служивших у немцев, заранее узнавали о намечавшейся акции и ожидали, когда можно будет присвоить имущество соседей. Крестьяне из окрестных деревень дежурили в прилегающих к гетто кварталах. Сначала все, что представляло интерес, забирали немцы и полицейские, затем оцепление снималось, и в район гетто врывалась толпа. Забирали и увозили вещи и съестные припасы. Растаскивали мебель, выламывали и уносили из домов все, что могло пригодиться – двери, рамы, окна. Если дом был деревянный, его, зачастую, разбирали по бревнам. После этого кварталы, где еще недавно жили еврейские семьи, представляли собой одни скелеты зданий. Расхищение имущества сопровождалось издевательствами» [1, с. 97].

Непосредственных жертв грабежа осталось в живых относительно немного. Вполне логично, что вопрос о реституции будут поднимать их потомки. Справедливость процесса реституции общепризнана, но в Беларуси отрицают свою часть вины за то, что случилось с евреями, где соучастниками преступлений нацистов стали свыше 100 тыс. человек проживающего населения. В течение десятилетий власти возражали против деятельности Конференции по материальным претензиям евреев к Германии (Claims Conference) под тем предлогом, что компенсацию нужно выплачивать всем белорусам, пострадавшим на оккупированной территории. Опускалось из вида, что в соответствии с расовой доктриной нацистов поголовному уничтожению подлежали только евреи. Эта позиция была повторно высказана делегацией республики на Международной конференции в Вашингтоне (30 ноября – 3 декабря 1998 г.) о судьбе нацистского золота [1, с. 99].

Глава вторая целиком посвящена сопротивлению политике геноцида со стороны евреев, она открывается показом борьбы в гетто Минска. По всем статьям разоблачается миф о том, что такого сопротивления не было.

«Настоящий параграф ... выполнен на основе анализа 20 анкет евреев-коммунистов, которые волей известных обстоятельств в июле – августе 1941 г. оказались на оккупированной нацистами территории республики. Несмотря на свое отчаянное положение, они не растерялись и нашли силы противостоять врагу... В 1942–1943 гг. все они разными путями сумели выбраться из гетто в Минске и присоединиться к партизанскому движению. Сразу после освобождения Белоруссии в июле 1944 г. они обратились с просьбой о восстановлении их членства в партии» [1, с. 102–113].

Автор изучил оправдательные документы и материалы, которые были собраны бывшими узниками гетто (анкеты, биографии, свидетельства очевидцев совместного пребывания в партизанских отрядах и подполье, послужные списки и наградные листы). Этот шаг был предпринят евреями-коммунистами после утраты ими партийных документов в годы оккупации (спрятали, потеряли, уничтожили). Л. Смиловицкий, рисуя картину еврейского сопротивления в Минском гетто, дополнил их данными, почерпнутыми в фондах Национального архива Республики Беларусь, Белорусского государственного музея истории Великой Отечественной войны, Мемориального института Яд Вашем в Иерусалиме, использовал современную литературу и периодическую печать, воспоминания участников событий тех лет.

Ключевые выводы Л. Смиловицкого таковы.

В ы в о д п е р в ы й. Евреи, будучи в гетто и решившиеся на сопротивление, старались не поддаваться чувству обреченности. Они не были участниками *громких* диверсий с десятками жертв среди оккупантов. Их вклад в общую победу слагался из мелочей: сбор одежды, медикаментов, продуктов питания, распространение пропагандистской литературы, помощь военнопленным и вывод в лес тех, кто мог продолжать борьбу, сбор разведывательной информации и т.д. Однако за каждую такую *мелочь* они заплатили бы жизнью, как те их товарищи, которые были выслежены полицией, попали в засаду при выходе из гетто, пойманы с поличным на явочных квартирах, погибли в облавах и во время массовых акций [1, с. 113].

В ы в о д в т о р о й. Указанные подпольщики не были функционерами, оставленными по заданию партийных комитетов для создания групп сопротивления, проведения саботажа и диверсий. Их никто к этому не обязывал, они не проходили курс обучения в специальных школах и искусству подполья учились на собственных ошибках. Их не страховали товарищи во время смелых вылазок, они не ждали наград за успешно выполненное задание. Большинство смельчаков действовало, не надеясь уцелеть в неравной борьбе. Что руководило этими людьми, не позволило смириться при самых отчаянных обстоятельствах, рисковать жизнью ради намеченного задания? Борьба за выживание, месть, чувство патриотизма? Даже сами участники описанных событий до конца не могут ответить на эти вопросы. Вряд ли удастся и нам найти исчерпывающий ответ. Скорее всего потребность сопротивления явилась единственным внутренним мотивом, который позволял выстоять, не сойти с ума, не утратить интереса к жизни, от чего погибли очень многие в гетто [1, с. 113].

Ученый выступил первопроходцем по многим аспектам проблемного блока, связанного с участием евреев в партизанском движении на территории БССР.

Первый аспект – партизанское движение вначале было еврейским. Это продолжалось до мая 1942 г., пока на оккупированные территории не начали забрасывать из Москвы инструкторов с оружием и давать директивы, что делать. То есть не начались организованные мероприятия по созданию

партизанского движения, которое состояло из военнопленных или из партийных, советских работников, или из евреев, которые бежали из гетто. Белорусы, которые не попали под «каток» политики нацистского геноцида по национальному признаку, выжидали. Гражданское население, безоружное и деморализованное, незащищенное перед оккупантами, можно понять ими владело желанием осмотреться, собраться с силами, узнать, как будут развиваться дальше события на фронте, и определить линию своего поведения. Не случайно до лета 1942 г. в республике в различных полицейских формированиях, сформированных нацистами, белорусов было больше, чем среди партизан.

Второй аспект – еврейские семейные партизанские отряды. Исследователь впервые в историографии пишет о том, что это был исключительно белорусский эксклюзив, что ни в каких других странах Западной Европы семейных партизанских отрядов не было. Это является совершенно справедливым утверждением.

Л. Смиловицкий отмечает, что часть партизан были за то, чтобы избавиться от евреев в партизанских отрядах. Приводятся примеры, какие именно партизаны, какие руководители, какие деятели партизанского движения были за то, чтобы осуществить эти намерения. В целом на основании прочитанного в книге можно выделить две точки зрения. Они присутствовали одновременно как в Центральном штабе партизанского движения СССР в Москве, так и среди руководителей партизанского движения в Беларуси. Первые выступали за то, чтобы сохранить евреев и членов их семей для партизанской борьбы, а вторые ратовали за избавление от них, как от балласта. Исследователь объясняет позицию каждой из сторон. В результате победила точка зрения, что семейные партизанские отряды стоит сохранить. Евреи знали о том, что ведется такая дискуссия, итог которой может грозить им смертью, поскольку боевые отряды могут их не принять, а на партизанских зонах они не могли оставаться тоже, то есть они должны были быть в любом случае под защитой партизан. Они тогда предложили свои услуги, то есть сделали себя «полезными евреями» в лесу. И развернули там целую промышленность. Автор предлагает читателю собирательный портрет командиров и членов еврейских партизанских отрядов. Это – патриоты советского отечества, умудренные житейским опытом, изобретательные люди, находившие разумную меру в сочетании интернационализма и учета интересов своего народа. На наш взгляд, автор поступает правильно, делая акцент на освещении истории двух первых по хронологии создания и по значимости семейных партизанских отрядов. Первый возглавлял Тувий Бельский, второй – Шолом Зорин. Немало интересного сказано также об отрядах Шлёмы Зандвайса, Иехезкеля Атласа.

Третий аспект – евреи и поляки среди белорусских партизан. Представляется весьма удачным ракурс, который выбрал ученый с учетом полиэтнической структуры участников антигерманского сопротивления на территории Беларуси. Известно, что подобная структура прослеживалась в наибольшей степени в тех областях, которые вошли в состав БССР в 1939 г.

Здесь имелись польские, белорусские, смешанные белорусско-польские отряды. При этом в каждом из них в разных пропорциях были представлены евреи. Автор показывает дифференциацию среди поляков, задействованных в вооруженных формированиях (одновременно антинемецких и антифашистских), в отношении к евреям. Юдофобия отсутствовала у явного меньшинства.

Л. Смиловицкий особо упоминает об Армии Крайовой (*Armia Krajowa*) и группировке «Народные вооруженные силы» (*Narodowe Sily Zbrojne*). В отношении этой части поляков к евреям прослеживаются два момента. С одной стороны, там присутствовал стихийный польский антисемитизм, который подогревало католичество, была отрицательная память о евреях как экономических конкурентах и др., а с другой – был политический расчет. В 1939 г. евреи сочувствовали советской власти и приветствовали вступление Красной армии в Западную Беларусь. По мнению польской стороны, советское руководство не преминуло воспользоваться этой поддержкой еще раз при переходе польско-советской границы. Весной и летом 1943 г. в процессе формирования Армии Крайовой народные вооруженные силы и другие польские отряды позволяли себе антисемитские бесчинства в пущах Липичаны, Налибоки, лесах Руденска, Нарочи и Брянска.

Четвертый аспект – антисемитизм в партизанском движении на территории республики. Советская историография строилась на двух положениях. Тезис первый: в партизанском движении царил подлинный интернационализм. Тезис второй: евреи-партизаны рассматривались как белорусские патриоты. Судьба же самих евреев и их особенное положение в рядах советских партизан вообще не обсуждались в советской историографии. Начнем с того, что для евреев, оказавшихся в лесу, встреча с партизанами не всегда означала спасение. Порой их могли принять за немецких шпионов, подосланных отравить колодцы и ликвидировать руководителей партизан; часто в них видели обузу. Старики, женщины, дети, больные и истощенные люди не были приспособлены к жизни в лесу и сковывали действия партизан. Тем не менее многие партизаны были солидарны с евреями, видели в них товарищей по оружию. В годы войны руководство из Москвы сделало ставку на русский патриотизм, что усилило националистические элементы в советской идеологии. Этот момент нашел выражение в деятельности партизан на территории Белоруссии в 1941–1944 гг. [1, с. 149, 157].

Конечно, надо иметь в виду и мифы, связанные с темой «Антисемитизм в партизанском движении». Один из них постоянно кочует из книги в книгу. Он сформулирован следующим образом: «С ведома И. Сталина в начале ноября 1942 г. Москва направила радиogramму подпольным партийным органам и командирам партизанских формирований, запрещающую принимать в отряды спасшихся евреев. Аргумент не мог быть более кощунственным: якобы среди них могли находиться завербованные немцами агенты. Эта очевидная антисемитская установка, исходившая от Сталина, повлекла за собой гибель тысячи евреев, чудом вырвавшихся из гетто. Исполнителем этой акции был Пономаренко» [1].

В книге проведена демифологизация. Л. Смиловицкий приводит радиogramму из Москвы, направленную в марте 1942 г. всем партизанским отрядам за подписью П. К. Пономаренко. Это известный документ, который хранится в Национальном архиве Республики Беларусь. Там написано буквально следующее: «...поступили сведения из Минска, что приходит много людей, которые выдают себя за желающих попасть в партизанский отряд. Всех людей подозрительных задерживать, допрашивать в случае возникновения подозрения и отправлять в Москву на дополнительное расследование».

Другими словами, руководители ЦШПД, базировавшиеся в Москве, требовали уделить максимальное внимание всем, кто приходит в лес со стороны Минска. Это делалось из справедливых опасений, чтобы гестапо и абвер не засылали своих лазутчиков (под видом беженцев, окруженцев, военнопленных, узников гетто и др.) к партизанам. Слово *еврей* в документе отсутствует. Однако мы хорошо знаем, кто приходил со стороны Минска в марте 1942 г. в лес, где можно было замерзнуть, умереть от голода. Это могли быть коммунисты, советские активисты или евреи. Военнопленные и окруженцы, как правило, уже к тому времени находили временное убежище в деревнях.

Все поняли, что речь идет о евреях, хотя в радиogramме об этом нет ни слова. И потом родилась молва о том, что Пономаренко приказал не принимать евреев в партизанские отряды. И многие партизанские командиры приняли эту директиву как указание к исполнению.

Пятый аспект – существенное уточнение по подсчету числа евреев – участников партизанского движения в Беларуси. В одних источниках называют «15 000 евреев – участников партизанского движения в Беларуси», в других «30 000 евреев – участников партизанского движения в Беларуси». Л. Смиловицкий считает, что эта цифра составляет не больше 12 000 чел., включая членов семейных лагерей. «Если же иметь в виду боеспособных евреев-партизан (мужчин и женщин), которые с оружием в руках участвовали в военных операциях против оккупантов, то цифры колеблются от 5 000 до 7 000».

Автор поставил перед собой задачу раскрыть трагизм Катастрофы через судьбы людей. Важно было не сбиться к фрагментарности и хаотичности изложения. Писателю это удалось. Нельзя без волнения читать многие эпизоды книги. Умело сочетая архивные документы, периодическую печать, труды своих коллег и воспоминания очевидцев, он делает трагедию Холокоста осязаемой. После прочтения его книги остается ощущение личной причастности, мы будто видели этих людей, говорили с ними, понимали их настроение. Она написана ярко и убедительно, язык ее живой и образный. В монографии не найти таких пугающих терминов, которыми любят оперировать те, кто хочет чтобы их считали учеными: «структуризация», «генезис», «верификация», «нарративные материалы», «маргинальный элемент», «подписанты», «интересанты», «документированная реконструкция», «брутальные методы», «еврейская полезность» и пр.

В каждой из глав-очерков, будь это описание жизни евреев из Речицы, Червеня, Новогрудка, Борисова – мы видим не абстрактное понятие Катастрофы, а конкретные примеры с перечнем событий и фамилий людей, трагедию народа, обреченного на уничтожение. Возьмем, например, главу «Речица» [1, с. 259–277], которая дает яркую картину становления, жизни и гибели еврейского населения небольшого городка. Очень интересны и необычно написаны разделы о Новогрудке, Червене и Борисове.

Монография построена на использовании огромного количества собранных автором материалов, открытых им, новых, и переосмыслении старых источников. Ввод этого обширного массива сведений в научный оборот представляет трагедию евреев более глубоко и всесторонне. Достоинство уважения то, как автор практически в одиночку смог собрать и осмыслить многочисленные воспоминания людей, переживших катастрофу и только спустя 50 лет после войны позволивших себе быть откровенными. Не будем забывать, что Л. Смиловицкий работает в Израиле, а получение необходимых материалов для исследований, их сверка и уточнение – большая проблема для всех зарубежных исследователей. Важно подчеркнуть и другое. Изучение Катастрофы белорусских евреев автор проводит в контексте общей истории Беларуси. С этих позиций уместным видится то, что в главах «Гетто Белоруссии – примеры геноцида» и «Свидетели Катастрофы» он приводит краткие информационные примечания о том, что представляла собой еврейская община в том или ином месте, как и когда она погибла.

3-й параграф третьей главы под названием «Илья Эренбург о преступлениях нацизма в Белоруссии» базируется на авторском эксклюзиве. Вниманию читателей предлагается выступление И. Эренбурга на заседании Еврейского антифашистского комитета (ЕАК) в Москве летом 1944 г., посвященное Холокосту в Белоруссии. Документ был выявлен автором книги в 1998 г. в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). После ликвидации ЕАК в ноябре 1948 г. вся его документация была изъята и десятки лет находилась в архиве КГБ СССР. В июле 1944 г. И. Эренбург был среди первых очевидцев последствий массовых убийств в Тростенце, которые по количеству жертв занимали 4-е место после Освенцима, Майдака и Трешлинка. Писатель посетил не только Минск, но и Раков, Ивенец, Молодечно, Сморгонь и Вильно. Его рассказ производит огромное впечатление и дополняет картину немецкого геноцида [1, с. 15].

Л. Смиловицкий приходит к выводу, что И. Эренбург первым обратил внимание на региональную специфику Холокоста в Беларуси. И подтверждает это следующим высказыванием писателя: «Хочу остановиться на одном обстоятельстве, на том различии, которое имелось среди евреев западных и восточных районов Белоруссии. Там больше партизан и это объясняется главным образом тем, что евреев в Западной Белоруссии сразу не убивали. В Западной Белоруссии и Литве уничтожение евреев растянулось на два – три года. Люди могли организовать сопротивление, побег, уходили. У них было время оглядеться. Наших (в восточной Белоруссии. – М. С.) евреев убивали врасплох, не давая опомниться, а там было положение другое» [1, с. 236–237].

Не может оставить равнодушным четвертая глава «Покушение на память». Речь идет о замалчивании Катастрофы белорусских евреев в 1941–1944 гг. коммунистической номенклатурой. Естественно, об этом не могло знать несколько поколений советских людей.

Глава начинается документом «Докладная записка секретарю Минского ОК КП(б) В. И. Козлову», автором которой был секретарь Минского обкома ЛКСМБ И. Е. Поляков. Перед нами типичный политический донос. Комсомольскому функционеру представляется непозволительным тот факт, что «группа граждан еврейской национальности», не согласовавшая заранее свои действия с властями, собирала средства на установку памятника на месте расстрела немецкими оккупантами евреев в Червене [1, с. 247]. Типичный для того времени номенклатурщик делает по своей сути четыре антисемитских вывода. Приведем только один из этих выводов: «Памятник ставится погибшим одной национальности (еврейской), в то время, как там есть и жертвы из белорусов, русских и украинцев. Памятник имеет форму чисто национальной архитектуры, надпись на нем выполнена на еврейском языке» [1, с. 248]. Позиция Полякова была продиктована политикой партии и государства, избегавшей ответственности за ту цену, которую пришлось заплатить для достижения победы. Закономерно поэтому, что после войны состояние большинства кладбищ и мест массовых захоронений евреев в республике было удручающим [1, с. 278].

В пятой главе подводятся общие итоги монографии. Творческая манера Смиловицкого – это отказ от категоричности, безапелляционности и менторства. Вместо них – приглашение к дискуссии, полемика и аргументация, доступность и понятность изложения. Книга прекрасно иллюстрирована, в ней редкие фотографии, собранные автором, и цветные карты периода оккупации и наших дней. Смиловицкий предложил свою композицию книги, о которой уже было сказано выше. Она была заимствована и творчески развита его коллегами в Беларуси.

Органически вписались в композицию книги словарь основных упомянутых терминов и имен, библиография, приложение документов, адреса еврейских общин в Беларуси, адреса еврейских общин в Израиле, именной индекс, географический индекс, фотодокументы. Знакомство с ними позволяет правильнее понять замысел автора [1, с. 342–388]. Выделим несколько из них. Это документ «Участие евреев в руководящем составе Сопrotивления на оккупированной территории Белоруссии», где мы находим персональные данные о евреях-секретарях РК, ГК и ОК КП(б)Б, редакторах подпольных партизанских периодических изданий, евреях-секретарях партийных комитетов, находившихся в диверсионных, партизанских отрядах и на подпольной партийной работе [1, с. 356–364].

В указанном блоке вызывает интерес впервые предложенная автором систематизация сведений о мемориальных комплексах, памятниках и памятных знаках жертвам Холокоста в Белоруссии, установленных в 1945–1999 гг. [1, с. 366–377]. В ней указаны названия населенных пунктов, районы и области, количество жертв, время установки. При этом специально отмечены памятники, на которых указан еврейский характер захоронения, а не абстрактные «советские граждане» или «жертвы нацизма». Последние

две таблицы книги имеют большую практическую значимость для всех, кто пытается выяснить прошлое своих родных, погибших в Белоруссии. Это таблицы: «Руководители общин Объединения еврейских организаций в Республике Беларусь» и «Руководители общин Объединения выходцев из Беларуси в Израиле» с подробными адресами, телефонами и факсами [1, с. 389–393]. Отдельного внимания заслуживает «Словарь основных упомянутых терминов и имен» [1, с. 314–328], о котором рецензенты снова промолчали. Характер подачи материала, глубина и обстоятельность изложения в нем показывают, в каком ключе видит автор проблему изучения Катастрофы.

Таким образом, человек, который берет в руки эту книгу, с одной стороны, видит широкую панораму событий, с другой – анализ и объяснение явлений, т.е. он получает ответы на многие вопросы. Кстати, эта книга составлена из научных статей, которые в 1995–1999 гг. были опубликованы в израильских авторитетных академических изданиях. В Соединенных Штатах Америки, в Англии и других странах статьи выходили на английском языке, иврите и других языках в таких изданиях, как «Journal of Genocide Research» (Нью-Йорк), «Holocaust and Genocide Studies» (Вашингтон), «East European Jewish Affairs» (Лондон), «Jews in East Europe» (Иерусалим), «Shvut», «Yalkut Moreshet» (Тель-Авив) и др. Об этом прямо говорится в предисловии к монографии «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.»

Не будет лишним отметить отношение израильских коллег к трудам Смиловицкого. Свои оценки его творчеству дали директор Мемориального института Яд Вашем д-р Ицхак Арад, директор архива этого Института д-р Шмуэль Краковский, патриарх истории Катастрофы евреев Беларуси в Израиле д-р Шалом Холавский, директор филиала Бейт-Волин в Гиватайме Ицхак Альперович и др. [1, с. 387–388].

Наиболее выразительно это получилось у профессора Шауля Штампфера из Еврейского университета в Иерусалиме, который подчеркнул, что опыт работы Леонида Смиловицкого выдвинул на повестку дня темы для будущих исследований и дал представление о новых стандартах в их изучении.

Книга Леонида Смиловицкого обращена не столько к белорусскому, сколько к зарубежному читателю. Израильский ученый, используя знание советского контекста и менталитета, синтезирует сведения, почерпнутые им в архивах Беларуси, с материалами и свидетельствами о Холокосте в СССР, собранными в Израиле, США, Германии, Польше и на Западе в целом. Автор не скрывает, что, только оказавшись в Израиле, он смог подняться на высоту, с которой стал возможен панорамный обзор трагического прошлого евреев Беларуси в годы Второй мировой войны. Знание иностранных языков, в частности английского, иврита и русского, позволило ученому выбрать все наиболее ценное из того, что было накоплено до него за пределами Беларуси; увидеть и озвучить те проблемные вопросы, которые прежде в белорусской историографии не поднимались.

Творческой удачей автора можно считать то, что его вхождение в израильскую науку совпало с открытием советских архивов в начале 1990-х годов. Это было время, когда тайное становилось явным, стало возможным говорить вслух о секретах, которые долгие годы считались тайной за семью

печатями. Несмотря на пройденные годы с момента издания в Тель-Авиве книги Л. Смиловицкого «Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг.», она не устарела и не утратила актуальности. Проблемы, поднятые израильским ученым, продолжают разрабатывать белорусские исследователи.

На сегодняшний день мы имеем обзорные работы Э. Иоффе, Д. Мельцера, Е. Розенבלата, Г. Винницы по истории Холокоста в Беларуси. Важные сборники документов и материалов были изданы при участии М. Ботвинника, В. Селеменева, И. Герасимовой. Однако следует признать, что все это состоялось после Смиловицкого (напомним, что его исследовательские материалы, легшие в основу книги о Катастрофе в Беларуси, были опубликованы в 1995–1999 гг.).

Монография Л. Смиловицкого, изданная в Иерусалиме на русском языке (затем в Тель-Авиве в 2000 г.), вполне доступна заинтересованному читателю, как в Минске, так и в других городах республики. В свое время автор лично проследил, чтобы его труд был разослан во все центральные и областные библиотеки Беларуси.

Остается только добавить, что в 2001–2015 гг. израильский ученый успешно продолжил свои исследования темы о Катастрофе евреев в Беларуси. Ежегодно выходят его труды, посвященные трагедии белорусских евреев. В них по-прежнему новизна, доказательная база и оригинальность подхода к трактовке событий.

В то же время приходится сожалеть, что в современной Беларуси до сих пор на уровне исторического истеблишмента и государственных структур (Институт истории НАН, научные исследовательские центры, университеты, музеи, министерства и ведомства, имеющие отношение к гуманитарной сфере) не понимают разницы между еврейским и белорусским геноцидом. Белорусов никогда не убивали по национальному признаку. Все карательные операции нацистов в республике («политика выжженной земли» и др.) являлись акциями возмездия за поддержку партизанского движения. И в этом – принципиальная разница, которую, наконец, необходимо признать. Может быть поэтому в Беларуси, в отличие от России, Украины, Молдовы, стран Балтии, до сих пор не созданы еврейский музей, музей Катастрофы евреев Беларуси, музей Минского гетто? Не выпускается ни одного научного журнала, исследующего тему геноцида белорусских евреев, не изданы энциклопедия по истории Холокоста в Беларуси, энциклопедия праведников мира – уроженцев Беларуси. Не существует и государственной программы отражения тематики гетто в краеведческих музеях республики и т.д. (слабые попытки восполнить этот пробел в Белорусском государственном музее истории Великой Отечественной войны нельзя принимать в расчет).

Остается надеяться, что в недалеком будущем это положение изменится.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Смиловицкий, Л.* Катастрофа евреев в Белоруссии, 1941–1944 гг. / Л. Смиловицкий. – Тель-Авив : Библиотека Матвея Черного, 2000. – 432 с.

ГЕНЕРАЛ ГЕРМАН ГОТ НА ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ СССР
(1941–1943)

В исследовании бывшего начальника 4-й армии Г. Блюментрита «Московская битва» есть такие строки: «С его (9-й армией генерал-полковника Штрауса. – Э. И.) взаимодействовала 3-я танковая группа Гота. Гот также был выдающимся танкистом и уравновешенным, педантичным человеком» [1, с. 92]. А вот какую оценку дал ему фельдмаршал Э. фон Манштейн в своей книге «Утерянные победы»: «Командующий 4 танковой армией генерал-полковник Гот был моим предшественником на посту командира дивизии в Лигнице (Легница), следовательно, намного старше меня. Он командовал танковой группой, когда я был только командиром корпуса, и обладал большим опытом в области оперативного использования танковых соединений. Тем важнее отметить, что он сохранял в нашей группе армий (группе армий «Дон». – Э. И.) полную лояльность к своему младшему по годам командующему. Небольшого роста, худощавый, он был всегда бодр, очень подвижен, приветлив и охотно веселился в кругу младших товарищей. Он очень любовно относился к подчиненным. Свою точку зрения он излагал всегда очень ясно и определенно. Он проявлял большую гибкость в управлении войсками, особенно в тяжелой обстановке. Своей солдатской прямоотой он импонировал позже даже американским судьям в Нюрнберге».

Генерал-полковник Герман Гот родился 12 апреля 1885 г. в Нойгруппине. В 19-летнем возрасте он поступил на службу в армию и через год получил звание лейтенанта.

Гот храбро сражался на фронтах Первой мировой войны, после окончания которой служил в рейхсвере. 1 октября 1934 г. ему было присвоено звание генерал-майора. Через два года Гот стал генерал-лейтенантом, а в 1938 г. был назначен командующим 15-м танковым корпусом, во главе которого участвовал в войне с Польшей и Францией. В ходе войны с Польшей корпус Гота в составе 5-й и 7-й танковых дивизий был придан 10-й армии фон Рейхенау, входившей в группу армий «Юг». Он прорвал оборону польской армии «Краков», охватил с юга группировку противника «Прусы» и окружил ее в районе Радома. Генерал Гот был активным участником штурма Варшавы. 27 октября 1939 г. командир 15-го танкового корпуса был награжден Рыцарским орденом Железного креста.

18 июня 1940 г. во время войны с Францией, получив приказ Гитлера, генерал Гот бросил 7-ю дивизию Роммеля на Шербур, а 5-ю дивизию направил на Брест. В тот же день танки 15-го корпуса ворвались в Ренн и захватили штаб 10-й армии. 30 июня 1940 г. Гот форсировал Луару и взял Нант, 25 июня пал Руан. Кампания была выиграна, и Герман Гот стал генерал-полковником.

Весной 1941 г. его корпус был передислоцирован в Восточную Пруссию и преобразован в 3-ю танковую группу армий «Центр».

Ранним утром 22 июня 1941 г. Гот нанес удар по Сувалковскому выступу. Захватив все три моста через Неман, немецкие танки рванули в глубь территории СССР. Командующий войсками группы армий «Центр» фельдмаршал Бок в конце дня 22 июня вывел из состава 3-й танковой группы 5-й и 6-й армейские корпуса, чтобы Гот мог организовать стремительное продвижение подвижных соединений к Минску. Утром 24 июня 7-я танковая дивизия 39-го корпуса захватила Вильнюс. Пока 39-й корпус на левом фланге разворачивался на Минск, действовавший справа 57-й танковый корпус, смяв южный фланг 11-й Советской армии, устремился на восток между Вильнюсом и Лидой.

На следующий день 39-й корпус захватил Молодечно. Соединения 3-й танковой группы вышли из полосы обороны Северо-Западного фронта. Они стремительно развивали наступление в обход Минска с северо-востока, продвинувшись к исходу 25 июня 1941 г. вглубь на 230 км.

Фельдмаршал Бок требовал от командующих танковыми группами как можно скорее выйти в район Минска, чтобы сомкнуть кольцо окружения армий Западного фронта. Первым к Минскому укрепленному району 26 июня вышел 39-й моторизованный корпус группы Гота.

Натолкнувшись на упорное сопротивление в Минском укрепленном районе, Гот уже в середине дня направил свои соединения северо-восточнее города. Наша воздушная разведка быстро обнаружила танковые колонны противника на марше. Начальник штаба Западного фронта генерал Климовских от имени Военного совета срочно сообщил наркому обороны, что до 1 000 танков обходят Минск, а противодействовать наступлению нечем [2, л. 69].

Чтобы сорвать атаку немецких танков, маршал Тимошенко решил использовать авиацию резерва Главного командования.

В отчете о боях 3-й танковой группы генерал Гот писал: «Минские доты частично не были заняты войсками противника. Прорываясь же через укрепленный пояс, дивизии несли тяжелые потери».

28 июня танковые дивизии Гота прорвались из района Радошкович в направлении на Минск на стыке 3-го и 44-го стрелковых корпусов 13-й армии. В этот же день в 17 часов 12-я танковая дивизия группы Гота после упорного боя с частями 2-го стрелкового корпуса ворвалась в Минск. На следующий день – 29 июня части Гота встретились в столице БССР с авангардом 47-го танкового корпуса 2-й танковой группы Гудериана. К исходу дня 4 июля 1941 г. Военный совет Западного фронта издал директиву на осуществление контрудара силами 7-го и 5-го механизированных корпусов во взаимодействии с авиацией в направлениях Сенно и Лепель [3, л. 128].

Эта директива, поступившая 5 июля в Генеральный штаб, в основном была одобрена Ставкой. И. В. Сталин также предложил нанести вспомогательный удар 2-м и 44-м стрелковыми корпусами из района восточнее Борисова в направлении Лепель, Докшицы в тыл 57-го моторизованного корпуса. Он указывал, что без этого удара 5-й и 7-й механизированные корпуса успеха иметь не будут.

Несмотря на то, что с утра 6 июля 1941 г. немецкие войска возобновили наступление, примерно в это же время войска Западного фронта начали наносить контрудары на Лепельском, Борисовском и Бобруйском направлениях. Основным из них был контрудар 7-го и 5-го механизированных корпусов из района юго-западнее Витебска в направлении на Сенно и Лепель. Стояла задача продвинуться на 140 километров.

Несмотря на полное превосходство частей вермахта в авиации, действия 5-го механизированного корпуса в первый день наступления развивались успешно. Его соединения вышли в район Сенно, Красное Село, продвинувшись на 30–40 километров. Во второй половине дня танковые и моторизованные части 3-й танковой группы Гота, атакованные нашими танками, были вынуждены перейти к обороне.

Российский военный историк В. А. Анфилов в 1971 г. отмечал: «Командующий 4-й танковой армией фельдмаршал Клюге срочно перебросил сюда 18-ю и 17-ю дивизии из группы Гудериана. 7 и 8 июля бои продолжались с неослабевающей силой... Перегруппировавшись, наши танковые соединения 9 июля нанесли новый удар по врагу, разгромили два его моторизованных полка, уничтожили четыре артиллерийские батареи и значительное количество противотанковых орудий...

С целью отражения контрудара советских войск фельдмаршал Клюге на помощь действовавшим здесь войскам был вынужден перебросить 7-ю танковую дивизию из района Дисны и организовать оборону на рубеже Гнездиловичи–Липно. Наиболее упорные и яростные бои проходили в районе южнее Сенно...

9 июля наступательные действия войск Западного фронта были прекращены. Механизированные корпуса в ходе наступления нанесли врагу большие потери и совместно с отходившими частями не позволили немецким соединениям выйти в эти дни к Витебску и к Днепру у Орши... Однако развить контрудар механизированным корпусам не удалось, так как авиация противника непрерывно наносила массированные удары, вследствие чего корпуса понесли большие потери и были вынуждены отходить» [4, с. 394–395]

В мемуарах генерала армии, Героя Советского Союза С. П. Иванова, который в июле 1941 г. в звании подполковника был начальником оперативного отдела 13-й армии Западного фронта, есть такие строки: «...На карте было видно, что 7-й корпус (20-й армии. – Э. И.) имел одноэшелонное построение, обе его танковые дивизии пытались двигаться параллельно, в 5-м же корпусе во втором эшелоне находилась 109-я мотострелковая дивизия. В боевые порядки корпусов во многих местах вклинились танковые части противника, которые входили в две моторизованные и одну танковую дивизии... Полосу действий корпусов пересекали цепи озер, а между ними – заболоченная местность... Когда я спросил направленного, сколько же здесь наших танков, он многозначительно хмыкнул и сказал мне на ухо:

– Силища, почти полторы тысячи! Лично товарищ Сталин бросил их на подмогу нашему фронту и указал, где использовать.

Я, признаться, не поверил, однако в дальнейшем мне довелось беседовать по этому поводу с генералом П. А. Курочкиным. его тогдашним начальником штаба, генералом Н. А. Корнеевым, и они подтвердили, что в 5-м корпусе числилось 924 танка, а в 7-м – 715. Среди них было немало неисправных, но в бой могли вступить все же около 1 400 машин» [5, л. 20–24]¹.

Крайне слабой была организация взаимодействия. Штаб 20-й армии был фактически отстранен от руководства корпусами. По словам П. А. Курочкина, предполагалось, что заниматься координацией действий танков будет генерал Д. Г. Павлов, которого С. К. Тимошенко назначил своим заместителем по автобронетанковым войскам. Но Сталин распорядился по-иному, и Д. Г. Павлов оказался в руках Берии.

По словам генерала П. А. Курочкина, в полдень 5 июля маршал Тимошенко вызвал его и командиров мехкорпусов к перекрестку на шоссе Минск–Москва, в 15 километрах северо-восточнее Орши. Он выслушал доклад об обстановке и состоянии мехкорпусов и отдал устный приказ о нанесении контрудара во фланг и тыл группировке немцев в направлении на Лепель. Помимо устного приказа в тот же день был отдан и письменный, несколько конкретизировавший первоначальный.

«...Наша попытка наступать массой танков во фланг прорвавшемуся противнику конечно стоила ему немалых жертв и других неприятностей. Но мы лишились обоих этих корпусов, и фактически на западном направлении не осталось более сколько-нибудь боеспособных танковых соединений. По самым скудным расчетам безвозвратные потери составили более половины машин. Много танков застряло в болотах и было подорвано экипажами» [6, с. 95–96].

Попытку исследовать данную проблему предприняла современная белорусская историография. Отмечается: «В начале июля (1941 года. – Э. И.) разгорелись упорные сражения на Витебском, Оршанском, Магаданском и Бобруйском направлениях. Главной угрозой для советских войск на севере в этот момент являлась 3-я танковая группа. К 4 июля она вышла на рубеж Лепель–Улла–Полоцк и захватила небольшие плацдармы на восточном берегу Западной Двины в районе Двины и Витебска...

Чтобы ослабить давление противника на Витебском направлении, был предпринят контрудар советских войск из района севернее и западнее Орши силами 7-го и 5-го механизированных корпусов (командиры В. И. Виноградов, И. П. Алексеенко) 20-й армии в направлении Сенно и Лепеля. Этот контрудар, начатый утром 6 июля 1941 г., в советской литературе преподносился как одно из крупнейших танковых сражений начального периода войны, в котором с обеих сторон участвовало не менее 1,5 тыс. танков.

---

¹ Во всех известных мне опубликованных официальных источниках число наших танков занижено. Подавляющее их большинство – это машины устаревших конструкций (БТ-7 и Т.26). – Э. И.

На самом деле, начатый спонтанно, без какой-либо подготовки, без артиллерийской и авиационной поддержки, контрудар завершился провалом. Опытное командование 47-го мехкорпуса противника быстро сориентировалось в обстановке и после временного отступления с помощью крупных десантных сил создало очередной "мешок" для горевших желанием сражаться, но еще недостаточно опытных советских танкистов...5-й и 7-й мехкорпуса потеряли 832 танка» [7, с. 147].

На мой взгляд, ближе всего к истине находятся исследования белорусского военного историка С. Е. Новикова, опубликованные в книге «Беларусь улетку 1941 года».

На основе анализа дневников боевых действий 7-й, 12-й, 20-й танковой и 20-й мотострелковой немецких дивизий 3-й танковой группы, а также 17-й танковой дивизии 2-й танковой группы можно сделать вывод, что в ходе боевых действий в районе Дубровно, Бешенковичи, Сенно, Уллы и Витебска, а также Лиозно до середины июля 1941 г. были уничтожены 694 советских танка, причем в районе Сенно – около половины из них.

Во время Лепельской операции советская сторона потеряла почти 75 % танкового парка 5-го и 7-го механизированных корпусов, причем только третью часть на поле боя в ходе танковых боев или деятельности противотанковой артиллерии противника [9, с. 52–53].

Что касается немецких потерь, известно только, что во 2-й танковой группе по состоянию на 7 июля 1941 г. боеспособными считались: в 3-й и 18-й танковых дивизиях – 35 % машин; в 4-й и 17-й (последняя участвовала в боях под Сенно – 60 %; в 10-й танковой дивизии – 80 %). Фактически потерянной считалась каждая 10-я машина [9, с. 52].

За время операции немецкие войска потеряли убитыми 170 офицеров и 2 341 человека (унтер-офицеры и рядовые), а пропали без вести 8 офицеров и 605 унтер-офицеров и рядовых... По документам 5-го советского танкового корпуса в результате боев с 8 по 11 июля погибли 138 человек и 7 пропали без вести [9, с. 53].

9 (по иным данным – 10 июля 1941 г.) 39-й танковый корпус 3-й танковой группы Гота овладел Витебском, прорвал оборону 19-й армии и начал обход Смоленска с севера. 16 июля войска 57-го танкового и 23-го армейского корпусов захватили Невель, однако через 4 дня они были остановлены контрударом 22-й Советской армии под Великими Луками.

13 июля 7-я танковая дивизия перерезала шоссе Минск–Москва восточнее Смоленска, а на следующий день танки Гудериана ворвались в город. 17 июля 20-й моторизованный корпус Гота замкнул кольцо окружения под Смоленском. В тот же день Гитлер наградил генерал-полковника Германа Гота Рыцарским орденом с дубовыми листьями.

Через много лет Герман Гот вспоминал: «...По хорошей шоссеиной дороге Вильнюс – Молодечно 39-й корпус со своей 7-й танковой дивизией, следовавшей в голове, быстро продвинулся вперед, свободно прошел через не занятую противником брешь в линии укреплений и почти без боя 26 июня вышел к автостраде северо-восточнее Минска. 20-я танковая дивизия 27 июня была вынуждена с тяжелыми боями прорываться через линию

укреплений по шоссе по дороге. 28 июня она ворвалась в город Минск и очистила его от разрозненных групп противника. Но соединиться со 2-й танковой группой дивизии все же не удалось, так как вскоре пришлось отбивать атаки противника с юга и востока...

39-й танковый корпус, сломив сопротивление противника западнее Лепеля и восстановив имевшийся там мост, сначала продвигался быстро. Но между Бешенковичами и Витебском наступавшая впереди 7-я танковая дивизия натолкнулась на сильное сопротивление противника, которое не могла преодолеть до 5 июля. Противник силами примерно трех дивизий, две из которых (танковые) прибыли из Москвы, нанес сильный контрудар, который 7-я танковая дивизия успешно отразила, нанеся противнику большие потери».

...Вернувшись вечером 7 июля из Уллы, где началась наводка моста, в штаб группы, расположенный в Лепеле, командующий 3-й танковой группой Гота получил информацию о том, что в районе Сенно находятся значительные силы противника, в том числе большое количество тяжелых танков, которые атаковали 17-ю танковую дивизию.

Один из танковых полков в районе Сенно отбил атаки танков противника, которые отошли в южном направлении. В бою подбито четыре 50-тонных танка противника. 20-я моторизованная дивизия на рассвете 8 июля достигла города Лепеля.

Только 9 июля дивизия (20-я танковая. – Э. И.), имея впереди танки, могла продолжить свое движение вдоль шоссе на Витебск. Когда дивизия вступила в город, его западная окраина пылала. В течение 10 июля немцы взяли город, причем сопротивление, по мнению находившегося у моста командующего 3-й танковой группой, было незначительным. Все контратаки с юго-востока и севера были отражены с большими для него потерями...

Форсирование Западной Двины на участке между Бешенковичами и Уллой тремя немецкими дивизиями 39-го танкового корпуса (включая и 18-ю моторизованную дивизию), а также овладение Витебском имели решающее значение для всей операции... [10, с. 59–102].

Контрудар советских войск 5-го и 7-го механизированных корпусов 20-й армии Западного фронта был направлен не только против частей 3-й танковой группы, но и против частей 2-й танковой группы под командованием генерала Гейнца Гудериана. В своих мемуарах он писал: «17-я танковая дивизия под Сенно вела ожесточенные бои с сильным противником, который ввел в бой чрезвычайно большое количество танков. Упорные бои вела также и 18-я танковая дивизия...

...В этот день (9 июля 1941 года. – Э. И.) 17-я танковая дивизия все еще вела с танками противника ожесточенные бои, которые принесли ей крупный успех; войска дивизии уничтожили 100 русских танков» [11, с. 143, 148].

30 июля фюрер А. Гитлер подписал директиву № 34, согласно которой 3-я танковая группа временно передавалась группе армий «Север».

6 августа 1941 г. командующий 3-й танковой группой Г. Гот обратился к своим солдатам с такими словами:

«СОЛДАТЫ ТАНКОВОЙ ГРУППЫ!»

Позади нас семь недель сильнейших исторических переживаний. Главные армии Сталина рассеяны. Его гигантские танковые войска в основном разгромлены. Ворота на Москву распахнуты. Хотя красные отчаянно сопротивляются: им не удастся их снова закрыть.

Неман, Маркино, Олита, Вильна, Смиловичи, Чеслав, Прещенице (Плещеницы. – Э. И.), Двина – Жизна, Улла и Бешенковичи, Витебск, Городок, Невель и Великие Луки, Сено (Сенно. – Э.И.), Добромысль, Демидов, Велиж, Ярцево и Ратчино стали вехами ваших побед. Замыкание кольца под Минском с севера, разгром красных армий, развернутых на верхней Двине и под Витебском, и окружение их остатков под Смоленском – это ваша заслуга... Победителями вы покинули свои позиции на Вопи и юго-западнее Белой.

Фюрер приказал сменить нас на передовой и дать нам краткий отдых. Когда он 4 августа 1941 года на командном пункте группы армий сказал мне, что наше стремительное наступление через Двину превзошло его ожидание, и обеими руками пожал мне руку, я принял это рукопожатие как его благодарность вам, его солдатам...

Да здравствует фюрер!

Подписано: Гот, генерал-полковник» [12, с. 75–76].

В начале сентября 1941 г. после советского контрудара на Ельню Гот получил приказ разработать операцию по окружению частей Красной армии под Вязьмой. 7 октября 10-я дивизия 4-й танковой группы вермахта вышла к Вязьме и соединилась с частями 7-й дивизии Германа Гота. Капкан захлопнулся. В окружение попали 16-я, 19-я, 20-я, 24-я и 32-я армии советских войск. К этому времени 56-й танковый корпус 3-й танковой группы успел создать сплошной фронт на участке от Вязьмы до Днепра, и отчаянные попытки бойцов Красной армии вырваться из котла оказались безуспешными.

Читателю будет интересно, как оценивал боевые действия 3-й танковой группы и ее командующего генерал-полковника Германа Гота в своих дневниках командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Фёдор фон Бок. Он писал: «23.6. 1941 г. Продвигаемся вперед. Лучшее всего дела идут у танковой группы Гота [3-я танковая группа], вечером поступившей в прямое подчинение группы армий...

28.6. 1941 г.

Танковая группа Гота овладевает Минском. Там идут тяжелые бои. Группу пытаются атаковать из котла на ее правом фланге...

9.7.1941 г.

Танковой группе Гота удастся, в нескольких местах преодолев Западную Двину, дойти до Витебска...

20.8.1941 г.

Прорыв на участке 161-й дивизии возымел настолько серьезные последствия, что Гот, временно исполняющий обязанности командующего 9-й армией вместо заболевшего Штрауса, решает использовать последние из еще остающихся у него в резерве – 7-ю танковую и 14-ю моторизованную дивизии...

5.10.1941 г.

... В этот момент поступает приказ о том, что Гот принимает командование армией [17-й] группы армий «Юг»! Не хотелось бы мне расставаться с этим блестящим военачальником-танкистом...» [13, с. 208–321].

14-го октября 1941 г. группа 3-я танковая группа с ходу захватила Калинин, а 17 октября Гот был назначен командующим 17-й полевой армией и отбыл в группу армий «Юг».

Вскоре южное крыло армии Гота соединилось с 1-й танковой армией фон Клейста и совместно форсировали Донец. Гот наступал на Ворошиловград, сковывая силы противника на северном фланге.

В январе 1942 г. 6-я и 57-я армии смежных флангов Южного и Юго-Западного фронтов нанесли удар на стыке 17-й и 6-й армий вермахта.

В мае 1942 г. Герман Гот был назначен командующим 4-й танковой армией, которая вместе с 6-й и 2-й полевыми армиями вошла в группу армий «Дон» под командованием фон Бока, а затем фон Вейхса.

Операция «Блау» началась 28 июня 1942 г., когда 4-я танковая армия Гота перешла в наступление на Воронеж. Два дня спустя к ней присоединилась 6-я армия Паулюса.

В ходе наступления в конце июня – начале июля 1942 г. армия Гота наголову разбила 5-ю советскую танковую армию, ворвалась в Воронеж и в течение 10 дней прошла с боями около 200 километров, блестяще справившись с поставленной задачей.

23 июля 1942 г. 1-я танковая армия фон Клейста и 4-я танковая армия Гота захватили Ростов. 2 августа 4-я танковая армия захватила Котельниково – важный железнодорожный узел в 120 километрах юго-западнее Сталинграда.

После многодневных ожесточенных боев в излучине Дона 23 августа 14-й танковый корпус переправился ночью через Дон, прорвался в район Вертячего и, рассекая оборонительные порядки советских войск, вышел к Волге в районе поселка Рынок. Сталинград оказался отрезанным от частей Красной армии, находившихся к северу от него.

Через несколько дней в районе Абганерово 4-я танковая армия Гота прорвала советскую оборону и устремилась навстречу немецким дивизиям 6-й армии. 2 сентября 1942 г. армии Гота и Паулюса встретились к западу от Сталинграда, но оборонявшиеся в излучине советские войска успели выйти из грозившего им окружения.

В «Военном дневнике» Ф. Гальдера есть такие записи:

«2 октября 1941 года – 103-й день войны.

...Танковая группа Гота и 9-я армия вполне успешно наступают...

4 октября 1941 года – 105-й день войны.

...Танковая группа Гота достигла Холма, подойдя, таким образом, к верхнему течению Днепра, а на севере продвинулась до Белого...

7 октября 1941 года – 108-й день войны.

...Сегодня танковая группа Гёпнера соединилась с танковой группой Гота в районе Вязьмы. Это крупный успех, достигнутый в ходе пятидневных боев...

1 августа 1942 года – 406-й день войны.

...Гот [4-я танковая армия] перешел в группу армий «Б», он движется вперед, несмотря на сопротивление противника...

19 августа 1942 года – 424-й день войны.

...У Сталинграда войска Гота успешно начали наступление...

22 августа 1942 года – 427-й день войны.

...У Гота очередные тактические успехи, но в войсках признаки усталости...» [14, с. 11–326].

Вместе с 6-й армией генерала Ф. Паулюса 4-я танковая армия Г. Гота развивала наступление на Сталинград.

В ходе начавшегося 19 ноября контрнаступления Советских войск армия Гота вместе с 4-й румынской армией были отброшены от Сталинграда и оказались южнее внешнего кольца окружения. Армия Гота была рассечена надвое.

В штабе 4-й танковой армии около Бузиновки усталые офицеры пытались установить связь с рассеянными по степи частями. Днем 22 ноября Гот улетел на запад собирать остатки разбитой армии.

Армия Гота начала прорыв к 6-й армии 12 декабря. За неделю ей удалось продвинуться на 70 километров. 19 декабря, введя в бой свежую 17-ю танковую дивизию, Гот захватил станцию Верхне-Кумскую, и его танки устремились на север к переправе через реку Мышкова и захватили плацдарм на северном берегу реки. До окруженных в Сталинграде частей 6-й армии, подготовивших свои танки и пушки к бою, оставалось около 40 километров.

Однако в этот момент путь танкистам Гота преградила 2-я армейская армия генерала Р. Я. Малиновского, начавшая теснить немцев обратно. 24 декабря 1942 г. Э. Манштейн был вынужден начать отвод армии Гота, чтобы создать оборону на новом рубеже и прикрыть Ростов.

С января 1943 г. армия Гота непрерывно принимала участие в боях против частей Красной армии. Ей приходилось то оставлять позиции, то снова занимать их. Контратака частей Гота помогла 1-й танковой армии под командованием Макензена избежать окружения и переправиться через реку Миус.

13 марта 1943 г., восстановив фронт на правом берегу Донца, танки Гота овладели Харьковом.

Во время Курской битвы, на третий день наступления вермахта, почва достаточно подсохла, и немецкие танки, форсировав реку, овладели деревней Сырцев. Одновременно непрерывные атаки 3-й танковой дивизии постепенно выдавливали оборонявшихся с их позиций на реке Пена. Армия Гота теперь почти наполовину преодолела армейскую оборонительную зону советских войск и вплотную подошла ко второй оборонительной полосе. 9 июля Готу стало ясно, что критический момент битвы вот-вот наступит. Успех, который был достигнут в центре наступавших войск 48-го танкового корпуса, где авангардные части дивизии «Великая Германия» сумели прорвать в районе Верховенья вторую полосу обороны советских войск, вселял надежду на победу. После тяжелых боев ночью фашисты оставили деревню Раково, где части Красной армии блокировали продвижение 3-й танковой дивизии, а также на правом фланге заставили отступить войска корпуса Кнобельсдорфа.

В начале Курской битвы потери Гота были столь велики, что в ночь с 6 на 7 июля обе дивизии (3-я танковая и «Гроссдойчланд») были отведены на доукомплектование и переформирование. 9 июля «Гроссдойчланд» прорвала вторую линию советской обороны. Дивизии СС «Рейх» и «Адольф Гитлер» 10 июля 1943 г. прорвали третью линию обороны Красной армии, потеряв при этом 300 танков, и вышли на оперативный простор у Прохоровки. Потери Красной армии были также велики. Но советское командование смогло вовремя подтянуть свежие подкрепления.

Утром 12 июля все боеспособные танки корпусов Кемпфа, Хауссера и Кнобельсдорфа – около 600 боевых машин – были собраны воедино и брошены в решающую схватку.

Генерал-полковник Гот 15 июля 1943 г. прекратил наступление своих полностью истощенных дивизий, а к 23 июля отвел свои танки на исходные позиции.

Войска Гота в августе – сентябре 1943 г. потерпели поражение под Харьковом и были отброшены к Конотопу. В середине сентября Гот был награжден Рыцарским крестом с мечами и получил приказ отходить за Днепр. Здесь в районе Киева он организовал небольшой оборонительный рубеж и более месяца противостоял войскам 1-го Украинского фронта.

После освобождения Киева советскими войсками 6 ноября 1943 г. и выхода Красной армии к Житомиру Гитлер снял Германа Гота со всех постов и отправил в отставку.

Фюрер вспомнил о Готе только в апреле 1945 г., когда он назначил его командующим оборонительным районом в Рудных горах. Там Гот был взят в плен американскими войсками и в 1948 г. предстал перед судом Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Герман Гот был признан военным преступником и приговорен к 15 годам тюремного заключения, но уже в 1954 г. он вышел на свободу. В 1961 г. вышли мемуары Гота «Танковые операции», которые были переведены на многие языки, в том числе и на русский.

Он умер 25 января 1971 г. – на 91-м году жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Блюментрит, Г.* Московская битва // Роковые решения / Г. Блюментрит. – СПб., 2004.
2. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее – ЦАМО РФ). – Фонд 208. – Оп. 2454. – Д. 27.
3. ЦАМО РФ. – Фонд 208. – Оп. 10169. – Д. 4.
4. *Анфилов, В. А.* Бессмертный подвиг. Исследование кануна и первого этапа Великой Отечественной войны / В. А. Анфилов. – М. : Наука, 1971. – 542 с.
5. ЦАМО РФ. – Фонд 208. – Оп. 7874. – Д. 1.
6. *Иванов, С. П.* Штаб армейский, штаб фронтовой / С. П. Иванов. – М. : Воениздат, 1990 – 480 с.

7. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. : воен.-ист. очерки. – М., 1998.
8. Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя [и др.]. – Минск : БЕЛТА, 2005 – 544 с.
9. *Новікаў, С. Я.* Беларусь улетку 1941 года / С. Я. Новікаў. – Мінск : МДЛУ, 2014. – 300 с.
10. *Гот, Г.* Танковые операции / Г. Гот. – Смоленск, 2003.
11. *Гудериан, Г.* Воспоминания солдата / Г. Гудериан. – Ростов н/Д, 1998.
12. *Хаупт, В.* Сражения группы армий «Центр» / В. Хаупт. – М., 2006.
13. *Бок, Ф. фон.* Дневники, 1939–1945 гг. / фон Ф. Бок. – Смоленск, 2006.
14. *Гальдер, Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939–1942 гг. : в 3 т. / Ф. Гальдер. – М., 1971. – Т. 3.

С. Я. Новікаў

АБАРОНЧЫЯ БАІ ЧЫРВОНАЙ АРМІІ ЛЕТАМ 1941 ГОДА Ў НАЙНОЎШЫХ БЕЛАРУСКІХ, РАСІЙСКІХ І ЎКРАЇНСКІХ ДАСЛЕДАВАННЯХ: ПАРАЎНАЎЧЫ АНАЛІЗ

Напярэдадні 75-й гадавіны з пачатку абарончых баёў на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. гісторыка-дакументальнае выданне «1941 год. Страна в огне» (М., 2011, Кн. 1: Очерки; Кн. 2: Документы и материалы) не страчвае сваёй даследчыцкай актуальнасці, хоць да гэтай пары не атрымала істотнай увагі ў айчыннай ваенна-гістарычнай навуцы [1; 2; 3; 4; 5].

Прадметам нашага аналізу з’яўляецца навуковае адлюстраванне баявых дзеянняў Чырвонай арміі і германскага вермахта на тэрыторыі Беларусі, Расіі і Украіны летам 1941 г.

У першай кнізе змешчаны гістарычныя нарысы, падрыхтаваныя вядомымі беларускімі, расійскімі і ўкраінскімі гісторыкамі. Пачынаецца яна зваротам да чытачоў кіраўнікоў акадэмічных інстытутаў трох краін – А. А. Кавалені (Беларусь), В. А. Смолія (Украіна) і А. А. Чубар’яна (Расія), якія адзначаюць, што ў 1990–2000-я гг. на прасторах СНД «узніклі і развіваюцца нацыянальныя школы гісторыкаў са сваімі поглядамі і ацэнкамі» [6, с. 5].

У першай частцы «Расія» (с. 7–240) летнім падзеям прысвечаны матэрыял «На грані катастрофы. 22 чэрвеня – верасень 1941 года» (М. Ю. Мягкоў) (с. 78–192). Даследчык паказвае суадносіны сіл двух бакоў, прыводзячы вядомы з савецкай гістарыяграфіі тэзіс аб значнай перавазе сіл агрэсара на рашаючых напрамках свайго наступлення (с. 78). Варта заўважыць, што ў найноўшым расійскім даведачным выданні «Вялікая Айчынная без грыфу сакрэтнасці» (2010), падрыхтаваным на аснове раней закрытых для друку архіўных дакументаў, канстатуецца, што сумарныя (агульныя) суадносіны сіл і сродкаў Германіі і яе саюзнікаў і СССР складалі 1,19 да 1, а вось сухапутных войскаў – 1 да 1,12 адпаведна [7, с. 25–26]. Ды і сам М. Ю. Мягкоў у адным з папярэдніх выданняў прытрымліваўся думкі,

што па агульнай колькасці танкаў і самалётаў перавага была на савецкім баку [8, с. 53]. Здзіўляе і факт выкарыстання фактычна ў якасці адзінай замежнай гістарыяграфічнай крыніцы працы амерыканскага ваеннага гісторыка Д. Гланца. Пры ўсёй павазе да яго работ, дзе актыўна выкарыстаны і савецкія, і нямецкія крыніцы (без высвятлення ступені іх навуковай верагоднасці), адзначым, што пры вывучэнні падзей на германа-савецкім фронце перавагу ў даследаванні неабходна надаваць нямецкаму 10-томнаму выданню «Германскі рэйх і Другая сусветная вайна» [9, S. 454, 474]. Аднак М. Ю. Мягкоў яго не выкарыстоўваў, што асабліва заўважна ў дэталях. Так, апісваючы сілы трох нямецкіх груп, што наносілі ўдар па заходніх рубяжах СССР (с. 79), ён канстатуе, што «танкавая дывізія ў 1941 г. па штаце складалася з двух-трох танкавых батальёнаў» (заўважым, што спасылка пры гэтым зроблена на Д. Гланца). На самой жа справе размова тут павінна ісці пра танкавыя палкі, асновай якіх у сваю чаргу з'яўляліся танкавыя батальёны [10, с. 15–19].

Характарызуючы баявыя дзеянні Заходняй Асобнай ваеннай акругі, даследчык выказвае спрэчную думку аб тым, што большасць савецкіх танкавых і механізаваных дывізіяў, аб'яднаных у складзе 20 механізаваных карпусоў, з'яўляліся баяздольнымі адзінкамі толькі на паперы (с. 81). Аднак гэты тэзіс не пацверджаны дакументальна. Больш за тое, контрудары, нанесеныя ў першыя дні вайны механізаванымі карпусамі ў Беларусі (раёны Гродна, Лепеля, Жлобіна і Рагачова) і Украіне (у раёне Роўна, Луцка, Брадоў, Дубна), фактычна абвяргаюць прыведзенае меркаванне [11; 12].

Далей у матэрыяле расійскага гісторыка адзначаецца, што, нягледзячы на значныя лічбы, савецкія войскі «маральна і інстытуцыйна не былі падрыхтаваны да той вайны, якую збіраўся весці Гітлер» (с. 81). Мы цалкам пагаджаемся з такой ацэнкай, але заўважым, што пры разглядзе прычын катастрофічнай сітуацыі на Заходнім фронце ў першыя дні вайны аўтару неабходна было ўзгадаць, што аб характары будучай вайны Германіі супраць СССР і напрамку галоўнага ўдару ў перадваенны час выказаўся М. М. Тухачэўскі. Яшчэ ў 1937 г. у ходзе судовога працэсу Спецыяльнай судовай прысутнасці Вярхоўнага суда СССР ён выклаў свае думкі ў «Плане паражэння», дзе вызначыў галоўную стратэгічную прастору будучага ўдару войск Германіі вышэй за Прыпяцкія балоты, г.зн. на тэрыторыі Заходняй Асобнай ваеннай акругі [13]. Адзначым, што М. Ю. Мягкоў толькі часткова закранае гэты аспект і канстатуе факт недаацэнкі падобных папярэджанняў у Генштабе і наркамаце абароны СССР.

Пры фрагментарным разглядзе ваенных падзей у паласе абароны Заходняй Асобнай ваеннай акругі аўтар прыходзіць да высновы, што на гэтым напрамку прыгранічных баёў летам 1941 г. там склалася асабліва цяжкае становішча. Акружэнне асноўных сіл фронту стала адной з першых найбуйнейшых трагедый, якая прывяла да «гібелі ці ўзяцця ў палон больш чым 300 тыс. чалавек з групойкі генерала арміі Паўлава» (с. 83). Зварот да нямецкіх дакументаў паказвае іншыя маштабы трагедыі – на тэрыторыі Беларусі за гады вайны загінуў кожны трэці чырвонаармеец, які быў узяты

ў палон войскамі групы армій «Цэнтр», і кожны пяты з усіх савецкіх ваеннапалонных. Паводле нямецкіх дакументаў, да канца жніўня 1941 г. на цэнтральным напрамку наступлення вермахта былі ўзяты ў палон 784 тыс. чырвонаармейцаў [14, с. 99].

Завяршаючы разгляд баявых падзей Заходняй Асобнай ваеннай акругі, М. Ю. Мягкоў ставіць у фокус увагі чытача адну з галоўных бітваў – Смаленскую, якой надае вырашальнае значэнне ў плане зрыву нямецкага бліцкрыгу. У матэрыяле раскрываецца яе ход: яна адбывалася на галоўным, (маскоўскім) напрамку наступлення вермахта ў ліпені – верасні 1941 г. Пры гэтым аўтар адзначае, што насамрэч тэатр баявых дзеянняў быў больш шырокім і пакрываў вялікую прастору, у тым ліку Беларусь. Аднак характар і маштабы баёў на беларускай тэрыторыі ў матэрыяле паказаны толькі схематычна, не выяўлена іх сапраўднае ваенна-стратэгічнае значэнне, паколькі баявыя падзеі на тэрыторыі Беларусі сталі галоўнай прычынай таго, што група армій «Цэнтр» была вымушана перайсці да абароны і адкласці на два месяцы наступленне на маскоўскім напрамку. На наш погляд, у ходзе контрнаступлення Заходняга і Цэнтральнага франтоў у канцы ліпеня і пачатку жніўня 1941 г. вызначыліся два ачагі барацьбы – адзін у раёне Смаленска і Ельні, а другі – на рацэ Сож і ў міжрэччы Дняпра і Бярэзіны. Як вынікае з «Меркаванняў і распараджэнняў фюрэра» ад 28 ліпеня 1941 г., «важнейшай задачай з’яўляецца ліквідацыя пагрозы на фланзе групы армій “Цэнтр” шляхам разгрому варожай групоўкі, якая знаходзіцца ў раёне Гомеля і на поўнач ад яго» [15, с. 294]. Такім чынам, сілы Заходняга фронту, якія абаранялі бярэзінска-дняпроўска-сожскія рубяжы, пры гэтым паспяхова контратакуючы праціўніка на бабруйскім напрамку, пераўтварылі з сярэдзіны ліпеня Гомель і раён міжрэчча Дняпра і Бярэзіны ў ключавую праблему баявога стрымлівання вермахта на маскоўскім напрамку. Гэта галоўным чынам і прывяло да падпісання Гітлерам дырэктывы № 34 ад 30 ліпеня 1941 г., згодна з якой самая моцная групоўка вермахта – група армій «Цэнтр» – павінна была спыніць наступленне і перайсці да абароны [15, с. 280].

Тады як, на думку М. Ю. Мягкова, галоўнай прычынай прыняцця Гітлерам дырэктывы № 34 ад 30 ліпеня 1941 г. былі абарончыя баі за Смаленск, з нямецкіх дакументаў бачна, што гэта не зусім так. Таксама не вельмі зразумелым будзе для чытача той факт, што расійскі аўтар пры характарыстыцы асноўных падзей ліпеня 1941 г. толькі згадвае «акружаны Магілёў» (с. 108), не паказваючы яго сапраўднага значэння ў абароне дняпроўскага рубяжа. Хаця ў аўтара не знайшлося месца для адлюстравання ўнікальнай аперацыі на Дняпры, якая фактычна праводзілася ва ўмовах акружэння і без камандавання зверху, яе нельга замоўчваць нават па той прычыне, што менавіта тут германскім сілам прыходзілася штурмаваць «бастыён на Дняпры», «крэпасць Магілёў» і забяспечваць вырашэнне апэратыўных баявых задач у ходзе «Магілёўскай бітвы» [16].

Такім чынам, расійскі даследчык, праводзячы аналіз баявых падзей Заходняга фронту на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г., прапануе чытачу навуковыя ацэнкі, у дачыненні да якіх склаўся пэўны кансенсус у сучаснай расійскай ваеннай гістарыяграфіі. Варта адзначыць, што аўтар выкарыстаў даволі абмежаваную базу крыніц, сярод якіх цалкам адсутнічаюць дакументы

з Федэральнага ваеннага архіва ў Фрайбургу, найноўшыя выданні нямецкіх гісторыкаў, а таксама навуковая літаратура беларускіх аўтараў [17; 18]. На наш погляд, на цяперашні час нельга праводзіць гістарычнае даследаванне аб баях летам 1941 г. паміж Чырвонай арміяй і германскім вермахтам без уліку «нямецкага боку».

У частцы II «Беларусь» беларускія прафесійныя ваенныя гісторыкі А. М. Літвін і І. Ю. Варанкова раскрываюць характар бітвы за Беларусь летам 1941 года (с. 241–536) у рамках адметнай навуковай канцэпцыі. На фоне паказу расійскімі гісторыкамі «катастрофы лета 1941 года» беларускія даследчыкі мэтанакіравана адлюстроўваюць тую падзею ў кантэксце арыгінальнага тэзіса «бітвы за Беларусь летам 1941 года». Чытачу не толькі варта звярнуць на яго асаблівую ўвагу, але і асэнсаваць сутнасць гэтай назвы. Паколькі, як адзначаюць аўтары матэрыялу, пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны, адной з галоўных частак якога былі абарончыя баі войскаў Заходняга фронту на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г., фактычна стаў самым «суровым выпрабаваннем на трываласць савецкай дзяржавы і яе Узброеных сіл» (с. 400). На думку аўтараў, найноўшая гістарыяграфія (расійская, беларуская, украінская) пачатковага перыяду вайны даволі часта ўтрымлівае процілеглыя падыходы, меркаванні і ацэнкі (с. 242). Таму асабліва важна, што аўтары, зыходзячы з гэтага, імкнуцца аспрэчыць канцэпцыю абарончых баёў, якая была характэрна для гістарыяграфіі савецкіх часоў, і вядуць, такім чынам, сучасны навуковы дыскурс на полі з постсавецкімі гістарычнымі ацэнкамі.

Звернем увагу чытача на тое, што ў другім раздзеле аўтары з выкарыстаннем шматлікіх фактаў раскрываюць трагічныя і гераічныя падзеі пачатку вайны, якія мелі месца на беларускай зямлі летам 1941 г., глыбока асэнсоўваюць прычыны паражэння савецкіх войскаў у гэты перыяд, а таксама паказваюць ролю дзяржаўных і ваенных структур у арганізацыі адпору ворагу. Калі ў расійскім матэрыяле гэта была расійская ілюстраваная энцыклапедыя «Вялікая Айчынная вайна 1941–1945 гадоў», дык беларускія гісторыкі звярнуліся да фундаментальнай 10-томнай нямецкамоўнай працы «Германскі рэйх і Другая сусветная вайна». Пры гэтым аўтары прыходзяць да новай навуковай высновы аб тым, што перавагу нямецкіх войск неабходна шукаць не сярод колькасных паказчыкаў, як гэта рабілася да гэтай пары, а сярод якасных у самым шырокім сэнсе (с. 309). Такі падыход даў аўтарам магчымасць паказаць рэальныя колькасныя суадносіны сілаў вермахта і люфтвафэ і вайсковых часцей Заходняга фронту на галоўным напрамку наступлення, а таксама намаляваць агульную карціну геаграфічнага размяшчэння канкрэтных часцей Чырвонай арміі на заходнім рубяжы

Між тым звернем увагу на некаторыя істотныя моманты. Так, знаёмячы чытача з асноўнымі вайсковымі сіламі групы армій «Цэнтр», аўтары пішуць, што на правым нямецкім флангу (не левым савецкім) гэты ўдар забяспечвала 2-я танкавая група Г. Гудэрыяна ў складзе двух танкавых карпусоў (24 і 47-га) з прыдадзенай ім авіягрупай бамбардзіроўшчыкаў бліжняга дзеяння і зенітна-артылерыйскім палком люфтвафэ «Герман Герынг» (с. 305). Самым нечаканым у гэтым з’яўляецца тое, што аўтары прыводзяць

спасылку на ўспаміны камандуючага 2-й танкавай групай генерал-палкоўніка Г. Гудэрыяна. Паводле ж дзённіка баявых дзеянняў, які з'яўляецца зыходнай крыніцай для вызначэння такой прыналежнасці, па стане на 21 чэрвеня 1941 г. у склад 2-й танкавай групы ўваходзілі разам з 24-м (у складзе 255 і 267-й пяхотных, 1-й кавалерыйскай, 3 і 4-й танкавых і 10-й матарызаванай дывізіі), 47-м (у складзе 17 і 18-й танкавых, 167-й пяхотнай і 29-й матарызаванай дывізіі) і 46-ы танкавы корпус (у складзе 10-й танкавай дывізіі, дывізіі СС «Рэйх» і палка «Вялікая Германія») [19, Вл. 13]. Як бачна, без уліку «нямецкага погляду», адбудаванага толькі на мемуарнай літаратуры, а не на дакументальных крыніцах, на цяперашні час немагчыма аднавіць рэальную карціну баявых падзей летам 1941 г.

З самага пачатку разгляду баявых падзей Заходняга фронту аўтары спрабуюць аспрэчыць традыцыйныя погляды на прычыны паражэння Чырвонай арміі і ў пачатковы перыяд вайны і віну ў гэтым камандуючага фронтам Паўлава і яго бліжэйшага атачэння. Гісторыкі звяртаюцца да новых дакументаў, сярод якіх – малавядомыя матэрыялы судовага следства па абвінавачванні Д. Р. Паўлава, В. Я. Клімаўскіх, А. Ц. Грыгор'ева і А. А. Карабкова, пратаколы закрытага пасяджэння па іх справе, а таксама малавядомы дакумент – тлумачэнне, дадзенае ў 1956 г. былым начальнікам апэратыўнага аддзела штаба Заходняга фронту генерал-маёрам Б. Фаміным намесніку начальніка Генеральнага штаба Савецкай арміі па ваенна-навуковай рабоце В. В. Курасову [20, с. 134–136]. Паводле новых звестак Паўлаў ведаў аб падрыхтоўцы немцамі нечаканага нападзення і звяртаўся да вышэйшага ваеннага камандавання за дазволам заняць палявыя ўмацаванні паўздоўж граніцы. Аднак Народны камісар абароны «не дазволіў заняць палявых умацаванняў, паколькі гэты можа выклікаць правакацыю сярод немцаў» [20, с. 135]. Аўтары пераканаўча паказваюць, што, насамрэч, камандаванне Заходняга фронту, нягледзячы на ўмяшанне зверху, аб'ектыўную адарванасць ад кіравання войскамі, прыкладала ўсе свае намаганні для таго, каб наладзіць упраўленне войскамі і збіць тэмпы наступлення праціўніка.

Але ж комплексны падыход да вывучэння баявых дзеянняў Чырвонай арміі на тэрыторыі Беларусі летам 1941 г. запатрабаваў ад аўтараў прыцягнення да даследавання не толькі значнай колькасці новых даных чыста гістарычнага характару, але і асэнсаваных на цяперашні час вынікаў малавядомых ваенных старонак у беларускай гістарыяграфіі. Аднак аўтары часам выкарыстоўваюць традыцыйныя звесткі, абвергнутыя ў найноўшай беларускай гістарыяграфіі.

Так, паказваючы гісторыю абароны Брэсцкай крэпасці летам 1941 г., аўтары сцвярджаюць, што ў ходзе барацьбы «даўжэй усіх трымалася цытадэль» (Цытадэль. – С. Н.) (с. 314). Калі выкарыстоўваць уведзеныя ў навуковы зварот новыя нямецкія звесткі, то апошнім, найбольш трывалым, ачагом абароны амаль да канца месяца заставаўся Усходні форт, дзе ўпартую абарону арганізаваў камандзір 44-га стралковага палка маёр П. М. Гаўрылаў.

Не зусім зразумелым для чытача будзе і такое сцвярджэнне, што легендарны абаронца быў узяты ў нямецкі палон 27 ліпеня 1941 г. (с. 314). Але чаму П. М. Гаўрылаў у сваіх успамінах, якія выйшлі ў сярэдзіне 1970-х гг., піша пра сваю 32-дзённую эпапею абаронцы крэпасці на тэрыторыі Кобрынскага ўмацавання [21]? Таксама наколькі адэкватнай з'яўляецца выснова, прыведзеная аўтарамі ў кнізе са спасылкай на публікацыю канца 1970-х гадоў: пасля стварэння адзінага штаба абароны 24 ліпеня 1941 г. было прынята рашэнне прарывацца з акружэння (с. 314)? Не кожны чытач дасведчаны ў дакладнай храналогіі падзей абароны Брэсцкай крэпасці. Таму такая падача паказвае, што стварэнне штаба абароны Брэсцкай крэпасці неабходна разглядаць як самы важны момант той гераічнай эпапеі, як сведчанне таго, што нават у вельмі цяжкіх умовах абаронцы імкнуліся арганізавацца і працягваць барацьбу. Лепш за ўсё гэту думку пацвярджае пасыл з загада № 1 ад 24 ліпеня 1941 г. «Узнікшая абстаноўка ў крэпасці патрабуе стварэння адзінага кіраўніцтва і арганізаванага баявога дзеяння для далейшай барацьбы з праціўнікам» [22, с. 209]. Чытачу неабходна таксама звярнуць увагу на стыль баявога загада, у якім абаронцы ўжываюць нарматыўную, а не ідэалагічную, лексіку ў дачыненні да дэфініцыі «праціўнік».

Зусім незразумелым выглядае і такі пасаж: Усходні форт, які з першых гадзін вайны стаў ачагом жорсткага супраціўлення, 30 чэрвеня быў захоплены штурмам толькі пасля мінамётнага і артылерыйскага абстрэлу (с. 314). Паводле ж нямецкага дакумента, які вядомы ў беларускай навуковай гістарыяграфіі, інтэнсіўны артабстрэл Усходняга форту танкамі і штурмавымі гарматамі, нягледзячы на тое, што былі разбураны асобныя мураваныя сцены, атрымаўся безвыніковым. Не дала значнага выніку і ранішняя бамбардзіроўка форту 500-кілаграмовымі бомбамі. Толькі тады, калі ў другой палове дня авіяцыя паўтарыла налёт з выкарыстаннем такіх жа бомб, а потым і весам 1 800 кг, форт быў цалкам захоплены [23, с. 43].

Разглядаючы маштабы страт, панесеных Заходнім фронтам у гэтых прыгранічных баях, аўтары прыводзяць шматлікія лічбы. Так, напрыклад, да зыходу баёў пад Гродна была цалкам разгромлена матэрыяльная часць 11-га механізаванага корпуса (з 243 танкаў засталася толькі 50 (с. 332)). Між тым, аўтары пакідаюць адкрытым адно з галоўных пытанняў – аб людскіх стратах, якія з савецкай гістарыяграфіі вядомыя як «беззваротныя страты». Аўтары тлумачаюць сутнасць гэтай гістарычнай дэфініцыі такім чынам: яна ўключала тых, хто быў забіты ці памёр ад ранення, а таксама тых, хто патрапіў у палон (с. 398). Аднак далей гэтага па незразумелых прычынах не ідуць, пакідаючы для чытача толькі голая лічбы «беззваротных страт», панесеных часцямі Чырвонай арміі ў прыгранічных баях на тэрыторыі Беларусі. Кажучы пра прыгранічныя баі, якія адбываліся на Берасцейшчыне і Гродзеншчыне ў пачатку вайны, важна памятаць, што большасць чырвонаармейцаў не загінулі, а патрапілі ў нямецкі палон. Так, з загада камандуючага групай армій «Цэнтр» ад 7 ліпеня 1941 г. вынікае, што на той час былі паспяхова завершаны баі ў раёне Беластока і Мінска. У выніку ў

нямецкім палоне апынуліся 287 704 чырвонаармейцы [24, Вл. 159]. Аднак чытач на фоне дакладных звестак пра згубленую тэхніку так і не даведаецца аб рэальных маштабах людскіх страт (з улікам савецкіх ваеннапалонных), якія сталі фактам прыгранічных баёў Чырвонай арміі ў Беларусі летам 1941 г.

Між тым цікавай для чытача будзе і тая частка матэрыялаў, у якіх даецца апісанне баявых падзей, што адбываліся на мінскім, сліцкім і полацкім напрамках абароны, дзе ў савецкі час былі створаны абарончыя ўмацаванні, вядомыя з айчыннай гістарыяграфіі пад назвай УРаў. З матэрыялаў кнігі бачна, што, паколькі шматлікія фартыфікацыйныя збудаванні не былі занятымі ні часцямі Чырвонай арміі, ні апалчэнцамі, на некаторых участках прасоўванне нямецкіх войск не сустракала нават нязначнага супраціўлення (с. 356). Аўтары прыводзяць даволі падрабязны матэрыял аб абарончых баях, якія вялі часці Чырвонай арміі ў ходзе абароны Мінска. На аснове нямецкага дакумента аўтары падрабязна распавядаюць пра баі, якія мелі месца ў раёне Астрашыцкага Гарадка (с. 360). У працы даецца даволі падрабязнае апісанне горада і падзей, якія адбыліся пасля яго захопу ў другой палове 28 ліпеня 1941 г. Раскрываецца карціна трагедыі, якую перанесла сталіца ў ходзе неаднаразовай нямецкай бамбардзіроўкі. Са спасылкай на нямецкага гісторыка К. Герлаха практычна ўпершыню згадваецца аб першых і значных людскіх стратах. Важна, што пры гэтым аўтары аспрэчваюць традыцыйную лічбу, якая праходзіла ў матэрыялах Мінскай абласной камісіі па расследаванні злачынстваў нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Нагадаем чытачу, што размова вялася пра 186 чалавек, якія загінулі ў горадзе да пачатку яго захопу. На гэты момант аўтары ўводзяць лічбу прыкладна каля 1 тысячы чалавек (с. 363). Кажучы пра колькасць, аўтары ўлічваюць тых, хто да вайны пражываў у сталіцы, выкарыстоўваючы ў якасці адліку лічбу ў больш за 250 тысяч. Аднак гэта не зусім дакладна, паколькі ў самым пачатку 1941 г. у горадзе пражывала каля 300 тысяч чалавек, пра што паведамлялася ў рэспубліканскім друку ў самым пачатку года.

Контрудары Чырвонай арміі на Віцебшчыне і Гомельшчыне ў пачатку і сярэдзіне ліпеня 1941 г. аўтары разглядаюць даволі дэтальна. У першым выпадку рэканструкцыя тых падзей вядзецца галоўным чынам на аснове ўспамінаў начальніка штаба 13-й арміі генерала С. Іванова. Паводле яго ацэнак, ударны танкавы «кулак» двух карпусоў складалі каля 1 400 баяздольных машын, тады як іх агульная колькасць складала 1639 танкаў, з іх на ўлік 5-га мехкорпуса значылася 924, а 7-га – 715 танкаў (с. 376). Аднак паводле архіўных дакументаў, уведзеных у апошні час расійскім гісторыкам А. В. Ісаевым, колькасць танкавага парка 7-га мехкорпуса па стану на 6.07.1941 г. складала толькі 507 баявых адзінак, тады як 5-га – 838 танкаў [25, с. 334, 347].

Аўтары на шматлікіх прыкладах паказваюць драматычныя вынікі «бясэнсавых баёў» гэтых карпусоў, якія былі фактычна разгромлены, страціўшы пры гэтым амаль 2/3 парка баявых машын, або 832 танкі (с. 378), пры гэтым толькі трэцюю частку на полі бою ў ходзе танкавых баёў ці дзейнасці процітанкавай артылерыі фашыстаў [12, с. 23]. У гэтай сувязі звернемся да ацэнак, якія дае непасрэдны ўдзельнік тых баёў, начальнік

штаба 5-га механізаванага корпуса Герой Савецкага Саюза В. В. Буткоў. Ён сцвярджае, што агульныя страты яго корпуса ў людзях і тэхніцы у ходзе лепельскага контрудару склалі каля 60 % [26, с. 65].

Апроч таго, чытачу не будзе да канца зразумелай сітуацыя, якая адлюстравана ў матэрыяле, дзе агульная карціна тых драматычных падзей паказана выключна праз баявыя дзеянні з савецкага боку. З матэрыялу атрымліваецца, што супраць двух паўнаватасных мехкапусоў вялі бой толькі дзве нямецкія танкавыя дывізіі – 7-я і 17-я. Нагадаем, што першая з іх належала да 3-й, а другая – да 2-й танкавай групы. Пры гэтым важна ведаць, што ў баях пад Сянно ўдзельнічала сіламі ў 80 танкаў толькі адна баявая група 17-й нямецкай танкавай дывізіі [12, с. 21]. Як сведчыць гэты прыклад, аднабаковы паказ баявых падзей не дае прафесійнаму чытачу магчымасці самастойна аднавіць карціну тых падзей, убачыць іх галоўныя этапы, зразумець ход бою і яго вынікі.

Як паказваюць аўтары, асабліва жорсткія баі вяліся Заходнім фронтам на дняпроўскім рубяжы ў раёне Оршы, Шклова, Магілёва, Жлобіна і Рагачова. Асаблівае месца ў матэрыяле займае абарона «Мадрыда на Дняпры» (с. 387), якая фактычна пачалася 3 ліпеня 1941 г. і доўжылася да 26 ліпеня. На думку аўтараў, абарона Магілёва, якую разам з рэгулярнымі часцямі вяло і магілёўскае апалчэнне, заслужыла эпітэта «гераічная». Утрымліваючы горад да апошняй магчымасці, часці генерала Раманава сумелі скаваць буйную групоўку праціўніка і нанесці ёй адчувальныя страты, вядучы трохтыднёвую бітву (с. 388). Адразу ж адзначым, што ўвядзенне дэфініцыі «бітва» у дачыненні да гісторыі абароны Магілёва мае асабліва важнае значэнне ў беларускай ваеннай гістарыяграфіі. Між тым падумаем, наколькі адпавядае гістарычнай рэчаіснасці такое сцвярджэнне: «спробы нямецкіх войскаў зламаць абарону працягваліся і ў наступныя дні, а адна з самых сур’ёзных была зроблена імі 11 ліпеня» (с. 386). Асабліва цяжкай склалася абстаноўка ў раёне сёл Буйнічы і Цішоўка, дзе трымаў абарону 388-ы стралковы полк і народнае апалчэнне (с. 387). Аднак гэту дату не пацвярджаюць ні аперацыйныя зводкі штаба 172-й стралковай дывізіі [27, с. 195], ні нямецкае данясенне аб баях на Буйніцкім полі 12 ліпеня 1941 г. [28, с. 12–19]. Не зусім дакладным з’яўляецца і наступны выраз аб тым, што пасля спробы прарыву «Раманаў арганізаваў на тэрыторыі вобласці партызанскі атрад, але быў выданы здраднікам і публічна пакараны» (с. 388). Што ў якасці доказаў стаіць за гэтым тэзісам, калі мець на ўвазе дакументальна пацверджаны факт, што з восні 1941 г. генерал Раманаў апынуўся сярод вязняў аднаго з спецыяльных лагераў «Афлаг XIII С» (побач з баварскім горадам Хамельбург), у якім утрымліваліся савецкія палонныя афіцэры, у тым ліку: генерал Раманаў, маёр Гаўрылаў, капітан Зубачоў і іншыя. Лёс першага з іх трагічна абарваўся 3 снежня 1941 г., калі легендарны абаронца памёр ад ранення, атрыманага ў час выхаду з акружэння пад Магілёвам [29, с. 62].

Паказваючы баявыя дзеянні пад Рагачовам і Жлобінам, аўтары падрабязна знаёмяць чытача з контрударам 21-й арміі, перад якой ставілася задача па адцягванні на сябе сіл праціўніка з заходняга напрамку. Яна

13 ліпеня злучэннямі 63-га стралковага корпуса генерал-маёра Л. Р. Пятроўскага пачала паспяховае наступленне ў напрамку названых гарадоў. Аўтары прыходзяць да высновы, што гэта быў бясспрэчны поспех, магчыма, першы за ўвесь пачатковы перыяд вайны. Пастаўленая задача была не толькі выканана, а нават перавыканана (с. 393). Між тым, на наш погляд, баявыя дзеянні Заходняга і Цэнтральнага франтоў на тэрыторыі Гомельшчыны мелі не столькі апэратыўнае, колькі стратэгічнае значэнне. Чарговая дырэктыва за нумарам 34 ад 30 ліпеня 1941 г. прынцыпова змяняе стратэгічнае становішча для ўсёй групы армій «Цэнтр», якая, паводле дырэктыўных распараджэнняў самога Гітлера, спыняла наступленне на Маскву і пераходзіла да абароны. У гэтым і заключалася значэнне баявых дзеянняў Чырвонай арміі за Беларусь летам 1941 г.

Падсумоўваючы факты, аўтары прыходзяць да высновы, што ў 1941 г. Чырвоная армія на тэрыторыі БССР пацярпела адно з самых трагічных і самых жахлівых паражэнняў, якія вядомы ў сусветнай гісторыі (с. 397). Дзеля пацвярджэння пададзены лічбы агульных страт Заходняга фронту. Са спасылкай на расійскую гістарыяграфію прыводзіцца тэзіс, што толькі за першыя 18 дзён вайны, у ходзе якіх мела месца так званая Беларуская стратэгічная абарончая аперацыя, з 625 000 было страчана 417 729 чалавек, з якіх 341 012 страт з'яўляюцца беззваротнымі (с. 398). У гэтай сувязі ў чытача ўзнікае пытанне аб тым, якімі ж лічбамі павінен вымярацца маштаб трагедыі Беларусі, бітва за якую працягвалася фактычна да канца жніўня, а не скончылася 9 ліпеня разам з завяршэннем абарончых баёў. Паводле дакументаў вермахта аб уліку савецкіх ваеннапалонных груп армій «Цэнтр» да канца жніўня 1941 г. былі ўзяты ў палон 784 тысячы чырвонаармейцаў (з якіх на тэрыторыі БССР у палон трапілі 436 тысяч, або 2/3 ад баявога складу фронту на момант пачатку баявых дзеянняў у Беларусі летам 1941 г.) [29, с. 99].

У заключэнні нам падаецца важнай думка аўтараў аб тым, «што палітычнае і ваеннае кіраўніцтва СССР не здолелі прыняць адэкватныя рэальнай сітуацыі рашэнні, што з'яўляецца вялікай палітычнай і стратэгічнай памылкай, якая мяжуе са злачыствам перад уласным народам» (с. 398).

Частка III «Украіна» (с. 537–713) складаецца з 11 самастойных раздзелаў, адзін з якіх прысвечаны «Ваенным дзеянням на тэрыторыі Украіны летам 1941 г.» (с. 552–585). Мы лічым, што яго напісаў ваенны гісторык У. В. Грыцюк [30, с. 208–302]. Украінскі аўтар прапануе чытачу больш фрагментарны паказ баявых дзеянняў пачатковага перыяду (пашыраны варыянт якіх быў годам раней апублікаваны ў акадэмічнай працы), раскрываючы розныя аспекты гісторыі напярэдадні і ў пачатку вайны, а таксама асвятляючы баявыя дзеянні Чырвонай арміі ва Украіне летам 1941 г.

Пачынаючы разгляд ваенных падзей на тэрыторыі Украіны, даследчык зыходзіць з таго факта, што гітлераўскае камандаванне не лічыла паўднёвы напрамак галоўным (с. 554). Варта адзначыць, што ў выданні параўнаны баявыя падзеі на Украіне і Беларусі. Гэта надае матэрыялу асаблівае гучанне. Украінскі гісторык пастаянна звяртаецца да гэтага прыёму, каб даць чытачу магчымасць убачыць, наколькі былі падрыхтаванымі войскі

Паўднёва-Заходняга і Паўднёвага франтоў да выканання баявых задач, звязаных з абаронай заходніх рубяжоў СССР летам 1941 г. Хоць У. В. Грыцюк і прыходзіць да высновы, што савецкія войскі былі фактычна не гатовыя да вырашэння пастаўленых задач і бітвы ў прыгранічных раёнах былі цалкам прайграны, аднак войскі Паўднёва-Заходняга фронту аказалі найбольш моцнае супраціўленне на ўсім савецка-германскім фронце. Гісторык падкрэслівае, што на тэрыторыі Украіны не было дапушчана акружэнне і не адбылося поўнага разгрому асноўных сіл, як гэта сталася на Заходнім фронце у Беларусі (с. 562). Аўтар сцвярджае, што на паўднёва-заходнім напрамку, у адрозненне ад заходняга, да 10 ліпеня гітлераўцы не здолелі разбіць асноўныя сілы Чырвонай арміі (с. 565). Больш таго, контрудары спынялі праціўніка ці затрымлівалі яго на пэўны час (напрыклад, 25 чэрвеня ў раёне Роўна два корпусы здолелі затрымаць на гэтым напрамку да 7 ліпеня 1941 г.). Між тым наспех падрыхтаваныя і недастаткова арганізаваныя контрудары мелі нізкую эфектыўнасць (с. 362). У ходзе прыгранічных баёў ва Украіне былі беззваротна страчаны больш за 172 тысяч чалавек, трапілі ў палон – каля 70 тысяч, а таксама 4 381 танк, 5 806 гармат і мінамётаў і 1 218 самалётаў (с. 564). Як бачым, пакуль аўтар карыстаецца агульнапрынятымі падыходамі падчас паказу страт асабовага складу. Між тым украінскі гісторык пайшоў значна далей. Ён выдзяляе два асноўныя этапы правядзення прыгранічных баёў на Украіне. Першы ахопліваў час з 22 па 30 чэрвеня, калі перад савецкімі войскамі ставіліся задачы разбіць групоўкі праціўніка і перайсці ў наступленне. За часам другога (30 чэрвеня – 9 ліпеня) планавалася абарончая аперацыя і арганізоўваўся адыход войскаў Паўднёва-Заходняга і Паўднёвага франтоў на лінію ўмацаваных раёнаў былой граніцы (с. 565).

Аўтар па невядомых прычынах не згадвае аднаго з самых важных фактаў кульмінацыйнай абарончай бітвы на Украіне – контрудару некалькіх механізаваных карпусоў (8-га, 9-га, 15-га і 19-га) у раёне Луцк – Брады – Дубна, дзе з 26 па 30 чэрвеня 1941 г. адбылася самая вялікая танкавая бітва, калі на ўчастку шырыней 70 км сутыкнуліся амаль 2 тысячы танкаў. Хоць савецкія войскі былі разбітыя, аднак упартыя баі на гэтым напрамку на пэўны час спынілі непрыяцеля, забяспечылі адыход іншых часцей і сталі пачаткам да завяршэння «германскага бліцкрыгу» [31, с. 20, 27]. Неабходна адзначыць, што ўкраінскі аўтар аспрэчвае назву «стратэгічная абарончая аперацыя ў Заходняй Украіне і Бесарабіі», уведзеную ў пасляваенны час назву для азначэння прыгранічных абарончых баёў. На яго думку, называць бітву абарончай аперацыяй не карэктна. Больш дакладным тэрмінам з’яўляецца «бітва» («сражение») (с. 565).

Паказваючы баявыя дзеянні войскаў Паўднёва-Заходняга напрамку на Правабярэжнай Украіне з 10 ліпеня да канца жніўня 1941 г., аўтар прыходзіць да наступнай высновы: у канцы жніўня пасля адыходу войск за Днепр скончылася абарончая аперацыя на Правабярэжнай Украіне. Чырвоная армія вымушана была пакінуць не толькі гэту тэрыторыю, але і страціла тут шмат людзей і тэхнікі. У. В. Грыцюк звяртае ўвагу на тое, што ў пачатку верасня групы арміі «Цэнтр» рушылі на поўдзень (с. 568). На думку гісторыка,

абарона сталіцы Украіны ў 1941 г. стала адной з найбольш трагічных і гераічных старонак вайны. У стратэгічным плане абарончыя баі за Кіеў у канцы лета – пачатку восені 1941 г. адцягнулі значныя сілы вермахта з маскоўскага напрамку (с. 578).

Такім чынам, аналіз трох матэрыялаў паказвае, што расійскія, беларускія і ўкраінскія аўтары выкарысталі розныя падыходы да падачы матэрыялу – ад асобных фрагментаў да стварэння абагульненай карціны баявых дзеянняў Чырвонай арміі летам 1941 г. Асноўная ўвага навукоўцаў была сканцэнтравана на ходзе і выніках прыгранічных баёў, а таксама іх вядзенні на іншых рубяжах абароны на тэрыторыі Беларусі, Расіі і Украіны.

Аналіз новай працы паказвае, што гісторыкі паспяхова пераадольваюць адну з галоўных праблем – вузкасць крыніцзнаўчай базы ў распрацоўцы маладаследаваных пытанняў пачатковага перыяду вайны. Аднак выкарыстанне новых дакументальных крыніц, галоўным чынам савецкага паходжання, пакідае адкрытай задачу навуковай верыфікацыі ўпершыню даследаваных матэрыялаў. Больш таго, ставіць на парадак дня цэлы шэраг іншых крыніцзнаўчых праблем, у тым ліку тэорыі і метадалогіі. Як бачна з трох разгледжаных нарысаў, гісторыкі нават блізкіх акадэмічных устаноў выкарыстоўваюць розныя дэфініцыі, звяртаючыся як да традыцыйных, так і новых тэрмінаў, ключавым з якіх з’яўляецца «Вялікая Айчынная вайна». Калі ў беларускім і расійскім тэкстах такая гістарычная дэфініцыя вызначальная, то ва ўкраінскім афіцыйным навуковым дыскурсе больш важнае значэнне набывае тэрмін «Другая сусветная вайна» [6, с. 540]. І калі ў гэтым выданні такі тэзіс ужываецца больш адэкватна, то ў працы Інстытута гісторыі Украіны НАН Украіны «Украіна ў Другой сусветнай вайне: погляд з XXI ст.» (2011) агульнапрынятая дэфініцыя амаль цалкам саступае месца тэрміну «Другая сусветная вайна» [32]. Выключэннем можна назваць толькі матэрыял В. Грыцюка «Стратэгічныя і фантастычныя аперацыі Вялікай Айчыннай вайны на тэрыторыі Украіны» [30].

Разгляд такога пытання актуальны для сучаснага чытача, калі ў грамадскім дыскурсе вызначылася лінія на супрацьстаянне «вайны дэфініцый». Гэта асабліва важна, паколькі ў шматлікіх матэрыялах часам паўтараюцца даволі тыповыя погляды з савецкай гістарыяграфіі, калі з адной працы ў другую пераходзяць асобныя міфы, не кажучы пра відавочную прысутнасць некаторых ідэалагічных стэрэатыпаў. Агульным недахопам такіх даследаванняў часам з’яўляецца тое, што, не маючы дастатковай колькасці дакументальных крыніц, у тым ліку замежнага паходжання, аўтары спяшаюцца паведаміць чытачам штосьці новае, нават сенсацыйнае, што прыводзіць да новых здагадак і паўтору факталагічных памылак. Альбо працягваюць працаваць на аснове толькі капіравання гістарыяграфічных фактаў і навуковай літаратуры [34, с. 36–42], пакідаючы без увагі важныя найноўшыя замежныя распрацоўкі гэтых пытанняў [35; 36; 37; 38].

Таксама кідаецца ў вочы выкарыстанне гісторыкамі наступных дэфініцый – «фашысцкая Германія» (беларускія, расійскія), «нацысцкая Германія» (расійскія і ўкраінскія), «нямецка-фашысцкія войскі» (расійскія), «гітлераўцы» (беларускія), «нацысцкія акупанты» (украінскія) і інш. Правіль-

нае ўтварэнне гістарычных тэрмінаў у навуковых нарысах вельмі важна не толькі для прафесійных гісторыкаў, але і для шырокай чытацкай аўдыторыі, у першую чаргу моладзі. У кантэксце новых метадалагічных падыходаў, якія вызначаны апошнім часам у гістарычнай навуцы ў Беларусі, Расіі і Украіне, выкарыстанне розных дэфініцый патрабуе далейшага навуковага абгрунтавання неабходнасці існавання новай гістарычнай дэфініцыі (напрыклад, «нацысцкая Германія»), а не дэфініцый, замацаваных у савецкай гістарыяграфіі («нямецка-фашысцкія войскі»). Як вядома, вермахт з'яўляўся адным са структурных элементаў нацысцкай Германіі (гэта значыць былі выключна «германскімі» «германская армія», «германскія войскі», «германскае камандаванне» [39, с. 180–186], а не нямецкімі). На жаль, у кнізе чытач не знойдзе тлумачэння прычын розначытання гэтых дэфініцый і аўтарскіх прапаноў па іх ужыванні ў сучаснай навуковай літаратуры і грамадскім дыскурсе.

Атрымліваецца, што ў сучаснай айчыннай гістарыяграфіі захоўваюцца савецкія гістарыяграфічныя традыцыі, якія працягваюць аказваць пэўны ўплыў нават на цяперашняга даследчыка. Чытачу самастойна становіцца ўсё больш складана вызначыцца ў стракатай інфармацыйнай прасторы, паколькі ў сучасных навукова-папулярных выданнях і рознатэматычнай літаратуры, прысвечанай пачатковаму перыяду Вялікай Айчыннай вайны, зараз пануюць тэндэнцыйныя ацэнкі і прапануюцца не зусім навуковыя інтэрпрэтацыі тых гістарычных падзей. І гэта робіцца на фоне таго, што ў апошнія гады для беларускіх даследчыкаў сталі больш адкрытымі новыя дакументальныя крыніцы, у тым ліку замежныя, якія дазваляюць пад іншым вуглом паглядзець на ваенную гісторыю і ўнесці пэўныя праўкі ў гісторыю баявых падзей у Беларусі летам 1941 г.

Рэалізаваны сумесны праект сведчыць таксама пра наступнае. На пост-савецкай прасторы праходзяць працэсы не толькі фарміравання нацыянальных школ, але змянення навукова-пазнавальных крытэрыяў ацэнкі ў дачыненні да канкрэтных гістарычных фактаў. Як вынік, з'явіліся розныя ацэнкі некаторых падзей, таксама розніцца стылістыка падачы матэрыялаў, спосабы іх інтэрпрэтацыі. Між тым, як адзначаецца ў выданні, разнастайнасць падыходаў пры вывучэнні праблем і выкладанні поглядаў, асваенне новых дакументальных крыніц, у тым ліку замежнага паходжання, станоўча адбіваюцца на аб'ектыўным асвятленні малавывучаных старонак вайны ўвогуле, у тым ліку і яе трагічнага пачатку [39, с. 239]. Аднак вынік сумеснай працы паказвае, што гісторыкам трох усходнеславянскіх краін пакуль удалося не толькі прадставіць блізкае разуменне агульных падзей, але і сфакусіраваць свае намаганні на іх рэгіянальным адлюстраванні (за выключэннем расійскіх гісторыкаў), паказаць напрамкі цяперашняга руху нацыянальных гістарыяграфій па вывучэнні баявых дзеянняў Чырвонай арміі летам 1941 г., акрэсліць іх галоўныя тэндэнцыі і магчымыя перспектывы. Гэта асабліва важна ў кантэксце новых патрабаванняў, якія перад ваенна-гістарычнай навукай ставіць сучасны этап вывучэння гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, калі на парадак дня выносяцца пытанні аб неабходнасці ўключэння нацыянальных гістарыяграфій у сусветны гістарыяграфічны працэс [40, с. 17; 41, с. 248].

Дэталёвае знаёмства са зместам новага выдання сведчыць аб тым, што за апошні час у Беларусі, Расіі і Украіне ўзніклі, сфарміраваліся і атрымалі развіццё нацыянальныя школы ваенных гісторыкаў. Вызначальнымі ў даследаванні баявых дзеянняў Чырвонай арміі летам 1941 г. з'яўляюцца новыя падыходы, погляды і ацэнкі, дзякуючы якім стала магчымым больш рознабаковае асвятленне ваеннай гісторыі. Немалаважную ролю ў адыходзе ад агульнай канвы савецкай гістарыяграфіі пачалі адыгрываць гістарычныя веды, атрыманыя ў выніку звароту да нямецкіх дакументаў. Аднак да гэтага часу ў беларускіх даследаваннях пакуль слаба выкарыстоўваюцца дадзеныя «нямецкага боку», хоць найноўшыя даследаванні, распрацаваныя на іх аснове, пераконваюць якраз у тым, што такія падыход адкрывае магчымасці для таго, каб убачыць гістарычныя падзеі з супрацьлеглага боку, без чаго сучасныя працы аб баявых дзеяннях Чырвонай арміі і германскага вермахта летам 1941 г. ужо не могуць выступаць поўнымі, аб'ектыўнымі і актуальнымі.

ЛІТАРАТУРА

1. Историки Украины, Беларуси и России выпустили книгу о начале Великой Отечественной войны [Электронны рэсурс]. – 2016. – Рэжым доступу : <http://videonews.com.ua/news/culture/istoriki-ukrainy-belarusi-i-rossii-vypustili-knigu-o-nachale-velikoy-otechestvennoy-voyny.html>. – Дата доступу : 1.04.2016.
2. Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Новая и новейшая история» за 2011–2015 гг. [Электронны рэсурс]. – 2016. – Рэжым доступу : <http://www.modern-current-history.igh.ru/archive>. – Дата доступу : 01.04.2016.
3. Содержание рубрики «Критика и библиография» номеров журнала «Российская история» за 2011–2015 гг. [Электронны рэсурс]. – 2016. – Рэжым доступу : <http://ruhistory.info/category>. – Дата доступу : 1.04.2016.
4. Показчик рецензий й оглядив в УІЖ за 2012–2015 гг. [Электронны рэсурс]. – 2016. – Рэжым доступу : http://history.org.ua/journal_2012_6/journal_2012_6.pdf– [journal_2015_6/journal_2015_6.pdf](http://history.org.ua/journal_2015_6/journal_2015_6.pdf). – Дата доступу : 12.04.2016.
5. Змест нумароў БГЧ за 2012–2015 гг. [Электронны рэсурс]. – 2016. – Режим доступа : http://kamunikat.org/bielaruski_histaryczny_czasopis.html. – Дата доступу : 12.04.2016.
6. 1941 год: Страна в огне : в 2 кн. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – Кн. 1: Очерки. – 720 с.
7. Великая Отечественная война без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г. Ф. Кривошеев [и др.]. – М. : Вече, 2010. – 384 с.
8. *Кульков, Е.* Война 1941–1945. Факты и документы / Е. Кульков, М. Мягков, О. Ржешевский. – М. : РОССПЭН, 2005. – 374 с.
9. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. In 10 Bd. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1987. – Bd. 4 : Der Angriff auf die Sowjetunion / hrsg. vom Militärgeschichtlichen Forschungsamt. – 1172 S.
10. ВА-МА- β RH 27-3/29: Panzer-Regiment 6. Erfahrungsbericht: Kampf der II./PZ. Regiment 6 bei Mohilew am 12.7.1941 // Беларус. гіст. часоп. – 2007. – № 7. – С. 13–19.

11. *Новікаў, С.* Гомельская бітва 1941 года: спробы рэканструкцыі / С. Новікаў // Беларус. гіст. часоп. – 2012. – № 8. – С. 3–14.
12. *Новікаў, С.* Лепельская аперацыя летам 1941 года: спроба навуковай інтэрпрэтацыі / С. Новікаў // Беларус. гіст. часоп. – 2012. – № 11. – С. 14–24.
13. План паражэння // Война и мир Михаила Тухачевского / Ю. З. Кантор. – СПб. : Нестор, 2008. – С. 538–575.
14. *Новікаў, С. Я.* Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С. Я. Новікаў. – Мінск : МДЛУ, 2014. – 300 с.
15. Соображения и распоряжения фюрера от 28 июля 1941 г. // Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945 : истор. очерки, док. и материалы: в 4 т. / В. И. Дашичев. – М. : Наука, 2005. – Т. 3 : Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. – С. 294–296.
16. *Новікаў, С.* Магілёўская бітва 1941 года ў данясеннях вермахта / С. Новікаў // Беларус. гіст. часоп. – 2011. – № 7. – С. 23–34.
17. Оборона Беларуси летом 1941 г. // Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А. А. Коваленя (рук. авт. кол-ва) [и др.]. – Мінск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
18. Трагическое лето 1941-го // Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память: в 2 кн. – Минск : Беларус. навука, 2010. – Кн. 1. – С. 6–58.
19. Darstellung der Ereignisse am 21.6.1941 (Vortrag) // Федэральны ваенны архіў (далей ВА-МА). – РН 21-2/927.
20. Объяснение генерал-майора Б. Фомина, данное в 1956 г. заместителю начальника Генерального штаба Советской Армии по военно-научной работе генералу армии В. В. Курасову // 1941 год: Страна в огне : в 2 кн. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – Кн. 2: Документы и материалы. – С. 134–136.
21. *Гаврилов, П. М.* Сражается крепость / П. М. Гаврилов. – 2-е изд., испр. и доп. – Краснодар : Краснодар. книж. изд-во, 1980. – 138 с.
22. Брестская крепость. Война и мир / авт. концепции и текста А. Суворов. – Брест : Полиграфика, 2010. – 256 с.
23. Данясенні аб ходзе баявых дзеянняў пры ўзяцці Брэст-Літоўска ад 8.07.1941 // Беларус. гіст. часоп. – 2010. – № 6. – С. 39–43.
24. ВА-МА. – Darstellung der Ereignisse am 8.7.1941: РН 21-2/927, Вл. 159.
25. *Исаев, А. В.* Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг / А. В. Исаев. – М. : Яуза; Эксмо, 2010. – 480 с.
26. *Бутков, В. В.* Контрудар 5-го механизированного корпуса на лепельском направлении (6–11 июля 1941 года) / В. В. Бутков // Воен.-ист. журн. – 1971. – № 9. – С. 47–65.
27. Документы штаба 172-й стрелковой дивизии Красной Армии о боях в районе Могилёва. Июль 1941 г. : Оперсводка № 12 к 2.00 13.7.41. Штадив 172 // Могилёвский поисковый вестн. – Могилёв : Информ. агентство «Могилевские ведомости», 2015. – Вып. 10: 75-летию героической обороны г. Могилёва и Днепровского рубежа посвящается. – С. 195–196.
28. *Новікаў, С.* Бой 2-га батальёна 6-га танкавага палка пад Магілёвам. Адлюстраванне падзей на Буйніцкім полі 12 ліпеня 1941 г. у нямецкіх архіўных матэрыялах / С. Я. Новікаў // Беларус. гіст. часоп. – 2007. – № 7. – С. 12–19.

29. *Новікаў, С. Я.* Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеянняў / С. Я. Новікаў. – 2-е выд., выпр. і дап. – Смаленск : Універсум, 2015. – 436 с.
30. *Грицюк, В.* Стратэгічны та фронтові операцыі Велікоў Вітчизняноў вайны на тэрахах Украіны / В. Грицюк // Украіна ў Другіў світоўй вайні: погляд з ХХІ ст. : іст. нариси : у 2 кн. / ред. кол.: В. А. Смолій (гол. кол.) [і інш.]. – Кіў : Наук. думка, 2011. – Кн. 1. – С. 208–302.
31. *Исаев, А. В.* Боевые действия Юго-Западного и Южного фронтов в начале Великой Отечественной войны (22 июня – 9 июля 1941 г.) : автореф. дис ... канд. ист. наук / А. В. Исаев. – М., 2012. – 32 с.
32. *Украіна ў Другіў світоўй вайні: погляд з ХХІ ст. : іст. нариси : у 2 кн. / ред. кол.: В. А. Смолій (гол. кол.) [і інш.]. – Кіў : Наук. думка, 2011. – Кн. 1. – 733 с.*
33. *Лысенко, О.* Історіюписання Другоў світоўй вайны як самастійна субдисципліна / О. Лысенко // Украіна ў Другіў світоўй вайні: погляд з ХХІ ст. : у 2 кн. / ред. кол.: В. А. Смолій (гол. кол.) [і інш.]. – Кіў : Наук. думка, 2011. – Кн. 1. – С. 9–42.
34. *Новікаў, С.* Баявыя дзеянні Чырвонаў арміі на тэрыторыі Беларусі летам 1941 года ў сучаснаў расійскаў гістарыяграфіі / С. Новікаў // Беларус. гіст. часоп. – 2015. – № 5. – С. 36–42.
35. *Arnold, K. J.* Die Wehrmacht und die Besatzungspolitik in den besetzten Gebieten der Sowjetunion. Kriegsführung und Radikalisierung um «Unternehmen Barbarossa» / K. J. Arnold. – Berlin : Dunker&Humbolt, 2005. – 479 S.
36. *Hürter, J.* Hitlers Heerführer. Die deutschen Oberbefehlshaber im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42 / J. Hürter. – München : Oldenbourg Verl., 2006. – 719 S.
37. *Pohl, D.* Die Herrschaft der Wehmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944 / D. Pohl. – München : Oldenbourg Verl., 2008. – 399 S.
38. *Hartmann, Ch.* Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Hinterland 1941/42 / Ch. Hartmann. – München : Oldenbourg Verl., 2009. – 928 S.
39. Доклад генерал-лейтенанта С. А. Калинина Ваенному совету Западного фронта «Некоторые выводы из опыта первых трех месяцев войны и характер ближнего боя» от 25 сентября 1941 г. // 1941 год: Страна в огне : в 2 кн. Очерки. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2011. – Кн. 2. – С. 180–186.
40. *Кілічэнкаў, А. А.* Пачатак Вялікаў Айчыннай вайны: сучаснаў гістарыяграфія і крыніцазнаўства / А. А. Кілічэнкаў, С. Я. Новікаў // Беларус. гіст. часоп. – 2011. – № 6. – С. 12–17.
41. *Киличенков, А. А.* Заключение / А. А. Киличенков // Преддверие и начало Великой Отечественной войны: проблемы современной историографии и источниковедения : материалы междунар. науч.-практ. конф., Москва, 2 апр. 2011 г. – М. : РГГУ, 2012. – С. 248–250.

ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИЦИИ В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ БЕЛАРУСИ

В современной историографии и общественном сознании сложилась картина полицейского периода нацистской оккупации Беларуси, когда властвовал беспредел, к мирным гражданам применялось насилие, велась борьба с участниками движения Сопротивления [1, с. 103–110]. В белорусских архивах сохранился комплекс документов (заявления граждан, протоколы допросов, постановления следователей, служебная переписка начальников районной полиции с начальниками отделений), позволяющих реконструировать оперативно-служебную деятельность полиции.

Оккупационные власти, создавая службу охраны порядка (полицию) из числа местного населения, помимо борьбы с партизанами и подпольщиками, преследовали цель использовать ее для поддержания общественного порядка, поскольку в условиях затяжной войны и незнания местных реалий, у немцев не было сил делать это самостоятельно. В «Предписании для Службы порядка командующего областью» (тылом группы армий «Центр». – *Е. Г.*) круг обязанностей полиции был очерчен следующим образом: 1) содействие при разрешении уголовно-полицейских задач, надзор за важнейшими хозяйственными угрозами, патрулирование для предотвращения воровства, грабежей, поджогов, саботажа и других уголовных деяний; 2) содействие при разрешении государственно-полицейских задач, донесение немецкой полиции или военным структурам сведений обо всех враждебных для оккупантов действиях партизан и любых видах сопротивления; 3) поддержание общественного порядка среди гражданского населения: надзор за порядком уличного движения, контроль над топкой печей, над очисткой улиц и площадей населенных пунктов, содействие в выполнении предписаний, касающихся обеспечения населения продуктами питания. Полиция была компетентна в пределах административно-территориальной единицы, вне ее могла действовать только в случае опасности или по особому распоряжению немецких властей. В крупных общинах в рамках полиции могли создаваться отделы. Начальник полиции и начальники отделов назначались немцами. Полицейские имели право производить аресты граждан по предписанию начальства. Несанкционированные аресты разрешались в случае поимки на месте правонарушения, при бегстве подозрительных личностей, невозможности установить личность, при нападении и оскорблении полицейского [2, л. 650–651 об.].

Основной задачей полиции являлась борьба с правонарушениями. Например, за одну неделю в марте 1942 г. Борисовская полиция рассмотрела 11 административных дел, по которым бургомистр Борисова наложил взыскания на граждан: кража колхозного ячменя – принудительные работы 14 дней; кража колхозного сена – принудительные работы 7 дней; халатное отношение к службе – арест 14 суток плюс 110 руб. штрафа; нарушение порядка прописки – 100 руб.; нанесение побоев – 300 руб.; кража овса – 500 руб.;

кража (без уточнения чего именно) – 1 месяц ареста; утеря паспорта – 100 руб.; кража муки – 14 суток принудительных работ; кража картофеля – 14 суток принудительных работ; хулиганство – арест 14 суток [3, л. 9]. За 1942 г. у одного из следователей Борисовской полиции осталось в производстве 6 неоконченных дел: по подозрению в проституции, об укусе человека собакой, об обвинении двух граждан в грабеже, о присвоении личных вещей, о получении хлебных карточек два раза, о краже гусей [4, л. 13]. По 1-му отделению службы порядка г. Борисова за 1942 г. значилось 14 незакрытых дел, по двум из которых инкриминировалось хулиганство, 7 – кража, 3 – продажа водки, а также присвоение часов и утеря паспорта [4, л. 14].

Конфискованными во время задержания вещами распоряжались инстанции, определявшие меру наказания. Так, Борисовская районная управа 18.02.1942 г. сообщала начальнику 3-го отдела службы порядка, что решением комендатуры гражданин, задержанный за поездку в деревню без пропуска, оштрафован на 1 000 руб., при этом конфискованные у него ботинки, пила и два мешка, находящиеся в камере вещественных доказательств, подлежали возврату [5, л. 32]. В другом случае двое граждан за спекуляцию самогоном были оштрафованы комендатурой на 500 руб., а изъятые 30 пачек дрожжей весом 15 кг передавались хлебопекарне [5, л. 35]. В аналогичном случае районная управа предписала полиции оштрафовать на 1 000 руб. гражданина, обвиняемого в приготовлении к самогонварению, а изъятый самогонный аппарат передать Утильбазе [5, л. 36].

Полиция привлекалась для изъятия незаконно находящегося у граждан имущества, в частности, собственности отправленных в гетто евреев, выявить место нахождения которой удавалось благодаря заявлениям граждан [6, л. 16]. Так, например, начальник полиции г. Борисова сообщает, что евреи перед переселением в гетто отдавали соседям-христианам свое ценное имущество, и просит у главы местной администрации распоряжений, как поступать с теми, кто получает имущество евреев [7, л. 24]. Начальник полиции г. Ново-Борисова на основании распоряжения начальника городской и районной управы 16.09.1941 г. потребовал изъять у населения коров и коз, приобретенных с момента начала боевых действий, а также скот, принадлежавший ранее евреям. Полиция должна была собрать сведения о скоте, который был продан или передан евреями в сельскую местность, указав имя прежнего владельца и нынешнего держателя [8, л. 176, 176 об.]. Управляющий лесозавода в письме к промышленному отделу Борисовской городской управы просит изъять у граждан корову и кабана, принадлежавших ранее еврею, и передать их для нужд столовой завода. Начальнику Новоборисовской полиции было поручено изъять скот у граждан [9, л. 51]. Следователь Сенненской полиции 5.04.1943 г. допросил гражданина на предмет законности владения лошадью. Последний показал, что 30.03.1943 г. он шел в г. Сенно по разгромленной партизанами волости и в лесу возле д. Заозерье увидел лошадей, одну из которых взял себе. Впоследствии, как предположило следствие, лошадь была продана другому гражданину, хотя такая операция с незаконно приобретенным имуществом рассматривалась властями как нарушение [10, л. 32, 32 об.].

Изымалось также имущество граждан для нужд местной администрации. Начальник Городокского района на основании устного распоряжения коменданта от 11.09.1942 г. приказал изъять у 25 граждан за плату музыкальные инструменты (мандолина, гитара, балалайка) для районной полиции [11, л. 7]. Городокская районная управа 10.10.1942 г. приказала начальнику полиции срочно выселить гражданина в другую квартиру из дома, который предназначался для детского дома [11, л. 8].

Одной из задач полиции являлась охрана частной и коммунальной собственности от расхищения. Борисовская городская управа в письме к начальнику полиции от 30.12.1941 г. констатировала, что, вопреки данным ранее распоряжениям, борьба с грабежами в городе не ведется, граждане даже днем разбирают на топливо пригодные для жилья строения. В очередной раз приказывалось вести решительную борьбу с этим явлением, привлекающая виновных к ответственности через фельдкомендатуру, и докладывать управе каждые пять дней о результатах [12, л. 24, 24 об.].

Среди совершаемых гражданами правонарушений доминировали кражи, численный рост которых объясняется сложнейшей социально-экономической ситуацией в годы оккупации. В полицию поступали письменные заявления граждан о краже имущества, удостоверений личности, денег [13, л. 20; 6, л. 17]. Украденное имущество граждане потом могли увидеть на базаре или в пользовании других лиц. Жительница г. Могилева подала заявление в полицию, что часть украденных у нее вещей находится в доме другой гражданки, что подтвердилось в результате обыска [14, л. 3].

Заявления граждан фиксировались в протоколах обвинительных показаний. Так, 25.03.1944 г. житель г. Богушевска 1913 г.р. заявил в полицию, что в этот день его жена выявила пропажу из ямы около 20 пудов картофеля стоимостью 200 марок. Заявитель обнаружил идущий от ямы санный след, который вел к дому, в котором проживала местная жительница и двое беженцев. Заместитель командира отделения полиции в присутствии жены потерпевшего произвел обыск в указанном доме, где был обнаружен картофель весом 17 пудов, который был возвращен потерпевшим [15, л. 6, 6 об.]. Три дня спустя сотрудники полиции составили акт изъятия у трех подозреваемых 17 пудов картофеля (акт был подписан понятыми) [15, л. 7]. Обвиняемая в воровстве местная жительница 1896 г.р., домохозяйка, белоруска, беспартийная, указала, как явствует из протокола допроса, что картофель не воровала, а достала его из своей ямы (три корзины, около 2 пудов). При этом она показала, что проживающие в ее доме беженцы вскрыли яму с картофелем, принадлежащим гражданке, чей сын находился в партизанах (в документе фигурирует выражение *партизанский картофель*, присвоение которого фактически рассматривалось фигурантами дела как нормальная практика. – Е. Г.). При повторном допросе она призналась, что все же они втроем брали картофель у партизанской семьи, но были задержаны полицией, называла это ошибкой (перепутали ямы партизанской семьи и потерпевших) [15, л. 2, 2 об., 3]. Допрошенные беженцы (мужчина 1899 г.р., уроженец Гомельского района, и женщина 1989 г.р., уроженка северного

Кавказа, ранее не судимые, беспартийные) первоначально показали, что купили картофель у неустановленного лица, но при повторном допросе сознались, что, вместе с первой обвиняемой, действительно взяли картофель из ямы, думая, что она принадлежит партизанской семье [15, л. 4 – 5 об.]. В заключении по данному делу начальниками 1 и 2-го отделов Богушевской полиции констатировалось, что обвиняемые действительно планировали присвоить картофель гражданки, проживавшей в настоящий момент в Новосельской волости, чей сын ушел в партизаны (указывалась информация, что ее сын погиб при атаке партизан на опорный пункт полиции, что демонстрировало осведомленность полиции), но ошибочно вскрыли другой бург. Несмотря на намерение присвоить картофель партизанской семьи, делать это без санкции властей они не имели права, к тому же совершили правонарушение ночью, во время комендантского часа, поэтому за правонарушение каждый обвиняемый был оштрафован на 25 марок, а за воровство приговорен к двум неделям тюремного заключения. На момент вынесения обвинительного заключения все они были арестованы и находились в Богушевской тюрьме. Материалы дела были переданы полицией на утверждение Богушевскому ортскоменданту [15, л. 8, 8 об.].

Случай кражи описывался и в постановлении следователя 1-го отдела полиции г. Борисова от 20.12.1943 г. Из него следовало, что 1.12.1942 г. со двора гражданки ушла корова, которая была поймана военнопленными солдатами (двое русских и украинец), работавшими при германской воинской части. Корова была убита, мясо спрятано на квартире, где проживали солдаты, но было обнаружено полицией и возвращено владелице. Следователь постановил заключить виновных в тюрьму, а материалы следствия направить в ГФП для определения меры наказания [16, л. 16].

Часто фигурантами дел о воровстве становились дети. Из протокола допроса Борисовской полицией двух несовершеннолетних 1930 и 1932 г.р. от 29.03.1944 г. явствовало, что один из братьев (13 лет) по наущению совершеннолетней гражданки украл мануфактуру у проживавшей в их квартире беженки. Брат его показал, что тот воровал неоднократно, покупая конфеты на деньги, вырученные от продажи краденого [17, л. 3–5]. В постановлении начальника службы порядка г. Борисова от 23.10.1942 г. сообщалось, что несовершеннолетний выбил окно в квартире гражданки и похитил одежду, обувь и продукты. Впоследствии он сознался в содеянном, часть похищенного была обнаружена. Учитывая несовершеннолетие правонарушителя, он был отдан под надзор родителей, которых обязали уплатить в пользу потерпевшей 1 500 руб. штрафа [18, л. 12, 12 об.].

Объектом краж становилось имущество предприятий и учреждений. Из постановления начальника 1-го отдела службы порядка г. Борисова от 18.11.1942 г. следует, что 10.11.1942 г. заведующая магазином № 9 сообщила о случившейся накануне краже (было украдено 15 буханок хлеба). Следствие возложило вину на сторожа, который на время оставил объект без надзора, за что был приговорен к 20 дням принудительных работ [5, л. 16]. Старшина

Москаленятской волостной управы сообщал в Городокскую районную полицию, что гражданин воровал из здания школы стекло, которое было обнаружено у него дома [6, л. 11].

Типичным нарушением также являлось самогонование. Например, в акте полиции Городокского района от 9.02.1943 г. значилось, что на одном из хуторов Москаленятской волости начальником криминального отдела полиции был найден самогонный аппарат и микроскоп (гражданину также инкриминировалась кража микроскопа). На допросе обвиняемый (был предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний) утверждал, что самогон не изготавливал, а металлическая трубка использовалась в бане для нагрева воды. В обвинительном заключении было отмечено, что обвиняемый, с его слов, самогон не гнал, а микроскоп был оставлен проживавшей в его доме школьной учительницей [19, л. 34 – 36]. Случай самогонования расследовала и Богусhevская полиция. Житель г. Богусhevска 1911 г.р., женатый, шофер по специальности, на момент допроса безработный (не типичный момент для 1944 г. – *Е. Г.*), проходивший службу в РККА в 1933 – 1935 гг., беспартийный, не связанный, по его словам, с НКВД, обвинялся в самогоновании. В 1937 г. был приговорен за автоаварию на 3 года тюремного заключения. Допрошенный показал, что 29.03.1944 г. он по просьбе шурина гнал самогон, в дом зашли полицейские, которые изъяли самогон и аппарат, его самого арестовали и отправили в тюрьму в г. Богусhevск. Обвиняемый указал, что занимался самогонованием впервые. Его шурин, заместитель бургомистра и начальник продовольственного отдела районного управления, объяснял, что был награжден Богусhevским ортскомендантом медалью и по этому случаю собирался устроить торжественный вечер, для чего попросил выгнать самогон. Оба подтвердили, что протокол записан с их слов верно и зачитан вслух. Удостоверили это своими подписями. Оба акцентировали внимание следствия на смягчающие обстоятельства [20, л. 3, 3 об.].

Периодически полиция расследовала дела об убийстве. По заявлению старосты, начальник уголовного розыска и начальник охраны г. Городка 23.12.1942 г. прибыл в д. Хомяково Болецкой волости для расследования обстоятельств убийства крестьянина. Картина вырисовывалась следующая. В дом зашли немецкие солдаты, умылись и стали заряжать оружие, в результате случайного выстрела был убит мужчина 1925 г.р. Полиция констатировала смерть от огнестрельного ранения и тот факт, что солдаты старались оказать помощь, но потом скрылись в неизвестном направлении, что было зафиксировано в акте [19, л. 1].

В компетенции полиции находились охрана общественного порядка на улицах, рынках, в местах проведения массовых мероприятий (кинотеатры и др.) и контроль за исполнением распоряжений о наказании [12, л. 18]. Начальник полиции г. Могилева 11.02.1943 г. отдал распоряжение приставу 2-го района взыскать штраф с трех граждан за лесонарушения, 5.05.1943 г. он приказал приставам 1-го и 2-го районов взыскать штрафы за нарушение

правил санитарного надзора за продуктами питания и за невыход на работу по перевозке беженцев, спустя два дня сообщил приставу 2-го района, что штраф для одного гражданина отменяется ввиду предоставления справки о болезни лошади [21, л. 23, 17, 18, 19]. Бургомистр Борисова 2.06.1942 г. оштрафовал на 30 руб. гражданина за курение во время театральной постановки, о чем известил полицию [3, л. 148].

Полиция привлекалась к мобилизации граждан и транспортных средств на различные работы, реагировала на жалобы глав местной администрации, чьи работники не являлись на работу [22, л. 3, 42, 125; 23, л. 57]. Начальник Борисовского района дал указание начальнику полиции разыскать гражданку, работавшую у генерального комиссара Белоруссии, которая самовольно оставила место работы и совершила кражу имущества [3, л. 67]. Биржа труда г. Борисова 9.06.1942 г. обратилась с просьбой к начальнику районной полиции доставить 13 жителей пяти волостей, самовольно покинувших торфозавод «Пастбище», а на следующий день ходатайствовала о возвращении 58 рабочих на торфозавод «Ухолода» [24, л. 2, 4, 4 об.]. Полицейские участвовали в мобилизации рабочей силы на работу в Германию, от которой граждане активно уклонялись, и охраняли сборные пункты [25, л. 21, 8].

Полицией рассматривались жалобы граждан, фигурантами которых являлись сами же полицейские. Так, в д. Дубовый Лог Борисовского района у крестьянина французскими солдатами была отнята лошадь, которая впоследствии была продана полицейскому за 40 000 руб. Позднее пострадавший гражданин опознал свою лошадь, которая и была ему возвращена управлением службы порядка. Управление ходатайствовало перед военно-полевым агрономом о выдаче полицейскому лошади взамен возвращенной владельцу [26, л. 58]. В заключении следователя Толочинской районной стражи (апрель 1944 г.) значилось, что крестьяне д. Волковичи жаловались на полицию, изъявшую у них 8 лошадей, хлеб и другие вещи. Командир отряда обвинения отрицал. Материалы дела были переданы на рассмотрение фельджандармерии для принятия мер, поскольку, по мнению следователя, командир скрывал преступные действия полицейских [27, л. 11].

В компетенцию полиции входил контроль за выполнением распоряжений местных властей относительно санитарного состояния и благоустройства населенных пунктов. В декабре 1941 г. околоточным надзирателям Борисовской полиции предписывалось организовать силами населения расчистку колодцев от намерзлого льда, чтобы избежать несчастных случаев, и далее периодически проверять их состояние [28, л. 1]. Командир Борисовского батальона полиции в приказе от 8.03.1944 г. отмечал, что в последнее время со стороны полицейских наблюдается «ослабление» надзора за порядком и санитарным состоянием города: тротуары песком не посыпаются, улицы и дворы не очищаются [29, л. 44].

Разбирались бытовые и семейные конфликты. Так, служба порядка Сенненского района 23.07.1943 г. рассмотрела жалобу одной гражданки на другую о том, что та присвоила ее муку во время помола зерна на

мельнице [15, л. 164–164 об.]. Гражданка жаловалась начальнику Борисовской полиции на нигде не работавшую любовницу мужа, которая в итоге получила повестку на работу в Германию [22, л. 257 – 258].

По запросам силовых структур производился розыск конкретных лиц. Начальник Городокской районной полиции в ответ на запрос начальника Службы охраны порядка г. Витебска от 22.02.1943 г. сообщал, что в д. Синябрухи Войхановской волости проживают трое граждан с фамилией, указанной в запросе, но не отмечено отчество и год рождения разыскиваемого. Один гражданин был привлечен германскими военными для сопровождения скота и пропал, о двух других сообщалось, что они ушли в партизаны [19, л. 50]. В полицию обращались граждане, чьи родственники были арестованы по подозрению в связях с партизанами. Жительница г. Городка просила начальника районной полиции освободить из трудового лагеря ее мать, которая была отправлена туда полицией из Пальминской волости. В заявлении указывалось, что из этой семьи в партизанах никого нет [19, л. 54].

Осуществлялся контроль за порядком регистрации и перемещения граждан. Например, 20.05.1942 г. начальник полиции г. Ново-Борисова сообщал начальнику районной управы, что пропуска свободно выдаются лицам, связанным с партизанами, и предлагал впредь не выдавать их без разрешения полиции [22, л. 256, 256 об.]. В другом случае 21.05.1942 г. он указывал жилищному управлению г. Ново-Борисова на нарушение порядка прописки граждан и ведения домовых книг [22, л. 266].

Полиция имела сеть осведомителей. О партизанах и их семьях, лицах, совершивших правонарушение, граждане (у каждого была своя мотивация) докладывали в полицию непосредственно или через местную администрацию. Старшина Корсаковичской волости в августе 1942 г. сообщил начальнику Борисовской районной полиции, что, согласно заявлению жителя д. Боровляны, 23 августа в районе хутора Улесье, где находился лагерь партизан, приземлились 4 девушки-парашютистки [30, л. 35]. Сотрудник Ветринской районной полиции 14.02.1944 г. расследовал дело находящихся под арестом жительниц д. Сельцо и д. Горяни (1873 г.р. 1928 г.р.), подозреваемых в связях с партизанами. Было установлено, что гражданки с партизанами никак не связаны, первая была арестована в д. Горяни без документов, куда пришла навестить сестру, вторая оказала ей помощь в переправе через реку [31, л. 140]. Тот же сотрудник 20.12.1943 г. допросил жительницу 1896 г.р. из пос. Гатовщина, которая показала, что ее брат со своей семьей находится в партизанах, но она связи с ним не имеет [31, л. 150].

В случае задержания граждан по подозрению в связях с партизанами или за различные правонарушения (подделка или отсутствие документов) командиры подразделений полиции перенаправляли их в соответствующие отделы полиции или в СД для проведения дознания [25, л. 1, 5].

Привлеченные к ответственности граждане стремились выяснить, по чьему доносу они подвергались репрессиям, и грозили отомстить доносчикам, которые также жаловались полиции [23, л. 79, 79 об.]. Житель Болецкой волости Городокского района 13.10.1941 г. сообщал полиции, что, после его доноса на соседа, тот угрожает ему смертью [6, л. 12, 12 об.].

Таким образом, наряду с выполнением репрессивных функций, полиция в интересах оккупационных властей и местной администрации пыталась противодействовать нарушению правопорядка. В тяжелейших условиях военного времени полиция выполняла функции, аналогичные тем, что осуществляла советская милиция в довоенный и поствоенный период.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гребень, Е. А.* Полиция периода нацистской оккупации Беларуси: социальные характеристики / Е. А. Гребень // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 10 красавіка 2015 г. / рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2016. – Вып. 14. – 304 с.
2. Государственный архив Минской области (далее ГАМн). – Фонд 1613. – Оп. 1. – Д. 1.
3. ГАМн. – Фонд 624. – Оп. 1. – Д. 8.
4. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 66.
5. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 70.
6. Государственный архив Витебской области (далее ГАВт). – Фонд 2084. – Оп. 1. – Д. 5.
7. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 37.
8. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 11.
9. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 12.
10. ГАВт. – Фонд 2150. – Оп. 1. – Д. 1.
11. ГАВт. – Фонд 2084. – Оп. 1. – Д. 3.
12. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 2.
13. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 51.
14. Государственный архив Могилевской области (далее ГАМог). – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 31.
15. ГАВт. – Фонд 2087. – Оп. 2. – Д. 15.
16. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 123.
17. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 172.
18. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 64.
19. ГАВт. – Фонд 2084. – Оп. 1. – Д. 1.
20. ГАВт. – Фонд 2087. – Оп. 2. – Д. 10.
21. ГАМог. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 47.
22. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 24.
23. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 6.
24. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 107.
25. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 71.
26. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 72.
27. ГАВт. – Фонд 2078. – Оп. 1. – Д. 5.
28. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 2. – Д. 1.
29. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 2. – Д. 20.
30. ГАМн. – Фонд 635. – Оп. 1. – Д. 40.
31. ГАВт. – Фонд 2830. – Оп. 1. – Д. 1.

С. Л. Казлова

НІДЭРЛАНДСКАЯ ЎСХОДНЯЯ КАМПАНЯ: ГАЛАНДСКІЯ ФЕРМЕРЫ НА ТЭРЫТОРЫІ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1941–1944)

У 1942 г. прывал маланкавай вайны з СССР аказаў уплыў на ваенную эканоміку нацысцкай Германіі. Недахопы ў ваенна-стратэгічнай сыравіне, сельскагаспадарчай прадукцыі і працоўнай сіле паставілі краіну ў цяжкую сітуацыю. Створаныя яшчэ да вайны рэзервы прадукцыі, нягледзячы на рабаванне акупаваных краін у 1941–1942 гг., былі ў значнай ступені вычарпаны. Вясной 1942 г. запасы збожжавых культур і тлушчаў зменшыліся да мінімуму. У нацысцкай Германіі пачалося скарачэнне выдачы сельскагаспадарчай прадукцыі па картачках. У красавіку нормы выдачы хлеба зменшыліся на 10 %, тлушчаў – амаль на 25 %, мяса – на 25 % [1, с. 50].

Кіраўніцтва Трэцяга рэйха ў пошуках выйсця з крызіснага становішча вырашыла максімальна выкарыстоўваць ўсе ваенныя і ваенна-эканамічныя рэсурсы. Была праведзена рэарганізацыя ваеннай эканомікі. Галоўная прычына гэтай з’явы хавалася ва ўсё большым недахопе ўласных сіл і вытворчага патэнцыялу [2, с. 163, 187]. Была тут таксама і арыентацыя на будучую каланізацыю захопленай усходняй тэрыторыі. Гэта тычылася перш за ўсё «адзінства» германскіх народаў – Германіі, Нідэрландаў, Даніі, Швецыі, Нарвегіі – у эканамічным выкарыстанні захопленых савецкіх тэрыторый.

У канцы лістапада 1941 г. рэйхсмаршалам Трэцяга рэйха Г. Герынгам была праведзена нарада з прадстаўнікамі ўсходняга міністэрства, міністэрства эканомікі, міністэрства прадукцыі, на якой было вырашана, што практычнае супрацоўніцтва германскіх народаў павінна ажыццяўляцца не толькі на фронце праз замежныя легіёны, але і таксама праз рашэнне эканамічных задач на Усходзе. Гэта, на думку нямецкіх спецыялістаў, заключалася перш за ўсё ў тым, што «патрабаванні ў людзях для гаспадарчага засваення захопленых савецкіх тэрыторый адной нацысцкай Германіяй на той момант не маглі быць забяспечаны»¹. Адзначалася, што замежнае супрацоўніцтва магло ажыццяўляцца пры даволі жорсткай умове: гаспадарча-палітычным кіраўніцтвам на акупаванай савецкай тэрыторыі павінна была займацца ў любым выпадку толькі нацысцкая Германія. Асабліва падкрэслівалася, што забеспячэнне еўрапейскага замежжа прадукцыяй з захопленых усходніх тэрыторый за кошт рэйха нават не разглядаецца. Хутчэй трэба было зыходзіць з таго, што «Германія захапіла савецкія вобласці з дапамогай іншых еўрапейскіх краін і апошнія маюць права патрабаваць сабе долю іх гаспадаркі». На нарадзе было вырашана, што дырэктывы і ўказанні па супрацоўніцтве з замежнымі краінамі ў гаспадарчым выкарыстанні захопленых усходніх тэрыторый павінны будучь давацца Г. Герынгам і А. Розенбергам разам з удзелам іншых міністраў [3, л. 6, 9].

Такім чынам, кіраўніцтвам нацысцкай Германіі робяцца захады па падрыхтоўцы замежнай працоўнай сілы, выкарыстоўваючы для гэтай мэты калабарацыянісцкі рух. Былі выпрацаваны планы па каланізацыі акупаваных

¹ Пераклад тут і далей зроблены аўтарам артыкула.

усходніх тэрыторый «узорнымі замежнымі фермерамі германскай крыві». Найбольш рэальна планы па эканамічнай каланізацыі захопленай савецкай тэрыторыі ўдалося ажыццявіць толькі з Нідэрландамі. Ва «усходнім міні-стэрстве» нарадзілася ідэя, згодна з якой было вырашана перасяліць каля 3 млн галандцаў – практычна трэць усяго насельніцтва краіны – у рэйхс-камісарыяты «Остланд» і «Украіна» [4].

Першыя захады па накіраванні галандскіх грамадзян на каланізацыю ўсходніх тэрыторый былі зроблены ўжо ў лістападзе 1941 г. Яны былі накіраваны галандскай гандлёва-сельскагаспадарчай арганізацыяй «Кулано» (дакладна перакладаецца як камісія па перасяленні фермераў ва ўсходнюю Еўропу), якая заключыла дамовы з 600 галандскімі фермерамі. Пры гэтым былі заключаны дамовы на іх супрацоўніцтва з земляробчым таварыствам «Остланд». Спачатку іх накіроўвалі на два тыдні вывучаць сельскагаспадарчыя дысцыпліны ў польскі горад Лодзь (Litzmannstadt), пасля адсылалі ў Рыгу. Першаахвотнікі павінны былі працаваць на тэрыторыі генеральных акруг «Літва» і «Беларусь» да сакавіка 1942 г. уключна. Аднак умовы жыцця гэтых першых галандскіх фермераў аказаліся складанымі, многія з іх не былі падрыхтаваны да такой працы, што і прымусіла некаторых з іх хутка вярнуцца на радзіму [5].

Тады было вырашана, што трэба стварыць разгалінаваную арганізацыю, якая магла б забяспечыць добрую адукацыю, надзейную працу, страхаванне і высокую зарплату для будучых каланістаў. 19 лютага 1942 г. адбыліся перамовы паміж намеснікам усходняга міністра Альфрэдам Мейерам і кіраўніком нацыянал-сацыялістычнага руху (НСР) у Галандыі Антонам Адрыянам Мусертам, на якіх разглядаліся пытанні аб размяшчэнні галандцаў на захопленых савецкіх тэрыторыях. Мусерт адзначыў, што «пасля страты галандскім народам калоній існуе неабходнасць хутчэй заняцца акупаванымі ўсходнімі тэрыторыямі, каб там знайсці новыя працоўныя і вытворчыя магчымасці». Ён сцвярджаў, што ў Галандыі, пры яе невялікай плошчы, існуе лішак сялянскага насельніцтва, і пытанне размяшчэння галандскіх сялян у якасці кіраўнікоў дзяржаўных гаспадарак на захопленых усходніх тэрыторыях падаецца цікавым. Аднак ім былі агучаны абавязковыя ўмовы: для прыходу «галандскіх сіл у аграрны сектар акупаваных савецкіх тэрыторый» парэбна было стварыць бездакорныя мясцовыя ўмовы; кіраўніцтву Нідэрландаў павінна было дакладна растлумачыць магчымасці размяшчэння і прадукцыйнага забеспячэння іх грамадзян, а таксама выразна акрэсліць сферы іх дзейнасці і магчымую кампенсацыю [6, л. 20, 22].

28 лютага 1942 г. у Гаазе адбылася нарада на чале з генеральным камісарам для асобных даручэнняў на захопленых нідэрландскіх тэрыторыях Фрыцам Шмідтам па праблеме ўдзелу галандцаў у сельскагаспадарчай вытворчасці на акупаваных савецкіх тэрыторыях. Абмяркоўвалася пытанне ўдзелу галандскіх арганізацый у «засваенні захопленых усходніх тэрыторый». Вырашылі, што ад супрацоўніцтва з гандлёва-сельскагаспадарчай

фірмай «Кулано», па 4-гадовым плане, адмаўляцца не будуць. Была таксама дасягнута дамоўленасць аб тым, што галандскія сяляне, якія будуць падрыхтаваны для працы на захопленых усходніх тэрыторыях, адразу змогуць размясціцца ў Галандыі ў лагеры горада Эммен, адкуль непасрэдна будуць адпраўлены на акупаваныя тэрыторыі [6, л. 48–49].

2 сакавіка 1942 г. адбылася другая нарада з удзелам Ф. Шмідта, у якой удзельнічалі таксама прадстаўнік міністэрства па захопленых усходніх тэрыторыях доктар Гостэ, сакратар галоўнага аддзела «харчавання і сельскай гаспадаркі» ў Гаазе Вензе і г.д. На ёй было падкрэслена, што задача галандцаў на захопленых савецкіх тэрыторыях – стаць «першакласнымі сельскагаспадарчымі кіраўнікамі». Разглядаліся нават пытанні будучага выкарыстання галандцаў-садаводаў [7, л. 65].

У гэты час у галандскай прэсе пачалася моцная прапагандысцкая кампанія. Вялася размова аб тым, што Нідэрланды – краіна занадта малая, каб пракарміць усіх сваіх жыхароў. У галандскай нацысцкай газеце «Nationale Dagblad» бургамістр горада Эммена, напрыклад, паведамляў, што «у рэгіёне пражывае каля 10 000 лішніх чалавек». Ён адзначаў, што ў паловы насельніцтва атрымаецца знайсці працу ў прамысловасці, аднак другой палове прыйдзеца шукаць сабе жыццёвую прастору на ўсходзе. «Асабіста ў мяне толькі адно жаданне: першае галандскае паселішча на “Украіне” павінна атрымаць назву “Новы Эммен”» [4].

26 мая 1942 г. адбыліся канчатковыя перамовы паміж рэйхскамісарам Нідэрландаў Артурам Зейсам Інквартам, міністрам Фішбёкам, доктарам Хольцам і старшынёй нідэрландскага банка Ростам ван Тонінгенам. У выніку гэтых перамоў было прызнана неабходным заснаваць галандскую кампанію, якой было вырашана даверыць «правядзенне нідэрландскага засваення ўсходніх тэрыторый праз фірмы ці праз людзей» [7, л. 65].

6 чэрвеня 1942 г. ў бюро Нотара Гронера ў Амстэрдаме была заснавана акцыянерная кампанія з рэзідэнцыяй ў Гаазе, якая мела пачатковы капітал ў памеры 2 500 000 галандскіх гульдэнаў і атрымала назву – Нідэрландская усходняя кампанія (НУК). Яе прэзідэнтам стаў Мейнауд Рост ван Тонінген, генеральны сакратар міністэрства фінансаў і старшыня Нідэрландскага банка [8, л. 58], намеснікам прэзідэнта стаў Ф. Рамбоннэт, а генеральным дырэктарам быў прызначаны Даніэль Кранц [9].

Філіялы НУК былі створаны ў Берліне, Каўнасе, Вільні, Рызе, Дэрпце, Роўна, Кіеве і Мінску. Мейнауд Рост ван Тонінген быў прызначаны таксама старшынёй Наглядальнай рады НУК. У дапаўненне да гэтага быў таксама створаны Галандскі ўсходні інстытут – спачатку ў якасці статыстычнага і навукова-даследчага аддзела, але пасля ён выкарыстоўваўся ў першую чаргу як прапагандысцкі і інфармацыйны орган НУК, які адказваў таксама за адукацыю будучых усходніх каланістаў. Яго дырэктарам стаў доктар Годхуз [10].

22 верасня 1942 г. была заключана дамова паміж земляробчым таварыствам «Остланд» (ЗТО) і Нідэрландскай усходняй кампаніяй, згодна з якой, апошняя павінна была падрыхтаваць галандскіх спецыялістаў ў

сельскагаспадарчай галіне для іх працы на тэрыторыі рэйхскамісарыята «Остланд». Па дамоўце галандскія спецыялісты павінны былі прайсці спецыяльнае сельскагаспадарчае навучанне. НУК павінна была прадстаўляць галандцам зарплату, велічыня якой была дакладна вызначана [11, л. 69]. У сваю чаргу земляробчае таварыства было абавязана ўзяць на службу галандцаў пасля іх навучання, а таксама кампенсаваць усходняй кампаніі ўсе затраты па дастаўцы неабходнага для навучання абсталявання. Усходняя кампанія павінна была таксама паклапаціцца і аб дастаўцы галандцаў да школьнага лагера, дзе апошнія павінны былі прымацца ЗТО, якое ў сваю чаргу павінна было вярнуць НУК грошы за падарожжа. У выпадку, калі земляробчае таварыства адмаўлялася ад прыёму галандцаў на службу, Нідэрландская ўсходняя кампанія абавязвалася паклапаціцца аб іх вяртанні на радзіму за свой кошт [11, л. 70–71].

У верасні 1942 г. была заключана другая дамова аб выкарыстанні дзяржаўных маёнткаў Вака Т і Ландвараў на паўднёва-заходніх тэрыторыях генеральнай акругі «Літва» для засялення і вучобы нідэрландскіх сялян. Апошнія павінны былі пасля спецыяльнай вучобы заняць пасады кіраўнікоў сельскагаспадарчых маёнткаў, сельскагаспадарчых апрацоўваючых і перапрацоўваючых прадпрыемстваў і асістэнтаў на сельскагаспадарчых прадпрыемствах у заходніх абласцях генеральных акруг «Літва» і «Беларусь». Вучоба галандцаў павінна была вясціся на працягу 2 месяцаў. Акрамя сельскагаспадарчых заняткаў былі ў школьнай праграме і курсы па краіназнаўстве [12, л. 143].

Згодна з цыркулярам земляробчага таварыства «Остланд» ад 13 лістапада 1942 г. звальненні галандцаў маглі праходзіць толькі праз цэнтральнае бюро таварыства ў Рызе. Галандцы як супрацоўнікі таварыства бясплатна атрымлівалі прадуктовае забеспячэнне і памяшканне. З 1 лістапада 1942 г. усе галандцы былі застрахованы ад няшчасных выпадкаў. Зямельнае таварыства «Остланд» прапаноўвала ў балтыйскіх дзяржавах і ў Беларусі ў галіне сельскай гаспадаркі выкарыстаць 600 галандскіх спецыялістаў: 200 – для дзяржаўных маёнткаў, звязаных з агародніцтвам; 100 – для савадочных гаспадарак; 100 чалавек, якія змогуць весці сельскагаспадарчую статыстыку і бухгалтэрыю, 200 – у якасці кіраўнікоў сельскагаспадарчых прадпрыемстваў [6, л. 84].

У жніўні 1942 г. адбылося пасяджэнне гаспадарчай камісіі Нідэрландскай усходняй кампаніі, на якім абмяркоўваліся пытанні аб задачах яе дзейнасці на тэрыторыі рэйхскамісарыята «Остланд». У ім удзельнічалі прэзідэнт НУК Рост ван Тонінген і іншыя кіраўнікі кампаніі, а таксама прадстаўнікі аддзела харчавання і сельскай гаспадаркі рэйхскамісарыята. Былі абмеркаваны прапановы аб удзеле галандскіх спецыялістаў у кіраўніцтве сельскагаспадарчымі маёнткамі [12, л. 55–56].

У верасні 1942 г. у Вілейцы адбылося пасяджэнне кіраўнікоў земляробчага таварыства «Остланд». Па пытанні знаходжання галандскіх сельскагаспадарчых спецыялістаў на тэрыторыі генеральнага камісарыята «Беларусь»

была зроблена выснова, што яно вельмі плённае, і нядрэнна было б у канцы месяца атрымаць яшчэ 120 спецыялістаў. Планавалася, што частка спецыялістаў павінна будзе стаць на чале маэнткаў, а іншыя будуць вучыцца ў кіраўнікоў маэнткаў. Неабходнасць падрыхтоўкі такіх спецыялістаў тлумачылася тым, што агульная колькасць маэнткаў у заходняй частцы Беларусі была вельмі высокай. Напрыклад, у акрузе Вілейкі было 147 маэнткаў з зямельнай плошчай каля 500 га [13, л. 166–167].

Каб павысіць прафесійны ўзровень галандскіх сялян, было вырашана арганізаваць шэраг дадатковых цэнтраў навучання, прафесійных аграрна-тэхнічных і сельскагаспадарчых школ і на тэрыторыі генеральнага камісарыята «Валынь-Падолія». Адна з такіх школ была арганізавана ў г. Рагачове (Ровенская акруга). Яе ўзначальваў галандзец Арнаут де Ваард, звычайны фермер, які быў членам Нідэрландскай нацыянал-сацыялістычнай партыі і меў сельскагаспадарчую адукацыю. Гэтая школа пачала функцыянаваць у лістападзе 1942 г. У ёй працаваў штат выкладчыкаў, які складаўся з галандцаў і немцаў. Згодна з нацысцкімі дакументамі ўмовы працы для іх былі даволі цяжкія, існавала небяспека партызанскіх нападаў, у сувязі з гэтым, для самаабароны, у школу была дастаўлена ў лютым 1943 г. зброя. Школе не хапала патрэбнага абсталявання. Тым не менш у перыяд з лістапада 1942 г. па сакавік 1943 г. у гэтай школе прайшлі навучанне каля 100 галандцаў, якія былі падрыхтаваны да працы ў сельскай гаспадарцы і ў далейшым былі пастаўлены кіраўнікамі дзяржаўных сельскагаспадарчых маэнткаў [14].

У перыяд з чэрвеня па лістапад 1942 г. у рамках супрацоўніцтва з земляробчым таварыствам на тэрыторыю рэйхскамісарыята «Остланд» быў прызваны 61 галандскі сельскагаспадарчы спецыяліст. Пры гэтым прэтэндэнты павінны былі здаць агульны экзамен у аграрнай галіне, па выніках якога вызначаліся лепшыя кандыдаты [15, л. 19].

У лістападзе 1942 г. у генеральным камісарыяце «Валынь-Падолія» была адчынена яшчэ адна аграрна-тэхнічная школа для галандскіх сялян ў Баранаўцы. Праз некаторы час, у снежні 1942 г., на пасяджэнні ў г. Роўна кіраўнік аддзела харчавання і сельскай гаспадаркі рэйхскамісарыята «Украіна» Кёрнер адзначыў, што ён задаволены яе дзейнасцю. Ён падкрэсліў, што галандскія сяляне павінны будуць пасля кароткага практычнага навучання стаць самастойнымі кіраўнікамі баз і дзяржаўных маэнткаў з зямельнай плошчай каля 10 000 га. Самыя лепшыя будуць напраўлены кіраўнікамі прадпрыемстваў, астатнія павінны будуць стаць іх асістэнтамі. Кёрнер выразіў надзею, што НУК на працягу 1943 г. падрыхтуе вялікую колькасць сельскагаспадарчых кіраўнікоў. Паміж Усходняй кампаніяй і Кёрнерам была заключана дамоўленасць, што да распараджэння НУК павінны будуць давацца дзяржаўныя маэнткі ад 1 000 да 1 500 га на той жа падставе, што і ў «Остландзе», якія трэба будзе зрабіць узорнымі. Гэтыя маэнткі павінны былі быць забяспечаны праз кампанію першакласнай галандскай жывёлай (коні, каровы, авечкі), а таксама сельскагаспадарчай тэхнікай.

Таксама на гэтым пасяджэнні пры разглядзе тэхнічных падстаў былі абмеркаваны праекты размеркавання на тэрыторыі рэйхскамісарыята «Украіна» сельскагаспадарчых прадпрыемстваў. Былі разгледжаны прапановы аб стварэнні пры дапамозе галандскіх спецыялістаў малочных прадпрыемстваў, фабрык па вытворчасці сыра, макароннай прамысловасці, прадпрыемстваў па перапрацоўцы садавіны і гародніны і г.д. [16, л. 11–12, 26–26 а].

Па звестках на ліпень 1944 г. на тэрыторыі генеральнага камісарыята «Беларусь» знаходзілася каля 46 сельскагаспадарчых кіраўнікоў-галандцаў, з іх у Мінску працавала 11 чалавек, у Пінску – 1, у Вілейцы – 15, у Слуцку – 4, у Глыбокім – 7, у Баранавічах – 2, у Ганцавічах – 2, у Лідзе – 3, у Слоніме – 1 [8, л. 112].

8 лютага 1943 г. была заключана працоўная дамова паміж Цэнтральным гандлёвым таварыствам «Ост» і НУК. Адзначалася, што ЦГТ будзе плаціць узятым на службу галандцам ў рэйхскамісарыяце «Украіна» і на тэрыторыі генеральнага камісарыята «Беларусь» штомесячна каля 200 RM, а на тэрыторыі генеральнай акругі «Літва» яшчэ будзе даплачваць кампенсацыю за «цяжкую працу» [15, л. 72]. Былі выказаны наступныя першачарговыя патрабаванні Цэнтральнага гандлёвага таварыства «Ост» па размеркаванні галандскіх сельскагаспадарчых спецыялістаў на захопленых усходніх тэрыторыях: 30 спецыялістаў у якасці кіраўнікоў малочных заводаў у рэйхскамісарыятах «Остланд» і «Украіна» і адзін спецыяліст у якасці кіраўніка сельскагаспадарчага прадпрыемства па вытворчасці сыра ў рэйхскамісарыяце «Украіна» [6, л. 86].

3 8 чэрвеня 1943 г. пачаў дзейнічаць новы вучэбны цэнтр для будучых галандскіх каланістаў-перасяленцаў у Нідэрландах, г. Хоофдорп [5], які быў арганізаваны Роксамам, лідарам Галандскага сялянскага саюза [9]. Час навучання ў ім доўжыўся тры тыдні, падчас якіх галандцы вучылі нямецкую і рускую мовы, ім таксама даваліся кансультацыі аб тым, што чакае іх на акупаваных усходніх тэрыторыях. Акрамя таго, іх папярэдзвалі аб партызанскай небяспецы і вучылі карыстацца зброяй [5].

22 і 23 лістапада 1943 г. адбыліся перамовы паміж генеральным камісарам Беларусі групенфюрэрам СС К. фон Готбергам і гаўляйтарам, намеснікам усходняга міністра А. Мейерам. Апошні прайнфармаваў фон Готберга аб стане перамоў па пытанні выкарыстання галандцаў на працах у Лідзе і ўвогуле ў заходніх раёнах камісарыята. К. Готберг вітаў такое рашэнне і адзначыў, што яму тэрмінова патрэбна 2–3 тыс. працоўнай галандскай сельскагаспадарчай сілы, якою ён адразу ж заменіць палякаў, працуючых кіраўнікамі прадпрыемстваў, аграномамі, бухгалтарамі і іншымі спецыялістамі [17, л. 152]. У гэты час таксама вяліся перамовы аб неабходнасці ўзбраення галандскіх спецыялістаў для іх самаабароны ў сувязі з пастаяннымі партызанскімі вылазкамі, аднак гэтае пытанне так і не было вырашана станоўча [10].

Вясной 1944 г. дзейнасць Нідэрландскай усходняй кампаніі ідзе на спад па прычыне ўзмоцненай партызанскай дзейнасці на акупаванай савецкай тэрыторыі і набліжэння фронту. У мэтах захавання свайго жыцця галандскія

сельскагаспадарчыя спецыялісты пачынаюць масава ад'язджаць [11, л. 147]. Аднак яны вярталіся не ў Нідэрланды, а накіроўваліся ў нацысцкую Германію, дзе працягвалі працаваць на сельскагаспадарчых фермах. Таксама некаторыя з іх былі адпраўлены на службу ў вермахт [18].

Лідар НУК Рост ван Тонінген 28 снежня 1944 г. быў адхілены кіраўніком галандскага ўрада Мусертам ад кіраўніцтва кампаніяй. Пасля вызвалення Нідэрландаў ад нацысцкай акупацыі НУК была ліквідавана, а яе члены асуджаны [10]. Нельга забываць, што НУК была нацысцкай арганізацыяй, якая магла існаваць толькі пад нямецкім патранатам. Але жыццё на акупаваных савецкіх тэрыторыях моцна адрознівалася ад чаканняў галандскіх каланістаў. Шмат хто з іх падчас працы быў ізаляваны ад кантактаў з роднымі і сябрамі. На іх знаходжанне на заходнебеларускай тэрыторыі моцны уплыў аказаў і партызанскі рух: партызаны не адрознівалі немцаў і галандцаў, для іх яны былі акупантамі, якія прыйшлі рабаваць іх родную краіну. Таму галандскім сялянам таксама прыходзілася ўзбройвацца і, замест таго, каб займацца сельскай гаспадаркай, ратаваць сябе.

Такім чынам, на прыкладзе разгледжаных вышэй фактаў мы можам прасачыць, як паступова, пры кіраўніцтве германскіх і замежных манаполій адбываўся захоп сельскагаспадарчай вытворчасці на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Гэты працэс, па задумцы нацыстаў, павінен быў падрыхтаваць захопленыя тэрыторыі да пасляваеннай каланізацыі і германізацыі. Важную ролю тут адыграў таксама правал маланкавай вайны і, як вынік, неабходнасць інтэнсіфікацыі сельскагаспадарчай вытворчасці на акупаванай заходнебеларускай тэрыторыі ў мэтах максімальнага атрымання аграрнай прадукцыі для нацысцкай Германіі. Згодна з дырэктывамі «Карычневай папкі», у гэты час ажыццяўлялася падрыхтоўка часткі іншаземцаў ў якасці прафесійных сельскагаспадарчых працоўных кадраў па прычыне недахопу нямецкіх аграрных спецыялістаў. Пры гэтым неабходна адзначыць, што галандскіх фермераў рыхтавалі ў асноўным на галоўныя пасады: кіраваць дзяржаўнымі маёнткамі, сельскагаспадарчымі пераапрацоўваючымі прадпрыемствамі, альбо быць асістэнтамі кіраўнікоў на акупаванай тэрыторыі Заходняй Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

1. *Факторович, А. А.* Крах аграрной политики немецко-фашистских оккупантов в Белоруссии / А. А. Факторович. – Минск : Наука и техника, 1979. – 150 с.
2. *Мюллер, Н.* Вермахт и оккупация (1941–1944) / Н. Мюллер. – М. : Воениздат, 1974. – 387 с.
3. Федэральны архіў Германіі (скарочана – ВА). – R6. – Спр. 443.
4. Fiasko-Gitlera-v-Ukraine-2239. Html "Foreign Affairs", студзень 1943, Joahim Jesten [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : www.rusprauda.info/. – Дата доступу : 19.11.2015.
5. Margot Elisabeth van Elk. Sleutel tot de toekomst? Het kolonisatieavontuur van twee Nederlandse boeren tijdens de Tweede Wereldoorlog. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <http://www.dspace.library.uu.nl>. – Дата доступу : 15.02.2016.

6. ВА, R6. – Спр. 440.
7. ВА, R6. – Спр. 447.
8. ВА, R6. – Спр. 451.
9. *Krusemeijer, J.* Kameraadskes en kolonisten / J. Krusemeijer [Электронны рэсурс]. – 2011. – Рэжым доступу : <http://dspace.library.uu.nl>. – Дата доступу : 15.03.2016.
10. Архіўныя звесткі Нідэрландскага інстытута вывучэння вайны, Халакоста і генацыду (NIOD) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : www.archieven.nl. Nederlandse Oost Compagnie. – Дата доступу : 10.03.2016.
11. ВА, R6. – Спр. 446.
12. ВА, R6. – Спр. 442.
13. ВА, R6. – Спр. 441.
14. *Flietstra V.* Arnout de Waard: Bezetter of Boer? De belevingen van een boerendirecteur in Rogatschef / V. Flietstra [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : www.dspace.library.uu.nl. – Дата доступу : 12.02.2016.
15. ВА, R6. – Спр. 445.
16. ВА, R6. – Спр. 448.
17. НАРБ. – Фонд 1440. – Воп. 3. – Спр. 932.
18. [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : www.resources.huuygens.knaw.nl. – Дата доступу : 19.11.2015.

Д. А. Козел

БЕЛОРУССКИЙ ШТАБ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Временно оккупированная территория Советской Белоруссии стала ареной ожесточенной схватки с немецко-фашистскими захватчиками. Здесь, в тылу, по данным на 5 сентября 1942 г. вели ожесточенную борьбу 305 партизанских отрядов, в рядах которых насчитывалось 32 939 партизан и 8 237 человек скрытого резерва. Связь с ними осуществлялась посредством 43 радиостанций и связистов, которые, нередко переходя линию фронта в советский тыл и обратно, доставляли необходимые сведения [1, с. 2]. Непосредственное руководство партизанским движением в Белоруссии в этот период осуществлялось Центральным штабом партизанского движения через штабы партизанского движения при Военных советах Калининского, Западного и Брянского фронтов, действовавших на Белорусском направлении, и ЦК КП(б)Б через Северо-Западную оперативную группу КП(б)Б [2, с. 346].

Эта мощная вооруженная сила нуждалась в квалифицированной координации своих действий и централизованном управлении. 9 сентября 1942 г. произошло событие, которого очень ждали белорусские партизаны. Государственным комитетом обороны СССР было принято решение о создании Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) [3, с. 23].

С первых дней существования БШПД его деятельность проходила под руководством ЦШПД и ЦК КП(б)Б, которые уделяли постоянное внимание повышению эффективности работы штаба как органа управления партизанскими силами, совершенствованию его структуры и штатов, укреплению опытными кадрами партийных работников и военных специалистов. Большую помощь БШПД оказывали главные управления Наркомата обороны СССР, военные советы фронтов, управления и отделы НКВД СССР и НКВД БССР, местные советские и партийные органы.

Историография партизанского движения в годы Великой Отечественной войны в целом достаточно широко представлена в отечественной и зарубежной историографии [4; 5]. Тем не менее тема истории партизанского движения на территории Беларуси в годы войны на сегодняшний день по-прежнему занимает центральное место в белорусской исторической науке. Она продолжает оставаться проблемным полем для дискуссии отечественных и зарубежных историков [6, с. 140].

Для общего понимания проблемы и выработки концептуальных подходов научного исследования нельзя обойтись без привлечения таких фундаментальных трудов, как «История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 – 1945» и «История Второй мировой войны. 1939–1945». Начиная с 1960 г., стали выходить книги многотомного издания «История Великой Отечественной войны Советского Союза». Зарождению, развитию и становлению партизанского движения на оккупированных территориях посвящены отдельные главы, начиная со 2-го тома по 4-й. В них определено место партизанской борьбы в войне с фашистской Германией, показана руководящая роль партийных органов в руководстве партизанским движением. В главе, посвященной борьбе советского народа в тылу врага, говорится: «Общее военно-стратегическое руководство партизанской борьбой на основе указаний ЦК ВКП(б) осуществляла Ставка ВГК. Непосредственное же руководство было возложено на Центральный штаб партизанского движения». Делается вывод: «Опыт войны показал, что успешное ведение партизанской борьбы было бы невозможно без патриотизма всего советского народа и мудрого руководства коммунистической партии. Кроме того, огромное значение имело оперативное руководство этой борьбой со стороны штабов партизанского движения ... Эти штабы стали эффективными органами управления» [7, с. 259, 283].

Разработанная коллективами Института военной истории Министерства обороны СССР, Института всеобщей истории и Института истории СССР Академии наук СССР 12-томная «История Второй мировой войны. 1939–1945» рассматривает все стороны и процессы, особенности и характерные черты войны: ее предысторию, зарождение и развитие; цели воюющих сторон, ход военных действий. Партизанское движение на оккупированной территории в этом труде рассматривается в 6 томах, начиная с 4-го по 9-й включительно. В 5-м томе этого научного исследования рассмотрены проблемы централизации руководства партизанским движением, изложена

информация о создании ЦШПД, фронтовых и республиканских штабов, в том числе об образовании Белорусского штаба в сентябре 1942 г. [8, с. 287].

Концепции, положенные в основу этих изданий, получили свое развитие в статье В. Н. Андрианова «Партизанское движение в Великой Отечественной войне 1941–1945», размещенной в 19-м томе «Большой Советской Энциклопедии». В статье отмечается: «Общее стратегическое руководство вооруженной борьбой партизанских сил осуществляла Ставка Верховного Главнокомандования, которая определяла основные задачи партизан на каждом этапе войны и в отдельных стратегических операциях и организовывала стратегическое взаимодействие партизан с Советской Армией. Непосредственное стратегическое руководство боевой деятельностью партизан осуществлял Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД; нач. штаба П. К. Пономаренко) при Ставке, созданный 30 мая 1942 г. и существовавший до начала 1944 г. Центральному штабу были подчинены в оперативном отношении республиканские и областные штабы партизанского движения, которые возглавляли секретари или члены ЦК компартий республик, крайкомов и обкомов: на Украине – Т. А. Строкач, в Белоруссии – П. З. Калинин, в Литве – А. К. Спрогис ... и другие. В тех случаях, когда на территории республики или области действовало несколько фронтов, при их Военных советах создавались представительства или оперативные группы республиканских или областных штабов партизанского движения, которые осуществляли руководство боевой деятельностью партизан в полосе данного фронта, подчинялись соответствующему штабу партизанского движения и Военному совету фронта». Для наглядного восприятия в статье схемой показана структура управления партизанскими силами по состоянию на сентябрь 1943 г. Автор статьи делает вывод: «Создание штабов партизанского движения с четкими функциями и улучшение связи с "Большой землей" придавали партизанскому движению все более организованный характер, обеспечивали большую согласованность действий партизанских сил и способствовали улучшению их взаимодействия с войсками» [9, с. 234–240].

Данная схема управления партизанским движением на оккупированной территории, с незначительными дополнениями, у большинства специалистов считается верной и сегодня. Несмотря на то значение, которое сыграли штабы партизанского движения по организации и руководству вооруженной борьбой в тылу врага, их деятельность фактически не исследовалась. Приоритетным направлением работы историков и публицистов в советское время являлась тема партийного руководства партизанской борьбой [5, с. 66]. Указанное направление в работе исследователей было закреплено соответствующими постановлениями ЦК КП(б)Б от 30.07.1946 г., от 24.12.1966 г. и от 20.06.1969 г. Следует отметить, что в советский период фонд БШПД, фонды других штабов партизанского движения были засекречены, и доступ к архивным материалам был строго ограничен, что также сдерживало работу исследователей.

Тем не менее вопросы, связанные с деятельностью БШПД, нашли отражение в ряде исследований. Так во 2-м томе «Белорусской советской энциклопедии» помещена статья И. С. Кравченко о Белорусском штабе партизанского движения, в которой показан сложный период деятельности (1942–1946 гг.), названы фамилии руководителей и основные направления работы штаба [10, с. 257].

В работах Н. А. Якубовского на основе документальных материалов рассматриваются два важных вопроса, имеющих отношение к исследуемой теме: помощь советского тыла в материально-техническом обеспечении, а также помощь страны кадрами партизанскому движению Белоруссии. Работа авиации по доставке боевых грузов в тыл противника рассматривается в издании «Крылатые помощники партизан». Книги написаны на основе большого количества архивных материалов, прежде всего документов оперативного отдела и отдела МТО БШПД [11, 12, 13]. Однако, как отмечает сам автор, основной целью его исследований является «показ того, как Коммунистическая партия, опираясь на широкие народные массы, использовала все возможности, преимущества советского общественного и государственного строя для достижения победы над сильным и коварным врагом» [12, с. 6].

Следует также отметить работу В. К. Киселева «Партизанская разведка. Сентябрь 1943 – июль 1944» [14], в основу которой положены диссертационные исследования автора. Она освещает деятельность Коммунистической партии Белоруссии и БШПД по руководству партизанской разведкой в период с сентября 1943 по июль 1944 г., т.е. во время освобождения территории Белоруссии от немецко-фашистских оккупантов. Иными словами, вопросы обеспечения разведывательной информацией партизанских формирований и войск Красной армии поданы за небольшой промежуток времени и в сжатом виде. В книге не отражена конкретная работа БШПД и его разведывательного отдела по руководству разведывательной деятельностью партизанских формирований, не затронуты и другие острые проблемы.

П. К. Пономаренко, являясь с 1938 по 1947 г. первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии и членом ЦК ВКП(б), в годы Великой Отечественной войны занимал пост начальника Центрального штаба партизанского движения, был у истоков зарождения, развития и становления партизанской борьбы не только в нашей республике, но и на временно оккупированной территории всего СССР. В своих работах и выступлениях он много писал и говорил о том, для чего и почему создавалась система штабов по управлению партизанскими силами. В своей монографии он много внимания уделяет вопросу централизации управления партизанским движением, что позволяет понять, как создавалась и функционировала вся система управления партизанскими силами, но о конкретной деятельности Белорусского штаба содержится очень мало информации [15].

А. М. Литвин во второй главе своего диссертационного исследования рассматривает работу оперативных отделов Центрального и Белорусского штабов партизанского движения. Делает важный для нас вывод о том,

что «вопросы деятельности БШПД, его представительств и опергрупп, ... в организации и руководстве партизанским движением в Белоруссии, планирование и координация боевых действий заслуживают отдельного самостоятельного исследования» [16, с. 7].

Анализ литературы и диссертационных исследований советского периода показывает, что отечественные историки провели огромную работу по изучению партизанского движения на территории Беларуси. Был накоплен огромный фактический материал, многие вопросы партизанской борьбы стали предметом научного исследования, получили широкое и основательное рассмотрение. Но, как справедливо отмечает в своей монографии В. В. Зданович, для всех работ советского периода характерны следующие особенности: это прежде всего ссылки на классиков марксистско-ленинского учения, выступления и публикации партийных и государственных деятелей; акцент на организующую и руководящую роль Коммунистической партии в становлении и развитии партизанской борьбы на временно оккупированной территории; отражение исторической правды партизанского движения в его положительных аспектах и игнорирование негативных моментов и процессов; ограниченность источниковой базы.

После 1991 г. в изучении истории Белоруссии периода Второй мировой и Великой Отечественной войн начался новый этап. Историки получили доступ к ранее закрытым фондам государственных и ведомственных архивов. Со всех документов периода Великой Отечественной войны был снят гриф «Секретно», большая их часть переведена на открытое хранение. Радикально поменялись приоритеты и акценты научных исследований, произошёл пересмотр многих прежних оценок с выработкой новых подходов в освещении событий. Это относится и к истории партизанского движения, его организационно-тактическому оформлению, материально-техническому обеспечению и боевой деятельности.

Вопросы создания и деятельности БШПД, его структура и биографии руководителей освещены в вышедших уже в постсоветский период энциклопедических изданиях «Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне. 1941–1945», «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» у 6 т., «Беларуская энцыклапедыя» у 18 т. В статье А. Л. Манаенкова «Белорусский штаб партизанского движения» в краткой лаконичной форме представлены сведения о времени создания и функционирования штаба, его структуре, руководящем составе и основных направлениях деятельности [17, с. 80–82; 18, с. 459–460].

Появились в последние годы и заметные работы по партизанской тематике. В 2005 г. авторским коллективом под руководством директора Института истории Национальной академии наук Республики Беларусь А. А. Ковалени был издан фундаментальный труд «Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945». В нем на богатом фактическом материале исследуются важнейшие события, которые происходили накануне и в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси. Используя огромное количество уже опубликованной литературы и ранее неизвестные архивные документальные материалы, в работе, на многочисленных при-

мерах, комплексно освещается участие белорусского народа в самоотверженной борьбе с немецко-фашистскими оккупантами, в том числе в рядах партизан и подполье. Однако ограниченный объем вероятно не позволили авторскому коллективу более полно показать процесс создания БШПД и его многогранную деятельность.

Коллективный научный труд по проблематике 1941–1945 гг. был подготовлен к 65-летию юбилею Победы народов Советского Союза в Великой Отечественной войне «Беларусь. 1941–1945: Подвиг. Трагедия. Память» в 2-х книгах. В третьей главе 1-й книги освещается партизанская и подпольная борьба на оккупированной территории республики. Рассматриваются вопросы планирования боевых действий партизан Беларуси в БШПД (А. М. Литвин), личный состав и кадры партизанских формирований (Е. Я. Павлова), особенности антифашистской борьбы в западных областях Беларуси (А. В. Косович).

Тема истории создания и деятельности БШПД более подробно была рассмотрена в публикации А. М. Литвина «Беларускі партызанскі...» (Беларускі гістарычны часопіс). В данной статье, посвященной 65-летней годовщине создания штаба, показана его структура, даны краткие сведения о руководителях основных отделов штаба, отмечается то огромное значение по руководству им партизанской борьбой в тылу врага. В статье приводятся два архивных документа: Приказ войскам Калининского фронта от 20 сентября 1942 г. «О формировании Белорусского штаба партизанского движения ...» и План боевой деятельности партизанских отрядов Минской обл. на зимне-весенний период 1942–1943 гг. Конечно же, объем журнальной статьи не позволил полностью раскрыть всю многогранную деятельность БШПД [19, с. 3–11].

В справочном издании «Высшее партизанское командование Белоруссии. 1941–1944», вышедшем под редакцией профессора, доктора исторических наук Э. Г. Иоффе приводятся биографические сведения о начальнике БШПД и его заместителях, краткая статья о создании и структуре штаба, основных направлениях его работы [20, с. 35–42, 45–61]. Примерно та же информация о БШПД изложена и в изданной для общества «Знание» научно-популярной брошюре «Белорусский штаб партизанского движения» [21].

Таким образом, партизанское движение на оккупированной территории Беларуси на первый взгляд кажется достаточно хорошо изученным, но на самом деле это далеко не так. Следует признать, что проблемы, связанные с руководством партизанским движением, изучены недостаточно. Управленческие структуры, занимавшиеся этим, остались практически не исследованными; между тем именно история их функционирования крайне важна как с исторической, так и с практической точки зрения. Важным недостатком исследований о руководстве партизанским движением является его деперсонализация. Ответственные лица, принимавшие участие в руководстве партизанским движением, остаются неизвестными или же замалчиваются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Проект докладной записки начальника БШПД // Национальный архив Республики Беларусь (НА РБ). – Фонд 1450. – Оп. 12. – Д. 210.
2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. / редкол.: А. Т. Кузьмин [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – Т. 1. – 591 с.
3. Беларусь в постановлениях и распоряжениях Государственного Комитета Обороны СССР, 1941 – 1945 гг.: справочник / сост.: В. Д. Селеменев [и др.]. – Минск : НАРБ, 2008. – 216 с
4. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства. – Мінск : Беларуская навука, 1999. – 253 с.
5. *Здановіч, У. В.* Беларусь у гады Вялікай Айчыннай войны: агляд крыніц і дакументаў айчыннай гістарыяграфіі / У. В. Здановіч; навук. рэд. А. А. Каваленя; Брэсц. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. – Брэст: БрДУ, 2012. – 283 с.
6. *К'яры, Б.* Штодзённасць за лініяй фронту. Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941 – 1944 гг.) / Б. К'яры; пер. з ням. Л. Баршчэўскага; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск, 2005. – 390 с.
7. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 – 1945: в 6 т. / гл. ред. П. Н. Поспелов [и др.]. – М. : Воениздат, 1965. – Т. 6. – 623 с.
8. История Второй мировой войны. 1939 – 1945: в 12 т. / гл. ред. А. А. Гречко [и др.]. – М. : Воениздат, 1975. – Т. 5. – 512 с.
9. *Андрианов, В. Н.* Партизанское движение в Великой Отечественной войне 1941–1945 / В. Н. Андрианов // Большая совет. энцикл.: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М. : Сов. энцикл. 1975 – Т. 19. – 648 с.
10. *Краўчанка, І. С.* Беларускі штаб партызанскага руху (БШПР) / І. С. Краўчанка // Беларус. савец. энцыкл.: у 12 т. / П. У. Броўка (гал. рэд.) [і др.]. – Мінск: Беларус. сов. энцыкл. 1969–1975. – Т. 2. Афины – Ведрыч, 1970. – 640 с.
11. *Якубовский, Н. А.* Помощь советского тыла партизанам (материально-техническое обеспечение) / Н. А. Якубовский. – Минск : Беларусь 1973. – 208 с.
12. *Якубовский, Н. А.* В тылу врага: помощь страны кадрами партизанскому движению Белоруссии в годы Великой Отечественной войны / Н. А. Якубовский. – Минск, 1979. – 176 с.
13. *Якубовский, Н. А.* Крылатые помощники партизан / Н. А. Якубовский, В. Н. Якубовский. – Минск : Бел. навука, 1998. – 191 с.
14. *Киселев, В. К.* Партизанская разведка. Сентябрь 1943 – июль 1944 / В. К. Киселев. – Минск : Беларусь, 1980. – 130 с.
15. *Пономаренко, П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 / П. К. Пономаренко. – М. : Наука, 1986. – 440 с.
16. *Литвин, А. М.* Военно-оперативное руководство Компартии Белоруссии партизанским движением в республике в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.02 / А. М. Литвин; ИИП при ЦК КПБ. – Минск, 1986. – 26 с.
17. *Манаенков, А. Л.* Белорусский штаб партизанского движения / А. Л. Манаенков // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне (1941–1945). – Мінск : БелЭн., 1990. – 680 с.

18. Манаенков, А. Л. Белорусский штаб партизанского движения / А. Л. Манаенков // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т.1. А. – Белица / Рэдкал.: М. В. Біч і інш. – Мінск : БелЭН, 1993. – 494 с.
19. Літвін, А. М. Беларускі партызанскі... / А. М. Літвін // Беларус. гіст. часоп. – 2007. – № 9. – С. 3–11.
20. Высшее партизанское командование Белоруссии. 1941–1944: справочник / Э. Г. Иоффе [и др.]. – Минск: Беларусь, 2009. – 271 с.
21. Иоффе, Э. Г. Белорусский штаб партизанского движения / Э. Г. Иоффе. – Минск : РИВШ, 2009. – 52 с.

С. В. Кулинок

ШКОЛЫ ПО ПОДГОТОВКЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ И КОМАНДНОГО СОСТАВА ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Тема деятельности на оккупированной территории Беларуси немецких школ и курсов, где готовились будущие полицейские и командный состав различного уровня, сегодня является мало изученной. В значительной мере это связано с отсутствием специальных работ и исследований по данной проблеме, а также недостаточной опубликованностью источниковой базы. Для широкой общественности некоторые аспекты проблемы стали открываться с начала 1990-х гг., когда пропадает идеологический пресс и появляется возможность для изучения новых вопросов истории периода Великой Отечественной войны [1; 2].

Сразу следует отметить одну особенность историографии обозначенной темы: изучение деятельности школ и курсов по подготовке кадров полицейских и «добровольцев» рассматривалось в контексте истории политической и военной коллаборации. Так, об организации и деятельности различных школ и курсов в Минске сообщается в работе бывшего активного военного деятеля Ф. Кушеля «Спробы стварэння беларускага войска». Будучи непосредственным участником событий, автор приводит ценные сведения о деятельности коллаборационистских структур по вопросу подготовки кадров. В частности отмечается, что в первой половине января 1944 г. в Минске открылись двухнедельные курсы для опекунов белорусской полиции, куда было направлено 18 человек, которые затем в своих округах и провели аналогичные курсы для районных опекунов. В результате, к весне 1944 г. весь руководящий состав белорусской полиции был переподготовлен [3, с. 47].

В начале 2000-х гг. сразу в нескольких работах встречаются данные о деятельности полицейских и школ командного состава. В сборнике «Диверсанты III Рейха» упоминается казачья школа, которая некоторое время располагалась в Новогрудке [4, с. 221]. В работе Ю. Попова «НКВД

и партизанское движение» в приложении приводится таблица школ гестапо, готовивших кадры шпионов и террористов для действий в партизанских отрядах в 1942–1943 гг. Среди них упомянуты школы в Горках и Вилейке, где прошло обучение 40 и 70 агентов соответственно [5, с. 166]. Это полицейские школы, готовившие в первую очередь не шпионов, а кадры для полиции и «добровольческих» формирований. Аналогичные ошибочные данные о деятельности «гестаповских» школ в Горках и Вилейке встречаются в монографии Э. Иоффе [6, с. 219–220]. Необходимо отметить, что источниковую базу этих утверждений составляет отчет начальника Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) П. З. Калинина о количестве разоблаченной агентуры в партизанских отрядах от 22 июля 1943 г. В документе школы и в Горках, и в Вилейке обозначены как «школы гестапо» [7, оп. 2, д. 53, л. 18–19], что и привело к появлению данных неточностей и ошибок.

В монографии немецкого историка Б. Кьяри, посвященной военной повседневности на территории Беларуси отмечается, что «белорусы и поляки имели возможность сделать карьеру в военной сфере, к примеру, получив звание офицера полиции. В начале 1942 г. в Минске и Вилейке начали свою трудовую деятельность соответствующие школы» [8, с. 176].

В работе «Недозволенная память: Западная Беларусь в документах и фактах» историк А. Татаренко, рассматривая вопрос комплектования коллаборационистских органов и формирований, приводит отдельные данные о деятельности школ офицеров и подофицеров в Минске, Новогрудке, Барановичах, Вилейке и т.п. [9, с. 371, 379–380].

Наиболее подробные сведения о деятельности специальных школ и курсов в Минске дает в монографии «Легионы под знаком погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941–1945)» историк О. Романько. Он дифференцировал учебные заведения и курсы на школы для подготовки:

- сотрудников вспомогательной полиции порядка;
- военнослужащих Корпуса белорусской самообороны;
- солдат и офицеров Белорусской краевой обороны [10, с. 148, 152, 157, 167–168, 187–188].

В 2010 г. вышла книга Д. Жукова и И. Ковтуна «Русские эсэсовцы», в которой упоминается могилевская школа полиции [11, с. 184]. Историк спецслужб Н. Смирнов в монографии «Беларусь. Особый фронт...» весьма спорно утверждает о том, что «для подготовки кадров карателей при 13-м батальоне в мае 1943 г. в Минске была создана учебная рота... позже получившая название школы СД. Трехмесячную подготовку прошел в ней практически весь личный состав... изучавший методы борьбы против партизан, тактику, строевую подготовку... Начальником школы СД являлся... Франц Кушель» [12, с. 231–232]. В данном случае очевидна серьезная ошибка. В Минске действительно имелась школа СД, которая была организована в первых числах августа 1943 г. на территории бывшего

Мединститута, однако она готовила разведчиков и диверсантов для действий в советском тылу [7, оп. 1, д. 4, л. 282; оп. 2, д. 56, л. 42]. Возможно, имеются в виду обычные курсы, созданные при воинской части, которые не имеют никакого отношения к деятельности разведывательно-диверсионной «школы СД» в Минске. Вот, собственно, основные историографические «достижения» в изучении данной темы.

В отношении источников следует отметить, что при изучении данной проблемы практически не привлекались документы партизанских руководящих органов и формирований. Вместе с тем они содержат ценную и важную информацию по данной проблеме, так как одной из задач борьбы в тылу было выявление школ и отдельных немецких агентов, в том числе и полицейских. Прежде, чем перейти к рассмотрению непосредственно деятельности школ для полицейских и комсостава, необходимо определить некоторые проблемные моменты данной темы.

1. Идентификация школ и курсов. Архивные документы, к сожалению, не всегда позволяют точно определить, какую именно категорию полицейских или «добровольцев» готовят в том или ином учебном заведении. В этом случае будут использоваться унифицированные (адаптированные) понятия «школа полиции» или «школа по подготовке комсостава» (которые также используются в архивных документах), хотя это и не совсем корректно. Тем не менее прослеживается четкое разделение на вышеназванные категории и на разведывательно-диверсионные школы, которые готовили шпионов, диверсантов и террористов.

2. Широкий профиль подготовки в данных школах. Помимо основных дисциплин, в некоторых школах преподавались такие курсы, как сбор разведанных, методы террора и диверсии и т.п. Таким образом, выпускники школ могли направляться на службу не только в качестве полицейских, но и являлись потенциальными разведчиками и диверсантами. Примером может служить гомельская школа полиции. Ее выпускники «формируются в группы по 5–7–9 человек, экипируются в воинские обмундирования, вооружаются винтовками, пулеметами, автоматами и под видом бойцов РККА, попавших во вражеское окружение, просачиваются в партизанские и воинские отряды... для разведывательной и провокационной деятельности... В школе специально изучается история окружения ряда частей Красной Армии» [Там же, оп. 4, д. 254, л. 16 об.]. Разоблаченный полицейский И. Маметев показал, что в программу гомельской школы полиции входит «подготовить разведчиков по борьбе с партизанами, одновременно эта школа готовит разведчиков для тыла Красной Армии», преподавались следующие дисциплины: «строевая подготовка, изучение советской винтовки, тактика ведения борьбы с партизанами и военная агентурная разведка» [Там же, оп. 2, д. 1294, л. 27–31 об.]. В августе 1942 г. разведывательно-диверсионной группой «Вперед» были разоблачены трое военнопленных. При обыске у них нашли военные документы, обязывающие «комендантов оказывать им содействие» в выполнении спецзаданий. В итоге все трое признались, что

«окончили спецшколу полиции в Могилеве» и были засланы с целью разведки [7, оп. 4, д. 254, л. 20–20 об.]. Таким образом, окончание школы по подготовке полицейских или командного состава не гарантировало работу по профилю обучения. Подготовленные кадры могли использоваться для проведения разведки или осуществления карательных операций против местного населения. Например, из тридцати трех участников так называемого смертного взвода Гресской полиции, который занимался сожжением деревень и уничтожением мирных жителей Паликаровского сельского совета, 10 человек в свое время окончили трехмесячные курсы полицейских в Вилейке [Там же, оп. 21, д. 89, л. 122–123];

3. Виды школ и курсов. Можно выделить стационарные (в Минске, Вилейке), временные (м. Попарное, Уречье) и курсы при добровольческих формированиях (например, школа прапорщиков в Докшицах при бригаде В. Гиль-Родионова [Там же, оп. 2, д. 1, л. 203 об.] или школы (курсы) фельдфебелей при 1-м и 2-м украинских батальонах [Там же, оп. 1, д. 854а, л. 3–3 об.]).

Исходя из вышеозначенного, можно с разной долей уверенности говорить о следующих выявленных школах и курсах на территории Беларуси по подготовке кадров для полицейских органов и военно-полицейских формирований:

1) курсы в Альбертине (около Слонима). В одном из сообщений командира Ленинской бригады капитана Синичкина указывается, что по данным «агентурной разведки при штабе белорусской армии в Альбертине закончились курсы по подготовке младших командиров в Белорусскую армию. Ниже направляем список младших командиров, которые выпущены в первый выпуск с данными об успеваемости» [Там же, оп. 2, д. 56, л. 217–218]. Из документов видно, что на курсах преподавались: дисциплина, общеобразовательные предметы, спорт, строевая подготовка. Подготовленные кадры получили должности старшин и командиров отделений. К сожалению, других данных о деятельности данных курсов пока обнаружить не удалось. Кроме того, в Альбертине были открыты 3-недельные курсы Союза белорусской молодежи [13, с. 148–151], что усложняет процесс идентификации;

2) курсы комсостава для Белорусского корпуса самообороны (БКС) в Барановичах [10, с. 168];

3) школы (курсы) в Бобруйске. В кратком обзоре «О положении на оккупированной территории Могилевской области» (на апрель 1943) отмечается большое значение, «которое немцы придают полиции и разведслужбе», а о масштабах их работы «можно судить по широкой сети школ, созданных ими... в частности в Могилевской области. Школы для обучения младшего и среднего комсостава выявлены партизанской разведкой в Могилеве, Бобруйске, Горках» [14, оп. 1, д. 38, л. 22]. В июне 1943 г. разоблаченный полицейский В. Пищулин показал, что 9 апреля 1942 г. он с группой лиц был вызван в Бобруйск, в районную полицию, «где проходил 2-х недельное обучение на курсах полицейских. Всего там обучалось 96 человек». Руководителем курсов был Петровский – заместитель начальника областной полиции Бобруйска [7, оп. 21, д. 12, л. 144 об.];

4) школа (курсы) комсостава полиции в Борисове. О деятельности подготовительных курсов в городе сообщил разоблаченный в январе 1944 г. полицейский Н. Лавник. Он рассказал, что начальник районной полиции Борисова Ф. Кабаков его и еще 5 полицейских послал «для прохождения курсов командного состава полиции». Всего обучалось около 40 человек. Программа включала изучение немецких команд (строевая подготовка) и идеологию (прививали ненависть к советской власти). Также осуществлялись практические занятия с выездом в гарнизоны. Обучение проходило в бывшем доме пионеров по улице Минская недалеко от здания Тайной полевой полиции. Закончились курсы в конце августа (то есть длились около 2-х месяцев) [7, оп. 21, д. 171, л. 82–84 об.]. Разоблаченный сотрудник Могилевского СД В. Курочкин сообщил, что в Борисове с февраля по апрель 1944 г. было подготовлено три выпуска «месячных курсов по подготовке оперативников гестапо и помощников следователей из полицейских» [14, оп. 1, д. 56, л. 88];

5) курсы комсостава для БКС в Браславе [10, с. 168];

6) школы и курсы БКС в Вилейке. Еще в октябре 1942 г. в «Плане развития партизанского движения и действий партизанских отрядов зимой 1942–1943 гг. по Белорусской ССР» бригаде Воронынского было особое поручение – разогнать и уничтожить школу полицейских в г. Вилея [7, оп. 3, д. 38, л. 11 об.]. Сами школы и курсы, по данным немецкого историка Б. Кьяри, начали работу в начале 1942 г. [8, с. 176]. Вероятнее всего, в Вилейке готовились кадры для вспомогательной полиции порядка («шума») и БКС. В разведданных партизан отмечалось, что в Вилейке для подготовки командного состава имеется школа полиции с 3–6-месячным сроком обучения, а для рядового состава – краткосрочные полуторамесячные курсы [7, оп. 1, д. 887, л. 15–19 об.]. Школа комплектовалась литовцами, латышами и частично белорусами. Всего обучение в ней проходило 400–500 человек [Там же, оп. 3, д. 20, л. 103];

7) школа по подготовке комсостава для казачьих войск в Витебске. В одном из немецких документов отмечалось, что для казачьих формирований «командиров взводов и отделений необходимо специально готовить» [Цит. по: 1, с. 199]. В Национальном архиве Республики Беларусь в фонде Белорусского штаба партизанского движения (№ 1450) содержатся подробные данные о деятельности данной школы. В одной из оперативно-разведывательных сводок Белорусского штаба партизанского движения на Калининском фронте указывалось, что «в Витебске, в Красных казармах по ул. Фрунзе, расположена школа по подготовке командного состава из “казаков” для борьбы с партизанами. Срок обучения 20 дней, последний выпуск должен быть 15.5.1943 г. Слушатели: 100 человек командно-строевого состава; 30 человек – санработников; 30 человек – оружейников, поваров, завскладами. Школой руководит лейтенант немецкой армии» [7, оп. 1, д. 5, л. 82–83]. Перешедшие к партизанам казаки-курсанты А. Чернышев, В. Овчаров и Н. Бондаренко показали, что программа школы включает: тактическую подготовку (до 70 % всего времени), огневую и стрелковую подготовку, топографию, строевую и физическую подготовку.

На тактических занятиях за основу берется задача полного окружения партизан в лесу. Подробно описан распорядок дня в школе, а также нормы питания (хлеб – 450 г, колбаса – 25–30 г, маргарин и масло – 30 г, 12 конфет, 6 сигарет, один литр супа, утром и вечером – чай или кофе). Заработная плата курсанта в месяц составляла 12,5 марок. Срок обучения изначально составлял около трех месяцев, но был сокращен из-за подготовки антипартизанской операции. Деятельность школы курировал немецкий генерал-майор Вандервальд [7, оп. 1, д. 854а, л. 5 об. – 7];

8) курсы полиции в Витебске. Известно, что к июлю 1942 г. они уже действовали [Там же, оп. 2, д. 1308, л. 115];

9) курсы комсостава для БКС в Глубоком [10, с. 168];

10) школа полиции в Гомеле. Действовала с 1942 г. и размещалась в Западных казармах по ул. Буденного. 26 июля 1943 г. в Новозыбкове были начаты занятия четвертого выпуска этой школы [7, оп. 1, д. 4, л. 316]. Точных данных о количестве обучающихся пока не выявлено;

11) Горецкая полицейская школа для младшего комсостава. Действовала с 1942 г. В ноябре 1942 г. командир бригады «Звезда» М. Ивлев сообщил, что «на территории бывшего совхоза Иваново, в помещении бывшего сельскохозяйственного института... находится школа по подготовке младшего командного состава для полицейских карательных отрядов, организованных из состава местного населения. В октябре нашей бригадой был захвачен один курсант этой школы, впоследствии расстрелянный, который показал, что в школе находилось в то время 44 человека» [Там же, оп. 2, д. 1301, л. 76–79]. Набиралась в основном молодежь, грамотная и физически крепкая. Комплектование осуществлялось через волостных бургомистров. Полицейские обучались по следующим дисциплинам: тактика, стрельба, разведка, особенности боя в лесу, использование служебных собак, информация о жизни в Германии, Национал-социалистская рабочая партия Германии о положении на фронтах. Руководитель школы – комендант Горецкой полевой комендатуры капитан Херлих. Занятия по разведке проводил начальник 4-го отдела комендатуры бывший доцент Петров, а контрразведку преподавал бывший профессор института Николаев [14, оп. 1, д. 38, л. 22; 7, оп. 3, д. 20, л. 91];

12) школа полиции в Любане. В разведывательной сводке БШПД от 13 ноября 1943 г. отмечается, что «в сентябре сего года в м. Любань начала функционировать школа полицейских» [7, оп. 1, д. 4, л. 488];

Отдельное внимание необходимо уделить школам и курсам, которые действовали в Минске и других местах:

- курсы и школы для вспомогательной полиции порядка («шума»). В своих воспоминаниях Ф. Кушель отмечает, что в конце концов немцы пришли к выводу о необходимости реорганизации и переобучении полицейских кадров и «согласились на организацию... курсов, на которых должны были переобучаться все полицейские». Далее Ф. Кушель отмечает, что он разработал программу курсов и с 1 декабря 1941 г. они начали функционировать [3, с. 41–42]. В программу входили следующие предметы:

войсковая подготовка (до 50 % времени), немецкий язык, белорусский язык, история, география и политическая подготовка. Около 400 полицейских обучали в три смены. В мае 1942 г. при курсах была открыта подофицерская (унтер-офицерская) школа, а в январе 1944 г. – 2-недельные курсы для опекунов белорусской полиции, на которые прибыло 18 человек [10, с. 152, 157];

- курсы командного состава в Минске для Белорусской краевой самопомощи БКС. 29 июня 1942 г. был опубликован проект указа о Белорусском корпусе самообороны, а разработкой планов по его созданию занимался Центральный совет БНС (Белорусской народной самопомощи). Одной из главных проблем при организации БКС было отсутствие необходимого количества белорусских офицеров и унтер-офицеров. 1 июня 1942 г. были открыты курсы для командного состава БКС, на которых начали обучение 120 офицеров [Там же, с. 167]. Интересные сведения о работе данных курсов приводит В. Святополк-Мирский, который прошел на них обучение с августа по сентябрь 1942 г. В частности, он сообщил, что курсы и общежитие для курсантов располагались по ул. Торговой, 25. Августовский набор состоял из 110 человек (по данным О. Романько – 120). Командиром курсов был гауптштурмфюрер СС Куммер, а непосредственным руководителем – Ф. Кушель, также работало 5 инструкторов из числа белорусов. Курсы включали 3 взвода, а обучение проходило 2,5 недели. В. Святополк-Мирский указал, что слушатели делились на 3 категории (старший возраст, средний и молодежь), а после окончания обучения распределялись в разные округа на командные должности либо оставались в качестве инструкторов в Минске. С 1 по 30 сентября был организован очередной набор – 106 человек (по данным О. Романько – 60), а следующий – со 2 по 15 октября (32 человека). Всего, по данным В. Мирского, обучение на этих курсах прошло 249 человек (плюс августовский набор – 120 человек. – С. К.). Курсантов обучали пешему строю, стрельбе, проводили тактические занятия в поле, изучалась топография и структура БКС [7, оп. 21, д. 1, л. 53–60]. Интересно, что, по данным Б. Кьяри, продолжительность курсов в Минске была 6 месяцев [8, с. 176];

- курсы переподготовки офицеров Белорусской краевой обороны (БКО) в Минске были открыты в середине марта 1944 г. для 50 офицеров и 150 унтер-офицеров [3, с. 79]. С немецкой стороны начальником был гауптштурмфюрер Шнайдер, с белорусской – капитан В. Чеботарев. По мнению историка О. Романько, помимо переподготовки кадров, главной задачей данных курсов было «привлечение на них молодежи». Всего с марта по июнь 1944 г. на курсах в Минске прошло переподготовку около 150 офицеров и около 600 унтер-офицеров [10, с. 188]. В одной из разведсводок БШПД за апрель 1944 г. отмечалось, что «в Минске закончили работу курсы командного состава войск специального назначения, предназначенные для борьбы с партизанами» [7, оп. 2, д. 30, л. 657]. В середине июня 1944 г. в Минске была открыта офицерская школа БКО, но из-за наступления советских войск свою работу она так и не начала;

- школа полиции в Могилеве действовала с 1942 г. В августе этого года чекистской разведывательно-диверсионной группой «Вперед» были разоблачены три военнопленных. На допросе они признались, что «окончили спецшколу полиции в Могилеве» и засланы с «целью разведки» [7, оп. 4, д. 138, л. 32]. Командир одной из партизанских бригад Крупского района С. Мазур в ноябре 1942 г. также показал, что «в Могилеве есть школа, в которой готовят кадры унтер-офицеров для добровольческих батальонов “Двина”, “Березина”» [Там же, оп. 2, д. 1300, л. 69]. В приказе 813-й полевой комендатуры от 2 сентября 1943 г. указывалось, что для проведения акции по «умиротворению местности» воинским частям и жандармерии необходимо было предоставить «1 командира взвода полиции, 4 младших командира из полицейской школы... хорошо подготовленных и имеющих боевой опыт» [Там же, оп. 3, д. 170, л. 40];

- Молодечненская школа полиции начала свою работу как минимум с осени 1942 г. «Срок обучения – три месяца, количество курсантов – около 200 человек» [Там же, оп. 3, д. 20, л. 83];

- унтер-офицерская школа для БКС в Новогрудке. Была организована осенью 1942 г. Ее возглавил Язэп (Иосиф) Сажич, который прошел подготовку на курсах в Минске. Школа размещалась в женском польском монастыре. Было сформировано три взвода из резервистов и одни – из добровольцев-юношей. Кроме войсковой подготовки, там обучали белорусскому языку, истории и географии, тактике и рукопашному бою [9, с. 380]. Характерным для этой школы было, «што вельмі прыгожа сьпявалі, як і маршыравалі на занятках, а гэта ужо заслуга камандзера школы» [15, с. 238];

- курсы полицейских в Орше. К лету 1942 г. активно действовали и готовили кадры для насаждения в деревнях [7, оп. 2, д. 1308, л. 115];

- школа по подготовке полицейских в Полоцке. В разведсводке БШПД от 20 июля 1943 г. отмечалось, что «по данным агентуры на 15 июня в Полоцке работает школа по обучению начальников полиции. Помещается в здании бывшей 12-й средней школы. Численный состав 150 человек» [Там же, оп. 1, д. 4, л. 214];

- школа полиции в д. Попарное (20 км южнее м. Бобр). По разведанным партизан школа «была организована в первых числах августа», в ней обучалось «до 300 человек, в основном белорусы. Срок обучение 3 месяца. Выборка в эти школы происходит из антисоветского и контрреволюционного элементов» [Там же, оп. 3, д. 20, л. 77 об.];

- школа БКС в Поставах. Размещалась «в бывшем военном городке Уланка... имеются группы, состоящие из литовцев, латышей, белорусов». Общее число обучающихся достигало 500 человек. В сентябре был осуществлен выпуск младших офицеров для БКС [Там же, оп. 1, д. 887, л. 59];

- школы в Уречье. В итоговой разведсводке Центрального штаба партизанского движения за октябрь 1943 г. сообщается, что «в Уречье (24 км юго-восточнее Слуцка) имеется две школы по подготовке полицейских и младшего командного состава Русской освободительной армии (РОА) численностью до 500 человек. Туда набирается молодежь на условиях

мобилизации. Личный состав школ морально разложен, немцы его не вооружают, опасаясь перехода к партизанам» [7, оп. 1, д. 19, л. 117]. По другим данным отмечается, что под маркой ««офицерской школы» готовятся агенты гестапо из немцев, полицейских и добровольцев» [Там же, оп. 21, д. 2, л. 201];

- курсы полицейских в Черикове. Достоверных и проверенных данных об их деятельности нет. Разоблаченный полицейский С. Аксютин показал, что в октябре 1942 г. проходил на них обучение.

Согласно представленным данным, на сегодня выявлено 25 немецких школ и курсов на оккупированной территории Беларуси, где готовились будущие кадры для военно-полицейских формирований и полицейских органов. По самым скромным подсчетам (без учета подготовленных в Барановичах, Браславе, Витебске, Глубоком, Гомеле, Любани, Орше и т.д.) обучение на них прошли около 4 тысяч человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Литвин, А.* Белорусская краевая оборона / А. Литвин // Неман. – 1994. – № 4. – С. 170–191.
2. *Литвин, А.* Казачий стан в Беларуси / А. Литвин // Неман. – 1996. – № 12. – С. 193–221.
3. *Кушаль, Ф.* Спробы стварэння беларускага войска / Ф. Кушаль : паслясл. А. Літвін. – Мінск : Часоп. «Беларус. гіст. агляд», 1999. – 164 с.
4. *Диверсанты III Рейха* : сб. – М. : Эксмо, 2003. – 414 с.
5. *Попов, А. Ю.* НКВД и партизанское движение / А. Ю. Попов. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 383 с.
6. *Иоффе, Э. Г.* Абвер, полиция безопасности и СД, тайная полевая полиция, отдел «Иностранные армии – Восток» в западных областях СССР. Стратегия и тактика. 1939–1945 гг. / Э. Г. Иоффе. – Минск : Харвест, 2007. – 384 с.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1450.
8. *К'яры, Б.* Штодзеннасць за лініяй фронту / Б. К'яры. – Мінск, 2005. – 389 с.
9. *Татаренко, А.* Недозволенная памяць: Западная Беларусь в документах и фактах / А. Татаренко. – СПб. : Архив АТ, 2006. – 808 с.
10. *Романько, О. В.* Легионы под знаком погони. Белорусские коллаборационистские формирования в силовых структурах нацистской Германии (1941–1945) / О. В. Романько. – Симферополь : Антиква, 2008. – 304 с.
11. *Жуков, Д.* Русские эсэсовцы / Д. Жуков, И. Ковтун. – М. : Вече, 2010. – 464 с.
12. *Смирнов, Н. И.* Беларусь. Особый фронт... / Н. И. Смирнов. – Минск : Белпринт, 2015. – 312 с.
13. *Каваленя, А. А.* Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі 1941–1944 / А. А. Каваленя. – Мінск : БДПУ, 1999. – 235 с.
14. НАРБ. – Фонд 1350.
15. *Юрэвіч, Л.* Жыцце пад агнем / Л. Юрэвіч. – Мінск : Часоп. «Arhe», 1999. – 254 с.

**ПОДГОТОВКА МЕДИЦИНСКИХ КАДРОВ НА ТЕРРИТОРИИ
БЕЛАРУСИ (1941–1944) В ОТРАЖЕНИИ ОККУПАЦИОННОЙ
ПЕРИОДИКИ И БЕЛОРУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

История системы медицинского и в целом профессионального образования в период немецкой оккупации Беларуси 1941–1944 гг. – одна из малоисследованных страниц прошлого.

Медицинские, как и другие учебные заведения на оккупированной немцами территории БССР, открывались с разрешения оккупационных властей и исходя из практических нужд, а также в политических и пропагандистских целях. Об этом прямо говорилось в одном из программных немецких документов: «Допуск такіх навучальных устаноў, якія, з аднаго боку, адпавядалі б здольнасцям рускага насельніцтва, а з другога боку, патрэбам у спецыялістах».

Созданная в БССР историография лишь изредка вспоминала о попытках подготовки медицинских и других профессиональных кадров во время немецкой оккупации 1941–1944 гг., и подавала их преимущественно как отдельные иллюстрации социальной демагогии и маневрирования со стороны оккупационных властей. В качестве примера можно привести небольшую статью Г. Сафьяна «Белорусская культура и немецко-фашистские “культуртрегеры”», которая вышла в первые послевоенные годы [1]. К уже известным фактам уничтожения высшей школы в Беларуси автор добавляет новые штрихи и детали, где отмечены и пропагандистские намерения немцев открыть в конце 1943–1944 гг. в Беларуси «медицинскую академию» на 150 человек. Сама идея очень сомнительна. Ведь, по воспоминаниям профессора-медика Д. А. Маркова, принудительно вывезенного в Германию и оказавшегося в лагере Ноймаркт, фашистами, которые временами были склонны поговорить с образованными заключенными, почти всегда приводился аргумент: «Ваша страна, эта страна чернорабочих... И нам не нужна ваша неполноценная, не арийская интеллигенция, а нужны только рабочие руки» [2, с. 48].

Наибольшую научную разработку проблема медицинского образования в Беларуси в период немецкой оккупацией получила в новейшей историографии в начале 1990-х гг. Из современных исследований следует назвать совместную статью белорусского автора А. Мойсеенка и немецкого исследователя Е. Шлоца «Профессиональное медицинское образование на территории Беларуси в период оккупации» в 1998 г. и особенно работы отечественного исследователя Е. М. Тищенко.

В упомянутой статье авторы привели довольно подробные факты из истории открытия и практической деятельности во время немецкой оккупации средних медицинских учебных заведений в Барановичах, Минске и медицинского института в Могилёве [3, с. 109].

Медицинская школа в Барановичах начала свою деятельность 10 февраля 1942 г. после подтверждения учебного плана местным немецким гебитскомиссаром (29 января 1942 г.). Педагогический коллектив школы состоял из 33 преподавателей, учреждение возглавляли директора В. Войтенко, потом Я. Малецкий и, возможно, Л. Горошко. 15 января 1943 г. открылась также медицинская школа в Минске. Датой основания медицинского института в Могилёве авторы статьи считают осень 1943 г. Дальнейшая судьба мединститута после его эвакуации в Ново-Вильно в июле 1944 г. точно неизвестна [3, с. 110].

Наиболее обстоятельно проблему врачебной образования в период оккупации исследовал доктор медицинских наук из Гродно Е. М. Тищенко в своих научных публикациях, докторской диссертации и двух монографиях. На основании анализа исторических источников он установил, что на территории генерального округа Беларусь действовала не только Барановичская врачебная школа, которая готовила медсестер, фельдшеров, аптекарей, но и созданная в 1943 г. в Минске при 1-й больницы вторая медицинская школа (осуществляла подготовку медсестер, фельдшеров, акушерок, аптекарских работников и дантистов).

В Барановичской врачебной школе работали 14 преподавателей, в том числе 3 врача. Студенты изучали общие и специальные предметы, проходили практику в лечебных учреждениях, могли заниматься в музыкальном и драматическом кружках, некоторые получали стипендию. Школа выпустила около 70 слушателей [4, с. 87]. Е. М. Тищенко также рассмотрел попытки оккупационных властей начать подготовку врачей. Первая такая попытка была сделана весной – осенью 1943 г. в Могилёве, вторая (более удачная) – весной 1944 г. в городе Ново-Вильно. Вместо планируемых 200 человек к занятиям на трех старших курсах в госпитале для военнопленных приступили не более 30 учащихся. Тогда же было проведено заседание совета института в составе 7 преподавателей под председательством директора, бывшего заведующего Могилевского городского медико-санитарного отдела М. Л. Степанова, где среди прочего рассматривался и вопрос о присвоении ученых званий. Кроме того, при больницах и аптеках Минска, Слонима и Смолевич действовали одиночные шестимесячные и годовые курсы по подготовке медсестер, помощников стоматологов, аптекарей; изредка в Минске при санитарной станции организовывались пятидневные курсы дезинфектора [Там же].

На вопросе об открытии и деятельности мединститута коротко остановился в своей монографии «Беларусь под немецкой оккупацией» и историк Юрий Туронк. Он, в частности, отметил, что институт начал свою работу 13 мая 1943 г. в Могилёве, после соответствующей договоренности главы немецкой гражданской оккупационной администрации в Беларуси Вильгельма Кубе с немецкими военными властями. Ректором мединститута сначала был назначен декан медицинского факультета университета в Фрайбурге профессор Т. А. Наук, но вскоре его заменил белорус, профессор

Николай Степанов. По мнению Ю. Туронка, факт открытия мединститута показывает определенные изменения в отношении немецких оккупационных властей к делу высшего образования в Беларуси [5].

Историографическую картину определенным образом уточняют мемуарные источники. Так, по изданным воспоминаниям бывшего директора Барановичской врачебной школы доктора Иосифа Малецкого, в школе обучались 360 студентов и работали 33 преподавателя. В конце января 1943 г. состоялся ее первый выпуск. 31 ученица была допущена к экзаменам, из них 29 получили дипломы; экзамены проходили на белорусском языке [6].

Важным источником в исследовании данной проблемы является оккупационная печать. Газета «Новый путь» – одно из немецких периодических средств информации на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны издавалась на русском языке с осени 1941 до осени 1943 гг. в Смоленской области (тираж – 150–200 тыс. экземпляров). Газета всячески призывала к сотрудничеству с оккупационными властями, например, публиковала заметки о награждении полицаев по типу «Образцовый страж порядка» и т.п. Газета «Белорусская старонка» выходила в Витебске в 1942–1943 годах один раз в неделю как приложение к газете «Новый путь». Газета «За Родину» – одно из крупных немецких русскоязычных периодических изданий на оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны, выходившее с осени 1942 до лета 1944 гг. в основном в Риге; «Белорусская газета» – самое первое и впоследствии самое крупное периодическое издание периода немецкой оккупации.

Например, из «Белорусской газеты» за 3 мая 1942 г. мы узнаем, что в г. Барановичах работала школа среднего медперсонала, которой руководил доктор Виктор Войтенко, в учреждении действовали отделения медсестер, акушерок, помощников провизора и фельдшерское отделение [7].

Сообщение об обучении среднего медперсонала в г. Барановичах присутствует и в № 91 «Белорусской газеты» от 5 декабря 1942 г. Приводится информация о том, по каким специальностям осуществлялась подготовка. Есть сведения, что количество учащихся возросло со 114 до 462. Были открыты две новые специальности – ветеринария и стоматология. Речь идет и о педагогических кадрах. Сообщается, что преподавательский состав представлен 24 учителями (медиками, биологами, химиками, ветеринарами), также работают преподаватели по филологическим и фило-софским наукам и 4 учителя языка. Отдельно отмечается, что особое внимание уделяется преподаванию немецкого языка, а летом 1942 г. руководство медицинской школы ввело в программу курсы по спорту и гимнастике, организовало хор, литературную и драматическую группы [8].

Далее, в 1943 г., в № 61 от 14 марта газета «За Родину» сообщает, что с 1 февраля 1943 г. начались занятия по подготовке среднего медперсонала в г. Минске. Школа размещалась при 1-й больнице. Количество учеников, принятых на первый курс, составило 156 человек. Директором школы назначен доктор Станкевич [9].

Также из немецких газет мы можем узнать о том, какие медицинские учебные заведения планировалось открыть на оккупированной территории Беларуси.

Так, в газете «За Родину» (№ 74 от 30 марта 1943 г.) мы узнаем, что немецкими властями рассматривался вопрос об основании в г. Минске ветеринарного техникума. Первоначально предполагалось открыть годовичные курсы для лиц, которые учились, но не смогли закончить обучение по данной специальности в связи с войной. Планировалось, что обучение и содержание учащихся будут бесплатными. По окончании курсов слушателям должна была быть присвоена квалификация «ветеринарный техник» [1].

По сообщению газеты «Новый путь» от 30 октября 1943 г. в Минске планировалось открытие медицинского института. Предполагали, что прием слушателей будет осуществляться через Минский городской отдел здравоохранения только на 1 и 2 курсы [10].

Из оккупационных газет мы узнаем информацию об усовершенствовании квалификации медперсонала. Например, в «Белорусской газете» (1942, № 23) содержится информация о том, что на базе 1-й больницы в Минске находятся на шестимесячной стажировке молодые врачи. После названной интернатуры эти медики приступают к самостоятельной работе по всей Беларуси [4].

Оккупационная печать сообщала не только о создании и деятельности средней медицинской школы в Барановичах, но и о планах открытия немецкими оккупационными властями медицинского института в Могилёве, где в первую очередь предполагалось открыть «два последних курса для тех, которые по причины войны не смогли закончить учебу» [10].

Также из газет периода оккупации мы узнаем, что 26 октября 1942 г. в Минске проводилась научная конференция врачей на базе 1-й городской больницы. Из сообщения известно, что на открытии конференции выступал заведующий палатой здоровья при Генеральном комиссариате – доктор Крайно и директор 1-й больницы доктор Зубарев. На конференции демонстрировались успехи немецкой медицины, а также достижения местных врачей в лечении редких заболеваний. Сообщалось также о намерении проводить такие конференции врачей каждые две недели [11].

В «Белорусской газете» за 2 апреля 1942 г. есть интересное сообщение о том, что Минская микробиологическая лаборатория начинает выпуск ценного препарата – ацидофильной палочки. Говорится о ее высоком лечебном эффекте, о том, что испытания были проведены на животных и доказана польза в лечении заболеваний желудочно-кишечного тракта. Также сообщалось, что эта культура прошла и клинические испытания в больницах Минска, Витебска, Борисова Могилёва, Гомеля и доказала свою эффективность в лечении «тяжелых детских болезней». Также информировали, что применяется она в виде заквашенного молока, которое намного полезнее других лекарств [12].

Предположительно, такая активная реклама этого напитка связана с нехваткой медикаментов (ведь доказано мощное антибактериальное действие ацидофилина), и в годы Великой Отечественной войны при нехватке медикаментов к ранам и язвам, которые долгое время не заживали, прикладывали ацидофильную простоквашу.

Но справедливости ради, необходимо уточнить, что ацидофильная палочка – родом из России. Его отцом-создателем стал еще в 1903 г. русский врач И. О. Подгаевский. В Петербурге в ходе научных исследований он выделил молочнокислую палочку, препятствующую развитию патогенных микроорганизмов в кишечнике человека, названную ацидофильной. А с 1935 г. в Советском Союзе начал выпускаться уникальный по своим свойствам ацидофильный напиток.

В целом рассмотренная историография не только подтверждает факт, что в годы немецкой оккупации сеть медицинских и других учебных заведений Беларуси стала гораздо меньше, чем в довоенное время, но и уточняет реальную картину культурной жизни в республике в 1941–1944 гг.

Белорусская и зарубежная историография сегодня достигли значительных успехов в реконструкции событий военного прошлого на территории Беларуси, но некоторые аспекты истории медицинского образования периода немецкой оккупации требуют дополнительных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Открытие ветеринарного техникума // За Родину. – 1943. – 30 марта. – С. 7.
2. *Новікаў, С. Я.* Беларусь у гады нацысцкай акупацыі ў айчынай і замежнай гістарыяграфіі // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманіт. навук. – 2005. – № 1. – С. 42–54.
3. *Мойсеенюк, А. Г.* Профессиональное медицинское образование на территории Беларуси в период оккупации (1942–1944) / А. Г. Мойсеенюк, Е. Шлотц // Медицина Беларуси XX века : тез. докл. VIII респ. науч. конф. по истории медицины, Витебск, 29–30 окт. 1998 г. – Минск, 1998. – С. 109–110.
4. *Тищенко, Е. М.* История здравоохранения Беларуси в XX веке / Е. М. Тищенко. – Гродно : ГрГМИ, 2001. – С. 86–87.
5. *Туронок, Ю.* Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронок ; пер. з пол. В. Ждановіч. – Минск : Беларусь, 1993. – С. 134.
6. *Малецкі, Я.* Пад знакам Пагоні : успаміны / Я. Малецкі. – Таронта : Пагоня, 1976. – С. 90, 117.
7. Медычная школа ў Баранавічах // Беларус. газета. – 1942. – 3 траўня. – С. 4.
8. Медычная школа ў Баранавічах // Беларус. газета. – 1942. – 5 снеж. – С. 5.
9. Медицинская школа в Минске // За Родину. – 1943. – 14 марта. – С. 6.
10. Открытие медицинского института // Новый путь. – 1943. – 30 окт. – С. 4.
11. Лекарская канферэнцыя // Беларус. газета. – 1942. – 6 лістап. – С. 4.
12. *Кудзін, К.* Каштоўны прэпарат / К. Кудзін // Беларус. газета. – 1942. – 2 крас. – С. 2.

**РОЛЬ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В ПОДГОТОВКЕ ОПЕРАЦИИ ПО ЛИКВИДАЦИИ
ГАУЛЯЙТЕРА БЕЛАРУСИ В. КУБЕ**

Важнейшим направлением деятельности спецгрупп и отрядов органов госбезопасности, партизанских формирований являлось уничтожение представителей командования вермахта, чиновников немецкой администрации, сотрудников специальных служб противника, их агентов и пособников.

Основанием для этого стал приказ И. В. Сталина от 5 сентября 1942 г. № 00189 «О задачах партизанского движения» с установкой «беспощадно истреблять или захватывать в плен фашистских политических деятелей, генералов, крупных чиновников и изменников нашей Родины, находящихся на службе у врага» [1, т. 3, кн. 2, с. 210].

Крупнейшей и самой резонансной операцией такого плана стала ликвидация гауляйтера Беларуси Вильгельма Кубе. Выполнение этой задачи было возложено на разведывательное управление генерального штаба (РУ ГШ), наркомат государственной безопасности (НКГБ), подпольные организации и партизанские формирования. По официально принятой версии непосредственным исполнителем данной операции стала Елена Мазаник, действовавшая по заданию РУ ГШ Красной армии. Вместе с тем существуют альтернативные версии, касающиеся как непосредственного исполнителя этого акта, так и ведомства, давшего это задание.

Одну из них выдвинул доктор исторических наук Э. Г. Иоффе, ссылаясь на отчет командира спецгруппы при Центральном и Белорусском штабе партизанского движения (ЦШПД, БШПД) майора С. И. Казанцева, где сообщается, что В. Кубе погиб от мины, заложенной под матрац его кровати узником Минского гетто Л. Либерманом, работавшим в квартире гауляйтера чернорабочим [2].

Российский историк Б. В. Соколов также утверждает, что этот теракт был организован группой капитана госбезопасности С. И. Казанцева, подчинявшейся непосредственно ЦШПД. Завербованные им агенты склонили горничную подложить мину в кровать гауляйтера. Казанцеву за успешно проведенную операцию было досрочно присвоено звание «майор госбезопасности». Более того, по мнению автора, это задание сохранялось в тайне и от минского подполья, и от руководителей партизанских формирований Беларуси [3, с. 66].

Исследователь Ю. Туронок объясняет версию убийства В. Кубе конфликтом гауляйтера с СС. Он аргументирует и подтверждает фактами вариант, при котором СС и СД будучи, по меньшей мере, осведомленными о подготовке советской стороной покушения, не предприняли никаких мер для его предотвращения. Кроме того, по мнению исследователя, существует вероятность, что данная акция была подготовлена указанными организациями [4, с. 629–632].

В статье будет показана роль органов государственной безопасности в подготовке к указанной операции, участие отдельных спецгрупп и отрядов в мероприятиях, направленных на ликвидацию В. Кубе.

Задание по его уничтожению получили все действующие в районе г. Минска партизанские отряды, в том числе формирования органов государственной безопасности: отряд «Местные» С. А. Ваупшасова (псевдоним Градов), бригада «Дядя Коля» П. Г. Лопатина, отряд «Соколы» К. П. Орловского и другие.

Одна из операций была проведена 17 февраля 1943 г. Получив накануне разведанные о том, что гауляйтер в сопровождении высокопоставленных гитлеровских чиновников администрации г. Барановичи и большой охраны намеревается приехать на охоту в Машуковский лес (Клецкий район), бойцы отряда «Соколы» во главе с К. П. Орловским устроили засаду на их пути. Пропустив гитлеровцев в лес и дождавшись к вечеру их возвращения, партизаны открыли по ним огонь из пулемета и автоматов. Кубе, изменив свои планы, не принял участия в охоте. В результате этой операции были уничтожены главный комиссар г. Барановичи группенфюрер СС Фридрих Фенц, гебитскомиссар Барановичского округа группенфюрер СС Фридрих Штюр, восемь эсесовских офицеров, два коменданта полиции и почти вся их охрана. По разным данным в ходе боя погибло от 30 до 50 гитлеровцев [5, с. 101–102; 6, с. 291, 294–295, 298; 7, с. 403].

Вместе с тем К. П. Орловский в своих воспоминаниях, хранящихся в Национальном архиве Беларуси, указывал, что убит главный комиссар Барановичской области Фэнч, обер-группенфюрер Захарияс, 7 офицеров, 8 солдат, 2 коменданта, полицейский, 3 человека крестьян-возчиков» [8, д. 11, л. 14–15]. Сам Орловский был тяжело ранен. Пуля попала в детонатор толового заряда, который он собирался бросить в немцев, и заряд взорвался в его руке. Орловский лишился кистей обеих рук и на 3/4 утратил слух.

В конце июля 1943 г. разведчица В. В. Гуринович из отряда «Местные» установила, что Кубе часто ездит в Лошицу. Группа партизан несколько дней провела в засаде на шоссе Минск – Лошица, но машина гауляйтера так и не появилась [9, с. 343–344; 5, с. 103–105].

Отметим, что отдельные исследователи считают Лошицу одной из загородных резиденций В. Кубе. Так, авторитетный российский историк А. Попов ошибочно называет ее Локшицей и утверждает, что здесь находилась летняя резиденция гауляйтера.

Однако большинство авторов придерживаются мнения, что с января 1942 г. по июль 1944 г. она находилась в распоряжении близкого друга В. Кубе начальника третьего главного отдела (экономики и сельского хозяйства) генкомиссариата Вильгельма Фрайтага.

Белорусские исследователи Н. В. Кузнецов, И. А. Судленков, Н. И. Смирнов также пишут о том, что Кубе и его приближенные посещали дачу в Лошицком парке, где устраивали пикники. Вместе с тем авторы указывают на то, что чаще всего на даче появлялся Минский окружной комиссар Фрайтаг [10, с. 299; 11, с. 148].

Тем не менее и гауляйтер, и его семья часто бывали в Лошице, поэтому оперативной группой НКГБ «Юрий» Э. С. Куцина при участии отряда «Местные» С. А. Ваупшасова был разработан план его уничтожения именно

там. В частности, в августе 1943 г. была установлена связь члена оперативной группы НКГБ «Юрий» немца-антифашиста Карла Кляйнюнга (Виктора), заброшенного в тыл под видом унтер-офицера немецкой полевой полиции Отто Шульца, с Надеждой Моисеевой, работавшей официанткой в лошицкой резиденции, поваром Марией Павловной Чижевской и ее дочерью Лилей (Леной) – уборщицей в гараже Фрайтага. Чижевские предоставили массу важных сведений о том, что происходит в доме Фрайтага, какие там порядки, как часто приезжает Кубе и чем занимается; о его охране, расположении комнат в резиденции и т.п., а также согласились принять участие в его ликвидации. Рассматривался вариант отравления Кубе, но в дальнейшем было принято решение взорвать его. Однако В. Кубе перестал посещать Лошицу [5, с. 129–163].

К плану уничтожения гауляйтера в лошицкой резиденции чекисты вернулись после назначения на эту должность К. Готтберга. Ими был подготовлен взрыв в лошицкой резиденции во время совещания гебитскомиссаров и зондерфюреров 30 октября 1943 г., на которое ожидался приезд рейхсминистра восточных оккупированных территорий Розенберга. Однако взрывное устройство было обнаружено саперами за несколько часов до взрыва, задействованные в операции подпольщицы М. П. Чижевская, Е. А. Чижевская и Н. П. Моисеева задержаны и казнены [Там же, с. 192–210].

Работа по ликвидации В. Кубе продолжалась. Так, 6 сентября 1943 г. по заданию С. А. Ваупшасова подпольной группой К. Л. Матузова был осуществлен взрыв на банкете в офицерской столовой казино СД, однако Кубе на нем не оказалось [12, с. 204–207; 9, с. 344–345; 13; 14, с. 403].

При трактовке указанного события мнения исследователей по относительно некоторых пунктов расходятся. Во-первых, уточнения требует повод для банкета. Принято считать, что он был приурочен к 10-летию прихода к власти Гитлера. Однако исследователь А. Валаханович вполне обоснованно утверждает, что данный повод для банкета не соответствует действительности, так как Гитлер пришел к власти (стал канцлером) 30 января 1933 г. [15, с. 14]. В отдельных источниках речь идет об обычном обеде руководящих сотрудников СД, а не о банкете. Также у исследователей вызывает сомнение утверждение, что там должен был присутствовать гауляйтер.

Как видно из воспоминаний самого К. Л. Матузова, о В. Кубе речь не шла. Он пишет, что на банкет должны были приехать «высокопоставленные чины и главари полиции немецкой охраны СД» [16, л. 41].

Кроме того, весьма различны взгляды исследователей на количество пострадавших от взрыва. Например, А. Попов указывает, что погибло 36 немецких офицеров и чиновников [9, с. 344–345].

Авторы многочисленных публикаций на данную тему ссылаются на показания капитана 52-й немецкой пехотной дивизии, перешедшего на сторону Красной армии, Ганса Шмидта, который утверждал, что он видел развалины этого здания, из-под которых было извлечено 30 убитых и 50 тяжелораненых немецких офицеров [7, с. 354–355].

По этому поводу военный историк В. Надточаев в одной из своих статей отмечает: «Совинформбюро со ссылкой на немецкого дезертира капитана Ганса Шмидта сообщило о 30 убитых и 50 тяжелораненых немецких офицерах. Поскольку неизвестно, из какого источника почерпнул эти цифры сам Шмидт, то не будем торопиться безоговорочно принимать их на веру. Для сравнения, профашистские газеты писали о 16 убитых и 32 раненых эсэсовцах» [17].

Белорусский историк К. Доморад, опираясь на документы, хранящиеся в Национальном архиве Республики Беларусь, также утверждает, что было убито 16 и ранено 32 немецких офицера [12, с. 204–207]. Вместе с тем изучение указанных автором архивных материалов показало, что он ссылается на отчет К. Л. Матузова, который упоминает сообщение Совинформбюро, основанное на показаниях Г. Шмидта [18, л. 43].

Кроме того, в одном из партизанских донесений, направленных 18 сентября 1943 г. секретарю ЦК КП(б)Б П. Пономаренко, сообщалось: «6 сентября в Минске в столовой СД... на Базарной улице произошел взрыв, убито 2 и ранено 4 офицера гестапо» [8, д. 6, л. 197].

В январе 1946 г. во время судебного процесса над нацистскими преступниками начальник управления полиции охраны правопорядка по Беларуси Э. Герф сообщил, что после взрыва он лично осмотрел место происшествия и установил, что 4 человека было убито и 4 ранено [16, л. 524–560].

В официальном спецсообщении НКГБ СССР в Государственный комитет обороны (ГКО), речь идет о четырех генералах, нескольких подполковниках, начальнике службы СД и полиции г. Минска, начальнике одного из отделов службы СД, погибших в результате взрыва, а также о более 30 тяжелораненых немецких офицерах [1, т. 3, кн. 2, с. 404].

В личном листке непосредственного исполнителя данной акции У. Н. Козловой указывается, что во время взрыва было убито и ранено свыше 80 человек [16, л. 11], что в целом совпадает с сообщением Г. Шмидта. С учетом того, что личные листки по учету партизанских кадров на членов группы К. Л. Матузова составлялись в начале 1980-х гг. сотрудниками партийного архива на основании архивных документов, воспоминаний участников и неоднократно перепроверялись, вероятно, можно говорить о достоверности указанной в них информации. Ведь речь шла о признании подпольной группы и подтверждении деятельности каждого из ее членов.

Принято считать, что К. Гурьева и У. Козлова заложили мину под кадку с пальмой. Вместе с тем в воспоминаниях К. Л. Матузова, которые, по сути, являются отчетом о деятельности группы, эта история выглядит несколько иначе. Он пишет о том, что в феврале 1943 г. встал вопрос о переправке К. Гурьевой, опасавшейся ареста, в партизанский отряд. Чтобы связь с офицерской столовой не была потеряна, она познакомила Матузова с У. Козловой. Однако пока явной угрозы раскрытия не было, Гурьева продолжала работать. Когда же в июне 1943 г. она попала в списки направляемых в Германию, ей пришлось уйти в партизанский отряд Градова. Таким образом, как пишет Матузов, «намеченную диверсию в столовой СД пришлось осуществлять через Козлову» [Там же, л. 40].

Вероятно, можно говорить о том, что женщины вместе осуществили данную операцию, так как мины и тол из отряда Градова в Минск доставила Гурьева. Но в таком случае следует считать участником операции и Дарью Одинцову, на квартире которой все это несколько дней хранилось, а также К. Л. Матузова, обучавшего Козлову обращаться с минами и взрывчаткой. Тол Козлова забрала к себе домой за два дня до операции и частями переносила в столовую, а мины ей передала Одинцова, утром 6 сентября. Далее К. Л. Матузов утверждает, что мины и взрывчатка были заложены У. Козловой в печь. Ни о какой кадке с пальмой речь не идет, да и под силу ли было девушке поднять ее, если она действовала в одиночку? Сведения, предоставленные Матузовым, подтверждены членами его группы Д. Н. Одинцовой и Б. А. Касперович [16, л. 11, 42–43, 45].

Следует отметить, что на протяжении лета и сентября 1943 г. на В. Кубе было совершено несколько неудачных покушений. На него устраивались засады, планировалось раздавить грузовиком в его собственной машине, взорвать в кинотеатре, отравить, напасть публично и уничтожить на глазах минчан. Однако В. Кубе, опасаясь за свою жизнь, принимал серьезные меры предосторожности. В частности, практиковались секретность поездок, частая смена маршрутов, автомобилей и их номеров, усиленная охрана. Все эти меры не давали возможности реализовать планы по его уничтожению.

Только отрядом С. Ваупшасова, помимо уже упоминавшихся, было осуществлено множество мероприятий, направленных на уничтожение В. Кубе. Так, в результате взрыва на вокзале погибло несколько немецких офицеров, однако гауляйтера среди них не оказалось. Мина, заложённая в его машину, взорвалась до того, как Кубе сел в нее. Мина на дороге также не дала результата, так как гауляйтер, не доехав до нее трех километров, вернулся. В отчаянии партизаны предпринимали самые дерзкие попытки его ликвидации. Боец отряда Евгений пришел прямо в генкомиссариат и потребовал пропустить его по важному делу. Ему удалось проникнуть внутрь и добраться до дверей Кубе, однако он был остановлен охраной. На приказ сдать оружие открыл стрельбу, убил двух офицеров и застрелился сам [14, с. 405–406].

Реализовать план по ликвидации гауляйтера удалось лишь 22 сентября 1943 г. Елене Мазаник, работавшей горничной в квартире Кубе.

Необходимо отметить, что за проведение этой операции отчитались несколько партизанских формирований, спецгрупп и отрядов органов государственной безопасности, других ведомств. Такая ситуация сложилась не из-за попыток командиров присвоить чужие заслуги, а в силу большого количества лиц, задействованных в подготовке покушения, множества планов его реализации, стремления каждого отряда добиться результата, как можно скорее доложить о выполнении командованию и, как следствие, доведение до него непроверенной информации и т.п. Поэтому, когда прозвучал взрыв, каждый, вполне справедливо, решил, что это его заслуга, именно его план сработал, и доложил об этом руководству.

Например, командир оперативной группы «Мстители» НКГБ БССР подполковник государственной безопасности С. В. Юрин доложил в Центр о том, что Е. Мазаник действовала по заданию агента «Артура», которым являлся адъютант В. Кубе Карл Вильденштейн. Исследователь В. Надтачаев указывает на фантастичность данного заявления, высказывает сомнения в том, профессионал доверился малоизвестной женщине, и выдвигает версию о дезинформации С. В. Юрина немецкими спецслужбами [19].

Отдельные исследователи не считают эту версию такой уж фантастичной и, ссылаясь на показания Е. Мазаник, указывают на К. Вильденштейна, как на одного из тех, кто склонял ее к убийству В. Кубе [11, с. 141]. Как бы там ни было, эта история дорого обошлась С. Юрину. В декабре 1943 г. он был арестован, а 8 марта 1944 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей (реабилитирован в 1955 г.).

Еще одним фактором, способствующим искажению результатов операции по уничтожению В. Кубе, стало отсутствие четкого взаимодействия между всеми задействованными в ней группами и лицами. Это, безусловно, объясняется мерами конспирации, но такая ситуация, во-первых, привела к необходимости последующего тщательного и кропотливого разбирательства с целью установления истинных исполнителей данного акта, во-вторых, создала определенные трудности на этапе его подготовки, выразившиеся в том, что не только разные группы, но и ведомства мешали друг другу, что могло привести к срыву операции.

Так, С. И. Казанцев в сообщении в ЦШПД от 13 сентября 1943 г. указывал: «Карпов Володя, работающий в группе Петрова по заданию т. Цанавы, пытается связаться с моим агентом “Максимом”, через которого идет работа по “Кабану” [В. Кубе]. Может провалить дело. Прошу запретить ему это делать» [8, д. 6, л. 148].

Наиболее ясная картина подготовки и осуществления операции по ликвидации гауляйтера вырисовывается из доклада в ГКО, подготовленного совместно НКГБ, разведуправлением Генштаба Красной армии и ЦШПД, в котором прямо указывается, что «имея доступ в дом Кубе, Мазаник, естественно, привлекла к себе внимание со стороны различных оперативных групп, имевших задание вести работу по ликвидации Кубе. Первой связалась с ней резидент оперативной группы НКГБ под руководством майора государственной безопасности т. Золотаря “Канская” [Надежда Троян]» [1, т. 4, кн. 2, с. 475–476].

В ходе встреч Елена согласилась совершить убийство Кубе (предполагалось заложить мину или воспользоваться ядом), а в качестве условий поставила, во-первых, эвакуацию из Минска своей семьи (сестры и ее родственников), во-вторых, личную встречу с руководителем Н. Троян И. Ф. Золотарём. Однако невозможность встречи привела к тому, что Елена Мазаник, хотя и продолжила встречи с Надеждой Троян, тем не менее, перестала ей доверять и 16 сентября заявила о невозможности совершить уничтожение Кубе по объективным причинам [20, с. 157].

Как далее следует из отчета, помимо Н. Троян, задание по ликвидации Кубе имел другой резидент той же группы НКГБ И. Ф. Золотаря «Сирена» (Галина Финская. – *Н. Ш.*). Она поставила задачу ликвидировать Кубе перед своим агентом «Цапля» (Мария Осипова – *Н. Ш.*). Однако вследствие блокады группы Золотаря, связь с «Цаплей» была потеряна.

Одновременно М. Осипова являлась агентом оперативной группы разведуправления Генштаба «Дима» под псевдонимом «Черная». В июне 1943 г. заместитель командира группы майор Н. П. Федоров, обсудив с ней план мероприятий, направленных на уничтожение гауляйтера, запретил Осиповой связываться с другими оперативными группами [1, т. 4, кн. 2, с. 476].

По мнению некоторых авторов, Е. Мазаник привлекла к участию в операции М. Осипову [21, с. 280]. Тем не менее большинство исследователей, опираясь на документы и воспоминания участников событий, утверждают, что именно Осипова привлекла и даже заставила Мазаник согласиться подложить мину в постель гауляйтера. Автор данного исследования также придерживается этого мнения, тем более, что оно подтверждается вышеупомянутым отчетом в ГКО.

Подготовку к ликвидации В. Кубе осуществляла также спецгруппа НКГБ «Юрий» под руководством подполковника госбезопасности Э. С. Куцина (в архивных документах «Куцын». – *Н. Ш.*). В августе 1943 г. с заданием по уничтожению гауляйтера в спецгруппу прибыли Николай Хохлов (Волин), под видом немецкого офицера с соответствующими документами прикрытия, и уже упоминавшийся К. Кляйнюнг. Н. Хохлов дважды встретился с Е. Мазаник и попытался склонить ее к сотрудничеству. Однако она, заподозрив его в провокации, не согласилась сотрудничать [5, с. 166–168; 11, с. 142].

Как известно, Е. Мазаник, после того как ей была организована встреча с Н. П. Федоровым и гарантирована эвакуация семьи, приняла решение действовать через агента оперативной группы разведуправления Генштаба «Дима» М. Осипову («Черную») и свою сестру Валентину Шуцкую, являвшуюся связной той же группы под псевдонимом «Оля».

Ликвидация Кубе воспринимается неоднозначно как историками, так и обществом. В связи с тем, что последствием этой операции явилось уничтожение гитлеровцами нескольких тысяч мирных жителей г. Минска, некоторые исследователи оценивают ее отрицательно [22, с. 269]. Однако большинство авторов придерживается того мнения, что в условиях, когда речь шла об уничтожении фашистами целых народов, ликвидация Кубе была правомерным ответом на его злодеяния. Учитывая то, что после его смерти и на фронтах, и в немецком тылу наблюдалась определенная деморализация личного состава, вероятно, можно говорить о положительном эффекте данного мероприятия.

Таким образом, факты свидетельствуют, что органы государственной безопасности, наряду с другими ведомствами, вели серьезную работу по подготовке ликвидации В. Кубе и сыграли значительную роль в осуществлении покушений на гауляйтера.

ЛИТЕРАТУРА

1. Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны. Сб. док. : в 8 т. – М. : Книга и бизнес, 1995–. – Т. 3, кн. 2 : От обороны к наступлению (1 июля – 31 декабря 1942 г.). – М. : Русь, 2003. – 712 с. ; Т. 4, кн. 2 : Великий перелом (1 июля – 31 декабря 1943 г.). – М. : Русь, 2008. – 809 с.
2. *Иоффе, Э. Г.* 800 дней воли и борьбы [Электронный ресурс] / Э. Г. Иоффе // Беларусь сегодня. – 2003. – 21 окт. – Режим доступа : <http://www./strana/article/800-dney-voli-i-borby.html>. – Дата доступа : 01.02.2016.
3. *Соколов, Б. В.* Фронт за линией фронта: партизанская война 1939–1945 гг. / Б. В. Соколов. – Москва : Вече, 2008. – 426 с.
4. *Туронак, Ю.* Мадэрная гісторыя Беларусі / Ю. Туронак. – Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2006. – 877 с.
5. *Борисов, И. С.* «Сатурн» на ладони: О разведке и разведчиках / И. С. Борисов. – Минск : Беларусь, 1994. – 270 с.
6. Борисов, И. Человек из легенды : док. повесть / И. Борисов. – Минск : Маст. літ., 1991. – 335 с.
7. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. – Минск : Беларусь, 1984. – Т. 2. – 551 с.
8. Национальный Архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 1450. – Оп. 11а.
9. *Попов, А. Ю.* Спецназ НВКД в тылу врага : Диверсанты Сталина / А. Ю. Попов. – М. : Эксмо ; Яуза, 2013. – 480 с.
10. *Кузнецов, Н. В.* Тайный фронт (Разведка и контрразведка в действии) / Н. В. Кузнецов. – Минск : Право и экономика, 2010. – 552 с.
11. *Судленков, И. А.* Солдаты Победы / И. А. Судленков, Н. И. Смирнов. – Минск : Белпринт, 2015. – 208 с.
12. *Доморад, К. И.* Разведка и контрразведка в партизанском движении Белоруссии. 1941–1944 гг. / К. И. Доморад ; под ред. И. М. Игнатенко. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 256 с.
13. *Сенюков, Г.* Охота на «Кабана» / Г. Сенюков // Вечерний Минск. – 2005. – 31 авг.
14. Чекисты : сб. / сост. А. Н. Николаев. – М. : Мол. гвардия, 1987. – 413 с.
15. *Валахановіч, А.* Забойства Вільгельма Кубе / А. Валахановіч // Новы час. – 2011. – 11 ліст.
16. НАРБ. – Фонд 4п. – Оп. 29. – Д. 112.
17. *Надтачаев, В.* Погоня за гауляйтером [Электронный ресурс] / В. Надтачаев // Белорус. военная газета. – 2011. – 2 нояб.– Режим доступа : <http://vsr.mil.by/2011/11/02/pogonyu-za-gaulyajterom/>. – Дата доступа : 01.02.2016.
18. НАРБ. – Фонд 1346. – Оп. 1. – Д. 237.
19. *Надтачаев, В.* Погоня за гауляйтером [Электронный ресурс] / В. Надтачаев // Белорус. военная газета. – 2011. – 10 нояб. – Режим доступа : <http://vsr.mil.by/2011/11/10/pogonyu-za-gauplyajterom/>. – Дата доступа : 01.02.2016.

20. *Селеменев, В.* Охота на палача / В. Селеменев, В. Шимолин. – Минск : Лит. и искусство, 2007. – 287 с.
21. *Зевелев, А. И.* Ненависть, спрессованная в тол / А. И. Зевелев, Ф. Л. Курлат, А. С. Казицкий. – М. : Мысль, 1991. – 336 с.
22. *Боярский, В. И.* Партизаны и армия. История упущенных возможностей / В. И. Боярский. – Минск ; М. : Харвест ; АСТ, 2001. – 304 с.

Н. Б. Щавлинский

ГЕРОИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ 62-го ГВАРДЕЙСКОГО АВИАПОЛКА ГРАЖДАНСКОГО ВОЗДУШНОГО ФЛОТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Успешное развитие гражданской авиации Беларуси было прервано вероломным нападением 22 июня 1941 г. фашистской Германии на Советский Союз. Вместе со всем советским народом на защиту Родины встали и летчики Гражданского воздушного флота (ГВФ).

Уже 23 июня 1941 г. из подразделений ГВФ были сформированы авиагруппы особого назначения: Северная, Прибалтийская, Киевская, Юго-Западная, Московская, в том числе и Белорусская. Согласно приказу Наркомата обороны личный состав, зачисленный в особые авиагруппы ГВФ, считался призванным в ряды Красной армии [1, с. 103].

Немало славных страниц белорусские авиаторы вписали в героическую оборону Москвы, освобождение Беларуси и Прибалтийских республик от немецко-фашистских захватчиков.

Большой вклад в освобождение Беларуси и победу над гитлеровской Германией внес и личный состав 62-го гвардейского авиаполка ГВФ, в котором было много воспитанников довоенной Белорусской авиагруппы.

Начало фронтовой биографии полка относится к осени 1941 г., когда 24 ноября из некоторых подразделений гражданской авиации Беларуси и Пензенского учебного подразделения была сформирована 13-я особая авиагруппа ГВФ, преобразованная затем в 6-й отдельный авиаполк ГВФ. В феврале 1943 г. приказом народного комиссара обороны авиаполку было присвоено гвардейское звание. Он стал именоваться «62-й отдельный гвардейский авиаполк ГВФ». Командиром полка был назначен В. М. Трутаев, начальником политотдела – А. Д. Лаухин.

С первых дней образования авиаполка летчики выполняли самую разнообразную работу (налаживали связь между воинскими частями, эвакуировали раненных, доставляли в полевые госпитали консервированную кровь и медикаменты, наносили по противнику бомбовые удары). Только за период с 22 июня 1941 г. по 22 июня 1942 г. личным составом авиаполка было перевезено 18 530 пассажиров, 10 350 больных и раненных, 45 т почты, 273 т груза, 35 т боеприпасов. Фронтовым медицинским учреждениям было доставлена 41 т консервированной крови, 21 т медикаментов и другого медицинского груза. На территории противника разбросано 16 млн листовок [2, с. 52].

С 1942 г. экипажи авиаполка выполняли полеты к партизанам. Первыми проложили путь к народным мстителям бывшие пилоты Белорусской авиагруппы В. А. Ярошевич и С. М. Платонов. Вслед за ними в район расположения партизан было послано звено самолетов для постоянного базирования (командир – А. С. Вавилов, пилоты – Б. А. Лахтин и Габриельчик). Авиаторы совместно с партизанами подобрали и подготовили посадочные площадки, на которые каждую ночь с Большой земли прилетали самолеты.

На одном из таких аэродромов располагалось звено самолетов ПО-2, которое возглавлял уже опытный и смелый летчик Б. А. Лахтин. Пилоты этого звена, живя в лесу, не только следили за состоянием посадочных площадок, но и поддерживали связь между партизанскими отрядами и по заданию штаба бомбили вражеские гарнизоны. Народные мстители души не чаяли в летчиках авиазвена, видели в них своих лучших друзей и первых помощников.

Однажды декабрьской ночью 1942 г. на партизанский аэродром совершил посадку самолет Ли-2, в котором прибыл начальник Политического управления ГВФ – полковник А. Ф. Журавлев. Он прилетел, чтобы вручить партийные билеты новым членам партии (в их числе молодому командиру авиационного звена, но опытному летчику Б. А. Лахтину, впоследствии получившему за боевые подвиги высокое звание Героя Советского Союза) и познакомиться с политической жизнью и бытовыми условиями авиаторов полка.

В августе 1942 г. командование Брянского фронта поручило авиаполку чрезвычайно важное задание. Надо было срочно вывезти из оккупированных врагом районов Гомельской, Орловской и Курской областей восемнадцать командиров сводных партизанских отрядов в Москву на прием в ЦК ВКП(б). Для этого было выделено несколько самолетов По-2. Сперва командиров доставили на аэродром, расположенный вблизи фронта, а оттуда – на самолете Ли-2 в Москву. В числе командиров был дважды Герой Советского Союза С. А. Ковпак, который в июле адресовал к командованию авиаполка такой призыв:

«Дорогие товарищи летчики!

К вам обращаются бойцы и командиры Путивльского объединенного партизанского отряда УССР.

Наш отряд в глубоком вражеском тылу нанес врагу немалый ущерб. Уничтожено свыше 4 000 солдат и офицеров, 13 танков, шесть эшелонов, 60 мостов, из них 11 железнодорожных.

Последние бои мы вели исключительно боеприпасами мадьяр. Сейчас мы вынуждены бездействовать из-за отсутствия патронов. Минометы не поддерживают дерзких налетов нашей пехоты, поезда нечем взрывать. Мы воюем не в лесах, а в степи, а против танков у нас нет бронебойных ружей.

Мы задумали ряд операций, в которых дадим врагу почувствовать силу партизанского оружия. Весь наш личный состав рвется из Брянских лесов на просторы Украины...

Дорогие друзья! Если вы не хотите, чтобы по важнейшим магистралям Украины шел непрерывный поток хлеба нашему врагу, чтобы по ней возил он танки и своих солдат на фронт, помогите нам оседлать эту магистраль еще крепче, чем это сделали мы в прошлом.

В каждом пущенном под откос поезде, сожженном элеваторе, уничтоженном батальоне будет и ваша работа, если вы немедленно, не позже 26 августа, перебросите пятнадцать-двадцать тонн необходимого нам груза. Крепко надеемся на вас, друзья, наши соколы!» [3, с. 159].

Письмо Ковпака было зачитано всему личному составу полка, и вскоре отважные экипажи повели тяжело нагруженные боеприпасами машины к украинским партизанам. При этом большое мужество проявили летчики Е. А. Лахтин, Н. С. Репин, А. И. Волков, Н. С. Сельдемиров и другие.

В начале сентября 1942 г. в ЦК ВКП(б) состоялось совещание, на котором было принято решение вывести два крупнейших соединения – С. А. Ковпака и А. Н. Сабурова – на побережье Украины. И вновь перед полком была поставлена ответственная задача: в течение 20 дней перебросить партизанам 400 тонн боеприпасов и вооружения. Это задание было выполнено досрочно – за 15 дней. За такую активную помощь народным мстителям авиаполку первому из фронтовых частей ГВФ присвоили гвардейское звание, и он стал именоваться «62-й отдельный гвардейский авиаполк ГВФ».

Летом 1943 г. летчики 62-го гвардейского авиаполка принимали участие в разрушении железнодорожных коммуникаций, или в так называемой *рельсовой войне*. Подвергая бомбардировке мосты, железнодорожные пути, дороги, они тем самым срывали поставки силы и техники врагу. Кроме того, для успешного ведения рельсовой войны авиаторы доставляли партизанам взрывчатку. Всего за период с 16 июня по 5 августа 1943 г. с помощью авиации народным мстителям было сброшено 144 т боевых грузов. В основном экипажи авиаполка доставляли взрывчатку в партизанские соединения И. Д. Ветрова, Н. Н. Розова и В. З. Коржа. Во время этих полетов в тыл врага наиболее ярко себя проявили Герой Советского Союза Б. А. Лахтин, В. А. Ярошевич, В. Г. Горохов, А. И. Колесов, П. П. Тращенко, Н. П. Локтев. Сотни боевых вылетов совершили А. И. Грызлов, А. В. Неклюдов, С. В. Юрков, А. Н. Сушков, С. К. Ионов, В. С. Лобов, А. К. Емельянов [2, с. 54].

Командиры белорусских и брянских партизан высоко оценивали помощь авиаторов. Начальник штаба брянских партизан А. П. Горшков 5 июля 1943 г. в письме начальнику ГУГВФ генералу Ф. А. Астахову сообщал: «Выражаем Вам и летчикам 62-го гвардейского полка нашу искреннюю признательность за их героическую и самоотверженную работу по оказанию помощи партизанским отрядам Брянских лесов. В самые трудные дни нам на помощь прилетали ваши славные летчики. Кто не испытал сам, тому трудно представить героизм и отвагу таких прославленных пилотов, как Лахтин Борис, Репин Николай, Волков Алексей, Сельдимиров Николай и другие. Площадок нет, связи нет. Эти герои вылетают в свободный полет, летают над лесом, голосами, устанавливают связь с нами и сбрасывают нам боеприпасы» [1, с. 126].

По признанию начальника Белорусского штаба партизанского движения П. З. Калинина, успехи боевых действий партизан в значительной степени зависели от того, насколько своевременно авиация обеспечивала их боеприпасами [3, с. 161]. А вот мнение командира партизанского соединения, бывшего секретаря Полесского обкома КП(б) Беларуси И. Д. Ветрова: «Немало уже сказано в литературе и печати о советских патриотах, которые, в годы Великой Отечественной войны помогали нашим партизанам, героической армии народных мстителей. Но еще мало написано о бесстрашных летчиках гражданской авиации, этих неутомимых тружениках военного неба, снабжавшим партизанские части всем, что только было им необходимо, чтобы успешно громить немецких оккупантов – оружием, взрывчаткой, продовольствием, одеждой, газетами, типографскими шрифтами и даже типографиями. А сколько они забросили в тыл противника партийных работников, организаторов партизанского движения, сколько спасли раненных и больных, своевременно доставив их на Большую землю!» [4, с. 2]. В 1944 г., когда началось освобождение Белоруссии, партизаны Полесья вели с отступающими оккупантами бои. И чем активнее, тем больше, естественно, требовалось партизанам боеприпасов и медикаментов. Испытывая в этом нужду, командование Полесского партизанского соединения обратилось в Москву за помощью, и в ту же ночь встречали самолеты 62-го гвардейского авиаполка ГВФ с необходимым грузом. Немцы, стянув крупные силы, хотели одним ударом покончить с партизанами, но те встретили врага решительным отпором.

Народные мстители разгромили в том сражении окружавшие их немецкие карательные подразделения, уничтожив более сотни фашистских солдат и офицеров. После боя партизаны отмечали, «что летчики незримо сражались в их рядах и по достоинству делят с ними лавры победы над врагом» [Там же].

Не менее важные задачи решали летчики-связисты 62-го гвардейского авиаполка ГВФ. Их вылет на связь, или санитарное задание всегда сопровождалось риском. В зоне прифронтовой полосы за «кукурузниками» (так называли самолет По-2) охотились матерые фашистские стервятники. И летчики, управляющие невооруженными самолетами, должны были обладать исключительным мужеством, выдержкой и отвагой. Например, пилот Н. И. Ковальчук, доставляя в расположение части срочный пакет, из-за утечки масла из двигателя самолета совершил посадку в открытом поле. Обнаружив неподалеку подбитый танк, авиатор, слил с него масло, дозаправил им самолет и снова поднял стальную птицу в воздух. Еще один пример. Пилот В. Г. Горохов во время Сталинградской битвы получил от командования фронта приказ о срочной доставке пакета в Поворино. Во время полета не было ни одного светового ориентира. Но летчику было известно, что в Поворино от непрерывных бомбардировок горел элеватор и дым распространялся на десятки километров. И эта деталь не ускользнула от внимания пилота. Виктор Григорьевич повел самолет по запаху дыма

и успешно добрался до заданной цели. Командование управления воздушных сообщений фронта за неоднократное выполнение сложных заданий присвоило В. Г. Горохову звание «Почетный железнодорожник». Однополчане в шутку говорили, что награду авиатор получил за разработку аэронавигации «по запаху» [5, с. 34].

Тепло отзывался о гвардейцах-однополчанах бывший заместитель командира авиаполка А. Е. Неклюдов. В частности, он рассказывал, что летом 1942 г. группа в составе пилотов А. Вавилова, Н. Дединца, Л. Виноградова под руководством Ф. Громова приступила к разведке переднего края противника. Вылетевшие на задание два первых самолета не вернулись. Следующим на выполнение боевой задачи отправился Ф. Громов. Успешно выполнив задание, пилот взял курс обратно. И когда до расположения штаба фронта оставалось чуть больше десяти минут полета, самолет Ф. Громова подвергся нападению истребителей противника. Летчик, умело маневрируя, смог посадить машину, но повторная атака истребителей вывела из строя самолет, сам пилот остался каким-то чудом жив. Пока авиатор приходил в себя, самолет обступили раненные советские бойцы. Они пешком двигались в сторону ближайшего госпиталя и настойчиво упрашивали пилота доставить их туда на самолете.

«У меня, – вспоминал Федор Иванович, – еще не созрела мысль как это сделать, а бойцы буквально “атаковали” самолет. Его крылья, фюзеляж, хвостовое оперение, кабина, – словом, все, что могло удержать человека, – было занято ранеными. Заработал мотор, и необычный, даже для фронтовой обстановки транспорт с небольшой скоростью двинулся по шоссе к ближайшему городу. Через час-полтора пятнадцать бойцов были доставлены в госпиталь, а разведанные – в штаб фронта». За успешное выполнение боевого задания Ф. И. Громов был награжден орденом Красной Звезды [Там же, с. 35].

О боевой деятельности «связистов» полка свидетельствует отзыв командования 16-й воздушной армии, в котором сказано, что эскадрилья связи (командир – Н. Ф. Дудинец) за 1944 г. проделала большую боевую работу по осуществлению связи между частями и соединениями воздушной армии.

Несмотря на сложные метеоусловия, обусловленные лесисто-болотистой местностью Беларуси и восточных районов Польши, а также трудность полетов в прифронтовой полосе, все задания 16-й воздушной армии выполнены отлично.

Только в результате мастерства летного состава и образцовой подготовки материальной части к полетам техническим составам, эскадрилья не имела боевых потерь, а также срывов и задержек вылетов.

Личный состав эскадрильи показал образцы организованности и смелости в работе. Наиболее ярко проявили себя при выполнении боевых заданий командиры авиазвеньев Поздняк, Мирошников, летчики Моткин, Дубатов, Вахляев, техники Саляхов, Ларькин, Поздняков, Глушко, Песенко и другие.

Мужество и отвагу проявили также при выполнении боевых заданий молодые летчики Руденко, Шлыков, Шестаков, Шелковников, техники Павлов, Безуглый и другие [2, с. 56].

За истекший 1944 г. эскадрилья в целом выполнила 3 121 оперативное задание, совершив 10 168 вылетов, налетав при этом 8 912 часов. Кроме этого, личным составом авиаэскадрильи было перевезено 5 721 офицеров и солдат, 95 965 кг воинского груза, подобрано 16 аэродромов для боевой авиации [Там же].

Таким образом, экипажи, технический состав 62-го гвардейского авиаполка внесли достойный вклад в освобождение Беларуси и разгром немецко-фашистских войск.

ЛИТЕРАТУРА

1. История гражданской авиации СССР : науч.-попул. очерк / под общ. ред. Б. П. Бугаева. – М. : Воздушный транспорт, 1983. – 376 с.
2. Дегтев, В. С. Крылья Белоруссии / В. С. Дегтев. – Минск : Беларусь, 1973. – 151 с.
3. Гражданская авиация СССР 1917–1967. – М. : Транспорт, 1968. – 319 с.
4. Ветров, И. Д. Наши боевые соратники / И. Д. Ветров // Гражданская авиация. – 1968. – № 4. – С. 2–3
5. Щавлинский, Н. Б. Белорусская гражданская авиация в годы становления и в период Великой Отечественной войны / Н. Б. Щавлинский. – Минск : РИВШ, 2005. – 53 с.

А. Г. Цымбал

НАЦЫЯНАЛЬНЫЯ АДНОСІНЫ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў ДАКУМЕНТАХ ПОЛЬСКАГА ПАДПОЛЛЯ (1941–1944)

Нацыянальныя адносіны на тэрыторыі Беларусі ў гады акупацыі (1941–1944) былі вельмі складаныя. Вынікала гэта з гістарычна-культурных прычын, што спрыялі захаванню палітычных абставін і імкненняў беларускага, польскага літоўскага і ўкраінскага бакоў. Польскае падполле, якое дзейнічала на тэрыторыі Заходняй Беларусі з 1939–1940-х гг., імкнулася да рэалізацыі палітыкі эміграцыйнага ўрада ў Лондане, мэтай якой было вяртанне перадаваенага стану, а магчыма, і павелічэнне тэрыторыі на ўсходзе [1, с. 167]. Польскія фарміраванні рэгулярна адсочвалі развіццё міжнацыянальных адносін, аб чым складаліся адпаведныя рапартажы. Некаторыя з іх захаваліся ў фондзе Дэлегатуры ўрада і ўтрымліваюць цікавую інфармацыю па праблемах нацыянальных адносін у гады акупацыі на тэрыторыі Беларусі [2, арк. 64–67].

У выніку наступлення германскіх войскаў беларускія землі апынуліся ў акупацыі. Частка з іх была ўключана ў склад Генеральнай акругі «Беларусь». Нямецкія ўлады на занятых тэрыторыях не забаранялі і падтрымлівалі

стыхійнае фарміраванне лакальных улад з удзелам мясцовага польскага насельніцтва. Такім чынам, стваралася ілюзія вяртання сітуацыі да становішча да 1 верасня 1939 г.

Кадры для новаўтворанай адміністрацыі хутка папаўняліся за кошт рэпатрыянтаў, якія пачалі вяртацца ў Беларусь. Першыя месяцы германскай акупацыі вызначаліся асабліва асцярожнымі адносінамі да польскай меншасці. У сваю чаргу, польскае насельніцтва таксама было прыхільным да немцаў. Такія ўзаемаадносіны ў польскіх крыніцах абгрунтоўваюцца тым, што хуткае адступленне большавікоў выклікала супакаенне сярод палякаў, хаця на немцаў надалей глядзелі як на ворагаў. Нямецкія ўлады разумелі настроі, якія панавалі сярод мясцовага польскага насельніцтва. У асяроддзі прадстаўнікоў акупацыйных гаспадарчых улад у той час з'явіліся паняцці *востпол* і *остпол*. Сцвярджалася, што другая група палякаў больш прыдатна да суіснавання з немцамі і будзе ўспрымацца пазітыўна пры стварэнні «Новай Еўропы». Адзначалася, што адносіны сельскага насельніцтва да акупантаў у пачатку вайны не былі варожымі. Памешчыкі, якія пачалі вяртацца ў свае маёнткі, пры прыхільных адносінах немцаў набылі магчымасць рэстытуцыі ўладанняў. Яны хоць і не атрымалі правоў уласнасці, але неаднаразова выражалі пранямецкія сімпатыі [3, арк. 47].

Вырашальную ролю ў фарміраванні акупацыйнай адміністрацыі адыграла сітуацыя на франтах вайны. Ужо ў верасні і пачатку кастрычніка 1941 г. пачынаецца перыяд афіцыйнай беларусізацыі краю пад нямецкім кіраўніцтвам. Найбольшыя поспехі яна мела на тэрыторыях, дзе дамінавала праваслаўнае насельніцтва, якое яшчэ з часоў II Рэчы Паспалітай характарызавалася варожымі адносінамі да польскай дзяржаўнасці.

Падзел тэрыторыі выглядаў наступным чынам:

1) Слонімшчына, Дзятлаўшчына, Навагрудак, Нясвіж, Баранавічы, Стоўбцы, Вілейка – тэрыторыі з моцным беларускім уплывам;

2) Браслаўшчына, Паставы, Дзісеншчына, ваколіцы Ліды, Івянец і Валожын – рэгіён з найменшым беларускім уплывам.

Згодна з паведамленнямі польскага падполля, немцы на тэрыторыі Беларусі пры дапамозе невялікай групы беларусаў праводзяць у першую чаргу антыпольскую і антысавецкую палітыку. Гэтае кола, якое складаецца з польскіх, пражскіх, берлінскіх і савецкіх беларусаў, кіруе адміністрацыяй, школьніцтвам і культурным жыццём. Яны робяць толькі тое, што кажуць акупанты, але самі немцы не разглядаюць беларускі рух як істотную сілу. Група польскіх беларусаў – ідэалісты і кар'ерысты – змагаліся з русіфікацыяй і нібыта марылі аб уніі Беларусі і Польшчы або ўвогуле ўваходжанні Беларусі ў склад Польшчы. Кар'ерысты думалі толькі пра сябе. Групоўка пражскіх, берлінскіх, а разам з імі частка камуністычна настроеных польскіх беларусаў актыўна змагалася з усім польскім. Савецкія беларусы, якія працавалі ў адміністрацыі, займалі падпарадкаванае становішча і былі пасіўнымі. Адзначалася, што сярод іх было шмат палякаў. Характэрнай асаблівасцю сітуацыі з'яўлялася тое, што асобныя групы і людзі на кіруючых пасадах замагаліся адзін з адным, пісалі даносы. Насельніцтва гэтым беларускім лідарам не давярала і не разумела іх [3, арк. 58].

Цэнтрам беларускага руху сталі камітэты Беларускай народнай самапомачы (БНС). Кадры для яе рэкрутаваліся ў асноўным з былых беларускіх дзеячаў міжваеннай Польшчы, а таксама з асоб рускай нацыянальнасці і праваслаўнага духавенства, якія пачыналі запісвацца ў беларусаў і ўзмацнялі свой уплыў.

У самакіраванні ў правінцыі беларусізацыя пачынаецца з прызначэння на кіруючыя пасады беларусаў, што масава прыбывалі з Вільні, Дынабурга і з эміграцыі і прыцягвалі сваіх людзей на пасады, якія раней займалі палякі. Замяшчэнне пасадаў часам адбывалася праз канфлікты і абвінавачванні ў варожай дзейнасці, пасля чаго палякаў расстрэльвалі, як гэта было пры заняцці пасады бурмістра ў г. Нясвіж.

Галоўную ролю ў многіх мясцовасцях адыгрывала праваслаўнае духавенства і іх блізкія. Аднак немецкія ўлады занялі пазіцыю «падзяляй і ўладар», падбіваючы беларусаў і палякаў да супрацьстаяння. Становішча з восені 1941 г. да вясны 1942 г. было адносна спакойным. Беларусізацыя адміністрацыйнага апарату і школьніцтва, акрамя фарміравання паліцыі, пачынала развівацца, але адносіны з палякамі яшчэ не былі варожымі. Адбываецца рост уплыву Беларускага камітэта ў Мінску, сведчаннем чаго, паводле дакументаў польскага падполля, былі асобныя арышты памешчыкаў, якія жорстка абыходзіліся з сялянамі, адбіралі маёмасць і інвентар.

Ужо з вясны 1942 г. назіраліся істотныя змены, пачыналі з'яўляцца савецкія партызанскія фарміраванні, што аказала істотны ўплыў на мясцовае насельніцтва. Беларусізацыя акупаваных тэрыторый паглыбілася і пачала набываць выразны антыпольскі характар. Беларускія калабаранты прыкладалі шмат намаганняў да справы вывазу польскага насельніцтва на работы ў Германію. У якасці прыкладу прыводзяцца тры варыянты спіса асоб, прызначаных да вывазу ў Дзісенскім і Пастаўскім паветах, калі кожны новы спіс быў скарэктаваным папярэднім у бок змяншэння колькасці беларусаў і павелічэння колькасці палякаў.

Беларусізацыя як метады кіравання стала акцыяй, якую падтрымлівалі акупацыйныя ўлады. Яны спрабавалі гэта максімальна скарыстаць у сувязі з пагаршэннем сітуацыі на фронце, пашырэннем партызанскага руху, з'яўленнем узброеных фарміраванняў з былых ваеннапалонных, яўрэяў і інш.

У канцы чэрвеня 1942 г. выйшлі распараджэнні В. Кубэ аб уключэнні прадстаўнікоў БНС у Генеральны камісарыят у Мінску, а таксама аб стварэнні корпуса самааховы. Першае распараджэнне мела на мэце арганізацыю інстытута, які б звязваў нямецкія ўлады з БНС і беларускім самакіраваннем. Другое прадугледжвала разгортванне барацьбы з партызанскім рухам і іншымі варожымі сіламі. Па меркаванні польскіх падпольных сіл, гэтыя распараджэнні ў першую чаргу былі накіраваны супраць палякаў.

У Генеральным камісарыяце ў Мінску з'яўляліся прапановы сепарацыі польскага насельніцтва з адпаведнай адзнакай, накшталт яўрэяў. У некаторых мясцовых органах кіравання ўводзілася патрабаванне размаўляць

толькі па-беларуску, а не па-польску, што каралася штрафам у 500 рублёў, і таксама праводзіць пропаведзі і набажэнствы ў каталіцкіх касцёлах на беларускай мове. Тое ж датычылася і навучання ў школах, дзе адбылася поўная беларусізацыя.

Пад патранатам В. Кубэ пачала разгортвацца антыпольская прапаганда ў мінскім і баранавіцкім друку. У сваім атрыкуле ў «Беларускай газеце» ён падкрэсліваў, што ворагамі беларусаў з'яўляюцца партызаны, яўрэі і палякі, якія да гэтага часу не пазбавіліся сваіх мар адносна панавання і ўплыву. Часта ў канфлікце БНС і палякаў пад пакаранні траплялі асобы, якія працавалі на немцаў і да якіх нямецкія ўлады не мелі пытанняў [3, арк. 49].

У той жа час спроба стварэння аддзелаў самаабароны не прынесла чаканых вынікаў. Вярбоўка, якая набывала розныя формы, не прывабіла да іх мясцовае насельніцтва. Яны практычна не ўдзельнічалі ў баях, а да барацьбы з партызанамі былі прыцягнуты ўзмацненыя аддзелы СС, літоўскія і латышскія добраахвотнікі. Але ўжо ў 1943 г. гэтыя фарміраванні разам з беларускай паліцыяй не маглі кантраляваць сітуацыю, бо іх улада ахоплівала толькі тэрыторыю, дзе яны размяшчаліся, а бліжэйшая ваколца знаходзілася пад кантролем партызан.

У гэтых умовах арганізацыя жыцця пад нямецкім кантролем сутыкаецца са значнымі перашкодамі. У той жа час мясцовыя органы самакіравання знаходзіліся ў небяспецы ў сувязі з варажымі да іх адносінамі з боку партызан.

Разбурэнне міфа аб непераможнасці нямецкай арміі стварыла перад беларусамі новую перспектыву і прывяло да паступовага паслаблення напружанага супрацьстаяння з палякамі, згортвання супрацоўніцтва з немцамі, пошуку кантактаў з партызанамі. Адначасова адмаўляюцца ад прабеларускай дзейнасці праваслаўныя святары. У польскіх справаздачах адзначалася, што ў самім беларускіх руху пачынаў назірацца разлом і ўзмацненне антаганізму ў дачыненні да «рускасці і праваслаўя» [3, арк. 49]. У выданні «Беларускі голас» ад 22.01.1943 г. з'явіўся артыкул, перадрукаваны з берлінскай «Раніцы», у якім аўтары сцвярджалі, што беларускае грамадства прыняло ў свой склад людзей, якія толькі зараз падчас вайны запісаліся ў беларусы, а да вайны з'яўляліся ворагамі беларускага народа. Датычылася гэта духавенства, якое да 1939 г. было або «ісцінна рускім», або «палякамі праваслаўнага веравызнання», а ў 1943 г. аб'явілі сваю манаполію на беларускасць. Гэтых асоб аўтар прапаноўваў абмежаваць у грамадскім жыцці. Беларускі друк у часы акупацыі пачаў атакаваць праваслаўе, патрабуючы змены календара, і абвінавачваў рэлігію як інструмент падзелу народа і беларусаў на «заходніх» і «ўсходніх». Пры гэтым «ўсходнікі» ўяўляліся як прасякнутыя расійскай ідэяй.

У час вайны абвастрыліся і беларуска-літоўскія адносіны. У сітуацыйнай справаздачы польскага падполля з усходніх зямель за сакавік 1944 г. паведамлялася, што паміж беларусамі і літоўцамі пачаліся сутыкненні

адносна літоўскага шавінізму і імперыялізму. На практыцы гэта праяўлялася ў палітыцы літвінізацыі беларускіх ваколіц Віленшчыны. Акрамя таго, выразна прасочваліся тэндэнцыі літоўскай экспансіі ў Навагрудчыну і Гродзеншчыну з намерам атрымаць агульную мяжу Літвы з Украінай. Праяўлялі літоўцы інтарэс і да Беластока, які ў літоўскім друку называлі літоўскім горадам. Паводле польскіх дакументаў, да беларусаў літоўцы ставіліся з вялікай пагардай, як да народа, які стаяў ніжэй па ўзроўні самасвядомасці і культуры, акрамя таго, абвінавачвалі беларусаў у тым, што ў адміністрацыйнай практыцы на тэрыторыі Генеральнай акругі «Беларусь» занадта талерантна адносяцца да палякаў [4, арк. 240].

Характэрна, што польскія палітычныя сілы распрацоўвалі свае варыянты нацыянальнай палітыкі і вырашэння ўкраінскага і беларускага пытанняў у Польшчы пасля вайны. Захаваўся чарнавы варыянт дакумента аб максімальнай і рацыянальнай праграме нацыянальнай палітыкі ў двух выпадках: спрыяльнай палітычнай кан'юнктуры і неспрыяльнай. У першым выпадку праграма ўвязвалася адначасова з ажыццяўленнем аграрнай рэформы, якая павінна была адыграць ролю тактычнага сродку да мірнага суіснавання паміж «вялікай і магутнай Польшчай, вялікай Украінай і такой жа Беларуссю» [5, арк. 192–193]. Цікавымі выглядалі метады арганізацыі мірнага суіснавання. Сцвярджалася, што асіміляцыйныя падыходы страцілі сваю актуальнасць і, як паказваў гістарычны вопыт, немагчыма наладзіць жыццё пад агульным дахам. У сувязі з гэтым патрэбнасць свабоднай зямлі для сялян-палякаў прыводзіла распрацоўшчыкаў плана да неабходнасці высялення беларускага насельніцтва далей на ўсход, на тэрыторыі Савецкай Беларусі [5, арк. 192–193].

Агульны падыход польскіх улад адносна беларусаў адлюстраваны ў рашэнні Нацыянальнай рады ад 29 чэрвеня 1944 г. У ім сцвярджалася, што беларускі народ павінен зразумець, што 1) яго беларускія імкненні да незалежнасці не павінны быць накіраваны супраць Польшчы, бо не існуе магчымасці ўзнікнення беларускай дзяржавы без існавання моцнай Польшчы; 2) не будзе моцнай польскай дзяржавы без паўночна-ўсходніх ваяводстваў (Віленскае, Навагрудскае і Палескае); 3) незалежную дзяржаву неабходна будаваць не на нацыянальна змешаных тэрыторыях, а толькі на нацыянальна аднародных [6, арк. 25].

Дакументы польскага падполля прадстаўляюць цікавую гістарычную крыніцу, інфармацыйны матэрыял якой у беларускай гістарыяграфіі практычна не выкарыстаны. Яго аналіз дазваляе значна ўзбагаціць айчынную гістарычную навуку факталагічнымі ведамі наконт спецыфікі нацыянальных адносін у гады нямецкай акупацыі тэрыторыі Беларусі, а таксама раскрыць малавядомыя аспекты гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. У той жа час інфармацыя, змешчаная ў дакументах, патрабуе навуковай верыфікацыі і ўдакладнення.

ЛІТАРАТУРА

1. *Mironowicz, E. Wojna wszystkich ze wszystkimi. Białoruś 1941–1944 / E. Mironowicz.* – Kraków: Avalon, 2015. – 243 s.
2. Archiwum Akt Nowych. – Delegatura Rządu na Kraj. – Syg. 202/III/134.
3. Archiwum Akt Nowych. – Delegatura Rządu na Kraj. – Syg. 202/III/203.
4. Archiwum Akt Nowych. – Delegatura Rządu na Kraj. – Syg. 202/III/107.
5. Archiwum Akt Nowych. – Delegatura Rządu na Kraj. – Syg. 202/II/51.
6. Archiwum Akt Nowych. – Delegatura Rządu na Kraj. – Syg. 202/XVI-1.

Д. И. Киенко

ДЕЙСТВИЯ ПАРТИЗАН ПРОТИВ АВИАЦИИ ПРОТИВНИКА (по материалам боевых донесений и шифротелеграмм БШПД, 1942–1944)

Основным источником для изучения вопроса являются документы, хранящиеся в описи 23 «Входящие и исходящие шифротелеграммы за 1942–44 г.» и описи 11а «Дела постоянного хранения» фонда 1450 «Белорусский штаб партизанского движения (БШПД)» НАРБ. В них находятся материалы, отражающие оперативную обстановку, события, имевшие место в партизанских отрядах, соединениях и регионах их дислокации, информация о которых передавалась в штаб. Среди представленной оперативной переписки со штабом в Москве можно выявить сведения о сбитых или упавших на контролируемой партизанами территории немецких самолетах. О каждом случае падения самолета противника партизаны старались доложить вышестоящему руководству, тем самым показывая свою активность.

Степень достоверности документов различна. Особенно это касается проведенных военных операций и потерь противника. Однако в отражении вопроса, связанного с падениями и посадками самолетов Люфтваффе, а также пленениями выживших летчиков, они представляются весьма достоверным. Факт падения самолета или его обнаружение на месте вынужденной посадки одновременно удостоверяли несколько человек, а в поимке и пленении выживших летчиков могли участвовать до нескольких десятков партизан. Такая информация становилась широко известна среди партизан, а для вышестоящего командования она являлась показателем активности партизанского движения. Падение немецкого самолета в партизанских зонах было важным событием, в том числе и в аспекте пропаганды. В своей совокупности вышеприведенные факторы были весомым аргументом для немедленного сообщения о событии шифротелеграммой в БШПД. По этой причине изучение материалов указанной описи является эффективным способом выявления первичных сведений, связанных с исследуемой темой. В делах отрядов и бригад эта информация представлена более развернуто, поэтому их изучение можно проводить на втором этапе исследования. Входящие и исходящие шифротелеграммы в своей

совокупности при их анализе дают возможность охватить изучаемую проблему в целом, выявить исходные факты для их дальнейшего, более детального анализа.

Не менее 70 % дел после их составления не читались, только отдельные из них просматривали один или максимум два исследователя.

Следует отметить существенную разницу полноты содержания шифротелеграмм. Так, часто, информация передавалась достаточно развернуто, например, в сообщении от соединения Васильева: «13 октября 1943 г. партизанами был подбит Ju 88, который совершил вынужденную посадку в районе д. Пласток – Наугольное (10 км вост. Любани). Горящий мотор самолета потушен партизанами, экипаж в составе 4 человек пленен, изъяты документы, карты, ключи, коды. При осмотре самолета все оборудование кроме одного мотора оказались исправными» [1, оп. 11а, д. 34, л. 155]. По этим сведениям вполне возможно установить имена немецкого экипажа, сопоставив дату и тип самолета с немецкими данными о потерях.

Однако встречаются сообщения с более абстрактным содержанием. Например: «7 октября 1943 г. у д. Чирковичи (в настоящее время это западный пригород Светлогорска) был сбит немецкий корректировщик, экипаж уничтожен» [Там же, оп. 11а, д. 34, л. 266]. В сообщении отсутствует прямое указание на тип немецкого самолета. Из имевшихся на вооружении разведчиков-корректировщиков можно предположить, что был сбит Fw 189 или Hs 126. Однако из-за отсутствия дополнительных данных, описывающих признаки сбитого самолета, эта информация требует более детального изучения. К термину «корректировщик» нужно относиться критически. Сбитым мог оказаться в том числе и трофейный По-2, широко использовавшийся в борьбе с партизанами, и учебно-тренировочный Go 145. Случаи идентификации немецких самолетов как «корректировщик» встречаются довольно часто, аналогичная ситуация была и в отряде Смертина: «14 октября 1943 г. в районе Осов (40 км с-в Калинковичей) сбит корректировщик. Взято два пулемета и топографические карты» [Там же, оп. 11а, д. 34, л. 257]. С большой долей вероятности термин «корректировщик» употреблялся партизанами в отношении немецких двухместных самолетов различных типов, которые вели разведку, но не атаковали партизан.

Незнание партизанами типов немецких самолетов заставляло их ограничиваться в сообщениях словом «самолет», «двухмоторный самолет», «фокке-вульф», «корректировщик». Точная идентификация типов упавших самолетов противника встречается довольно редко, не более чем в 10 % выявленных сообщений.

Еще одним аспектом изучения вопроса является локализация места события. Все шифротелеграммы подписаны именами командиров, начштабами отрядов или соединений, но в подавляющем большинстве случаев из их содержания невозможно установить название отряда и зону его пребывания на момент отправки сообщения. Для локализации места события необходимо прибегнуть к справочной информации, такой как «Партизанские формирования Белоруссии в годы ВОВ», и, сопоставив фамилию командира отряда, составившего шифровку, обнаружить искомое [2].

В течение 1942–1943 гг. сведения от партизан поступали в БШПД со значительной временной задержкой. Например, 9 декабря 1942 г. в районе расположения бригады «За Советскую Белоруссию» совершил вынужденную посадку двухмоторный немецкий самолет. Группа бойцов 2-го и 3-го отрядов атаковала ружейно-пулеметным огнем находившихся у самолета немецких летчиков, заставив их скрыться. Партизанами с самолета сняты два пулемета, один автомат, ракетница с ракетами, четыре парашюта и другое снаряжение. Летчики противника отступали в сторону немецкого гарнизона в д. Зароново, партизаны в составе Н. Орловского и двух бойцов подрывной группы Иванишкина настигли их вблизи деревни и убили троих, одному удалось скрыться [1, оп. 11а, д. 28, с. 29]. Информация об этом было передана в Москву лишь в конце декабря 1942 г. Задержки были вызваны объективными причинами, связанными с трудностями обеспечения надежной связи со штабом ввиду проблем с радиостанциями и их недостаточного количества. Стоит отметить, что во второй половине 1943 г. и особенно в 1944 г. сообщения передавались более оперативно.

Все случаи, связанные с немецкой авиацией, которые были отражены в документах, в целом можно условно разделить на вынужденные посадки, обстрел партизанами самолетов с земли с последующим их падением и наблюдение за воздушным боем с поиском упавших самолетов и летчиков.

Основной причиной вынужденных посадок самолетов противника был ружейно-пулеметный огонь со стороны партизан по низколетящим самолетам.

Так например, 8 мая 1943 г. немцы бомбили партизанский аэродром Селявщина (Рассонский район, Витебская область). Партизаны Охотина ответным огнем повредили самолет, отмеченный в документах как «ФВ», упавший в районе отряда Марченко. В р. Дриссе были найдены выброшенные немцами из самолета два пулемета и один фотоаппарат. Два неисправных мотора партизаны закопали в землю, забрав с собой один парашют, 2 000 патронов и карту с районом дислокации отряда Мельникова [Там же, оп. 11а, д. 35, л. 261, 265]. Два немецких летчика, пытавшиеся скрыться с места посадки, были взяты в плен. Учитывая добытые там партизанами трофеи, можно сделать вывод, что был сбит самолет Fw 189.

16 февраля 1944 г. около д. Мукошин совершил вынужденную посадку немецкий самолет, который в документах указан как ДФ-138. Вооружение, аппаратура и моторы были сняты партизанами. Самых летчиков в самолете не обнаружили, а их поиски результатов не дали [Там же, оп. 23, д. 57, л. 485]. В этом случае, вероятно, была совершена посадка Fw 189.

Довольно редкими были случаи, когда партизанам удавалось взять в плен представителей фронтовой бомбардировочной авиации. В ночь на 12 мая 1944 г. партизаны 8 бригады поймали двух летчиков, которые покинули с парашютами аварийный самолет, возвращавшийся с бомбежки курсом на запад. Командиры отряда не знали, что с ними делать, они запрашивали БШПД, какие меры предпринять [1, оп. 23, д. 57, л. 457].

Очередной случай попытки пленения летчиков противника произошел ночью 18 июня, когда двухмоторный немецкий самолет произвел вынужденную посадку на занимаемой партизанами территории. Чтобы спасти экипаж прилетели два легких немецких самолета, которые партизаны опознали как «Стрекоза» [1, оп. 23, д. 57, л. 476] По всей вероятности, в спасении немецкого экипажа участвовали Fi156. Партизаны обнаружили два пулемета и два автомата, летчикам противника удалось скрыться. Вышеописанное показывает, что при вынужденной посадке у немецких летчиков были хорошие шансы спастись, если они немедленно покидали место аварии. Имея карту и навыки ориентирования, они выходили к немецким частям.

Наибольшие потери противник нес в результате активного сопротивления партизан при бомбардировках их баз и деревень.

Во время бомбардировки немецкой авиацией деревень Смолевичского района 11 сентября 1943 г. ружейным огнем партизан отряда «Смерть фашизму» был сбит немецкий самолет, экипаж которого погиб [Там же, оп. 11а, д. 34, т. 1, л. 38].

Встречаются и более загадочные сообщения, в которых факт подбития самолета не вызывает сомнения, однако его тип остается неизвестным. Так, шифровка от 7 июля 1944 г. сообщает: «Вел бои с отходящим противником в районе Вилейка – Нароч – Куринец». Среди прочего в документе отмечено: «сбит самолет Фокке-вульф-19 летчик захвачен в плен» [Там же, оп. 23, д. 139, л. 143]. Неоднозначное упоминание типа самолета и отсутствие иных сведений позволяют предполагать, что это мог быть как Fw 190, так и Fw 189.

Жертвами огня партизан были и транспортные самолеты Ju 52. Наибольшие потери этих самолетов были зафиксированы в районе Калинкович и Слуцка. Находясь недалеко от линии фронта, они вынуждены были летать на малых высотах, чтобы не быть обнаруженными советскими истребителями, но при этом попадали под огонь с земли. За один день недалеко от Калинкович партизанами были сбиты два немецких транспортного на расстоянии 20 км друг от друга. Первый сбит партизанами бригады № 101 3 октября 1943 г. в районе д. Б. Людвиновка, экипаж погиб [Там же, оп. 11а, д. 34, т. 1, л. 256]. Второй (Ju 52) – у д. Пожихарь (35 км северо-восточнее Калинковичей), экипажу удалось скрыться.

Для атаки партизанских лагерей немецкое командование иногда использовало то, что было «под рукой». Так, 4 ноября 1943 г. в 13.00 ожесточенной бомбардировке со стороны «трехмоторных немецких самолетов» подверглись д. Пасека, Рубежи, Шушеровка (юго-западнее Старых Дорог) и лагерь партизан восточнее д. Рубежи, где располагались бойцы бригады № 100 «Смерть фашизму». При повторном заходе самолетов на бомбежку партизанами был открыт групповой ружейно-пулеметный огонь с применением противотанкового ружья. В результате чего были сбиты два самолета. Один оказался на территории бригады, другой, получив повреждения, стал уходить, но упал вблизи немецкого гарнизона Старые Дороги. Экипажи обоих самолетов (всего 12 человек) погибли. Трофеями партизан стали: 5 пулеметов (из них – один крупнокалиберный), три автомата, шесть пистолетов, парашют и документы летчиков. В результате бомбежки в д. Шушеровка разбито 4 дома, в д. Пасека сгорели 16 домов. Убит один партизан и женщина

из местного населения, ранено 2 партизана, 2 местных [1, оп. 11а, д. 34, т. 1, л. 283]. Предположительно, противник использовал против партизан имевшиеся «под рукой» транспортные самолеты Ju 52, привлеченные с аэродрома, расположенного у Слуцка, и сыгравшие роль импровизированных бомбардировщиков.

Большое число экипажей Люфтваффе, оказавшихся на партизанских территориях, считаются до сих пор пропавшими без вести. Их судьбой интересуются семьи и немецкие историки, в то время как бундесархивы Германии не могут дать никакой информации кроме даты невозвращения самолета. Общая приблизительная оценка количества немецких потерь в Беларуси над партизанскими зонами в период оккупации составляет не менее 60 самолетов. Данная цифра основана на анализе сообщений, переданных в БШПД, и требует дополнительной проверки в делах партизанских отрядов и соединений, от имени которых были поданы сообщения.

На судьбу плененных немецких летчиков, впрочем, как и остальных военнопленных, попавших к партизанам, влияло то, что до начала 1943 г. было мало возможностей отправки пленных в советский тыл. Площадок для приема транспортных Ли-2 (только этот самолет имел дальность полета, позволявшую осуществлять посадку на наиболее «западные» точки в Минской области) было недостаточно. Пересылка пленных на большие расстояния к площадкам была связана с огромными трудностями. Нередко пленные пытались бежать или погибали в случайном бою. Самолеты У-2 и Р-5 могли обеспечить вывоз лишь из самых восточных районов Беларуси. Авиация, направленная на поддержку партизан Беларуси, практиковала в большинстве случаев сброс грузов без посадки. Именно по этой причине пленные немецкие летчики, как правило, расстреливались после допросов. Лишь весной 1944 г. стала возможна отправка наиболее «ценных» из них на самолетах в советский тыл.

Документы, представленные в Национальном архиве Республики Беларусь (в частности шифротелеграммы БШПД), являются важным первоисточником, позволяющим установить факты падений немецких самолетов. Для белорусских исследователей они представляют собой один из важных элементов партизанского движения, а для немецких – это своего рода ключ к информации для установления судьбы экипажей, числящихся пропавшими без вести на территории Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. НАРБ. – Фонд 1450.
2. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): Краткие сведения об организационной структуре партизанских соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А. Л. Манаенков [и др.]. – Минск : Беларусь, 1983. – 765 с.

ОБРАЗЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ ПЛАКАТНОЙ ГРАФИКЕ

Роль и значение плакатов во время войны трудно переоценить. Военный плакат – средство агитации и пропаганды, он воздействовал на сознание и настроения людей. Плакаты Великой Отечественной войны являются не только художественными произведениями, но и историческими документами. Художники, пытаясь максимально четко и реалистично передать настроения народа, оперативно откликнулись на события первых дней войны. В течение недели массовыми тиражами было выпущено пять плакатных листов, а в издательствах готовились к печати еще свыше пятидесяти. [1, с. 23]. Уже к вечеру 22 июня 1941 г. Кукрыниксы (М. Куприянов, П. Крылов, Н. Соколов) создали эскиз плаката «Беспощадно разгромим и уничтожим врага». Как отметил Д. В. Сарабьянов, «духу времени соответствовали удачное сочетание в сюжете плаката героического и сатирического образов» [2, с. 121]. Сатирический плакат соединил в себе традиции изображений Гражданской войны с достижением политической газетно-журнальной карикатуры 1930-х гг. Художники умело использовали язык метафоры, сатирические иносказания, сюжеты противостояния сил (злой агрессивной и справедливой защищающей). Особенно много сатирических плакатов было создано в течение 1941 г. Среди них «Людоед-вегетарианец, или две стороны одной медали», «Мы злому врагу все отрежем пути, из петли из этой ему не уйти!» (Кукрыниксы); «Выступали – веселились, отступали – обслезились» (Б. Ефимов, Н. Долгоруков); «Так было... Так будет!» (Н. Долгоруков). Яркие плакаты были созданы И. Серебряным («Накося, выкуси!»), Н. Долгоруковым («Он слышит грозные напевы»), В. Дени («На Москву! Хох! От Москвы: ох»), «Лицо Гитлеризма») и др. Больше всего сатирических плакатов было выпущено «Окнами ТАСС» [3, с. 20].

На первом этапе войны основные усилия были направлены на разъяснение характера войны и целей СССР в ней. Известное произведение И. Тоидзе «Родина-мать зовет!» было издано на всех языках народов СССР, и его популярность не случайна. Основная сила воздействия этого плаката заключена в психологическом содержании самого образа – «в выражении взволнованного лица простой женщины, в ее призывающем жесте» [4, с. 67].

Достаточно часто сюжетами плакатов становились эпизоды мобилизации, создания народного ополчения. Например, «Могучее Народное Ополчение» В. Цветковой, «Молодежь, в бой за Родину!» В. Правдина, «Защита Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР» З. Правдиной. Тогда же, в июне, В. Корецкий создал композицию «Будь героем!». Этот плакат, увеличенный в несколько раз, был установлен на улицах Москвы, по которым в первые недели войны проходили колонны мобилизованных жителей города [2, с. 24].

Одним из наиболее распространенных сюжетов был образ женщины, заменившей ушедшего на фронт мужчину. Многие плакаты затрагивали тему трудовой дисциплины: «Прогулы ликвидировать полностью!» С. Игумнова, «Брак-Враг» Б. Клинич, «Водители машин! Бесперебойно доставляйте грузы на фронт» Я. Бекетова и другие. Один из самых известных плакатов тыловой тематики «Не болтай!» принадлежит московской художнице Н. Ватолиной. Широкую известность Н. Н. Ватолина получила благодаря многолетнему труду в области плакатной графики. Войдя в число молодых советских плакатистов в предвоенные годы, художник создала сотни листов, многие из которых заслуженно вошли в золотой фонд советского искусства 1940–60-х гг. Н. Н. Ватолина блестяще продемонстрировала свой талант в станковой живописи и графике, ее литературный дар проявился в биографической работе «Мы – плакатисты» [5].

Особое место в плакатном искусстве военного времени занимает творческое объединение ленинградских художников «Боевой карандаш». Родилось оно во время советско-финской войны. В июньские дни 1941 г. объединение возобновило свою деятельность и стало одним из самых популярных в массовой художественной агитации. Работы затрагивали самые разные темы. Интересные, яркие плакаты выполнял Н. Муратов, например, «Боевое меню врагу к каждому дню», «О крысе голодной и силе народной», «О хвостах и крестах», а также Н. Быльев и Г. Верейский – «Герои-железнодорожники». Изобретения «Боевого карандаша» сочетали в себе «элементы агитационной заостренности и зрительной наглядности плаката с чертами станковости, выразившейся в большой усложненности и сюжетной разработанности образных решений, в тенденции к нюансированию композиционных построений, которое требовало пристального, детального рассмотрения» [3, с. 24].

27 июля 1941 г. в Москве на Кузнечном мосту были вывешены первые «Окна ТАСС». За годы войны творческим коллективом было выпущено 1 289 названий плакатов тиражом 842 550 экземпляров, вырезано 246 375 трафаретов, изготовлено 3 320 000 оттисков текстов, 1 500 100 литографических плакатов [6, с. 123]. Они стали своеобразной живописной газетой, отражавшей жизнь народа во всем ее многообразии. На совещании художников и руководства мастерской «Окна ТАСС» 19 декабря 1942 г. председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин отметил: «Когда люди будут изучать эпоху Отечественной войны, они не пройдут мимо “Окон ТАСС”, как не пройдут мимо “Окон РОСТА”. И серьезный историк, и будущий художник, касаясь эпохи Отечественной войны, обратятся к этому материалу» [Там же, с. 120]. Плакаты обладали большим воздействием на зрителя, их хорошо знали на фронте и в тылу, во многих странах мира, в том числе и в самой Германии. Министр пропаганды Германии Геббельс приговорил к смертной казни всех, кто принимал участие в выпуске «Окон ТАСС»: «Как только будет взята Москва, все, кто работал в “Окнах ТАСС”, будут висеть на фонарных столбах» [Там же, с. 25]. Особую значимость «Окон ТАСС» в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами показала

первая публичная выставка, открытая 22 марта 1942 г. в Историческом музее в Москве. Посетители оставляли в книге отзывов свои впечатления от увиденного: «Выставка является в данный момент таким же грозным оружием для врага, как и наши боевые автоматы» [6, с. 30].

Художники «Окон ТАСС» добивались лаконичного, меткого рисунка и контрастного цвета, литераторы сочиняли остроумный текст и легко запоминающуюся рифму. Вот некоторые текстовые подписи на первых плакатах: «Взял фашист маршрут на Прут, но фашиста с Прута прут», «Каждый удар молота – удар по врагу!», «Смерть фашистской гадине!», «Мы знали: защитник Москвы не сплоскает!», «Громя фашистов без пощады, морские пушки говорят: кто бьет врага у Ленинграда, тот защищает Сталинград! Врага на Севере уложишь – на Волге бить врага поможешь!» и т.п. В создании плакатов участвовали А. Дейнека, Б. Пророков, В. Бялыницкий-Бируля, Б. Иогансон, Д. Моор, А. Бубнов, Ю. Пименов, Кукрыниксы – всего 125 художников-профессионалов высокого класса. Над текстами работали 83 писателя и поэта, в их числе П. Антокольский, Н. Асеев, В. Лебедев-Кумач, А. Жаров, С. Михалков, К. Симонов, И. Эренбург и другие. В 1942 г. труд авторов «Окон ТАСС» – С. Маршака, Кукрыниксов, П. Соколова-Скала, Г. Савицкого, Н. Радлова, П. Шухмина, М. Черемных – был отмечен Государственной премией СССР [Там же, с. 45].

Плакаты, созданные в годы Великой Отечественной войны, фиксировали не только хронику важнейших событий; но и пеструю шкалу настроений и переживаний советских людей. Советский военный плакат всегда отвечал своему назначению: он был оружием и одновременно достоверным документом и хранителем памятных событий военных лет. Одни плакаты раскрывали идею протеста и борьбы, другие показывали беду и страдание такой, как она есть, призывая тем самым к отмщению и помощи тем, кто не в силах сам себе помочь. Драматическая сила плаката В. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси» поражает и по сей день. Плакат, впервые напечатанный в газете «Правда» 5 августа 1942 г., вызывал у бойцов ненависть к врагу. Для повышения выразительности плаката художник использовал весьма действенный композиционный прием: «...На своем пути штык касается руки ребенка, затем лица и выходит за его головой. Ужасающая линия!» [7, с. 99].

Художники создавали плакаты, посвященные страданиям жителей оккупированных территорий, пленникам концлагерей. На многих из них изображены дети: «Боец, спаси меня от рабства!» (В. Корецкого), «Я жду тебя, воин-освободитель!» (Д. Шмаринова), «Боец, освобождай советских людей!» (Л. Голованова), «Воины Красной Армии и Военно-Морского флота, беспощадно мстите гитлеровским детоубийцам!» (В. Иванов), «Освободи!» (А. Казанцева), «Папа, убей немца!» (М. Нестеровой) и другие. Актуальной была тема гибели детей и матерей. Д. Шмаринов на плакате «Отомсти» изобразил молодую женщину во весь рост, во всю длину плакатного листа, в руках она сжимает тело убитой маленькой дочери. Горе ее безысходно и молчаливо [2, с. 134].

С 1943 г. на плакатах отчетливо, уверенно зазвучала тема победы, вызванная решительным переломом в ходе войны. В связи с этим произошли изменения в психологии советских людей. Армия и народ почувствовали свои силы. В. Иванов создал плакат «Вперед! На Запад!», Н. Жуков «Бей насмерть», А. Кокорекин «За Родину!». Битве за Сталинград художники посвятили немало произведений: в плакате с колоритным названием «Потеряла я колечко...» и уточнением «а в колечке 22 дивизии» Кукрыниксы своеобразно, с юмором, изобразили «главную плакальщицу Третьего рейха у карты междуречья Волги и Дона, на которой в кольце зажаты помеченные свастиками остатки частей 6-й немецкой армии» [8, с. 176]. Победе под Курской дугой посвящен плакат Н. Денисовского «Как ударила врага наша русская дуга». На изображении использованы простые понятные символы, четверостишия похожи на частушки: «Возле Курска на лугу // Увидал хвостун дугу // “Я такую, мол, дугу // Колесом согнуть могу” // Ухватился, – а дуга // Как почуяла врага // Распрямилась в два конца // Проучила наглеца» [6, с. 56]. Частым стал мотив радостной встречи бойца-красноармейца с освобожденными от фашистского плена жителями: «Ты вернул нам жизнь» (В. Иванова), «Слава освободителям Украины!» (Д. Шмаринова), «Я ждал тебя, воин-освободитель!» (В. Ледагина). Яркое проявилось творчество В. Иванова при создании образов советского воина в листах 1943 г. «Пьем воду родного Днепра...» и «На Запад!». Художник так пишет о своей работе «Пьем воду родного Днепра...»: «Казалось бы, что для образного, символического обобщения можно было сделать фигуру красивой, торжественной. Но я не мог пойти по такому пути... Мне хотелось, чтобы в этом плакате зритель-боец узнал и себя, и своих однополчан» [2, с. 232].

В 1944 г. художнику Л. Голованову в плакате «Дойдем до Берлина!» удалось создать запоминающийся образ солдата, прототипом которого стал реальный герой – снайпер Голосов. «На переднем плане изображен сидящий на пне возле окопа молодой советский солдат, спокойными, неспешными движениями натягивающий сапог. Рядом лежит его автомат. С другой стороны на обочине дороги валяется проломанная немецкая каска. На заднем плане изображен небольшой европейский городок. По фронтовой дороге едут танки и машины, идет пехота и конница. Сцена почти идиллическая. Не будь здесь символов войны, можно подумать, что перед нами веселый парень, решивший постраниковать по свету; по дороге он слегка устал, присел отдохнуть, и теперь, отдохнув, готовится продолжить свой путь. Обещание, некогда данное, выполнено» [9, с. 79].

Период Великой Отечественной войны сопоставим с развитием плакатного искусства времен Гражданской войны, но создано плакатных листов было в сотни раз больше. Наиболее важная информация в короткие сроки транслировалась при помощи простых и действенных средств. Благодаря духу и способности мобильного отклика на события плакат оказался одним из самых эффективных средств для выражения чувств всего населения, призыва к действию, к защите Родины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агитация за счастье. Советское искусство сталинской эпохи : каталог выставки. – СПб. : РНБ, 1994. – 320 с.
2. Плакаты войны и победы. – М. : Контакт-Культура, 2005. – 286 с.
3. *Ефимовский, Е.* «Не затупится наш боевой карандаш...» / Е. Ефимовский. – СПб. : Левша, 2008. – 148 с.
4. Русский плакат. 100 шедевров за 100 лет / под ред. А. Ф. Шклярука. – М. : Контакт-Культура, 2001. – 125 с.
5. *Ватолина, Н. Н.* Мы плакатисты / Н. Н. Ватолина. – М. : Планета, 1969. – 176 с.
6. Окна ТАСС. 1941–1945 / под ред. В. М. Масленникова. – М. : Контакт-Культура, 1970. – 125 с.
7. *Ефимов, Б. Е.* Вехи Победы: Великая Отечественная Война в плакатах и рисунках / Б. Е. Ефимов. – М. : Голден-Би, 2004. – 199 с.
8. Кукрыниксы: годы войны. – М. : Изобраз. искусство, 1985. – 210 с.
9. Плакаты Великой Отечественной, 1941–1945 : фотоальбом / сост. и текст А. В. Шумакова, Р. Г. Алеева. – М. : Планета, 1985. – 199 с.

БЕЛАРУСКА-ГЕРМАНСКІЯ АДНОСІНЫ Ё ЛЮСТЭРКУ ЧАСУ: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАСЦЬ

О. И. Билевич, А. В. Билевич

АНТИСОВЕТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОУН-УПА В БРЕСТСКОЙ И ПИНСКОЙ ОБЛАСТЯХ (1944–1953)

Деятельность отрядов украинских националистов (Отрядов украинских националистов, Украинской повстанческой армии – ОУН-УПА) на территории Западной Украины достаточно подробно исследована историками постсоветского пространства. Отношение к этим военизированным формированиям неоднозначное. В Украине их называют борцами за независимость, в Польше – бандитами и преступниками, в России – фашистскими «прихвостнями». Архивные документы свидетельствуют о том, что отряды украинских националистов с конца 1930-х и до середины 1950-х активно действовали на территории южных областей Беларуси.

Как и белорусы, украинцы в составе Польши были национальным меньшинством на собственной этнической территории, поэтому оба народа вели борьбу за освобождение от польской «протекции» и за создание своего независимого государства или присоединение к уже существующим национальным республикам в составе СССР – БССР и УССР. Украинское движение распространялось на территорию между Брестом и Пинском. По данным этнографов и языковедов, этот регион характеризовался как «украинский», так как язык, традиции, обряды жителей Полесья были схожи с украинскими. Поэтому белорусское национальное движение здесь практически не проявляло себя ни в 1920–1930-е годы, ни в 1940-е.

Районы Полесья, вошедшие в состав БССР в 1939 г., были включены в сферу деятельности оуновского подполья по нескольким причинам. В Брестской и Пинской областях, граничащих с Украиной, проживало значительное количество этнических украинцев. В сентябре 1941 г. южные районы БССР были включены германскими оккупационными властями в состав рейхскомиссариата «Украина». Население Полесья, которое в свое время извело последствия польского правления и сталинских репрессий, с интересом восприняло программные положения ОУН. Программа, принятая в августе 1943 г., была написана людьми, глубоко прочувствовавшими реальные настроения населения западных регионов Украины и Беларуси, которое не хотело капитализма польского варианта и социализма сталинской модели с насильственной национализацией и коллективизацией.

История возникновения УПА относится к 1941–1942 гг. Именно так вначале именовал свои вооруженные отряды глава созданной в 1941 г. на севере Ровенской области (так называемой Полесской Сечи) Тарас Боровец (Тарас Бульба). Боровец организовал свои формирования при непосредственной поддержке германских оккупационных властей. Позже Тарас Бульба

переименовал УПА в Украинскую народно-революционную армию. На территории УССР и юго-западных районов БССР еще в 1944 г. была создана широкая сеть антисоветского подполья ОУН-УПА. Его организационная структура была окончательно сформирована к началу 1945 г. Программа ОУН провозглашала, что эта организация борется за то, чтобы каждая нация жила в собственном независимом государстве. Противниками ОУН были объявлены империи, где один господствующий народ политически, экономически и культурно эксплуатирует другие нации. К таковым образованиям относили СССР и Германию (с ее замыслом о создании «Новой Европы»). Недопустимыми объявлялись «интернационалистические» и «фашистско-национал-социалистические» идеи и программы. Целями борьбы ОУН были названы освобождение украинского народа от «московско-большевистского» и не-мецкого ига и построение украинского независимого государства.

Руководящими организационно-территориальными единицами низовых звеньев ОУН были так называемые проводы. Во главе всего «края» был центральный провод ОУН. Каждый член организации объявлялся проводником «идеи». Несмотря на то, что участниками ОУН управляли вышестоящие «проводники», каждый оуновец имел право на свое мнение. Кодекс поведения украинского националиста включал 44 правила. Были охарактеризованы такие понятия, как «сознание», «справедливость», «ответственность», «осведомленность», «готовность» и «доверие». Обычно оуновцы действовали вдали от своего места жительства и места жительства близких родственников. Об уровне конспирации подполья ОУН свидетельствует и то, что архивные оуновские материалы в послевоенный период были тайно вывезены подпольной организацией из Львова в Ленинград и спрятаны в отделе редких рукописей публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Украинские националисты быстро нашли общий язык со своими антисоветски настроенными собратьями в Беларуси. Лидеры ОУН имели контакты с белорусскими коллаборационистами И. Ермаченко, Н. Козловским. Делегации бандеровцев неоднократно (1942, 1943) участвовали в совещаниях, организованных белорусскими националистами на оккупированной немцами территории БССР.

К моменту полного освобождения территории БССР от немецких оккупантов в 1944 г. в ее юго-западных районах находились значительные силы Организации украинских националистов, объединенные Брестским окружным проводом под кодовым названием «Кричевский».

Возглавлял Брестский провод Зиновий Савчук («Шварц», «Александр»), он входил в состав краевого провода ОУН на северо-западных украинских землях с кодовым названием «Москва», включавший также Волынскую, Ровенскую, Житомирскую и Винницкую области УССР. Руководили данным проводом Чупринка (Смок) и Максим Дубовой. Краевой провод подчинялся центральному проводу во главе с Шухевичем (Тур). В 1948 г. Брестский окружной провод был переименован в «Белорусский окружной провод»

(«Нива»), который до 1952-го объединял 3 надрайонных провода: Брестский, Кобринский и Пинский. Окружным проводом в 1948–1952 г. руководил Александр Степанюк (Мефодий, Богун, Тетеря, Тихон, Марта), который прибыл с территории Украины. Помимо территориальных звеньев ОУН, на территориях Брестской, Пинской и частично Полесской областей БССР в 1944 г. находились подчинявшиеся им вооруженные формирования Украинской повстанческой армии [1]. Всего к лету 1944 г. на территории БССР подпольные формирования ОУН-УПА насчитывали примерно 12–14 тысяч человек [2].

Украинские националисты стремились привлечь белорусских коллаборационистов к подготовке к революционной войне «против всех» за национальную независимость, однако, как отмечал в 1950-х гг. президент созданной нацистами Белорусской центральной рады Р. Островский, эту идею не поддерживали белорусы. Была достигнута лишь «договоренность о совместной борьбе против Советов». На Беларуси отряды УПА вели боевые действия совместно со скрывавшимися в лесах отрядами местных коллаборационистов. О террористических действиях ОУН-УПА на территории Полесья против представителей советской власти, гражданского населения сохранилось достаточное количество документальных источников.

Борьба с украинским националистическим подпольем на белорусской территории растянулось практически на 10 лет. В период с 1944 по 1946 г. УПА совершила на территории белорусского Полесья 2 384 диверсии и теракта, в результате которых погибли 1 012 человек. Секретари райкомов постоянно отправляли в Минск просьбы об усилении воинских гарнизонов в городах и местечках, так как существовала опасность нападения на них организованных и хорошо подготовленных «боевиков» украинских националистов [Там же]. О сложности ситуации в южных районах БССР свидетельствует тот факт, что партийное руководство БССР информировало высшее руководство в Москве о результатах борьбы с националистическим движением в Брестской, Пинской и Полесской областях.

Немаловажным фактором в деятельности УПА на территории западных областей БССР была поддержка этих формирований со стороны местного населения. Многие исследователи подчеркивают, что без сочувствия со стороны жителей украинские отряды не смогли бы эффективно функционировать в течении 10 лет. К тому же подразделения УПА пополнялись не только лицами украинской национальности, но и белорусами, которые спасались в лесах от мобилизации в Советскую армию. Примером такой поддержки местного населения украинских националистов является Дивинский район Брестской области. Район граничит с Украиной. Значительная часть населения проживала на хуторах, вела индивидуальное хозяйство и была довольно зажиточной, поэтому она негативно отнеслась к мероприятиям советской власти, особенно к коллективизации. Об отношении местного населения к советской власти так писал в отчете заместитель командира партизанской бригады «За Родину» по разведке и контрразведке Аюстов: «Кроме легализованных, входящих в отряды имеются национа-

листы, не входящих в отряды, а борьбу продолжают, находясь в деревнях, но оружие они имели. Партизаны, входившие в деревню, обстреливались из окон и чердаков домов, начинали искать, кто стрелял, – безуспешно. Зайдешь в один дом, а тебе не скажут фамилии рядом живущего человека» [3, с. 159]. В 1944 г. в Дивинском районе в Красную армию было мобилизовано лишь 50 человек из нескольких тысяч, числящихся в приписных списках. Большинство из не явившихся на сборные пункты, убежали в лес и пополнили ряды Украинской повстанческой армии.

Руководство Дивинского райкома РКП(б)Б Брестской области обращалось к населению района с призывом не поддерживать украинских националистов, так как они являются пособниками фашистской Германии. В частности, говорилось об успехах Украины за советский период в экономической и культурной сферах. Однако положение в Дивинском районе оставалось сложным. Содержание докладной записки секретаря Брестского обкома КП(б)Б М. Н. Тупицына секретарю ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко «О контрреволюционных формированиях в некоторых районах Брестской области» свидетельствует об активизации бандитских формирований в районах, прилегающих к Украинской ССР (особенно в Дивинском районе). В записке приводятся факты террористических акций со стороны националистов против советского руководства, мирных граждан. По мнению автора записки, «в результате того, что бандитские формирования ведут работу среди населения, направленную на срыв наших мероприятий по выполнению государственных поставок сельхозпродукции, призыву в Красную Армию... многие деревни, большинство населения которых связано политически и, в первую очередь, родственными связями с бандитами, к сдаче хлеба не приступили, а мужчины призывного возраста уклоняются от призыва в Красную Армию, уходят в лес. Так в Осовецком с/с Дивинского района были вручены повестки 114 призывникам для явки их на призывной пункт. Все они организованно ушли в лес» [Там же, с. 178].

Для улучшения ситуации в район была направлена оперчекистская группа НКВД, батальон оперативного полка войск НКВД в составе 300 человек. Были проведены бои с облавами, в результате которых было убито 55 человек бандитов. Однако эта группа снова пополнилась за счет местного населения и насчитывала уже около 150 человек [Там же]. Секретарь Брестского обкома КП(б)Б М. Н. Тупицын предлагал наркомату НКВД направить в область еще больше войск и выселить все семьи националистов и связанных с ними с территории Дивинского и других районов [Там же, с. 179]. Положение в Дивинском районе рассматривалось на заседании Брестского обкома КП(б)Б и было принято Постановление бюро Брестского обкома КП(б)Б, в котором указывалось на необходимость увеличения количества оперативных работников, передислокации 265-го полка внутренних войск НКВД из Бреста в район Дивина, усилении политической работы с местным населением [Там же, с. 200]. Однако вышеизложенные мероприятия не дали положительного эффекта. Действия украинских националистов против советской власти продолжались до середины 1950-х годов.

В 1944 г. дезертирство было распространенным явлением на территории южных регионов БССР. В Жабчицком районе Пинской области вместо 481 было мобилизовано 65 человек, Ивановском – вместо 1 000 мобилизовано 348, Логишинском вместо 208 – 81 [4, д. 2, л. 1]. Причины такого поведения руководство Пинской области видело в недостаточной пропагандистской работе среди местного населения, проживавшего в условиях немецкой оккупации, а также в нежелании защищать ту власть, которой они были недовольны. Для борьбы с украинскими националистами на территории БССР советские специальные органы применяли «чекистско-войсковые» операции. Во время спецоперации, проведенной с 15.01 по 20.02.1945 г., были осуществлены тщательные обыски 48 799 подворий, прочесано 12 тысяч километров квадратных лесов и болот, в результате чего было разгромлено 33 вооруженных группы, убито 98 и арестовано 3 808 человек. Всего с июля 1944 г. по 1 ноября 1945 г. НКВД БССР уничтожил 3 320 украинских националистов. Кроме этого, было задержано и арестовано 97 607 человек, среди которых были как боевики, так и гражданские лица, которых, чаще всего, целыми семьями вывозили в труднодоступные районы Сибири. Так советская власть пыталась лишить украинских повстанцев поддержки со стороны местного населения. Эффективными были операции по созданию лжеанти-советских отрядов и групп [2].

Некоторые украинские отряды доходили даже до Новогрудка и совершали нападения на советские госорганы и расквартированные там части Красной армии. С 1947 г. на территории белорусского Полесья действовали в основном малые группы УПА, в задачу которых входила, организация пропагандистской работы, т.е. распространение листовок и различных воззваний к населению. В подпольной печатной продукции сообщалось о голодных колхозниках на востоке БССР и УССР и отмечалось, что такая участь ждет украинцев и белорусов, живущих в Западной Беларуси, после того как на этой территории начнется коллективизация. Листовки распространяли местные жители, которые поддерживали националистов. Иногда их силой заставляли этим заниматься. О чем свидетельствуют как архивные материалы, так и воспоминания участников тех событий. Листовки распространялись не только в деревнях, но и в Пинске, Иваново, Дрогичине. Тексты воззваний в основном печатались на украинском языке, но встречались листовки и на русском. В послевоенный период для усиления борьбы с ОУН-УПА создавались истребительные батальоны из партийно-советского и сельского актива. К уголовной ответственности привлекались как участники националистического движения, так и пособники, а также доношители, которые под страхом смерти боялись донести советским органам. В 1949 г. в результате проведенной операции силами УМГБ по Пинской области было арестовано 342 человека, из них: 304 – бандпособника, 38 – доношителя. 231 – осуждены на 25 лет, 73 – на 10 лет. Большинство из арестованных (182) были в возрасте от 30 до 40 лет [4, д. 1114, л. 8]. Судьбы людей были сломаны. Многие из арестованных стали заложниками борьбы за власть украинских националистов и приверженцев советской системы.

Вышеизложенная тема сложна и неоднозначна и при изучении событий не допустимы односторонние оценки. Основной целью борьбы бойцов ОУН-УПА было создания независимого украинского государства. Ради этого националисты не останавливались ни перед чем. Их жертвами на территории БССР порой становились не только военнослужащие Советской армии, сотрудники НКВД или госслужащие, но и мирные жители. Многие белорусские крестьяне часто поддерживали бойцов Украинской повстанческой армии в их антифашистской и антисоветской борьбе, так как слишком жестоко проходила советизация Западной Беларуси и Западной Украины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горе от УПА // Советская Белоруссия [Электронный ресурс]. – 2014. – 3 апр. – Режим доступа : <http://www.sb.by/obshchestvo/article/gore-ot-upa-161764.html> – Дата доступа : 06.02.2016.
2. Мельников, И. Неизвестная война в белорусском Полесье [Электронный ресурс] / И. Мельников. – Режим доступа : <http://www.istpravda.ru/bel/research/303/>. – Дата доступа : 20.01.2016.
3. Сборник документов «ОУН-УПА в Беларуси 1939–1953 годы» : док. и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]. – 2-е изд. – Минск : Выш. шк., 2012. – 528 с.
4. Государственный архив Брестской области. – Фонд 7581. – Оп. 3.

И. А. Литвиновский, Ю. И. Литвиновская

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ВОПРОС В СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Осложнение международной обстановки в мире, в Европе в особенности, в 1939 г., невозможность добиться положительных сдвигов в главном для Советского Союза направлении внешней политики – борьбе за коллективную безопасность способствовали тому, что советское правительство, не желая быть вовлеченным в водоворот событий назревающей мировой войны, откликнулось на настойчивые предложения Германии об улучшении двусторонних отношений и согласилось принять в Москве немецкого министра иностранных дел. Планировалось обсудить весь комплекс советско-германских отношений.

Несмотря на неоднократные заявления представителей внешнеполитического ведомства Германии о существующей возможности «договориться по любым вопросам» и готовности Берлина «дать любые гарантии», окончательные договоренности были достигнуты только в ходе визита И. Риббентропа в Москву 23–24 августа 1939 г. По косвенным свидетельствам и

сохранившейся записи члена немецкой делегации А. Хенке, И. Сталин считал необходимым начать переговоры с вопроса о разграничении «сфер интересов». Заместитель статс-секретаря МИД Германии Ф. Гаус в письменных показаниях Нюрнбергскому трибуналу также отметил, что «по сравнению с Пактом о ненападении гораздо больше велись переговоры об особом секретном документе («специальный протокол»)» [2, с. 37]. Протокол был всецело посвящен территориальным разграничениям в Восточной Европе.

Это свидетельствует о том, что территориальный вопрос являлся наиболее важным для советского руководства во всем перечне подлежащих обсуждению проблем. И, очевидно, судьба всех договоренностей всецело зависела от того, насколько полно Советский Союз удовлетворит свои территориальные претензии.

Разграничение «сфер интересов» было наиболее острой частью переговоров. Первоначальное немецкое предложение не совпадало в полной мере с требованиями советского правительства. И. Риббентроп предложил провести разграничительную линию между «сферами влияния» в Польше по рубежу рек Сан, Висла, Буг, Нарев; в Прибалтике по реке Двина, включив, таким образом, в сферу советского влияния восточную часть Латвии, Эстонию и Финляндию. И. Сталин решительно воспротивился этому и потребовал передачи в «сферу интересов» СССР всей Латвии, включая порты Либава (Лиепая) и Виндова (Вентспилс). И. Риббентроп не располагал правом решения подобного вопроса самостоятельно и запросил точку зрения Гитлера. Проходившие ночью переговоры затягивались. Они были продолжены только после получения немецкой делегацией согласия из Берлина на требования Сталина [4, с. 589, 591].

Что касается Бессарабии, то она прямо в советскую «сферу интересов» не попадала. Но в протоколе подчеркивался «интерес СССР к Бессарабии» и «полная политическая незаинтересованность к этому вопросу Германии» [3, с. 632].

Подписанный 23 августа 1939 г. секретный дополнительный протокол не устанавливал советско-германскую границу. Он определял лишь разграничительную линию между «сферами интересов». Открытым оставался вопрос и о том, «является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства». Этот вопрос, а также возможные границы данного государства, СССР и Германия намеревались решить в будущем, «в течение дальнейшего политического развития» [3, с. 632]. К концу сентября для правительств обеих стран «стала ближе идея четкого раздела Польши».

В начале польской кампании Гитлер, очевидно с целью успокоить общественное мнение западных стран, нейтрализовать, или смягчить позицию их правительств, не исключал сохранения в своей зоне оккупации некоего марионеточного Польского государства. 12 сентября И. Риббентроп сообщил об этом руководителю Абвера адмиралу В. Канарису как о «наиболее симпатичном для фюрера решении» [10, с. 58].

Сталин свою точку зрения на польский вопрос высказал в беседе с генеральным секретарем исполкома Коминтерна Г. Димитровым 7 сентября 1939 г.: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население» [10, с. 51].

Взгляды Гитлера также быстро изменились. 19 сентября, выступая в Данциге, он заявил: «Польша в том виде, какой ей придал Версальский договор, никогда уже больше не возродится! Это в конечном счете непременно гарантирует не только Германия, но и Россия» [10, с. 54].

22 сентября 1939 г. была установлена демаркационная линия между немецкой армией и РККА, которая прошла по рекам Плиса – Нарев – Буг – Висла – Сан, что фактически закрепляло разделение польской территории [4, с. 624].

При подписании договора о ненападении между Германией и Советским Союзом 23 августа 1939 г. в секретном дополнительном протоколе было определено, что «северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР» [3, с. 632].

В ходе начавшей Второй мировой войны, когда немецкие войска быстро продвигались вглубь Польши, 20 сентября 1939 г. В. М. Молотов, как свидетельствуют немецкие источники, в беседе с послом Германии в Москве Ф. Шуленбургом предложил обсудить «судьбу польского государства», а 25 сентября поставил вопрос об изменении границы «сфер интересов» с целью обмена Восточной Польши на Литву. Гитлер согласился, но в ходе последующих переговоров использовал это обстоятельство для того, чтобы добиться от Советского Союза более масштабных поставок столь необходимого для Германии сырья, в котором она остро нуждалась из-за проводимой Англией блокады немецких портов.

Как отмечается в некоторых российских исследованиях, с конца августа и весь сентябрь 1939 г. готовность высшего руководства Третьего рейха к уступкам Кремлю была наибольшей. Это обуславливалось как военно-стратегическими, так и политическими соображениями, а также задачами, вставшими перед немцами в ходе польской кампании [3, с. 49].

Обсуждение территориальных вопросов началось уже в первый день второго визита германского министра иностранных дел в Москву, 27 сентября 1939 г. Вместе с И. Риббентропом находился посол Германии в СССР Ф. Шуленбург. Переговоры велись с высшими руководителями Советского Союза И. В. Сталиным и В. М. Молотовым. На них присутствовал также советский посол в Берлине А. А. Шкварцев.

На атмосферу переговоров накладывали свой отпечаток советско-германские договоренности от 23 августа, явная заинтересованность сторон в налаживающемся сотрудничестве. Это обстоятельство проявлялось хотя бы в том, что даже при наличии острых разногласий по какому-либо вопросу стороны пытались достичь приемлемого компромисса. В этом плане особой

гибкостью отличалась позиция Германии. И это не удивительно, если учесть, что немецкая делегация стремилась вместе с территориальными решить и многие другие важные для себя задачи: добиться максимально возможных поставок советского сырья, облегчения транзита через советскую территорию грузов со стран Дальнего Востока, Ирана и Афганистана, предоставления мурманской гавани для ремонта немецких подводных лодок и крейсеров.

Пространное выступление И. Риббентропа началось с анализа событий в войне против Англии и Франции. После этого он сформулировал три вопроса, являвшихся целью его приезда в Польшу:

1. Дальнейшее формирование германо-советских отношений;
2. Вопрос окончательного начертания границы;
3. Проблема Прибалтики.

Главной целью немецкой дипломатии по первому вопросу было добиться согласия Советского Союза на заключение и предание гласности совместного заявления о долговременном сотрудничестве, о тождественности их точек зрения в принципиальных вопросах внешней политики. Риббентроп заявил, что «настоящий враг Германии – Англия», а поэтому речь шла прежде всего о германо-советском сотрудничестве против этой страны [4, с. 606–608].

Военный разгром польского государства привел к появлению в Восточной Европе новой геополитической реальности – общей протяженной границы между СССР и Германией. На переговорах предстояло определить линию ее конкретного прохождения. Каждой из сторон оговаривались условия с максимальной степенью учета своих интересов. Вопросы проведения линии границы лежали именно в этой плоскости, а поэтому, касаясь территориальных проблем, И. Риббентроп заявил, что «советские предложения (передача Германии Люблинского и части Варшавского воеводств) не содержат достаточного эквивалента за отказ Германии от Литвы или ее части». При этом он провел на карте линию, которую считал более приемлемой. Эта линия должна была проходить от самой южной оконечности Литвы до Балтийского моря, а именно через всю Литву, восточнее Ковно. Далее новую границу министр предлагал провести восточнее Гродно, включая Белосток. «Затем следует найти приемлемое соединение с линией Буга». Риббентроп выдвигал свои предложения в качестве вопроса для обсуждения в дальнейшей дискуссии, еще раз подчеркнув, что «предложение Сталина не является для нас достаточным эквивалентом за отказ в отношении Литвы» [4, с. 609].

Анализируя документы внешнеполитических ведомств СССР и Германии, можно с уверенностью сказать, что в Берлине накануне московских переговоров были проработаны различные позиции, которые могла занимать немецкая сторона. И в данном случае, будучи готовым к уступкам, И. Риббентроп сознательно обострял ситуацию, чтобы последующее согласие выглядело более ценным в глазах советского руководства.

Тем не менее, после выступления немецкого министра иностранных дел на переговорах возникла ситуация, требующая оглашения определенных аргументов с советской стороны. Сталин обратился к Молотову с вопросом, кто из них будет отвечать. Молотов сказал, что, по его мнению, он, Сталин, «безусловно сделает это лучше» [4, с. 609].

Ответ И. В. Сталина был весьма пространным. Он говорил о традициях взаимовыгодных советско-германских отношений, заложенных еще Рапальским договором, о том, что «советское правительство в своей исторической концепции никогда не исключало добрых отношений с Германией» и что в настоящее время «это сотрудничество представляет собой такую силу, что перед ней должны отступить все другие комбинации» [4, с. 609]. Определяя отношение советского правительства к комплексу вопросов, связанных с Великобританией, Сталин заявил, что большевики «никогда не имели симпатий к Англии». Отмечая приоритетное значение для СССР сотрудничества с Германией, он подчеркнул, что «...если, вопреки ожиданиям, Германия попадет в тяжелое положение, то она может быть уверена, что советский народ придет Германии на помощь и не допустит, чтобы Германию задушили. Советский Союз заинтересован в сильной Германии и не допустит, чтобы Германию повергли на землю» [4, с. 610].

Раскрывая точку зрения советского правительства на территориальный вопрос, И. Сталин напомнил, что первоначальные советско-германские договоренности от 23 августа предусматривали возможность сохранения самостоятельного польского государства, хотя и на значительно урезанной территории. Но от этой идеи правительства СССР и Германии отказались под предлогом, что такое государство будет представлять собой постоянный очаг беспокойства в Европе и источник противоречий между СССР и Германией. Оставался раздел Польши. Но и здесь, по мнению Сталина, не все так однозначно. В случае прохождения окончательной советско-германской границы по рекам Тиса, Нарев, Буг, Висла, Сан, как это значилось в протоколе от 23 августа, возникли бы большие неудобства. Сталин усматривал их в появлении отрицательных последствий различных решений двух держав – СССР и Германии, вытекающие из-за различия их социально-экономических и политических систем, по отношению к подконтрольным польским территориям, как-то, говорил советский руководитель, образование Германией протектората в привислинских землях, а Советским Союзом автономной польской социалистической республики. Такая ситуация могла бы дать полякам нежелательный повод для постановки вопроса о восстановлении самостоятельного государства.

Из этих соображений, отмечал Сталин, советское правительство пришло к выводу, что наиболее целесообразным было бы оставить этнографические польские земли в одних руках, а именно в немецких, где Германия могла бы действовать по собственному усмотрению. Именно по этой причине СССР и инициировал вопрос об уточнении «сфер интересов», в том числе и о проведении границы между СССР и Германией не по Висле, а по Бугу. Включение в советскую «сферу интересов» Литвы являлось своего рода

компенсацией за передачу Германии восточно-польских земель – Люблинского и части Варшавского воеводств. При этом Сталин категорически отверг заявления Риббентропа о недостаточной компенсации, так как на отходящей к Германии территории проживало не менее 4 миллионов человек, а в Литве – меньше 2 миллионов. «Германия сделает хороший гешефт, – заявил Сталин, – потому что люди – это самое важное, что можно было бы получить» [4, с. 605–606, 611].

Немецкие пожелания об изменении линии границы в Карпатах, по верхнему течению реки Сан Сталин решительно отклонил, дав понять, что территориальные уступки в этом районе исключены. Он заявил, что эта территория уже обещана Украине. «Украинцы – чертовские националисты, и они никогда не откажутся от этой территории. Моя рука никогда не шевельнется потребовать от украинцев такую жертву». В качестве компромисса Сталин предложил Германии поставки нефти объемом до 500 тыс. тонн в год из западноукраинских и других советских месторождений [4, с. 610].

Не удалось Риббентропу добиться и удовлетворения немецких претензий на земли севернее Буга и в Литве. Сталин и Молотов согласились только на передачу Германии небольшого выступа с городом Сувалки между Восточной Пруссией и Литвой и северным массивом августовских лесов [4, с. 611].

Первая часть переговоров началась 27 сентября и длилась 3 часа. В позициях сторон имелись существенные расхождения. Риббентроп заявил, что он обо всем проинформирует Гитлера и с учетом его мнения, во время следующей встречи, внесет компромиссные предложения.

Очередная встреча началась 28 сентября в 15 часов. Перед этим И. Риббентроп послал подробное телеграфное донесение в Берлин, после чего имел телефонный разговор с Гитлером. На встрече же с советскими руководителями он заявил, что Гитлер проанализировал предложения Сталина и присоединяется к нему. «...Фюрер принципиально согласен с принятием так называемого второго варианта, однако с некоторыми небольшими выпрямлениями», которые он, Риббентроп, готов показать Сталину и Молотову на карте [4, с. 612].

Таким образом, препятствия к началу процесса делимитации советско-германской границы были устранены. Обсуждение линии ее окончательного начертания, как явствует из отчета присутствовавшего на переговорах советника германского посольства в Москве Г. Хильгера, «происходило в весьма дружественной атмосфере». Но, несмотря на это, «обе стороны отстаивали свои позиции». При этом по менее значительным вопросам достигались компромиссные решения. Особенно долго длилась дискуссия вокруг судьбы города Перемышль. Река Сан разделяла его на две части. Южная находилась на советской территории, северная отходила к Германии. Попытка Риббентропа склонить Сталина и Молотова оставить за немецкой стороной весь город не привела к успеху. Советские руководители не согласились отходить от ранее достигнутых договоренностей о границе по реке Сан [4, с. 612].

И. Сталин в ходе переговоров твердо отстаивал интересы СССР при согласовании новой государственной границы страны. Вместе с тем его жесткая позиция была сопряжена и со значительной гибкостью. Он, например, готов был пойти навстречу Германии в ряде других вопросов: увеличении поставок сырья, что было важно для Германии в условиях осуществлявшейся Англией блокады, предоставлении в районе Мурманска ремонтной базы для немецких подводных лодок и вспомогательных крейсеров, проводке советскими ледоколами немецкого крейсера северным морским путем в Тихий океан. Выразалась также готовность тесного сотрудничества с рейхом в совместной борьбе против западных держав [10, с. 55].

Договоренности, достигнутые 27–28 сентября были конкретизированы в подписанном 4 октября 1939 г. дополнительном протоколе, содержащем подробное описание линии советско-германской границы [4, с. 154–157].

8 октября 1939 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос о демаркации границы. Общее руководство этим процессом возлагалось на специально создаваемую для этого Центральную смешанную советско-германскую Пограничную комиссию. Ее постоянным местом пребывания была Москва. Комиссия состояла из 8 человек – по 4 представителя от каждой из сторон. Советским сопредседателем комиссии был заведующий Центрально-европейским отделом НКВД А. М. Александров. В состав Комиссии вошли два представителя Генерального штаба РККА В. П. Александров и В. Д. Иванов и офицер Погранвойск НКВД А. М. Леонтьев. 14 ноября СНК СССР утвердил детальную инструкцию советской делегации в смешанной комиссии. Немецким сопредседателем комиссии был помощник статс-секретаря министерства иностранных дел А. Генке. Конкретная работа на местности возлагалась на 6 подкомиссий, включавших по 3 представителя от каждой стороны.

В решении Политбюро значилось, что оформление материалов демаркации должно быть закончено в кратчайший срок, но не позднее 31 марта 1940 г. [4, с. 221–222, 268–270, 350]. Но впоследствии эти сроки были сдвинуты на конец мая 1940 г., так как осенне-зимний период сильно затруднял производство топографических съемок [4, с. 291].

Но подписанные договоры не устраняли всех противоречий. Вопросы уточнения и небольших изменений линии границы на отдельных ее участках стали подниматься после подписания договора 28 сентября, когда стороны начали детально анализировать его результаты. Это продолжалось несмотря на высказанное В. М. Молотовым 13 ноября 1939 г. пожелание считать границу окончательно установленной и не поднимать больше никаких вопросов по ее изменению [4, с. 286; 1, с. 272].

Перемены предлагались с обеих сторон. Согласно секретному дополнительному протоколу, подписанному 28 сентября 1939 г. в процессе заключения германо-советского договора о дружбе и границе, территория литовского государства включалась в «сферу интересов» СССР, в обмен на передачу Германии Люблинского и части Варшавского воеводств. При этом

новая германо-литовская граница проводилась таким образом, что часть литовской территории, находящейся к юго-западу от линии прохождения новой границы, так называемый «Мариампольский выступ», отходила к Германии [4, с. 136, 606]. В секретном протоколе было сказано, что германо-литовская граница исправляется таким образом «с целью естественного и простого проведения границы» [4, с. 136]. В то время по этому вопросу было достигнуто согласие между Москвой и Берлином. 8 октября 1939 г. германский посол в СССР Ф. Шуленбург в записке на имя В. М. Молотова просит последнего подтвердить согласие в том, что за Германией остается право «определить момент осуществления уговора относительно перехода вышеупомянутой литовской территории к Германии» [4, с. 617]. Советский Союз против этого не возражал.

В начале 1941 г. в завершающую стадию вступила подготовка пяти важных советско-германских договоров и соглашений – соглашения о взаимных товарных поставках на второй договорной период по хозяйственному соглашению от 11 февраля 1940 г., договора о советско-германской границе от реки Игорка до Балтийского моря, соглашения об урегулировании взаимных имущественных претензий, относящихся к Литве, Латвии и Эстонии, а также двух соглашений гуманитарного характера, которые касались вопросов взаимного переселения: германских граждан и лиц немецкой национальности из Литвы, Латвии и Эстонии в Германию, а литовских граждан и лиц литовской, русской и белорусской национальностей из Германии (бывшей Мемельской и Сувалкской областей) в Литовскую ССР.

Некоторую дискуссию вызвал вопрос о судьбе, как это было отражено во внешнеполитических документах, «кусочка территории Литвы», т.е. Мариампольского выступа.

Вопрос об уступке этой территории Советскому Союзу был впервые поднят еще 13 июля 1940 г. Принимая германского посла, нарком иностранных дел В. М. Молотов сообщил ему, что Советское правительство полностью подтверждает формальные права Германии на ту территорию Литвы, о которой сделана соответствующая оговорка в протоколе от 28 сентября. «Но тем не менее тов. Сталин и тов. Молотов просят германское правительство пересмотреть этот вопрос, то есть просят германское правительство обсудить, не может ли оно найти возможность отказаться от этого небольшого куска территории Литвы». Молотов отмечал, что в этом случае удастся избежать целого ряда трудностей, как например, переселения литовцев с этой территории, а они там составляют большинство, в Литву. Нарком напомнил, что в свое время советское правительство не возражало против решения в пользу Германии вопроса о Сувалкской области. «Разрешение этого вопроса Германией, в соответствии с просьбой Советского правительства, – подчеркнул В. М. Молотов, – имеет для него при теперешних отношениях СССР с Литвой особый политический интерес» [5, с. 434].

Озадаченность Советского правительства станет ясной, если вспомнить какого рода события в июне – июле 1940 г. происходили в государствах

Прибалтики. Решались вопросы о вступлении этих республик в состав СССР. В этих условиях согласие советского правительства на передачу Германии даже небольшого участка территории еще недавно независимого литовского государства имело бы явно негативный отклик даже в советской Литве.

В ответе из Берлина, полученном 9 сентября, значилось, что в принципе немецкое правительство согласно уступить интересующую Советский Союз территорию, но Германию не устраивала предложенная форма компенсации и она подготавливала свои предложения [9, с. 585].

12 августа 1940 г. В. М. Молотов принял Ф. Шуленбурга и вручил ему памятную записку, где сообщалось о неприемлемости для советской стороны территориальной компенсации. СССР только выражал готовность осуществить компенсацию в денежном выражении. При этом оговоренная сумма должна была вноситься в течение двух лет равными частями [7, с. 820; 6, с. 273].

Переговоры по территориальному вопросу были длительными и сложными. Следует отметить, что велись они параллельно с определением условий хозяйственного соглашения, в заключении которого Германия была очень заинтересована. Это обстоятельство усиливало позиции советской стороны. Советский Союз считал возможным решить вопрос только путем материальной компенсации. 2 января 1941 г. В. М. Молотов заявил германской стороне, что советское правительство согласно увеличить сумму компенсации в два раза [6, с. 273].

Окончательно спорный вопрос был урегулирован только 9 января 1941 г., буквально накануне подписания договора о советско-германской границе. Секретный протокол был подписан 10 января Ф. Шуленбургом и В. Молотовым от имени своих правительств. По этому соглашению Германия отказывалась от своих притязаний на полосу литовской территории, упомянутой в секретном дополнительном протоколе от 28 сентября 1939 г., а Советский Союз уплачивал ей за это 7 500 000 золотых долларов (31 500 000 марок). Одна восьмая часть этой суммы (3 937 000 марок) обеспечивалась поставками цветных металлов в течение трех месяцев с момента подписания протокола, а остальная часть (27 562 500 марок) – золотом, которое высчитывалось из суммы германских платежей золотом Советскому Союзу, которые должны были быть произведены к 11 февраля 1941 г. [7, с. 820, 821].

О том, на каких условиях было достигнуто соглашение о возвращении Советскому Союзу участка литовской территории, так называемого «Мариампольского выступа», стороны договорились в печати не сообщать [6, с. 280].

Урегулирование всех спорных проблем дало возможность 10 января 1941 г. подписать в Москве В. Молотовым и Ф. Шуленбургом договор о советско-германской границе от реки Игорка до Балтийского моря. Договор подписывался в связи с состоявшимся 3 августа 1940 г. принятием Литовской ССР в состав Советского Союза [6, с. 302].

Характеризуя процесс решения СССР и Германией территориального вопроса в Восточной Европе следует отметить, что он был не совместим с нормами международного права. Международному праву противоречит и упоминание в преамбуле договора от 28 сентября 1939 г. о распаде бывшего Польского государства, ибо военная оккупация не ликвидирует государство как субъект международного права. И несмотря на то, что на землях, которые отходили к Советскому Союзу, проживало украинское и белорусское население, как и в соответствующих советских республиках, договор был реализован путем применения силы против Польши, а поэтому он с самого начала являлся недействительным, как нарушающий императивную норму международного права. Таковым он и был признан, хотя и косвенно, в соглашении между правительствами СССР и Польской республики 30 июня 1941 г. о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР, где говорилось: «Правительство СССР признает советско-германские договоры 1939 года касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу» [8, с. 200; 9, с. 107].

ЛИТЕРАТУРА

1. Вестник архива Президента Российской Федерации. СССР – Германия: 1933–1941. – М., 2009. – 368 с.
2. *Гинцберг, Л. И.* Советско-германский пакт: замысел и его реализация / Л. И. Гинцберг // Отечественная история. – 1996. – № 3. – С. 29–40.
3. Документы внешней политики СССР. 1939. – Т. XXII: в 2 кн. – М. : Междунар. отношения, 1992. – Кн. 1: Январь – август. – 712 с.
4. Документы внешней политики. 1939. – Т. XXII: в 2 кн. – М. : Междунар. отношения, 1992. – Кн. 2: Сентябрь – декабрь. – 688 с.
5. Документы внешней политики. – М. : Междунар. отношения, 1995. – Т. XXIII. – Кн. 1: 1 января – 31 октября 1940 г. – 752 с.
6. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. – Т. XXIII: в 2 кн. – М. : Междунар. отношения, 1998. – Кн. 2, ч. 1: 1 ноября 1940 – 1 марта 1941. – 448 с.
7. Документы внешней политики. 1940 – 22 июня 1941 г. – Т. XXIII: В 2 кн. – М. : Междунар. отношения, 1998. – Кн. 2, ч. 2: 2 марта 1941 – 22 июня 1941. – 448 с.
8. Документы внешней политики. – М. : Междунар. отношения, 2000. – Т. XXIV: 22 июня 1941 – 1 января 1942 г. – 632 с.
9. *Мюллерсон, Р. А.* Советско-германские договоры 1939 г. в аспекте международного права / Р. А. Мюллерсон // Советское государство и право. – 1989. – № 9. – С. 105–109.
10. *Случ, С. З.* Советско-германские отношения в сентябре – декабре 1939 года и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну / С. З. Случ // Отечественная история. – 2000. – № 5. – С. 46–58.

НЯМЕЦКІЯ МАСТАКІ ГЕСКІЯ ПРЫ ДВАРЫ КНЯЗЁЎ РАДЗІВІЛАЎ

Станаўленне эстэтычнай канцэпцыі позняга барока ў беларускім мастацтве ў многім звязана з дзейнасцю бацькі і сына Гескіх. Старэйшы з іх, Францішак Ксаверый Дамінік (1700 ?, Саксонія – 4.12.1764) працаваў у разнастайных відах і жанрах мастацтва – станковым і манументальным жывапісе, графіцы, дэкаратыўна-прыкладным мастацтве. Валодаў нямецкай, французскай, польскай мовамі. Больш за 35 гадоў быў прыдворным мастаком князёў Радзівілаў [1, с. 530]. У 1727 г. Міхаіл Казімір Радзівіл па мянушцы Рыбанька запрасіў яго на службу. Францішак прыбыў да Радзівілаў разам з цесцем – доктарам Андрэям Малерам, які быў прыдворным лекарам і на працягу 16 гадоў даглядаў Францішку Уршулю, жонку князя. За высокія заслугі перад Радзівіламі гэты доктар быў пахаваны ў сакавіку 1743 г. у фамільнай крыпце, што зроблена ў сутарэнні касцёла езуітаў у Нясвіжы.

Гескага і доктара Малера мог парэкамендаваць князю Радзівілу хтосьці з іншых магнатаў у час адной з замежных паездак. Рыбанька ж, як вядома, часта наведваў два нямецкія княствы – Саксонію і Баварыю. У час аднаго з такіх падарожжаў, у 1723 г., ён атрымаў ад германскага імператара месца ў імперскім рэйхстагу [7, с. 496]. Паездкі да саксонскага курфюрста, караля польскага і вялікага князя літоўскага Аўгуста II (у Саксоніі Фрыдрых Аўгуст I), як у цэлым раз’езды Міхаіла Казіміра Радзівіла, былі для яго звычайнай справай. Так, у 1727 г. з 19 ліпеня па 12 жніўня Рыбанька быў у Дрэздэне, дзе адбылася вялікая падзея – узнагароджанне князя ордэнам Белага Арла. Аднак у яго «Дыярушы» няма звестак аб сустрэчы з доктарам Малерам і мастаком Гескім. Найбольш верагоднай асобай, запрасіўшай Малера і Гескага ў Нясвіж, на думку вядомага беларускага мастацтвазнаўцы В. Д. Бажэнавай, можна лічыць Яна Яблонскага, дробнага шляхціча, які быў на службе ў княгіні Ганны Радзівіл, а пазней яе сыноў. Яшчэ раней, у 1721–1724 гг., ён суправаджаў у якасці казначэя маладога Міхаіла Казіміра ў замежным падарожжы ў Парыж, Франкфурт, Мангейм, Ляйпціг, Вітэнберг. У снежні 1727 г. Яблонскі знаходзіўся ў Мангейме (Баварыя). Відаць, тады закончыў справу па заключэнні кантрактаў з Малерам і Гескім у Саксоніі [5, с. 76–80].

З германскімі землямі былі звязаны мастацкія інтарэсы Гескага на працягу ўсяго яго творчага шляху ў якасці прыдворнага мастака Радзівілаў. Саксонскае мастацтва з’яўляецца асновай тэхнічных навыкаў К. Д. Гескага. Запрашэнне гэтага майстра да двара Радзівілаў падкрэслівае мастацкія густы і арыентацыі нясвіжскага мастацкага двара на саксонскі каралеўскі аўтарытэт. Яскравым сведчаннем развіцця гэтых традыцый з’яўляецца паўтарэнне К. Д. Гескім кампазіцыі «Тайнай вячэры» у нясвіжскім касцёле езуітаў прыдворнага мастака саксонскага і польскага каралеўскага двароў Аўгуста II і Аўгуста III Луі де Сільвестра, які быў французскім мастаком [4, с. 23–24].

Творчая біяграфія К. Д. Гескага дзеліцца на некалькі перыядаў.

У першы перыяд (1727–1740) працаваў у Бяла-Падляску ў замку княгіні Ганны Радзівіл з Сангушкаў сярод мастакоў, якія належалі яе двару. Першай вядомай працай, якая дазволіла Гескаму замацавацца сярод радзівілаўскіх мастакоў, стала ўпрыгожанне невялікага драўлянага палаца ў Славыцінску, што недалёка ад Бяла-Падляску. Акрамя гэтага, ён стварыў вялікую колькасць станковых твораў для розных рэзідэнцый княгіні. Ад гэтага часу захаваны падпісаны мастаком партрэт Яна Мікалая Радзівіла (1733 г.) з серыі партрэтаў у лаўровым вянку [2, с. 48]. Астатнія працы вядомыя па інвентарных вопісах палацаў княгіні. Жанры гэтых твораў дастаткова разнастайныя – нацюрморты, пейзажы, партрэты. Ксаверый Дамінік займаў пры двары Ганны даволі ганаровае месца «пана мастака» сярод майстроў-іншаземцаў [3, с. 159].

Другі перыяд жыцця і працы К. Д. Гескага звязаны з Нясвіжам, дзе ён працаваў у Радзівілаў амаль 24 гады (1740–1764). Аднак пачатковы этап гэтага перыяду складваўся для яго не вельмі ўдала. Вядома, што ў 1740–1742 гг. мастак знаходзіўся ў крытычнай сітуацыі, паколькі не меў пастаянных замоў і адпаведнага статусу пры двары князя. У 1742 г. ён атрымаў месца суперіндэнта на фаянсавай мануфактуры князя ў Сверхні. Пасля гэтага становішча Ксаверыя Дамініка Гескага пры княжацкім двары стабілізавалася. Гескі забяспечыў наладжаную работу Сверханскай мануфактуры і з 1744 г. пачаў атрымліваць замовы на манументальныя працы. Дадзены перыяд творчасці Гескага можна рэканструяваць паводле інвентарных вопісаў інтэр'ераў палацаў у Нясвіжы (Замак і Эрмітаж), Гародні, Алыцы, якія дэкарыраваў у гэты час мастак (інтэр'еры не захаваліся), і жывапісу Нясвіжскага касцёла Божага Цела, дзе найбольш значнай аўтэнтычнай працай мастака быў вялікі алтарны абраз «Тайная вячэра». Ім таксама быў выкананы сакральны жывапіс для базыльянскага кляштара ў Новым Сверхні. З 1746 г. К. Д. Гескі пачаў адказваць за працу ўсіх мастакоў радзівілаўскага двара. У 1751 г. ён разам з астатнімі прыдворнымі мастакамі ўпрыгожваў палац Радзівілаў у Брэст-Літоўску (не захаваны). З 1752 года рыхтаваў эскізы ўзораў для габеленаў, якія адначасова былі і станковымі палотнамі гістарычнага жанру. Паводле дакументаў 1753 г. зрабіў дэкарацыі Слуцкага тэатра, дакументаваў у 1753–1754 гг. (6 партрэтаў у 1753 г. і 9 карцін у 1754 г.). У 1756–1758 гг. выканаў жывапісна-дэкарацыйныя работы ў Нясвіжскім кляштары бенедыкцінак. У 1750-я гг. К. Д. Гескі падпісваў свае лісты для князя як «прэм'ер маляж». Гэта значыць, што ён атрымаў тытул прыдворнага мастака Радзівілаў. К. Д. Гескі з'яўляўся таксама галоўным настаўнікам мясцовых «хлопцаў», творчасць якіх ў далейшым склала аснову мясцовай рэгіянальнай школы жывапісу.

К. Д. Гескі з'яўляецца мастаком, чый арганізацыйны і мастацкі таленты вызначылі высокі ўзровень нясвіжскага манументальна-дэкаратыўнага мастацтва. На адметнасць стыля К. Д. Гескага паўплывалі рэгіянальныя традыцыі і вопыт працы ў квадратурным перспектывным жывапісе, які атрымаў шырокае распаўсюджванне ў нямецка-саксонскім мастацтве, што ў сваю чаргу знаходзілася пад італьянскім уплывам. Ілюзіяністычна-перспек-

тыўны жывапіс мастака адрозніваецца ад панарамнага жывапісу пачынальнага ўкраінскага манументальна-дэкаратыўнага жывапісу Станіслава Строінскага і стылю Сымона Чаховіча ў польскім жывапісе, вытрыманым у рымскай традыцыі позняга барока [6, с. 26].

У станковым жывапісе Гескі валодаў майстэрствам імітаваць яго «халендэрскую» (галандскую) манеру на аснове выкарыстання галоўных мастацкіх прыёмаў ранейшых творцаў Рэмбранта, Хальса, Рубенса [6, с. 18]. Затым у імітацыйнай манеры пачалі працаваць усе майстры нясвіжскага мастацкага двара (Мікалай Струмецкі, Канстанцін Пятрановіч, Юзаф Ксаверый Гескі-малодшы, Казімір Лютніцкі, Андрэй Зашконт, Міхаіл Скшыцкі, Станіслаў Мікалаеўскі). Творы мастацтва, выкананыя нясвіжскімі майстрамі, з'яўляюцца інтэрпрэтацыйнымі варыянтамі барочнага, ракайльнага, класіцыстычнага формаўтварэння і сведчаць аб адаптацыі іх да еўрапейскай стылістыкі. У сувязі з гэтым жывапіс Беларусі паўстае ў іншым творчым накірунку, напамінае мастацтва Саксоніі таго часу больш, чым Францыі і Італіі. Імітацыйная манера звязала творы мастакоў Нясвіжа са стылістыкай позняга барока [6, с. 16].

Другое пакаленне Гескіх пры двары князёў Радзівілаў прадстаўляе малодшы сын мастака Юзаф Ксаверый (1736?–1810?). Яго біяграфія вядома з дакумента 1794 г., напісанага мастаком на імя Кацярыны II з просьбай выплаціць яму грошы, якія недаплацілі за працу М. К. Радзівіл Рыбанька і яго сын К. С. Радзівіл Пане Каханку. У 1753–1781 гг. Юзаф з'яўляўся камісарам па сплаве лесу. Адначасова з брыгадай прыдворных мастакоў выконваў станковыя і манументальныя жывапісныя работы пад кіраўніцтвам бацькі, упрыгожваў інтэр'еры палацаў, замкаў і храмаў у радзівілаўскіх уладаннях. Дакументальна пацверджана яго размалёўка дамініканскага касцёла ў Нясвіжы (1763 г., не захавалася). Яму таксама прыпісваецца размалёўка дамініканскага касцёла ў Стоўбцах (не захавалася). У 1759 і 1782 г. удзельнічаў у манументальна-дэкаратыўных работах у Нясвіжскім кляштары бенедыкцінак. У 1783 г. рыхтаваў залы замка да прыёму караля Станіслава Аўгуста Панятоўскага. Юзафу Ксаверыю прыпісваюць стварэнне партрэта караля, які цяпер захоўваецца ў Нацыянальным мастацкім музеі Беларусі [1, с. 531]. У пажары 1793 г. згарэў дом мастака, таму апошнія гады жыцця ён правёў у нясвіжскім дамініканскім кляштары, у якім стаў манахам [5, с. 80].

Такім чынам, творчасць нямецкіх мастакоў Гескіх з'яўляецца важнай крыніцай для разумення вобразнай і стылістычнай арыентацыі беларускага мастацтва XVIII ст. Заснаванае К. Д. Гескім у беларускім мастацтве рэгіянальнае адганаліванне еўрапейскага перспектыўнага манументальнага жывапісу варта назваць «нясвіжскім барочным ілюзіянізмам».

ЛІТАРАТУРА

1. *Бажэнава, В.* Гескія / *В. Бажэнава* // Вялікае Княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.] – Мінск : БелЭн, 2005. – Т. 1: Абаленскі-Кадэнцыя. – С. 530–531.

2. *Баженова, О.* Семейный альбом портретов князей Радзивилов из Национального исторического архива Беларуси / О. Баженова // Мірскі замак: канцэпцыя рэстаўрацыі і праблемы музефікацыі. – Мiр, 2007. – С. 40–55.
3. *Баженова, О. Д.* Геский – придворный художник князя Михаила Казимира Радзивила Рыбоньки / О. Д. Баженова // Музей XXI ст.: актуальныя праблемы дзейнасці: матэрыялы навук.-практ. канф. – Мiнск: Белпрынт, 2008 – С. 159–169.
4. *Бажэнава, В.* Радзівілы, мастак Ксаверый Дамінік Гескі й Саксонія / В. Бажэнава // Спадчына, 2003 (153). – № 4–5. – С. 23–25.
5. *Баженова, О.* Радзивиловский Несвиж: росписи костела Божьего Тела / О. Баженова. – Минск: Харвест, 2010. – 414 с.
6. *Баженова, О. Д.* Монументальна-декоративное искусство Несвижа XVIII века: европейский контекст и стилистическое своеобразие: ...автореф. дис. д-ра искусствоведения : 17.00.09. / О. Д. Баженова. – Минск, 2013. – 49 с.
7. *Грыцкевіч, А.* Радзівіл Міхаіл Казімір (мянушка Рыбанька) / А. Грыцкевіч // Вялікае Княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. / рэдкал. : Г. П. Пашкоў [і інш.]. – Т. 2 : Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – Мiнск : БелЭн, 2006. – 792 с.

О. П. Дмитриева, В. В. Куницкий

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (февраль – ноябрь 1918 г.)

В годы Первой мировой войны белорусские земли дважды подверглись немецкой оккупации. Первый период контроля Германией западной части белорусских земель – Виленщины, Гродненщины и небольшой территории Минской губернии длился с осени 1915 г. и до подписания 4 декабря 1917 г. в местечке Солы, около Сморгони, соглашения о перемирии, по которому боевые действия на всем протяжении Западного фронта приостанавливались на 2 месяца [1, с. 8; 2, с. 51; 3, с. 36].

После того как в январе 1918 г. в Брест-Литовске советская делегация отказалась подписать мирный договор на условиях, выдвинутых Германией, немецкие войска возобновили наступательные операции на Восточном фронте. В период с 18 февраля до начала марта 1918 г. они заняли большую часть белорусской территории, выйдя к рекам Западная Двина и Днепр. Под германским контролем оказались части Витебской, Минской и Могилевской губерний с Двинском, Минском, Логойском, Докшицами, Лепелем, Полоцком, Борисовом, Жлобином, Речицей, Калинковичами, Рогачевом, Гомелем, Оршей и Могилевом. К марту 1918 г. фронт стабилизировался по линии Полоцк – Орша – Могилев – Рогачев – Гомель [3, с. 38; 4, с. 454–455; 5, с. 140; 6, с. 130–131; 7, с. 79]. Так начался период второй волны немецкой оккупации на территории Беларуси.

В результате заключенного 3 марта 1918 г. Брестского мира к Германии отошли белорусские земли на запад от линии Двинск – Свенцяны – Лида – Пружаны – Брест (западные уезды Виленской и Гродненской губерний), которые Германия планировала использовать по своему усмотрению [8, с. 44].

Брестский, Пружанский, Кобринский, Пинский, Мозырский, Речицкий и Гомельский уезды были преобразованы в Полесскую губернию, которые Германия отдала Украинской Народной Республике. Это повлекло за собой украинизацию всех национальностей белорусских земель, проявившуюся, прежде всего, в назначении на местах украинских чиновников из Центральной Украины, во введении украинского языка в школах и делопроизводстве.

Территория пяти уездов Минской и Могилевской губерний в районе Могилёв – устье реки Березина – Слуцк оказалась в зоне оккупации 1-го Польского корпуса – так называемые земли «Довбория». Находившиеся здесь сторонники И. Р. Довбор-Мусницкого выступали против свершений Октябрьской революции и вели польскую пропаганду среди местных жителей, а занятые ими земли планировали включить в состав Царства Польского. После расформирования корпуса в июне 1918 г. на эту территорию пришла германская оккупационная администрация [8, с. 44; 9, с. 222–223; 10, с. 122].

В неоккупированных восточных уездах Витебской и Могилевской губерний продолжала существовать советская власть в рамках территориального образования Западная область, в состав которой также входила Смоленская губерния [11, с. 13]. Таким образом, на протяжении 1918 г. разные части белорусских территорий оказались под немецким, украинским, польским и советским влиянием.

Важно отметить, что при подписании Брестского мирного договора белорусские делегаты (И. Середа, А. Цвикевич и С. Рак-Михайловский) находились на конференции в качестве советников украинской делегации [9, с. 222].

Следовательно, при таком важном и судьбоносном для Беларуси событии отсутствовали представители от белорусского народа. Более того, ни Россия, ни Германия не рассматривали Беларусь как самостоятельное государственное образование. Россия и Польша считали белорусские земли своей неделимой частью, а для Германии эти территории были залогом для выплаты ей контрибуции Советской Россией. Также на белорусские земли претендовали современные Украина, Литва и Латвия.

Согласно русско-германскому добавочному договору, заключенному 27 августа 1918 г., Германия взяла на себя обязательство «ни вызывать, ни поддерживать самостоятельных государственных организмов», не вмешиваться в отношения между «русским государством и его отдельными областями» [11, с. 20]. По образцу оккупированных в 1915 г. белорусских западных земель вновь захваченные территории стали называться немецкой областью. Здесь ликвидировалась советская власть и все принятые ею декреты и постановления. В городах и деревнях стояли немецкие гарнизоны.

Власть германского коменданта, градоначальника и начальника уезда была ограничена только командующим 10-й армии генералом Э. Фалькенхаймом, чей штаб располагался в Минске. На захваченных территориях восставливалась досоветская система местного управления: городские думы, управы, земства, волостные староства, старые суды; в деревнях – земские управы. На городские и земские управы возлагались обязанности обеспечения германской оккупационной администрации всем необходимым [6, с. 130–131; 8, с. 45; 12, с. 91–92].

Особое доверие в деле трудоустройства у немецкой военной администрации вызывали представители германской национальности. Для выявления необходимых специалистов создавались списки с указанием профессий жителей той или иной местности. Так, среди различных приказов немецкой комендатуры для населения Вильно за март 1918 г. находился перечень местных немцев и список их профессий, включавший 4 портных, 1 вышивальщицу, 5 прачек, 9 штопальщиц, 2 приходящих домработниц, 2 сапожников и 1 пекаря [13, л. 73]. Очевидно, что немецкое командование использовало профессиональный ресурс местного населения для обслуживания и материального обеспечения своих войск и тыловых частей.

Социально-экономическое положение жителей захваченных немцами территорий мало чем отличалось от времени первой оккупации. Все государственное и частное имущество, которое не было эвакуировано или же не имело своего законного хозяина, было объявлено владением Германской империи. Большинство промышленных предприятий было закрыто. Без перебоев работали только торфодобывающая и лесозаготовительная промышленность. Созданное Минское окружное лесное управление обладало правом монополии на вырубку леса в Минской, Виленской и Могилевской губерниях. Так, на 27 июля 1918 г. на оккупированной территории Беларуси было не менее 45 лесничеств [14, л. 1–1 об., 9, 11].

Средства связи также были под контролем оккупационной администрации. К лету 1918 г. только на территории Минского окружного управления было открыто 33 почтовых отделения. При отправлении корреспонденции использовались видоизмененные имперские почтовые марки. При этом местное население не могло выступать посредником при пересылке писем, а также учреждать почтовые отделения. Нарушители этого распоряжения подвергались лишению свободы сроком до одного года или/и денежному штрафу в размере до 3 тыс. марок [14, л. 19–20].

Военная администрация объясняла свои действия запретом на «пользование жителями занятой армией области разрешенными почтовыми сношениями посредством местных почтово-рассыльных учреждений для каких бы то ни было сообщений о военных обстоятельствах или для обсуждения политических событий, могущих повредить интересам оккупационных войск или Германского государства и его союзников <...>» [15, с. 203].

Ярким примером положения населения на захваченной немцами части Беларуси может служить Полоцк. Так, с началом оккупации этого города в феврале 1918 г. командир отряда полковник Фирстенау заверил его жителей,

что не будет никакого вмешательства в их внутренние дела, «все останется по-старому, как было до сих пор» [16, с. 7–8]. Кроме этого, Фирстенау пообещал, что функции местной власти останутся за городским самоуправлением. Он также отметил, что для общественно-политической жизни населения, деятельности организаций и союзов не будет никаких препятствий. При этом немецкое командование ввело свои деньги, а так называемые «керенские» или «думские» деньги правительством Обер Ост не принимались. По свидетельствам очевидцев, уже спустя месяц немцы начали «устраиваться по-настоящему»: налоги росли ежедневно, население было вынуждено содержать для немецкого гарнизона штат переводчиков и полицейских, доставлять дрова, посуду, мебель, снабжать электроэнергией. Комендант потребовал у всех жителей описи их имущества и заявил, что «на каждого члена семьи может быть оставлено по одному стулу, ложке, вилке». Все «лишнее» (мебель, посуда, картины, мыло, нитки и др.) забиралось для нужд немецких войск [16, с. 17–19, 23].

На вновь оккупированной территории немцы придерживались политики дерусификации, делая акцент, прежде всего, на развитие культур всех национальностей региона. Эту тенденцию можно проследить на примере польской общности белорусских земель. В 1917–1918 гг. в Минске действовали Общество полек, Общество почитателей науки, Общество врачей и естествоведов, Общество литераторов и журналистов и другие польские организации [17, с. 240]. Архив хранит воспоминания одного из служащих беженского отдела Белнацкома о положении в оккупированном Минске и Минской губернии в сентябре 1918 г.: «В значительной мере край полонизирован. Много открыто польских школ. Вывески везде или немецкие, или польские. Не обходится и без курьезов. Укажу пример: в городской управе по отделу народного образования представительницей от немцев состоит какая-то полька» [18, л. 4–4 об.].

Дерусификация региона осуществлялась и благодаря возросшей заинтересованности Германии к белорусам. Так, важную роль сыграли немецкие ученые-слависты в распространении знаний об истории и культуре местного населения среди солдат. Активную культурно-просветительскую деятельность среди оккупационных войск осуществлял известный славист, искусствовед А. Ипель, по инициативе которого были организованы 2 выставки белорусского искусства и опубликован ряд статей. Славист Р. Абихт печатал статьи по истории белорусского народа и его духовной культуры, переводил произведения Я. Купалы, Я. Коласа, белорусские песни и сказки. Офицер культурного отдела Обер Ост Ф. Куршман неоднократно выступал с лекциями перед военными [19, с. 15].

В статье «Спазнанне Беларусі» от 12 июля 1918 г., напечатанной в газете «Дзянніца», сообщалось, что немцы стали проявлять чрезмерный интерес к белорусскому региону с целью ознакомления с ним. На книжных рынках появились различные брошюры об исторических и этнографических особенностях края. По мнению автора статьи, это делалось для того, чтобы «расположить в свою сторону белорусское население» [20, л. 66].

Немецкая военная администрация поддержала создание белорусских научных объединений. Так, 26 января 1918 г. на белорусской конференции в Вильно с согласия немецких оккупационных властей был учрежден устав Белорусского научного общества (БНО). Эта организация получила право создавать и поддерживать за свой счет музеи, библиотеки, научные учреждения, организовывать выставки, экскурсии, лекции, курсы, собрания, а также заниматься издательской деятельностью. Правда, работа общества ограничивалась территорией Вильно, а его председателем был избран барон К. Шафнагель как представитель немецкой администрации. Заместителем председателя стал известный белорусский деятель, археолог И. Луцкевич [21, с. 35].

Одним из первых мероприятий БНО стала организация выставки белорусского древнего и декоративно-прикладного искусства, которая прошла в мае 1918 г. в Вильно при поддержке штаба 10-й немецкой армии. В сентябре 1918 г. экспозицию выставки увидели и жители Минска. Первоначально БНО сотрудничало с немецкими учеными: на заседаниях с докладами выступали археолог и искусствовед А. Ипель, этнограф П. Вебер; управление организации посещали К. Майнгоф, Г. Пик и другие представители немецкой интеллигенции.

В мае 1918 г. была создана комиссия по рассмотрению подготовленных для печати учебников немецкой грамматики. Но в конце 1918 г. в связи с уходом из Вильно немецких войск и расширением польской экспансии культурная и научная активность комитета значительно снизилась, а его деятели были вовлечены уже в политическую жизнь страны [21, с. 36].

Постепенно происходила активизация местных национальных сил, и белорусские националисты, находясь в условиях немецкой оккупации, смогли использовать предоставившиеся им возможности для реализации своих политических амбиций. 20 февраля 1918 г. исполнительный комитет Рады Всебелорусского съезда Первой уставной грамотой призвал белорусский народ «осуществить свое право на полное самоопределение, а национальные меньшинства на национально-персональную автономию» [22, с. 17].

9 марта 1918 г. представители белорусского национального движения Второй уставной грамотой провозгласили Белорусскую Народную Республику (БНР). В этом документе было заявлено о персонально-национальной автономии и равноправии родных языков всех народностей в границах созданного государства. После продолжительных обсуждений 25 марта 1918 г. правительство БНР вместе с представителями Виленской Белорусской Рады приняло Третью уставную грамоту, адресованную народам Беларуси. В ней провозглашалась полная государственная независимость БНР в границах Могилевской, Минской, белорусских частей Витебской, Виленской, Гродненской, Смоленской, Черниговской, а также соседних губерний, населенных белорусами. Важным было заявление руководства республики о том, что оно имеет право пойти на переговоры с Германией и пересмотреть ту часть «Брестского трактата», которая касается Беларуси. Созданное прави-

тельство также постановило, что может заключить соответствующие договоры как со странами Антанты, так и с участниками Четвертного союза, потому что БНР не была участником Первой мировой войны [22, с. 22–24; 23, с. 51–54; 24; 25].

Следующим шагом руководства БНР в деле укрепления своих политических позиций стало принятие специальной инструкции, согласно которой проводилась регистрация граждан в рамках провозглашенных границ. На сегодняшний день исследователями выявлено более 1 тыс. таких случаев. Кроме того, в 1918 г. в типографии Язэпа Галевского в Берлине был издан образец общегражданского паспорта БНР, который состоял из 12 страниц. Также осуществлялась институализация власти на местах. Есть свидетельства, что большинство местных органов белорусского правительства создавалось самостоятельно, а не по распоряжениям немецкой военной администрации, хотя, безусловно, они находились под пристальным вниманием оккупационных властей и их непосредственным контролем [26, с. 191–193].

Новые органы власти предпринимали попытки по оказанию помощи местному населению, пострадавшему в ходе военных действий. Так, белорусский исследователь В. Г. Мазец отмечает, что в июле-ноябре 1918 г. благодаря поддержке со стороны местных органов БНР на родину через Барановичи вернулось 4 тыс. беженцев-белорусов [25].

Однако говорить о подлинной независимости БНР в политическом плане не приходится, так как она находилась в условиях жесткого оккупационного режима другого государства. Тем не менее произошедшие изменения дали возможность основным противоборствующим сторонам – Германии и России – начать рассматривать белорусов уже не просто как этнос, а как этническую общность с единым языком и самосознанием, а главное, с претензией на создание собственной национальной государственности.

При этом БНР, будучи только представительным органом при оккупационных властях и не имея таких важных составляющих компонентов государственности, как армия, полиция, финансовая и налоговая системы, была ограничена в своих полномочиях. К тому же необходимо учитывать тот факт, что самостоятельное белорусское национальное государственное образование не входило в планы германских центральных и местных оккупационных властей. Альтернативой ему могло быть только белорусское национальное представительство при германской военной администрации, что, по сути, и произошло. БНР существовала на оккупированных белорусских землях под охраной 10-й немецкой армии, однако германский император Вильгельм II не признал новое государство, несмотря на заверения правительства в лояльности к его стране [27, с. 41]. 16 февраля 1918 г. представители литовской Тарибы обратились к германскому правительству с просьбой о признании независимого Литовского государства [28]. Уже 23 марта 1918 г. Вильгельм II объявил о независимости, но на условиях декларации 11 декабря 1917 г. Летом 1918 г. Тариба была преобразована в Государственный совет Литвы, а уже 9 ноября 1918 г. литовцы создали

первое правительство во главе с А. Вальдемарасом [29, с. 1; 30, с. 11–13]. Таким образом, немецкие власти оказались более благосклонными к литовцам, нежели к белорусам в их стремлениях к созданию собственной национальной государственности в форме БНР.

Так, во вторую волну немецкой оккупации на захваченной части белорусских земель вводился военно-административный режим, в основе которого была идея о приоритете жизненных интересов народа Германской империи перед местным населением. Результатом этой идеи стала жесткая экономическая и финансовая политика. Для осуществления контроля над захваченными территориями немецкие власти стремились заручиться поддержкой местных жителей, в том числе и белорусов, которые использовали это обстоятельство в пользу своего национально-культурного и общественно-политического развития. Однако когда перед ними появилась возможность создания собственной государственности в форме БНР, немецкая администрация перешла на сторону литовского национального движения в регионе. Это свидетельствует о том, что на различных этапах ведения войны Германия в разной степени поддерживала ту или иную национальную общность территории Беларуси исключительно с целью укрепления своих позиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Мигун, Д. А.* Германия и Беларусь: уроки истории (1914–1922 годы) / Д. А. Мигун. – Минск : Респ. ин-т высш. шк. Белорус. гос. ун-та, 2001. – 61 с.
2. *Платонаў, Р.* Пад пятой германскага кайзера / Р. Платонаў // Беларус. гіст. часоп. – 2001. – № 2. – С. 51–56.
3. *Тихомиров, А.* Проблема белорусско-германских отношений в 1914–1922 гг. / А. Тихомиров // Беларус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2002. – № 4. – С. 36–44.
4. *Мигун, Д. А.* Переговоры в Брест-Литовске 1918 г. и судьбы восточных славян / Д. А. Мигун // Гістарычная навука ў Белдзяржуніверсітэце на рубяжы тысячагоддзяў: матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., прысвеч. 65-годдзю заснавання гіст. фак. Белдзяржуніверсітэта, Мінск, 26 лістап. 1999 г. / Беларус. дзярж. ун-т; навук. рэд.: Ю. Л. Казакоў [і інш.]. – Мінск, 2000. – С. 454–455.
5. Памяць : Барысаў. Барыс. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / склад. Ж. В. Гілевіч; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1997. – 797 с.
6. Памяць : Докш. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / уклад. А. В. Скараход; рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 2004. – 749 с.
7. Памяць : Шклоўс. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / рэд.-уклад. Г. Л. Напрэеў. – Мінск : Універсітэцкае, 1998. – 509 с.
8. *Трацяк, С. А.* Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі: лістапад 1917–студзень 1919 г. / С. А. Трацяк; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2009. – 206 с.

9. Памяць : Брэст : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі : у 2 кн. / уклад. А. П. Кондак; рэдкал.: Г. К. Кісялёў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БЕЛТА, 1997–2001. – Кн. 1. – 1997. – 576 с.
10. Памяць : Чачэр. р-н : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі / уклад.: У. Я. Райскі, Я. А. Шыпенка; рэдкал.: Г. К. Кісялёў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БЕЛТА, 2000. – 619 с.
11. *Круталевич, В. А.* На путях национального самоопределения: БНР – БССР – РБ / В. А. Круталевич; Акад. наук Беларуси, Ин-т философии и права; под ред. В. Г. Гавриленко. – Минск : Право и экономика, 1995. – 138 с.
12. Иностранная военная интервенция в Белоруссии, 1917–1920 / И. М. Игнатенко [и др.]; отв. ред. И. И. Минц. – Минск : Навука і тэхніка, 1990. – 342 с.
13. Государственный исторический архив Литвы (ГИАЛ). – Фонд 641. – Оп. 1. – Д. 1018. – Л. 73.
14. Государственный архив Минской области (ГАМн). – Фонд 213. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 1–1 об., 9, 11–12, 19–20.
15. *Людendorф, Э.* Мои воспоминания о войне, 1914–1918 гг. / Э. Людendorф. – М. : АСТ; Минск : Харвест, 2005. – 799 с.
16. *Вик, Л.* Уголок немецкой оккупации: из жизни города Полоцка с момента оккупации его немецкими войсками (февраль–июнь 1918 года) / Л. Вик. – Петроград : Изд. Петрогр. Совета рабочих и красноарм. депутатов, 1918. – 31 с.
17. Памяць : Мінск : гіст.-дак. хронікі гарадоў і р-наў Беларусі : у 4 кн. / уклад.: А. А. Ляўшэвіч, В. С. Семенякоў; навук. рэд. Г. В. Штыхаў. – Мінск : БЕЛТА, 2001–2005. – Кн. 2. – 2002. – 701 с.
18. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 4–4 об.
19. *Сакалоўскі, У.* Беларускае адраджэнне і далучэнне нямецкіх вучоных да даследавання беларускай культуры / У. Сакалоўскі // Кантакты і дыялогі. – 1996. – № 3. – С. 9–17.
20. НАРБ. – Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 66, 204–208.
21. *Вабішчэвіч, А.* Беларускае навуковае таварыства ў Вільні (1918–1939 гг.) / А. Вабішчэвіч // Беларус. гіст. часоп. – 2009. – № 6. – С. 35–40.
22. За дзяржаўную незалежнасць Беларусі = For national independence of Byelorussia : дак. і матэрыялы, сабр. і падрыхт. для публ. І. Касяком, прагледж. і апрабав. для друку каміс. Беларус. цэнтр. рады пад кіраўн. праф. Р. Астроўскага. – Лондан : Беларус. цэнтр. рада, 1960. – 197 с.
23. *Павлова, Т. Я.* Границы БНР / Т. Я. Павлова // Белорус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1999. – № 3. – С. 51–54.
24. *Паламарь, Н. Г.* К вопросу о территории и границе Беларуси (1916–1939 гг.) [Электронный ресурс] / Н. Г. Паламарь // Знание. Понимание. Умение : информ. гуманитар. портал. – Режим доступа: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2009/6/palamar/>. – Дата доступа: 23.02.2013.
25. *Цімошык, Л.* Вопыт і ўрок гісторыі: БНР як нацыянальная форма беларускай дзяржаўнасці [Электронны рэсурс] / Л. Цімошык, В. Мядзве-дзева // Звязда. – 2013. – 26 сак. – Рэжым доступу: <http://zviazda.by/2013/03/6243.html>. – Дата доступу: 04.02.2014.

26. *Мазец, В. Г.* БНР і праблемы нацыянальных супольнасцей на Беларусі / В. Г. Мазец // Этнічныя супольнасці ў Беларусі: гісторыя і сучаснасць: навук. канф., Мінск, 6–7 снеж. 2001 г. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі; рэдкал.: У. І. Навіцкі (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2001. – С. 191–193.
27. *Ладысеў, У. Ф.* На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.) / У. Ф. Ладысеў. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 1999. – 127 с.
28. Акт незалежнасці Літвы, 16 февраля 1918 г. [Электронны ресурс] // Средневековая Литва. – Режим доступа: <http://viduramziu.istorija.net/etno/vasario16-gu.htm>. – Дата доступа: 06.07.2013.
29. Доля беларусаў // Беларус. шлях. – 1918. – 27 сак. – С. 1.
30. *Трусаў, А. А.* Сярэдняя Літва / А. А. Трусаў // Беларус. гіст. часоп. – 2004. – № 11. – С. 11–13.

В. Г. Мазец

НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ ФІНАНСАВАЙ ДЗЕЙНАСЦІ ЎРАДА БНР У 1918 Г.

21 лютага 1918 г. Выканаўчы Камітэт Савета І Усебеларускага з'езда выдаў Першую Устаўную Грамату і абвясціў сябе часовай уладай на Беларусі. Быў створаны Народны Сакратарыят Беларусі, які ўзначаліў Язэп Варонка. Пасаду народнага сакратара фінансаў заняў Гелій Белкінд [1]. Пастановай № 1 Народны Сакратарыят Беларусі 21 лютага 1918 г. абвясціў усю казённую маёмасць, установы, капіталы і каштоўнасці здабыткам беларускага народа [2, с. 208].

Разам з тым працэс станаўлення беларускай дзяржаўнасці адбываўся ў надзвычай неспрыяльных абставінах. Нягледзячы на ўстанаўленне ў Мінску па ініцыятыве палякаў злучанай польска-беларускай камендатуры, палякамі было абрабавана палявое казначэйства 38 і 2 Каўказскага корпуса і Мінская Паштова-Тэлеграфная кантора на 15 млн. руб. і розных каштоўнасцей [3, с. 54].

22 лютага ў Мінск па чыгунцы прыбыў першы вайсковы аддзел немцаў, а 25 лютага нямецкі камендант высляліў Народны Сакратарыят з яго Дома і канфіскаваў касу – 341 441 руб. Пасля некалькіх зваротаў з просьбай вярнуць грошы 12 сакавіка 1918 г. прадстаўнікам Народнага Сакратарыята было заяўлена аб тым, што для разгляду пытання аб прыналежнасці грошай, «секвестраваных ва ўстановах г. Мінска, германскімі акупацыйнымі ўладамі была створана асобая камісія» [2, с. 54]. Народны Сакратарыят накіраваў двух сваіх прадстаўнікоў для ўдзелу ў рабоце гэтай Камісіі: Гелія Белкінда і Пятра Крэчэўскага. Але нават стварэнне асобай камісіі не мела станоўчага выніку ў справе вяртання грошай. Пра гэта сведчыць ліст Народнага Сакратарыята БНР, накіраваны 1 ліпеня 1918 г. обер-кватэрмайстру Штаба X Арміі, у якім у чарговы раз перад акупацыйнымі ўладамі было ўзнята пытанне вяртання канфіскаваных у лютым 1918 г. грошай [2, с. 57]. Як сведчыць ліст Народнага Сакратарыята фінансаў БНР Мінскаму казначэйству ад 31 кастрычніка, канфіскаваныя германскім камендантам грошы так і не былі вярнутыя [2, с. 289].

Такім чынам, пасля канфіскацыі германскім камендантам ў лютым 1918 г. грашовых сродкаў Народнага Сакратарыята фінансавое пытанне паўстала асабліва востра. «Ноль фінансавога становішча Рады і Сакратарыяту павялічыўся толькі тым», што 18 сакавіка Мінская гарадская дума прыняла рашэнне асігнаваць у распараджэнне Народнага Сакратарыята 10 тыс. руб. [4, с. 30]. 29 сакавіка скарбніку Народнага Сакратарыята Васілю Захарку даручылі атрымаць грошы, асігнаныя Мінскай гарадзкой думай [2, с. 65]. Разам з тым у касу Народнага Сакратарыята патрапіла толькі частка грошай у памеры 4 тыс. 500 руб. [2, с. 115].

На пасяджэнні Народнага Сакратарыята 24 сакавіка 1918 г. разглядалася справа пасылання дэлегацыі ў Кіеў з просьбамі аб грашовай пазыцы для Беларускай Народнай Рэспублікі. Гэта па сутнасці і з'явілася падставай, каб узняць пытанне аб неабходнасці абвясчэння незалежнасці БНР. Згодна з пастановаю Народнага Сакратарыята ад 23 красавіка 1918 г. сябры Рады Беларускай Народнай Рэспублікі Аляксандр Цвікевіч і Сымон Рак-Міхайлоўскі былі ўпаўнаважаны Народным Сакратарыятам на заключэнне грашовай пазыкі да пяцідзесяці мільёнаў рубл. ад Урада Украінскай Народнай Рэспублікі і на атрыманне гэтых грошай [2, с. 128].

Акрамя таго, 26 сакавіка Народны Сакратарыят БНР звярнуўся да нямецкага каменданта з просьбай дазволіць беларускім культурным арганізацыям скарбонкавы збор на вуліцах і ва ўстановах Мінска [2, с. 65].

29 сакавіка 1918 г. на паседжанні Рады Беларускай Народнай Рэспублікі былі створаныя 6 камісій, у тым ліку і фінансавая [2, с. 67].

У красавіку 1918 г. на разгляд Рады БНР Язэп Варонка і Пётр Крэчэўскі паставілі пытанне аб выпуску беларускіх крэдытных білетаў, якія забяспечваюцца коштам таварнага лесу [5].

Пётр Крэчэўскі (народны сакратар фінансаў БНР) у маі 1918 г. склаў праграму развіцця фінансаў і гандлю. Згодна з праграмай прадугледжваліся наступныя мерапрыемствы:

«1) знешнія займы, як аснова прызнання Рэспублікі і моцнага становішча ўласнай валюты;

2) выпуск уласных грошай, якія забяспечваюцца “драўлянай валютай” (коштам таварнага лесу):

а) асноўным фондам, які забяспечвае валюту, з'яўляюцца казённыя лясы памерам 1 мільён дзесяцін на суму па даваенным сярэднім кошце 5 мільярдаў рублёў;

б) у адпаведнасці з законам БНР, што лясы з'яўляюцца дзяржаўнай уласнасцю, у распараджэнне дзяржавы перадаваліся і лясы, што знаходзіліся ў прыватнай уласнасці, што складае фонд памерам 6 мільёнаў дзесяцін на суму 30 мільярдаў рублёў.

3) выпуск латарэйных білетаў на ўзор Варшаўскай латарэі» [6, арк. 120].

На паседжанні Рады БНР 1 мая 1918 г. было прынята рашэнне стварыць фінансавую камісію, у склад якой былі выбраны Пётр Крэчэўскі, Васіль Захарка, Фёдар Вернікоўскі, Канстанцін Цвірка-Гадыцкі і Мікола Пашковіч. Старшынёй Народнага Сакратарыята БНР Язэпам Варонкам у канцы мая

1918 г. была заснавана Фінансавая камісія, якая займалася разглядам дакладаў, што паступалі на імя Старшыні, і падрыхтоўкай новых законапраектаў. У гэтую камісію быў запрошаны цэлы шэраг вядомых банкаўскіх дзеячаў, а таксама былы народны сакратар фінансаў БНР Гелій Белкінд [7, арк. 211].

Народным Сакратарыятам былі зроблены захады па стварэнні краёвага банка. Так, Эдвард Будзька атрымаў 28 мая 1918 г. ад Народнага Сакратарыята даручэнне правесці перагаворы з «Мінскім Саюзам Кааператываў» аб стварэнні «краёвага беларускага кааператыву і такога самага грашовага банку» [2, с. 163].

Фінансавое становішча ўрадавых структур БНР істотна палепшылася ў пачатку мая 1918 г. На паседжанні дэлегацыі Народнага Сакратарыята БНР быў заслуханы даклад Аляксандра Цвікевіча аб атрыманні 300 тыс. руб. у рахунак авансу за прададзеныя дровы [2, с. 148]. З пералічанай 15 мая сумы было атрымана 50 тыс. руб., з якіх 25 тыс. руб. было накіравана Народнаму Сакратарыяту, 10 тыс. руб. выдадзена пад распіску Старшыні Беларускай Гандлёвай Палаты ў Кіеве паводле сметы, зацверджанай Народным Сакратарыятам, і 15 тыс. руб. – пакінута ў распараджэнні дэлегацыі для вядзення перагавораў і выдання газет і брашур [2, с. 152].

Усяго на працягу 30 красавіка – 1 ліпеня 1918 г. у касу Народнага Сакратарыята паступіла 132 тыс. 899 руб. 51 кап. Большую частку даходу – 125 тыс. руб. – склалі грашовае сродкі ад УНР за прададзеныя дровы [2, с. 152]. Акрамя таго, касу папоўнілі грошы, атрыманыя ад Гарадской управы і скарбонкавых збораў.

Амаль палова паступіўшых на рахунак Народнага Сакратарыята сродкаў – 62 тыс. 666 руб. 37 кап. былі выдаткаваны на зарплату членам Рады БНР. Даволі значную частку атрыманых сродкаў агульным памерам 45 тыс. 150 руб. Народны Сакратарыят накіраваў на культурна-асветніцкія патрэбы [2, с. 196–197]. Так, 22 мая 1918 г. Народны Сакратарыят прыняў пастанову, якой былі вызначаны выдаткі на выдавецкую дзейнасць. У адпаведнасці з пастановай прадугледжвалася:

«– выдаць Віленскаму выдавецтву Вацлава Ластоўскага тры тысячы рубл. на друк і выданне вучэбнікаў;

– выдаць аванс Народнаму Сакратару Прасветы А. Смолічу тры тысячы рубл. на выпуск вершаў «Матчын Дар» Алеся Гаруна;

– выдаць субсідыю рэдакцыі газеты «Вольная Беларусь» на выданне літаратурнай хрэстаматыі ў памеры двух тысяч пяцьсот рубл.;

– на выданне праваслаўнага малітвенніка і дзіцячай чытанкі выдаць пяцьсот рубл.;

– выдаць субсідыю рэдакцыі газеты «Вольная Беларусь» дзве тысячы рубл.;

– асігнаваць на выданне штодзённай беларускай газеты у Мінску дзве тысячы рубл.;

– дапамагчы выданню віленскай газеты «Гоман» у памеры двух тысячаў рублёў» [2, с. 161].

Акрамя таго, на будаўніцтва Будслаўскай гімназіі ў адпаведнасці з пастановай Народнага Сакратарыята ад 27 мая было выдаткавана 13 тыс. 500 руб., на набыццё паперы для друкавання падручнікаў па пастанове ад 17 чэрвеня – 6 тыс. 500 руб., Беларускай кансерваторыі паводле пастановы ад 20 чэрвеня – 5 тыс. 300 руб. [2, с. 196–197].

На працягу 1 ліпеня – 1 верасня 1918 г. у касу Народнага Сакратарыята паступілі 62 тыс. 374 руб. Большая частка грошай у памеры 56 тыс. руб. была атрымана скарбнікам Народнага Сакратарыята Васілём Захаркам ад кіраўніка Беларускай гандлёвай палаты ў Кіеве Мітрафана Доўнар-Запольскага і члена дэлегацыі Народнага Сакратарыята БНР у справах перагавораў на Ўкраіне Паўла Трэмповіча.

У адрозненне ад папярэдняга перыяду невялікая сума грошай, якая засталася пасля выплаты зарплаты ў памеры 54 тыс. 578 руб. членам Рады БНР, народным сакратарам і служачым Сакратарыята, была выдаткавана не на культурна-асветніцкія патрэбы. Так, 2 тыс. руб. атрымаў на арганізацыйныя расходы ўпаўнаважаны Беларускага консульства ў Адэсе; 1 тыс. руб. была выдадзена старшыні Камісіі па справах бежанцаў у Оршы Навуму Козічу. Акрамя таго субсідыю ў памеры 1 тыс. 300 руб. на патрэбы дзіцячай працоўнай калоніі атрымала Маліноўская, а 1 тыс. руб. для дзіцячага прытулку Мінска выдалі Фёдару Вернікоўскаму [2, с. 244–245].

Адным з пунктаў Дэкларацыі, абвешчанай ў ліпені 1918 г. Беларускай урадам на чале з Раманам Скірмунтам, быў выпуск уласных грошай – як толькі будзе прызнана дзяржаўнасць [8, арк. 77].

27 ліпеня 1918 г. эканамічная камісія Рады БНР на сваім паседжанні паставіла прасіць Народны Сакратарыят прыняць самыя энергічныя меры па вяртанні ўсіх банкаўскіх устаноў, якія ў свой час былі эвакуіраваны з Беларусі, а таксама прыняць меры для адкрыцця ў Мінску ўсіх камерцыйных банкаў і заснавання Беларускага Народнага Банка. Дарэчы, асобныя палажэнні праграмы развіцця фінансаў і гандлю, прапанаваныя Пятром Крэчэўскім, пачалі знаходзіць практычнае прымяненне. Так, 5 лістапада 1918 г. Народны Сакратарыят прыняў пастанову аб выпуску Урадавай Беларускай латарэі [2, с. 291].

У верасні 1918 г. урад БНР у чарговы раз апынуўся ў складаным фінансавым становішчы.

У сувязі з гэтым 29 верасня Народны Сакратарыят звярнуўся да Беларускай гандлёвай палаты на Украіне з хадайніцтвам выдаць крэдыт да 5 тыс. руб. на імя старшыні Надзвычайнай дэлегацыі Рады БНР Антона Луцкевіча. Пытанне гэта было паспяхова вырашана 1 кастрычніка 1918 г. Антон Луцкевіч паведамляў сакратару замежных спраў БНР Янку Серадзе аб тым, што «“таварыства “Снабженіе” у Кіеве выказала сваю згоду» выдаць на рахунак Народнага Сакратарыята 15 тыс. руб. [2, с. 267].

Паступова фінансавыя цяжкасці былі пераадоленыя. На паседжанні Рады БНР, якое адбылося 20 лістапада 1918 г., разглядалася пытанне аб стварэнні камісіі дапамогі ваенна-палонным. Асобаўпаўнаважаны член Рады К. Савіч паведаміў, што ў распараджэнні камісіі было каля 100 тыс. руб. [2, с. 305].

Такім чынам, аналіз фінансавай дзейнасці ўрадавых структур БНР на працягу 1918 г. дае падставы зрабіць наступныя высновы. Па-першае, была распрацавана і часткова ажыццяўлялася, наколькі гэта было магчыма ва ўмовах акупацыі, праграма развіцця фінансаў і гандлю. Па-другое, грашовыя сродкі, неабходныя для функцыянавання ўрадавых структур БНР, паступалі пераважна ад урада Украінскай Народнай Рэспублікі. Па-трэцяе, грошы з касы Народнага Сакратарыята, акрамя зарплаты дзяржаўным служачым, выдаткоўваліся на культурна-асветніцкія і дабрачынныя мэты.

ЛІТАРАТУРА

1. Беларуская земля. – 1918. – 1 марта.
2. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. 1. Кн. 1. Ф. № 582 «Дзяржаўны Архіў Літвы. Рада Міністраў Беларускай Народнай Рэспублікі» / уклад., уступ. артыкул, камэнтары, паказальнікі С. Шупы. – Вільня ; Нью-Ёрк ; Менск ; Прага, 1998. – 982 с.
3. Замежная Беларусь : зборнік гісторыі, культуры і эканомікі (пад рэдакцыяй П. А. Крэчэўскага). – Кн. 1. – Прага : Выд-ва імя Ф. Скарыны, 1926. – 164 с.
4. Краўцоў, М. Рада Беларускай Народнай Рэспублікі / М. Краўцоў. – Вільня, 1921. – 78 с.
5. Минская газета. – 1918. – 19 апр.
6. НАРБ. – Фонд 325-п. – Воп. 1. – Спр. 8.
7. НАРБ. – Фонд 325-п. – Воп. 1. – Спр. 19.
8. НАРБ. – Фонд 325. – Воп. 1. – Спр. 10.

Д. А. Мигун

ГЕРМАНО-БЕЛОРУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1918 г.

После занятия войсками Красной армии территории Беларуси в декабре 1918 г. ЦК РКП (б) принял решение о создании ССРБ. 6-я Северо-Западная конференция РКП (б), которая прошла в период с 30 по 31 декабря 1918 г. в Смоленске, провозгласила создание ССРБ.

Сразу же после провозглашения ССРБ создавался дипломатический аппарат республики и стали налаживаться международные отношения с соседними государствами. В качестве модели дипломатической службы Советская Беларусь использовала принципы и структуры организации НКВД РСФСР.

8 ноября 1917 г. II Всероссийский съезд Советов принял Декрет о мире, составленный В. И. Лениным. В Декрете содержалась надежда на то, что рабочие Англии, Франции и Германии «...поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной

деятельностью помогут успешно довести до конца дело мира» [1, с. 13]. 20 ноября 1917 г. Совет Народных Комиссаров России распорядился прекратить боевые действия и начать мирные переговоры. 23 ноября российский нарком по иностранным делам Л. Д. Троцкий направил послам стран Антанты дипломатические ноты с предложением о неотложном прекращении боевых действий на всех фронтах и неотложном начале мирных переговоров. Государства Антанты решили не отвечать на советские мирные предложения. Немецкое правительство 27 ноября 1917 г. согласилось начать мирные переговоры.

Хотя начавшиеся в январе 1918 г. переговоры в Брест-Литовске напрямую затрагивали дальнейшую судьбу белорусского народа, Германия и Россия, решая судьбу Беларуси, не пригласили на них ее представителей. Белорусский вопрос на переговорах в Брест-Литовске самостоятельного значения не приобрел, он не принимался во внимание ни одной из сторон, принимавших участие в переговорах.

А. В. Тихомиров считает, что ход переговоров в Бресте и их результаты радикализовали позицию сторонников белорусской государственности [2, с. 57–77]. Пренебрежительное отношение участников переговоров к событиям, происходившим в Беларуси, вызывало возмущение у белорусов. Особенно поразил их комментарий Троцкого к разгону Всебелорусского съезда. Исполнительный комитет Всебелорусского съезда, находившийся после разгона съезда в нелегальном положении, составил протест в связи с высказываниями Троцкого, обратив внимание на то, что съезд разогнали не белорусские солдаты, а «сатрапы камісараў Заходняй вобласці» [Там же]. Заявление Троцкого было расценено как «гнюсная хлусня і мана, нявартая сацыяліста» [Там же]. В создавшихся условиях Исполнительный комитет решил направить в Брест делегацию в составе И. Н. Середы, А. И. Цвикевича и С. Рак-Михайловского. Поскольку передвигаться по белорусской территории делегаты не могли в связи с возможным арестом со стороны СНК Западной области, им пришлось добираться к месту назначения через Украину, где в это время обострилось вооруженное противостояние между сторонниками и противниками советской власти. В результате белорусы оказались в Бресте лишь 15 февраля, когда переговоры уже были фактически завершены. Белорусская делегация смогла встретиться с членами германской делегации (Розенбергом, Шиллером и Гофманом) и передала им меморандум, в котором содержалась идея создания неделимой Беларуси в ее этнографических границах. Белорусы выражали неудовлетворенность тем, что условия договора предусматривали отторжение части белорусской территории на западе и юге, а также тем, что договор не предусматривает выплату компенсации белорусскому населению за ущерб, причиненный в ходе военных действий. Однако немцы встретили появление белорусской делегации холодно, отметив, что она прибыла слишком поздно. Сославшись на то, что Брест-Литовский трактат ущемляет белорусские интересы в незначительной мере, они отказались вносить в его

текст какие-либо изменения. Советский представитель Л. М. Карахан встречаться с белорусами не стал.

Хотя ССРБ 1 января 1919 г. и была провозглашена суверенным и независимым государством, но военно-политические и социально-экономические обстоятельства не способствовали укреплению ее независимости.

Продолжавшиеся военные действия на территории Беларуси не позволили широко развернуть дипломатическую деятельность нового правительства. Ее территория еще не была целиком освобождена от войск Германии, а уже вполне реальной становилась угроза со стороны Польши.

Нарастающий экономический, социальный и политический кризис, а также относительная слабость власти вынуждали большевиков искать примирения с Германией. Во второй половине апреля 1918 г. РСФСР и Германия обменялись посольствами. Советским послом в Германии стал А. А. Иоффе, – германским послом в Советской России – В. фон Мирбах. Руководство РСФСР выражало готовность оформить договорно-правовые отношения не только с державами Четверного союза, но и со странами, находившимися в положении сателлитов Германии.

В начале мая 1918 г. правительство РСФСР обратилось к германскому правительству с предложением начать переговоры по политическим, экономическим и финансовым вопросам. Были созданы комиссии для ведения переговоров по финансовым вопросам и по вопросам компенсации за содержание русских военнопленных. Соответствующие переговоры проходили в Москве и Берлине. Стремясь нейтрализовать деятельность «партии войны» в Германии, советское руководство заинтересовывало германские деловые круги перспективами торгово-экономического взаимодействия. В июне 1918 г. советское правительство согласилось передать Германии суда Черноморского флота, распорядившись перевести их в Севастополь (требование было выполнено не в полном объеме, поскольку часть судов Черноморского флота была затоплена по решению их экипажей).

В конечном итоге такая тактика увенчалась успехом. В условиях, когда желанная победа на Западном фронте была совсем близка, Германия стремилась сохранить стабильность в отношениях с Советской Россией. В памятной записке германского МИДа, составленной в начале мая 1918 г., говорилось: «Сейчас наша основная задача в России помогать разлагающим силам и как можно дольше держать страну слабой, подобно тому, как вел себя князь Бисмарк по отношению к Франции после 1871 г., выступая против восстановления монархии. Далее наша политика должна состоять в налаживании связей с отколовшимися самостоятельными государствами, особенно Украиной, Финляндией и новым кавказским правительством, в закреплении там нашего влияния и подавлении федералистских тенденций по отношению к России» [3].

Любопытно то, что о Беларуси речь не идет вообще. Мирбаху было дано указание оказывать поддержку большевикам и ни в коем случае не вступать в отношения с российской оппозицией. «Небольшая кучка крайне правых русских (вокруг Дурново, Маркова, Сабурова) еще до войны не имела в

стране никакого значения, не будет иметь его и в дальнейшем, после того как вся страна, особенно крестьянство, пропиталась демократическими идеями и ожидает, что они спасут ее. Кроме того, эти круги, встав у руля с помощью немцев, будут думать точно так же, как сейчас кадеты и социалисты. Как и любой русский патриот, они понимают, что Брест-Литовский мир, точнее, последствия этого мира, проявляющиеся в нашей балтийской политике, в наших действиях в Финляндии и в Крыму, означают разрушение России. Этому они противопоставят попытку вновь организовать страну и мобилизовать ее на сопротивление Германии. Ожидать благодарности от этих кругов, которые могут держаться только за счет широкой поддержки демократической буржуазии, мы не можем. Кроме того, их в самое ближайшее время сменят либеральные кадеты, наши заклятые враги в России, и получится, что мы сами помогли снова подняться на ноги собственным врагам» [3].

В начале июня 1918 г. германское посольство в Москве получило от своего правительства около 9 млн марок; примерно половина предоставленной суммы была потрачена на поддержку советского правительства, остальная часть была направлена правительству Краснова на Дону и Временному правительству Сибири в Омске. 23 июня Вильгельм II запретил проведение военных операций в России и распорядился сообщить советскому правительству, что оно может отвести свои войска от Петрограда и использовать их против чехословаков. Германские компании разрабатывали планы активного проникновения в Россию.

Белорусский историк С. А. Третьяк отмечает, что «... в Германии Брестский мир рассматривался как временный. Правящие круги вынашивали планы задушения Советской России после победоносного наступления на Париж в мае 1918 г. Кроме того, разведка и дипломаты Германии заранее подбирали кадры будущих марионеточных правительств, устанавливали связи с антибольшевистским подпольем на неоккупированной советской территории» [4, с. 80].

Во второй половине 1918 г. советско-германские отношения стали ухудшаться. Германия не смогла развить успех на Западном фронте. Войска Антанты оказывали ожесточенное сопротивление. Во Францию прибыли крупные контингенты американских войск и техники, впервые обеспечившие союзникам ощутимый перевес над врагом. 15 июля германское верховное командование предприняло еще одну отчаянную попытку продвинуться в направлении Парижа, но на этот раз немецкое наступление продолжалось всего лишь два дня. После контрнаступления французской армии, предпринятого 18 июля, немцы впервые с весны 1918 г. были вынуждены оставить занимаемые позиции. Бои на Марне обозначили перелом в военных действиях на Западном фронте. 8 августа войска Антанты под командованием маршала Ф. Фоша нанесли германской армии жестокое поражение, от которого она не смогла оправиться. В течение нескольких дней Германия утратила все, что приобрела в ходе весеннего наступления 1918 г. Моральный

дух немцев был подорван. 13 августа на совещании руководства Германии в бельгийском городе Спа Людендорф заявил, что войну выиграть невозможно. 14 августа Вильгельм II выразил желание начать мирные переговоры с Антантой при посредничестве королевы Нидерландов Вильгельмины Елены Паулины.

Германское верховное командование считало, что снижение боеспособности армии было вызвано ее внутренним разложением, спровоцированным Советской Россией. Основания для такого утверждения имелись. Немецкие солдаты, находившиеся на Восточном фронте, не понимали, ради чего ведется война. Все чаще в их среде раздавались требования вернуться на родину. Летом 1918 г. были отмечены первые случаи массового неповиновения солдат немецких частей в Двинске и Пскове. Укрепив свое положение, советское руководство содействовало развертыванию движения сопротивления на Украине, в Беларуси и Прибалтике. Особо тяжелые последствия для Германии имели крестьянские партизанские действия и саботаж рабочих в Украине, поскольку они привели к срыву поставок продовольствия в страны Четверного союза. Так, в Германию вместо запланированных 60 млн пудов украинского хлеба поступило всего лишь 9 млн. Советское руководство не ограничилось организацией выступлений населения на оккупированных немцами территориях и перенесло подрывную деятельность непосредственно на территорию Германии. Очагом «разжигания революционного пожара» на немецкой территории стало советское дипломатическое представительство в Берлине, установившее тесный контакт с немецкими социалистами.

В сложившихся условиях верховное командование Германии пришло к выводу, что однозначная ставка на большевиков не оправдала себя. Уже в июне 1918 г. началась подготовка к изменению восточной политики Германии. Суть новой политики в трактовке пресс-атташе германского посольства в Москве Штадтлера сводилась к следующему: «Германское правительство ни при каких обстоятельствах не должно строить свои отношения с Россией в духе подлинной лояльности... Было бы гораздо правильнее постепенно ликвидировать отношения с советским режимом, стимулировать мощные национальные силы России и оказывать этим силам даже военную и дипломатическую помощь, с тем чтобы дать им возможность окрепнуть и затем отказаться от... Брест-Литовского мира» [3]. Германские дипломаты в Москве и Киеве вступили в переговоры с представителями российских партий и движений, которые выступали против большевиков (предпочтение отдавалось сторонникам монархии и кадетам).

Первое открытое дипломатическое столкновение Германии и Советской России произошло в июле 1918 г. 14 июля 1918 г. после убийства Мирбаха германский посланник в РСФСР Рицлер обратился к советскому правительству с требованием допустить в Москву батальон немецких солдат для охраны германской миссии. Однако требование немцев было решительно отклонено советской стороной, расценившей его как «начало оккупации

России чужеземными войсками». После отклонения ультиматума о вводе немецких войск в столицу РСФСР германская дипломатическая миссия была переведена из Москвы в Петроград, а затем вообще перенесла свою деятельность за линию расположения немецких войск, первоначально в Псков, позднее в Ревель (Таллин).

В июле 1918 г. германское командование стало серьезно готовиться к проведению военных операций на Восточном фронте. К концу августа 1918 г. был разработан план, по которому немецкие войска должны были нанести удар по Петрограду, а затем с помощью донских казаков провести наступательную операцию в направлении Москвы.

1 августа на заседании СНК РСФСР был рассмотрен вопрос о состоянии советско-германских отношений. После заседания Г. В. Чичерин принял в Москве нового германского посланника в РСФСР К. Гельфериха и, указав на возможность продвижения войск Антанты в Центральную Россию, предложил Германии установить оборонительные линии вокруг Петрограда и провести наступление на Мурманск и Архангельск. Кроме того, глава внешнеполитического ведомства РСФСР предложил немцам прекратить оказание поддержки Краснову и провести совместные наступательные операции против Добровольческой армии на Кубани.

27 августа в Москве был подписан советско-германский Добавочный договор, состоявший из политического, финансового и частноправового соглашений [1, с. 437]. Договор предусматривал немедленное создание русско-германских комиссий для установления демаркационных линий с нейтральными зонами между русскими и немецкими войсками. Россия признавала независимость Эстляндии и Лифляндии и должна была заключить с ними, а также с Литвой торговое соглашение. Советское правительство обязалось поставлять немцам 1/4 часть добытой в Баку нефти в обмен на уголь – из Донбасса, а германское – принять меры к тому, чтобы Советская Россия получала марганцевую руду из Грузии [1, с. 443–444]. Германия обязалась «действовать в том направлении, чтобы Россия по мирному договору с Украиной получила соразмерную с экономическими потребностями часть Донецкого бассейна и чтобы Украина предоставила для вывоза в Россию часть своей железнорудной продукции...» [1, с. 443–444]. Германия обязалась также очистить часть российской территории, в том числе Ростов-на-Дону, предоставить РСФСР для торговых целей право транзита через Прибалтику и «свободные гавани» в портах Ревеля, Риги, Виндавы, не допускать нападения на русскую территорию со стороны Украины и Финляндии, воздействовать на Турцию с целью вывода турецких войск за пределы Баку [1, с. 443–444]. Крупным достижением советской дипломатии стало обязательство Германии прекратить вмешательство в отношения между русским Советским государством и его отдельными областями и не поддерживать образование самостоятельных государственных организмов на этих территориях [1, с. 439]. Однако, как отмечает немецкий исследователь Ф. Круммахер, «советско-германский Дополнительный договор, подписанный 27 августа 1918 г. в Москве, оставался “мертвой буквой” и никогда не выполнялся» [5, с. 51].

Как указывает немецкий историк В. Баумгарт, в соответствии с Дополнительным договором РСФСР обязалась выплатить Германии 6 млрд марок в несколько сроков [6, с. 298–299]. В эту сумму входили оплата содержания военнопленных, а также возмещение убытков, понесенных Германией и ее гражданами в результате аннулирования займов и национализации германской собственности в России. Первый взнос в 1,5 млрд марок (245 564 кг золотом и 545 млн кредитными билетами) Россия должна была выплатить немедленно, последний – 31 декабря 1918 г. [6, с. 298–299]. Германия обязалась воздействовать на правительства Украины и Финляндии, с тем чтобы они приняли на себя часть русских финансовых обязательств в отношении Германии. С выплатой Россией платежей был связан вывод германских войск с территории Беларуси восточнее Березины (войска должны были отводиться на запад по мере поступления платежей из России).

В начале сентября 1918 г. Добавочный договор был ратифицирован германским рейхстагом и Всероссийским ЦИК. Пойдя на подписание Добавочного договора, советское правительство смогло в очередной раз нейтрализовать Германию и упрочнить свои позиции на мировой арене. В новых условиях о выступлении германских войск против Советской России не могло быть и речи. Более того, в октябре 1918 г. Германия поставляла в Советскую Россию уголь и кокс, которые отправлялись на заводы, производившие оружие для Красной Армии. Как указывает В. Баумгарт, «во второй половине октября примерно 25 кораблей с 100 000 т. угля были отправлены в Петербург» [6, с. 319]. 9 сентября 1918 г. дипломатический представитель Советской Республики при Германском правительстве А. А. Иоффе просил у немецких властей поставить в Россию 200 тыс. винтовок, 500 млн патронов и 20 тыс. пулеметов [6, с. 321]. В августе 1918 г. Красная армия перешла в контрнаступление на Восточном фронте. К ноябрю 1918 г. советские войска овладели Казанью, Симбирском и Самарой.

Что касается Германии, то Добавочный договор, в отличие от Брест-Литовского мирного договора, не улучшил ее положения. В сентябре 1918 г. началось наступление войск Антанты на всем протяжении 400-километрового фронта от Северного моря до реки Маас, в результате которого германская армия в Бельгии и Франции оказалась на грани полного разгрома. В конце сентября 1918 г. после прорыва линии Зигфрида на Западном фронте войска Антанты получили возможность доступа на территорию Германии.

Ослабление Германии и ее союзников изменяло баланс сил, сложившийся в Восточной Европе после заключения Брестского мира 1918 г. В октябре 1918 г. германское руководство стало менять восточную политику. Изменения проявились в отходе от линии на сотрудничество с Советской Россией, которая являлась доминантой восточной политики Германии на протяжении всего 1918 г., и в большей готовности к поддержке сил, находившихся в оппозиции к большевикам. Осенью 1918 г. повышенное внимание уделялось укреплению позиций в Прибалтике, которая рассматривалась в качестве буфера между Германией и Советской Россией. В октябре 1918 г.

немцы прекратили попытки установить в Литве монархию во главе с германским принцем и разрешили литовской Тарибе образовать правительство. Одновременно правительство Германии выразило готовность предоставить Литве вооруженную помощь. В то же время немцы заключили в Пскове соглашение с русскими белогвардейцами, которое предусматривало оказание содействия формированию «северной» армии в оккупированных областях северо-западной части России.

В декабре 1918 г. Юзефом Пилсудским было открыто заявлено, что польское государство будет восстановлено в границах Речи Посполитой 1772 г., куда на тот момент входили и белорусские земли [7, с. 99]. 5 февраля 1919 г. между Польшей и Германией было заключено соглашение, в котором оговаривались планы по захвату польскими войсками территории Беларуси, т.е. той территории, которая была занята ранее немецкими войсками. В ст. 1 данного соглашения польские полномочные представители дали свое согласие обеспечить отход германских войск 10-й армии без каких-либо враждебных действий в отношении них [8, с. 106]. В этом документе очень четко просматривается враждебное отношение со стороны Германии к большевистскому движению на территории Беларуси. Как явствует из ст. 7 вышеназванного соглашения, немецкие военные власти обязывались подавлять на территории Беларуси, которую они оставляли, все местное большевистское движение и вообще не допускать и не терпеть никаких большевистских организаций [8, с. 107]. Далее в ст. 11 вышеобозначенного соглашения германским имперским представителем было заявлено, что, допуская на основе данного соглашения польские войска на спорную между Польшей и Литвой территорию (территорию Беларуси. – *Д. М.*), германская империя ни в коей мере не выражает этим своего отношения к вопросу об окончательной принадлежности данной территории. Затем подчеркивалось, что замена здесь войск германских на войска польские проводится лишь в целях защиты страны от большевиков [8, с. 108]. Далее указывалось, что вопрос об окончательной границе между Польшей и Литвой будет решен самими народами, обладающими правом на самоопределение, в данном случае – это дело мирной конференции [8, с. 109].

Как заметил Ллойд Джордж, уход немецких войск был встречен крестьянами Беларуси с полным удовлетворением, потому что они не питали нежных чувств к тевтонам, которые вмешивались в их дела и указывали им, что делать и что не делать, и занимались реквизированием плодов их труда [9, с. 277].

Как отмечает С. А. Третьяк, Дополнительный договор непосредственным образом отразился на ситуации в Беларуси [4, с. 92]. В начале сентября 1918 г. германские оккупанты обязались отвести свои войска за Березину, а 16 сентября 1918 г. в Вильно было подписано советско-германское соглашение, которое определяло сроки и порядок оставления немцами и территории на запад от Березины. 28 февраля 1919 г. последний германский солдат должен был отойти за российско-германскую границу, определенную

Брестским миром. Уже в середине сентября 1918 г. германские войска начали эвакуацию Полоцкого уезда. На освобожденной территории под руководством Облсполкомзапа и при участии губернских властей и военного командования создавалась сеть военных Советов, военно-революционных комитетов и комитетов бедноты, которые восстанавливали политическую и хозяйственную жизнь на новых началах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / А. А. Громыко [и др.]. – М. : Госполитиздат: Междунар. отношения, 1959–2000. – Т. 1: 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. / И. Н. Деев [и др.]. – 1957. – 324 с.
2. *Тихомиров, А. В.* Брестский мир 1918 г. и Беларусь / А. В. Тихомиров // Беларус. журн. междунар. права и междунар. отношений. – 1999. – № 2. – С. 57–77.
3. Хронос. Всемирная история в интернете. Памятная записка МИД [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : www.hrono.ru/dokum/191_dok/191805mid_ge.html. – Дата доступа : 02.03.2016.
4. *Трацяк, С. А.* Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі: лістапад 1917 – студзень 1919 г. / С. А. Трацяк. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – 208 с.
5. *Krummacher, F.* Krieg und Frieden. Geschichte der deutsch-sowjetischen Beziehungen / F. Krummacher, H. Lange. – München: Bechtle Verlag, 1970. – 564 S.
6. *Baumgart, W.* Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges / W. Baumgart. – Wien: Oldenbourg Verlag, 1966. – 462 S.
7. *Наленч, Д.* Юзеф Пилсудский – легенды и факты / Д. Наленч, Т. Наленч. – М. : Политиздат, 1990. – 399 с.
8. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў: у 3 т. / Пастаян. каміс. Савета Рэсп. Нац. сходу Рэсп. Беларусь па міжнар. справах і нац. бяспецы, М-ва замеж. спраў Рэсп. Беларусь. – Мінск : БелНДІАС, 1997–2001. – Т. 1: 1917–1922 гг. – 1997. – 398 с.
9. *Ллойд Джордж, Д.* Правда о мирных договорах: в 2 т.: пер. с англ. / Д. Ллойд Джордж; под ред. В. Г. Трухановского. – М. : Изд-во иностр. лит., 1957. – Т. 1. – 1957. – 656 с.

І. А. Саракавік

БЕЛАРУСКА-ГЕРМАНСКІЯ НАВУКОВЫЯ СУВЯЗІ (1920-я – пачатак 1930-х гг.)

З утварэннем савецкай Беларусі востра паўстала пытанне аб падрыхтоўцы кадраў для ўсіх сфер жыццядзейнасці грамадства. Вастрыва заключалася ў тым, што на гэты час у рэспубліцы не існавала ўстаноў вышэйшай школы, а разам з гэтым і адпаведных навуковых кадраў. Першым

крокам у вырашэнні гэтай праблемы стала адкрыццё ў 1921 г. Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта на чале з ужо добра вядомым вучоным прафесарам Уладзімірам Іванавічам Пічэтам (9(21).10.1878 – 23.06.1947). У першыя гады яму ўдалося, не без цяжкасцяў, арганізаваць калектыў кваліфікаваных вучоных, здольных выкладаць дысцыпліны на высокім навуковым і метадычным узроўнях. Большасць з іх была запрошана з Расіі і Украіны. Праўленне БДУ пайшло нават на тое, што дзесяць прафесараў праводзілі заняткі «вахтавым» метадам, прыезджалі, як правіла на два месяцы два–тры разы на працягу вучэбнага года, паколькі жылі ў іншых гарадах Савецкага Саюза [1, воп. 1, спр. 1145, арк. 97, 154].

Дзеля павышэння кваліфікацыі прафесарска-выкладчыцкага складу выкарыстоўваліся розныя кірункі, адным з іх сталі навуковыя сувязі з замежнымі навуковымі і навучальнымі ўстановамі. Пачыналіся яны з абмену навукова-вучэбнай літаратурай. У фондзе БДУ, які знаходзіцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, захоўваюцца справы аб перапісцы Праўлення БДУ, яго падраздзяленняў з шэрагам навуковых устаноў Еўропы, у тым ліку і Германіі. Адна з першых адносіцца да 1923 г. – 7 лістапада дэкан педагагічнага факультэта прасіў Праўленне ўніверсітэта накіраваць тры кнігі (№ 1, 2, 3, 4, 5) «Прац БДУ» Балтыйскаму і Славянскаму інстытутам Лейпцыгскага ўніверсітэта па іх просьбе. З матэрыялаў бачна, што ўжо 12 лістапада гэтыя «Працы БДУ» былі накіраваны адрасату [1, воп. 1, спр. 91, арк. 1, 21].

Абмен навуковай літаратурай адбываўся і ў наступныя 20-я гады, ажно амаль да першай паловы 30-х гадоў. У справе спісу навуковых устаноў, якім былі накіраваны навуковыя «Працы БДУ» за 1928–1929 гг., значацца ўніверсітэты ў Гамбургу, Лейпцыгу, Кёнігсбергу, Берліне [1, воп. 1, спр. 341, арк. 5, 29, 33, 35], а за 1932–1933 гг. – Гамбургскі, Марбургскі, Лейпцыгскі, Берлінскі ўніверсітэты Нямеччыны, а таксама яе земляў Гэцінг і Дрэздэн [1, воп. 1, спр. 550, арк. 6, 7].

Часам «Навуковыя працы БДУ» накіроўвалі персанальным асобам у замежжа. Так, спіс навукоўцаў, якім былі накіраваны «Працы БДУ» № 23, выглядае наступным чынам: І. Лешчынскі – Берлін, Чэрыкавер для Дубнова – Берлін, С. Мернін – Данцыг, доктар М. Вішніцэр – Берлін, Д. Чорны – Берлін [1, воп. 1, спр. 341, арк. 139].

Універсітэт не толькі накіроўваў сваю навуковую літаратуру за мяжу, але і прымаў меры па яе абмену, а таксама па падпісанні перыядычнай літаратуры за межамі СССР. 22 лютага 1926 г. Праўленне БДУ прасіла Народны камісарыят фінансаў БССР дазволіць перадачу ў адрас кніжных крамаў Гарасьвіца ў Лейпцыгу, Баша ў Берліне, Гашэд у Парыжы па 1 200 руб. на перыядычныя выданні, якія выпісваюцца для дзяржаўнай і ўніверсітэцкай бібліятэк на бягучы год згодна сметы ўніверсітэта [1, воп. 1, спр. 215, арк. 5].

На гэты час 55 выданняў выпісваліся, а таксама прыходзілі ў якасці абмену на нямецкай мове, 26 – на французскай, 9 – на англійскай і 4 – на польскай мовах [1, воп. 1, спр. 215, арк. 14–17].

Аднак толькі абменам навуковай літаратуры ўзаемасувязі не абмяжоўваліся. За гэтым кірункам адносін лагічна паследаваў наступны: непасрэднае знаёмства беларускіх навукоўцаў з дасягненнямі нямецкай навукі ў яе розных галінах ва ўніверсітэтах Германіі. Такія паездкі беларускіх даследчыкаў першапачаткова адбываліся толькі з дазволу адпаведных органаў Расійскай Федэрацыі. 23 мая 1923 г. рэктар БДУ прафесар У. І. Пічэта ад імя Праўлення ўніверсітэта прасіў Галоўпрафобр РСФСР (савет па справах вну) дазволіць прафесару М. Б. Кролю навуковую камандзіроўку за мяжу на час летніх канікул с 1 ліпеня па 1 верасня за яго асабістыя грошы. Роўна праз месяц Праўленне БДУ прасіла ўжо Акадэмічны цэнтр Народнага камісарыята асветы РСФСР дазволіць навуковыя камандзіроўкі за мяжу прафесарам Я. Я. Сіроткіну, У. М. Перцаву, У. М. Іваноўскаму і М. М. Нікольскаму [1, воп. 1, спр. 102, арк. 40, 48].

Такі падыход дзейнічаў і ў наступныя гады. Напрыклад, у плане замежных навуковых камандзіровак БДУ на 1926/27 год на час летніх адпачынкаў значыліся паездкі па факультэту права і гаспадаркі 3 чалавек (У. І. Пічэты, С. Я. Вольфсона, У. М. Перцава), педагагічнаму факультэту – 4, медыцынскаму факультэту – 5 чалавек. Усяго 12, з іх 2 чалавекі ў Польшчу і Чэхаславакію, астатнія 10 – у Нямецчыну. Без выдачы грошай на камандзіроўкі прадугледжвалася па медыцынскаму факультэту – 8 чалавек, з іх 2 – у Францыю і 6 – у Нямецчыну [1, воп. 1, спр. 216, арк. 41].

Адным камандзіраванне неабходна было для завяршэння працы над манаграфіямі, другім – для пераймання лепшага вопыту працы, для трэціх – для азнаямлення з арганізацыяй працы навуковых і вышэйшых навучальных устаноў, чацвёртым – для ўдзелу ў навуковых канферэнцыях, працы ў лабараторыях і т.д.

Паездкі ў Нямецчыну беларускіх навукоўцаў адбываліся і ў наступныя гады з той толькі адметнасцю, што цяпер кандыдатуры для іх павінны былі дакладна і поўна абмяркоўвацца ў прадметных камісіях і ў дэканатах. Накіроўваць за мяжу сталі не толькі прафесараў і дацэнтаў, але і асістэнтаў і аспірантаў. 5 снежня 1927 г. асістэнт А. Рубашова прасіла дэканат факультэта права і гаспадаркі хадатайнічаць перад Праўленнем БДУ аб прадстаўленні ёй замежнай камандзіроўкі на час летніх канікул у Германію і Францыю. Мэта – «знаёмства з дзейнасцю выхаваўча-выпраўленчых устаноў для барацьбы з правапарушэннямі непаўналетніх». Камандзіраванне неабходна было для завяршэння навуковай працы. Прафесар В. М. Шыраеў падтрымаў яе просьбу [1, воп. 1, спр. 1193, арк. 52].

Важнае значэнне мела прававое рэгуляванне арганізацыі навуковых замежных камандзіровак. Менавіта з гэтай мэтай калегія Народнага камісарыята асветы БССР 2 лістапада 1928 г. зацвердзіла «Правілы камандзіравання Галоўнавукай НКА навуковых працаўнікоў для ўдасканалення навуковай кваліфікацыі». У адпаведнасці з імі навуковыя працаўнікі вну і навукова-даследчых устаноў для ўдасканалення і заканчэння сваёй навуковай кваліфікацыі мелі права атрымаць камандзіроўку для працы ў навуковых

цэнтрах як саюзных рэспублік, так і за мяжою. У першую чаргу яны даваліся малодшым катэгорыям навуковых працаўнікоў тэрмінам да двух гадоў. Пры камандзіраванні тэрмінам не больш шасці месяцаў навуковыя працаўнікі мелі права захаваць сваю пасаду і пенсію (зарплату – заўвага – *I. C.*), а больш чым паўгода – здымацца з пасады і пенсій па ўстанове і атрымліваць ад Наркамата асветы стыпендыю (нежанатыя – 100 руб., сямейныя – 150 руб., штомесячна). Выдаткі, звязаныя з атрыманнем пашпарту і віз, а таксама падарожныя выдаткі і аплата (за межамі) навуковым кіраўнікам заняткаў і ўстановам, дзе камандзіраваныя будуць працаваць, ажыццяўлялася за кошт Наркамата асветы. У той жа час усе камандзіраваныя абавязаны былі прадастаўляць у Галоўнавуку дэтальную справаздачу аб сваёй працы ў час камандзіроўкі да шасці месяцаў пасля яе, а звыш шасці месяцаў – праз кожныя паўгода [1, воп. 1, спр. 1193, арк. 63]. Адначасова ўстанаўлівалася правіла, згодна з якім для паездкі за мяжу з 1928 г. патрэбен быў дазвол Дзяржплана БССР [1, воп. 1, спр. 266, арк. 28].

Тым асобам, якія накіроўваліся за мяжу, выдаваўся спецыяльны дакумент. Так, 22 верасня 1928 г. за № 10994 выдадзена пасведчанне аб тым, што «асістэнт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Ярмашенка Мікола Тодараў камандыруецца Наркамам асветы ў Берлінскі ўніверсітэт (Нямеччына) для павышэння кваліфікацыі, тэрмінам на два гады, што падпісалі і пячаткай сьведчыцца» [1, воп. 1, спр. 408, арк. 8].

З матэрыялаў архіва бачна, што і ў 1930 г. Праўленне БДУ прасіла Народны камісарыят асветы БССР камандзіраваць за кошт сродкаў Наркамата прафесара Я. А. Вайсмана ў Нямеччыну і Францыю для вывучэння становішча прамысловасці і замежнага гандлю гэтых краін; прафесара О. Гаўсмана ў верасні 1930 г. для чытання лекцый на курсах па ўдасканаленні кваліфікацыі дактароў у Карлсбадзе, а таксама правядзення курса тэрапіі ў Кенігсбергу; прафесара Я. Корчыца – ў верасні ў Францыю і Нямеччыну (Гамбург, Мюнхен) для завяршэння навуковых прац і асістэнта па кафедры агульнай гігіены доктара З. К. Магілеўчыка (май – верасень) у Нямеччыну (Дрэздэн) на міжнародную гігіенічную выстаўку [1, воп. 1, спр. 408, арк. 73, 78, 86].

Навуковыя ўзаемадачыненні вышэйшых вучэбных устаноў БССР з нямецкімі ўніверсітэтамі ў 30-я гг. у Нацыянальным архіве выявіць не ўдалося. Прычынай такога становішча, на погляд аўтара, з’яўляюцца два фактары: рэпрэсіі савецкай улады супраць тых асобаў, у тым ліку прадаўнікоў Наркамата асветы, вучоных, уключаючы прафесара У. І. Пічэту, якія праходзілі па справах вучоных і контррэвалюцыйнай арганізацыі «Саюз вызвалення Беларусі», а таксама прыход у студзені 1933 г. нацысцкай партыі на чале з А. Гітлерам да ўлады ў Германіі.

Такім чынам, выкладзены матэрыял сведчыць аб тым, што ў 20-х – пачатку 30-х гг. XX ст. найбольш актыўнымі навуковымі замежнымі сувязі Беларусі былі з навуковымі і навучальнымі ўстановамі Германіі, што адпавядала ў цэлым кантэксту адносін СССР з дадзенай капіталістычнай

краінай. Аднак гэтыя адносіны першапачаткова, да сярэдзіны 20-х гг., ажыццяўляліся толькі са згоды Наркамасветы РСФСР, што сведчыла пра пэўны недавер да органаў дзяржаўнага кіравання БССР. Больш шырока беларуска-германскія навуко-выя сувязі наладжваліся прадстаўнікамі прыродазнаўчых і дакладных навук, дасягненні менавіта якіх былі востра патрэбны для развіцця народнай гаспадаркі рэспублікі. З часам кантакты вна БССР з Германіяй былі ўнармаваны Правіламі Наркамата асветы Беларусі і падлягалі ведамаснаму кантролю. Працяглыя ж навуковыя кантакты бакоў сведчаць аб пэўнай іх эфектыўнасці. У той жа час неабходна прызнаць, што гэты працэс быў аднабаковым: назіраліся толькі паездкі беларускіх вучоных у Германію. Такое становішча з'яўлялася аб'ектыўным, так як у БССР адбываўся працэс толькі станаўлення навукі і ёй патрэбна было арыентавацца на высокія еўрапейскія дасягненні.

ЛІТАРАТУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Фонд 205.

М. М. Смольянінов

НАРОЧСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1916 г. был самым кровопролитным на белорусских землях за два с половиной года противостояния тут враждующих сторон. В этот год дислоцировавшимися здесь войсками Западного фронта русской армии был предпринят ряд наступательных операций с целью прорыва участка австро-германского фронта. Первой из них явилась Нарочская операция в марте 1916 г.

Учитывая печальный опыт военных действий 1914–1915 гг., союзное командование (русской, французской и английской армий) в декабре 1915 г. и в феврале 1916 г. в Шантальи, в Ставке французского главного командования, провело межсоюзнические конференции по разработке плана согласованных военных действий. Союзники не ставили задачей достижение определенных целей. Было лишь выражено согласие о взаимной поддержке той союзной армии, которая подвергнется нападению со стороны вооруженных сил Тройственного союза. Совместные действия союзных сил в виде общего наступления должны были начаться весной 1916 г., когда климатические условия позволили бы наступать на русском фронте.

Германцы упредили расчеты союзников по Антанте и во многом спутали их планы, начав 21 февраля 1916 г. наступление для прорыва фронта у Вердена. Первоначальные успехи немцев под Верденом сильно обеспокоили французское командование, а с потерей 25 февраля форта и селения Дуомон положение французских войск под Верденом стало критическим. Уже 3 марта представитель французского Верховного командования при русской Ставке генерал По передал начальнику штаба Верховного главно-

командующего генералу М. В. Алексееву письмо от Верховного командования французской армии, в котором от русских требовалось перейти в наступление, перевести часть германских сил на себя.

В ответ на обращение французского командования за помощью Верховное командование русской армии 24 февраля 1916 г. провело совещание в Ставке с главнокомандующими фронтами и начальниками штабов, другими служебными лицами. На нем было принято решение о проведении военной операции силами Западного и Северного фронтов путем нанесения главного удара на стыке этих фронтов (район озер Вишневское – Нарочь – г. Поставы) для отвлечения германских сил с французского фронта, а в случае успеха – для дальнейшего развития наступления до полного вытеснения германских войск за границу Российской империи. Выбор места для нанесения главного удара объяснялся превосходством тут сил над противником и наиболее выгодной конфигурацией фронта.

Участок местности, на котором планировалось наступление русских войск, ограничивался с севера многочисленной группой озер – Эйсита, Дрингис, Дисна, Дривяты, Перебродье и др.; с юга – линией населенных пунктов Ошмяны, Вилейка, Долгиново; с запада – линией озер Лакай, Освие и г. Ошмяны.

Отметим, что первоначально инициатива проведения данной операции исходила от Главнокомандующего Западным фронтом генерала А. Е. Эверта, который еще 4 и 13 января 1916 г. предлагал Ставке Верховного главнокомандующего нанести удар, пока еще водоемы скованы льдом [1, с. 9]. Однако согласование со Ставкой, сбор ударной группировки, снабжение необходимыми военными средствами затянулись. Обращение французов заставило Ставку Верховного главнокомандования форсировать события, и 3 марта ею была поставлена 2-й армии конкретная боевая задача: сосредоточить главные силы на флангах и перейти ими 18 марта в решительное наступление с целью разгромить противника, находящегося перед фронтом, затем наступать дальше, чтобы прочно утвердиться на линии Свенцяны – Михалишки – Гервяты. Вспомогательный удар предписывалось нанести силами соседней справа 1-й армии. Остальные армии Западного фронта должны были сковывать действия противника перед собой, а при успехе 2-й армии перейти в общее наступление, с целью достижения линии Вилькомир – Вильно – Делятичи.

Операция получила название «Нарочской» и подготавливалась в спешном порядке. Был значительно увеличен боевой состав 2-й армии, который к моменту наступления насчитывал более 400 тыс. штыков и сабель. На вооружении войск имелись значительные наступательные средства: 605 легких артиллерийских орудий и 168 тяжелых, а также переданные в ходе операции на усиление армии 114 орудий тяжелых дивизионов, что обеспечивало перевес над противником в тяжелой артиллерии почти в два раза. В два раза перевес сил над германцами был в саблях и почти в пять раз в штыках [1, с. 27, 37]. Однако в снарядах для тяжелой артиллерии ощущался острый недостаток.

К началу операции, 27 февраля, заболел командующий 2-й армией генерал В. В. Смирнов. Проведение операции было поручено командующему 4-й армией генералу А. Ф. Рагозе. Прибыв в Будслав, где находился штаб 2-й армии, перед наступательной операцией, он не был знаком ни с войсками, оказавшимися в его подчинении, ни с районом предстоящих боевых действий, ни со штабом, с которым он должен был руководить прорывом сильно укрепленного фронта. Первым его решением по организации боевой операции было создание из войск, входивших в состав 2-ой армии (по его мнению для лучшего управления), трех армейских групп, две из которых заняли позиции на флангах. На правом фланге, к северу от оз. Нарочь, 20 км позиции занимала группа, возглавляемая генералом М. М. Плешковым, в составе 1-го Сибирского, 1-го и 27-го армейских и 7-го Кавалерийского корпусов общей численностью 91 499 штыков и 1 697 сабель. На вооружении группы было 144 легких и 116 тяжелых артиллерийских орудий. На 1 км занимаемого фронта приходилось 4 660 бойцов и 13 орудий.

На левом фланге, к югу от оз. Нарочь, на 22 км позиции разместились группа во главе с генералом П. С. Балухевым, в составе 5-го и 36-го армейских и 3-го Сибирского корпусов и Уральской казачьей дивизии общей численностью 94 111 штыков и 1 543 сабель. На вооружении имелось 153 легких и 66 тяжелых артиллерийских орудий. В среднем на 1 км занимаемого фронта приходилось 4 802 бойца и 10 орудий.

Центральный, в 15 км (исключая озеро), участок линии занимала группа, возглавляемая генералом Л. О. Сирелиусом, в составе 34-го армейского и 4-го Сибирского корпусов, общей численностью 65 229 штыков и 1 092 сабли. На вооружении имелось 101 легкое и 12 тяжелых орудий. На 1 км занимаемого фронта приходилось 4 421 боец и 7,5 орудий.

Следовательно, войска и артиллерия 2-ой армии были рассредоточены по фронту почти равномерно. Не было создано ударного «кулака», как это предписывалось директивой Ставки.

На рассвете 18 марта грохот сотен артиллерийских орудий возвестил о начале артиллерийской подготовки. Особенно сильным был огонь на участке Северной группы. Ее 1-му Сибирскому корпусу было приказано прорвать фронт на участке Бучелишки – Лапинский лес и наступать в направлении Камай – Можейки – Неверишки – Ольса. Однако из-за слабости калибра орудий и мерзлого грунта артиллерийский огонь оказался малоэффективным: проволочные заграждения остались целыми, блиндажи и пулеметные гнезда не были разрушены, артиллерийский огонь не был подавлен. Как только в середине дня войска стремительно бросились в атаку, они были встречены мощным перекрестным артиллерийским и пулеметным огнем германцев, понесли большие потери. Только на отдельных участках ими были преодолены проволочные заграждения и заняты окопы противника, но они были выбиты сильным фланговым огнем. К концу дня войска вынуждены были отойти на первоначальные позиции. На исходе дня противник подтянул силы и делал попытки контратак.

Тремя часами позже Северной группы перешли в наступление войска Южной группы из исходного положения Занарочь – Лядо – р. Нарочь в направлении Проходы – Проньки – Баранов Рог – Бараны – Михалишки – Нестанишки – Сыроватки. Однако, не имея надлежащей подготовки и поддержки со стороны артиллерии, они понесли большие потери от артиллерийского и ружейно-пулеметного огня противника и к концу дня отошли на исходные позиции.

На центральном участке фронта армии, занимаемом группой генерала Сирелиуса, активных боевых действий не было. С самого начала наступательной операции русских войск немцы заметили пассивную роль войск группы генерала Сирелиуса и активно воспользовались этим. Они снимали свои войска с этого участка фронта и оперативно перебрасывали их на угрожаемые участки в ходе наступательных действий Северной и Южной групп.

Таким образом, в первый день проведения операции наступающие войска ни в одном пункте на фронте 2-й армии не овладели укреплениями противника настолько, чтобы удержать их. Потери же в этот день были значительны: 183 офицера и свыше 15 тыс. солдат – убиты и ранены.

В последующие дни атаки русских войск повторялись, но в основном также были безуспешны. Вот как об этом сообщал командующий 2-ой армией генерал А. Ф. Рагоза в телеграмме Главнокомандующему Западным фронтом генералу А. Е. Эверту: «За первые дни боев на фронте армии выяснилось, что для овладения укреплениями противника, по причине их мощности, мерзлого грунта, фланговых уступов, сильных блиндированных блокгаузов и умелого размещения многочисленных заграждений... приходится прилагать огромные усилия. Атака 5-го корпуса в районе д. Занарочь была встречена газами, которые были выпущены из баллонов, местами же противник бросает химические снаряды, что также является трудностью для войск при наступлении». Отмечая действия артиллерии, генерал Рагоза сообщал, что «затрудняется стрельба, особенно корректировка, из-за постоянных туманов, которые держатся в этой местности целыми днями. В полевых снарядах недостатка нет, но тяжелых, как показывает практика, мало. Между тем, от них в значительной мере зависит более быстрый и полный успех. Увеличения числа тяжелых снарядов просят поголовно все начальники и к их просьбе нельзя не присоединиться» [2, л. 86].

Военным действиям не благоприятствовали и климатические условия. Уже на второй день пошел дождь, а на третий, как отмечалось в войсковых сводках, «тающий снег затоплял окопы, болота становились местами уже не проходимыми, лед в ручьях трескался, наступающие проваливались в полыньи по пояс». Кроме того, сутками стоял густой туман, который осложнял действия артиллерии.

Несмотря на все это, 20 марта из Минска прозвучал угрожающий окрик Главнокомандующего Западным фронтом генерала Эверта в адрес командующего 2-й армией генерала Рагозы: «Потребовать от начальников групп и командиров корпусов надлежащего управления войсками. Приказываю

проявить энергию и дисциплину во всех действиях... что бы там ни было разбить и отбросить противника, потому что наступившая оттепель осложнит наше наступление» [2, л. 106].

В свою очередь генерал Рагоза срочно телеграфировал командирам корпусов, которые входили в его армию: «Развивать достигнутый успех. Продолжать выполнение поставленных задач». Одновременно он предупредил об экономном расходовании боевых сил и средств, на скорое получение помощи просил не рассчитывать.

Между тем войска и в этих сложных условиях делали попытки продолжать наступательные действия. 21 марта Северная группа войск генерала Плешкова в ходе наступления захватила первую линию окопов противника, но сильным огнем врага была выбита и с большими потерями отошла к рубежу Лесные Муляры. Солдаты и офицеры действовали безукоризненно и самоотверженно, делали все возможное и невозможное. С презрением относились к смерти. Под мощным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем противника они лавиной шли на его неразрушенные проволочные заграждения и, жертвуя жизнью, стремились преодолеть их. Об этом, например, свидетельствует следующий факт: только на участке прорыва вражеского фронта частями 22-й пехотной дивизии похоронной командой было снято с проволочных заграждений 5 тыс. трупов. Говоря о массовой отваге воинов, следует отметить патриотический подвиг самопожертвования 17-летней девушки Евгении Воронцовой, которая добровольно прибыла из подмосковного Голутвина в 3-й Сибирский полк 1-й Сибирской дивизии 17 февраля 1916 г. Командование, принимая во внимание возраст девушки, зачислило ее в команду связи. Но в день наступления полка она категорично заявила о своем желании принять участие в атаке и отправилась в 5-ю роту. На рассвете 21 марта по приказу командира корпуса 3-й Сибирский полк в составе 1-й Сибирской дивизии пошел в атаку. Наступавшие сразу были встречены сильным ружейно-пулеметным огнем противника, несли большие потери. Достигнув проволочных заграждений, стрелки остановились. Воронцова первая нашла проход в проволочных заграждениях и, как отмечено в журнале военных действий 3-го Сибирского полка, с криком «Братцы, вперед!» устремила к германским окопам. Многие последовали ее примеру. Но через несколько шагов юная героиня пала мертвой, сраженная вражеской пулей» [1, с. 115].

Войска Южной группы генерала Балуюева в тот же день, пустив в противника 7 тыс. химических снарядов, перешли в наступление и захватили 2, а в отдельных местах 3 линии окопов на фронте оз. Нарочь – Августово. Однако, по причине отсутствия своевременной поддержки резервами, под сильным огнем противника вынуждены были отступить.

К 22 марта дороги на болотистых участках стали полностью непроходимыми. Ведение боевых действий не только с каждым днем, но и с каждым часом становилось все менее возможным. Однако попытки атаки продолжались. 22 марта перешли в наступление войска Северного фронта,

войска Западного фронта должны были их поддержать. 23 марта войскам 2-й армии было приказано вновь продолжать атаки с целью прорыва фронта противника.

Северной группе войск была поставлена задача прорвать германский фронт на участке Вилейты – Бучелишки. Но силы войск были исчерпаны, их наступательный порыв снизился. По причине неготовности войск Северной группы их атака дважды откладывалась. В битве, которая началась 26 марта, из-за больших потерь в предшествующих боях, приняли участие не все корпуса. Соединения, которые начали наступать, захватили первую (местами вторую) линии окопов противника, но не получили поддержки со стороны артиллерии, т.к. не имелось снарядов, и в разгар боевых действий 12 пушек тяжёлой артиллерии, 20 легкой и часть гаубиц вынуждены были бездействовать.

Отметим, что в наступательных действиях войск Северной группы принимала участие сформированная в Бобруйске в дни мобилизации 1914 г. 76-я пехотная дивизия, входившая в состав 27-го армейского корпуса. В начале операции дивизия находилась в групповом резерве и располагалась в районе деревень Перевозники, Юньки. Затем, в соответствии с распоряжением командующего Северной группой генерала М. М. Плешкова, 19 марта была передвинута в район пунктов Озерки, Костени, т.е. ближе к боевой линии. Утром 20 марта, в момент атаки 22-й пехотной дивизии, для ее поддержки была направлена бригада 76-й дивизии в составе 301-го Бобруйского и 302-го Суражского пехотных полков. Однако по вине командира своевременная помощь 22-й пехотной дивизии бригадой не была оказана.

20 марта части 27-го армейского корпуса заняли позиции в образовавшемся разрыве между 1-м армейским и 1-м Сибирским корпусами. В соответствии с приказом командующего Северной группой об очередной атаке войск, 21 марта части корпуса должны были наступать на противника на участке от Микулишек до Бучелишек. Однако из трех бригад 27-го корпуса наступать были назначены только 301-й Бобруйский и 302-й Суражский пехотные полки 76-й дивизии. Остальные части были эшелонированы в глубокий тыл, составляя дивизионный и корпусный резервы. В начале наступления полков шло успешно: 302-й полк захватил сторожевое охранение противника у Бучелишек, но дальше продвинуться не смог, так как был обстрелян сильным фронтальным огнем противника со стороны Бучелишек и фланговым – от Целины. За 302-м Суражским полком остановился и 301-й Бобруйский полк. Затем полки были обстреляны мощным артиллерийским огнем, не выдержали и вернулись в исходное положение. Поддержка со стороны 2-й бригады 76-й пехотной дивизии была слабой и несвоевременной [1, с. 113]. Сказывалось неудовлетворительное управление войсками командира корпуса генерала Баланина. Последнее наступление частей 76-й пехотной дивизии состоялось (в соответствии с приказом генерала Плешкова) в 4 часа 26 марта. К 4 час. 30 мин. 301-й Бобруйский и 304-й Новгород – Северский пехотные полки заняли первую

линию германских окопов. Левофланговый 302-й Суражский полк прошел первую и наступил на вторую линию окопов. Однако на атаке этой линии оказался открытым левый фланг полка, так как наступление частей соседнего 1-го Сибирского корпуса запаздывало. 302-й полк понес огромные потери и вынужден был отступить. Это задержало продвижение 301-го и 304-го полков. Поддержки не поступило. 76-я дивизия не выдержала сосредоточенного артиллерийского и ружейно-пулеметного огня противника и, разбитая, отступила. Наступление 27-го корпуса закончилось. Огромные потери понесли и соседние войска 1-го Сибирского и 1-го армейского корпусов. Под сильным огнем врага войска отошли на исходные позиции. На этом боевые действия Северной группы войск в Нарочской операции были окончены. Ее обескровленные корпуса были отведены в тыл, сама группа была расформирована.

Боевые действия Южной группы генерала Балужева продолжались. К этому времени на участке фронта против нее командованием германской 10-й армии были сконцентрированы внушительные силы. Сначала атака намечалась на день 30 марта, но из-за густого тумана она была перенесена на утро 31 марта. В этот день атакующие встретили упорное сопротивление германцев. Не достигнув линии окопов, русские части легли под сильным огнем врага. Наступление завершилось.

Верховное командование, видя крах операции, вынуждено было 29 марта отдать директиву «временно приостановить выполнение операции в определенных ранее размерах до улучшения местных условий».

30 марта Главнокомандующий Западным фронтом в приказе войскам, признав, что «начатая 18 марта атака неприятельских позиций в районе 2-ой армии до настоящего времени не привела к решительным результатам, между тем наступившая теплая погода и обильные осадки, выпавшие за последние дни, сильно заболотили значительную часть района расположения войск и до крайности затруднили дальнейшее развитие операции в полном объеме», приказал «прекратить наступление, прочно утвердиться в занимаемом положении, сохранять видимую готовность к продолжению боя, держать противника под угрозой атаки, а на участке между озерами Нарочь и Вишневецкое продолжать начатую операцию с целью овладения пунктами, нужными для прочного обеспечения отнятого у противника района» [3, л. 97, 118].

Таким образом, начатая 18 марта 1916 г. Нарочская операция была прекращена. Операция, стартовавшая в не совсем благоприятный момент (наступающая весна) и в не подходящей этому времени местности (низина с многочисленными озерами, речками, болотами, кустарниками и лесами), с самого начала была обречена на неудачу. Кроме того, поспешность начала операции проявилась в необеспеченности войск боевыми средствами. В течение операции ощущалась острая нехватка снарядов для тяжелой артиллерии, около 24 тыс. солдат не были вооружены даже винтовками, поскольку их было недостаточно, не хватало шанцевого инструмента.

Все эти сложности и недостатки, наряду с плохим управлением войсками, стоили русским огромных жертв. За две недели наступления людские потери 2-й армии составили 1 018 офицеров и 77 427 солдат [1, с. 159] – почти одну четвертую личного состава армии к началу Нарочской операции. Кроме того, были понесены и большие материальные утраты.

Потери русских войск несопоставимы с захваченными ими в ходе операции «трофеями» – около 1 200 пленных, 15 пулеметов и несколько сот винтовок. Также русские, освободив от противника 10 кв. км территории на одном участке, уступили его войскам 70 кв. км, хоть и болотистой, непригодной для боевых действий, но своей, российской земли в другом месте.

Существенным недостатком для русских войск в Нарочской операции стало падение их морально-боевого духа. Солдаты, которые претерпели трудности и невзгоды наступательных боевых действий, были свидетелями бессмысленной гибели множества людей – своих сослуживцев, товарищей, во многом обусловленной необеспеченностью наступавших частей боевыми средствами, бесполезностью распоряжений и приказов высшего командования, скрыто высказывали свое недовольство. Особенно это проявлялось в письмах, что неоднократно отмечала в своих сводках военная цензура. Например, в одной из таких сводок за март 1916 г. военный цензор писал о письмах, в которых солдаты «затрагивали эти бои, жаловались на огромное количество у противника пулеметов и артиллерии, на значительность наших потерь». В сводке за апрель отмечалось, что «еще продолжают встречаться упоминания о мартовской операции. В письмах из района Постав встречались выражения недовольства плохим управлением тут боем, а также намеки на некое будто имевшее тут место предательство». В дополнение своего сообщения цензор отмечал, что «иногда в письмах встречаются указания «теперь о многом писать нельзя» и заключал, что «наблюдение за перепиской не дает вполне верного понятия о духовном состоянии армии, и что в эти наблюдения требовалось бы внести некоторую поправку в сторону понижения морально-боевого духа» [3, л. 118].

Необходимо отметить, что германское командование с самого начала операции было серьезно встревожено активностью русских войск на участке фронта 21-го армейского корпуса. Для его поддержки были срочно направлены два армейских корпуса из резерва Восточного фронта. Более того, во время операции германское командование вынуждено было перебрасывать сюда дополнительные подкрепления. Уже 21 марта в одной из телеграмм штаба соседней 10-й армии, по сведениям войсковой разведки, отмечались «некоторое усиление противника в районе Крево, особенно у госп. Двора Мысса, и повышенная бдительность противника на фронте Спяглица – мест. Вишнево. Наблюдением с аэростата 7 (20. – М. С.) марта обнаружено усиленное движение поездов в обе стороны на участке Гауц – Солы». Кроме того, войсковой разведкой и по показаниям взятых в плен немцев было установлено «усиление противника в районе Годутишки переброской туда всей 107-й дивизии и в районе к югу от озера Нарочь подтягиванием туда бригады

80-й резервной дивизии. Предполагалось также передвижение еще одной дивизии, кроме 107-й, с Северного фронта на Полоцкое направление» [2, л. 85]. За две недели боевых действий, несмотря на потерю 20 тыс. солдат и офицеров, силы немцев, сконцентрированные против 2-й армии русского Западного фронта, выросли на 30 тыс. штыков. Сюда же были дополнительно переброшены 150 легких и 82 тяжелых артиллерийских орудия, свыше 200 пулеметов и прочие боевые средства. Начальник штаба германского Восточного фронта, генерал Э. Людендорф писал позже в своих мемуарах о Нарочской операции русских и о положении германских войск на этом участке фронта в дни ее проведения: «План был, несомненно, широко задуман. Расчленение нашей армии должно было начаться с двойного прорыва фронта, как бы вырезающего часть его – между озерным перешейком и линией Поставы – Свенцяны. Этот участок был достаточно широк и удачно выбран, и наших резервов не хватило бы на заполнение такого прорыва, да и доставлялись они к озеру Нарочь с большим трудом... Если бы прорыв удался, то в последствиях его сомневаться было нельзя, дорога на Ковно была бы свободной...

От 18 до 21 марта положение 10-й армии оставалось критическим, а численное превосходство русских подавляющим. 21-го неприятель имел очень болезненный для нас успех на озерном перешейке, а к западу от Постав мы лишь с большим трудом выдержали его атаку... Подкрепления, спешно отправленные 10-й армией и нами, начиная от железной дороги Вильно – Двинск, медленно и с трудом продвигались в болотах. Все мы с огромным напряжением ожидали исхода, но русские уже изнемогали, наступая в более тяжелых условиях, чем те, в которых находился наш фронт и тыл, и 26-го в момент нового усиления русского натиска мы могли уже считать, что кризис миновал благополучно» [4, с. 266–267].

Таким образом, Нарочская операция дорого стоила русским, но ее проведением они спасали французов от разгрома и, возможно, уберегли Париж от захвата немцами весной 1916 г. Германцы вынуждены были прекратить атаки на французском фронте у Вердена с 22 по 30 марта, в дни Нарочской операции. Это позволило французскому командованию на автомобилях перебросить в необходимые места значительные подкрепления.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Подорожный, Н. Е.* Нарочская операция в 1916 г. на русском фронте мировой войны / Н. Е. Подорожный. – М., 1938. – 94 с.
2. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Фонд 2003. – Оп. 1. – Д. 292.
3. РГВИА. – Фонд 2003. – Оп. 1. – Д. 1486.
4. *Людендорф, Э.* Мои воспоминания о мировой войне / Э. Людендорф. – СПб., 1924. – 726 с.

**«ЛОЕВСКИЙ ПРОРЫВ»: НАЧАЛО БОЕВОГО ПУТИ
УКРАИНСКИХ ПАРТИЗАН ПО ГОМЕЛЬЩИНЕ (осень 1942 г.)**

В августе 1942 г. в Кремле состоялось совещание советского руководства с группой командиров партизанских соединений, где была поставлена задача совершить рейд из Левобережной Украины на территорию белорусско-украинского Полесья. В течение октября 1942 – марта 1943 г. в междуречье Припяти и Днепра были переведены наиболее боеспособные партизанские соединения (С. И. Ковпака, А. Н. Сабурова, А. Ф. Федорова, М. И. Мельника, М. И. Наумова). Концентрация значительных сил партизан в так называемом «Мокром треугольнике» имела целью путем расширения масштабов партизанского движения активизировать диверсии на коммуникациях вермахта и обеспечить разведывательной информацией советское военное командование.

На основании сведений из опубликованных литературных источников и некоторых материалов, имеющих в Лоевском музее «Битвы за Днепр», автор предпринял попытку проанализировать и обобщить сведения о знаменитом рейде на правый берег Днепра в районе Лоева двух крупных украинских партизанских соединений под командованием С. И. Ковпака и А. Н. Сабурова.

Как известно, партизанским соединениям Ковпака и Сабурова предписывалось передислоцироваться из Брянских лесов на правый берег Днепра и пройти по территории Полесья, нанося удары по врагу.

После тщательной подготовки, получив с «Большой земли» вооружение и боеприпасы, в том числе 76-миллиметровые орудия и противотанковые ружья, минно-подрывное имущество, средства связи, 26 октября 1942 г. соединение Ковпака двинулось совместно с соединением Сабурова из села Старая Гута, что на Брянщине, в рейд на правобережье Днепра [1].

Выйдя 6 ноября на шоссе на дорогу Чернигов – Гомель, батальоны Ковпака и Сабурова двинулись в направлении Гомеля. Немцы в ответ стали стягивать силы из Речицы и других районов для обороны города. Партизаны же, введя противника в заблуждение, ночью изменили маршрут и через Приловичи, Клубовку, Сусловку вышли к переправе у Лоева. Завязался бой в районе переправы у Каменки Репкинского района и паромной переправы у Лоева. Однако попытка оставшейся в Лоеве незначительной части полицейских жандармерии (остальные в спешном порядке выехали в Речицу) помешать переправе успеха не принесла. На берегу реки не было никаких средств для переправы. Тогда на помощь партизанам, как вспоминал А. Сабуров, вышло почти все население Лоева [2, с. 120]. В результате партизаны смогли переправиться на двух паромов и нескольких лодках. 38 часов длилась эта переправа. Вспоминает бывший партизан соединения А. Сабурова В. В. Пинчук: «Как только все стихло, я вышел на улицу.

По улице ехал человек на коне. Он был в папахе с красной ленточкой и полушубке. Партизан спросил, не бежали ли здесь полицейские, и поспешил дальше. Я смотрел ему вслед и испытывал чувство огромной радости от того, что увидел настоящего партизана. Вскоре мы с другом были у переправы. Здесь работал паром, переправлялись на лодках. На берегу горели костры, возле них сидели люди, одетые кто в чем: в шинелях, полушубках... А со стороны Суловки шли и шли колонны к переправе и, казалось, им не будет конца» [3].

В то время, когда еще шла переправа, начался обстрел противником колонн партизан. Из Чернигова против них был брошен полк чехов. Однако сорвать переправу они не сумели. Не имела успеха и попытка гитлеровцев войти в Лоев со стороны Брагина. Противник был встречен огнем партизанских заслонов, выставленных на въездах в город. К тому же, за Лоевом, по дороге на Кружейки (брагинское направление. – Л. С.) ковпаковцы устроили немцам засаду [4].

Почти без потерь партизаны соединений Ковпака и Сабурова переправились через Днепр и вместе с бойцами лоевского партизанского отряда «За Родину» под командованием Г. И. Синякова освободили Лоев. На пожарной каланче был поднят красный флаг. 8 ноября 1942 г. на центральной площади состоялся митинг и партизанский парад в честь 25-й годовщины Октябрьской революции, который принимали С. А. Ковпак и А. Н. Сабуров. Вот как вспоминает об этом событии бывший командир полка ковпаковского соединения П. Е. Брайко: «За ночь было сооружена и установлена на центральной площади в Лоеве трибуна. Разведчики притащили сюда мощный трофейный радиоприемник “телефункен”, настроили его на московскую волну. Ровно в 10.00 командующий парадом лейтенант Горкунов доложил о готовности батальонов к параду. Под звуки московского сводного оркестра и трофейных аккордеонов мимо трибуны, на которой стояли Ковпак, Руднев, Сабуров, чеканя шаг, проходили партизанские роты. Миновав трибуну, они сворачивали направо, обходили площадь боковыми улочками, пристраиваясь в хвост колонны, и вновь продолжали шествие. Вся площадь была заполнена народом. Люди ликовали, многие плакали от радости. Так партизанские роты маршировали часа два или три. Возможно, парад продолжался бы и дольше, если бы немцы не бросили против партизан батальон эсэсовцев с бронемашинами из Речицы» [5].

Неоценимое значение имело освобождение Лоева, хотя и на непродолжительное время, и празднование в глубоком тылу годовщины Октябрьской революции: «Для людей, пострадавших в фашистской неволе, это было как глоток свободы, свежего воздуха, как луч света в непроглядной ночи гитлеровской оккупации. Они воспрянули духом, окрепла их вера в победу, в неминуемый разгром врага» [5].

С первых дней нахождения на белорусской земле украинские партизаны установили контакты с белорусскими партизанскими формированиями. 10 ноября 1942 г. в д. Михалёвка Лоевского района состоялась встреча

С. А. Ковпака, комиссара соединения С. В. Руднева и уполномоченного ЦК КП(б)У И. К. Сыромолотного с секретарем Гомельского подпольного обкома партии, командиром Гомельского партизанского соединения И. П. Кожаром, начальником штаба соединения Е. И. Барыкиным и командиром Лоевского отряда «За Родину» Г. И. Синяковым [6]. Во время этой встречи были обсуждены задачи совместных боевых действий по дезорганизации вражеского тыла, военных перевозок, уничтожению гарнизонов противника. По указанию Ковпака лоевским партизанам была передана часть захваченного трофейного оружия: станковый и ручной пулеметы, противотанковое ружье, миномет с запасом мин, три автомата, два десятка винтовок, несколько ящиков с патронами, а также рация [4].

Представляют интерес в этой связи записи на страницах дневника Героя Советского Союза Е. И. Барыкина: «Сенсация в наших краях. Пришла весть – наши заняли Лоев и движутся ближе сюда. От соединения пришли три бойца с этой вестью. Мы встретились в Михалевке. Оказывается это соединение Героев Советского Союза С. А. Ковпака и А. Н. Сабурова движется по маршруту. Товарищи помогли нам немного оружием, оставили рацию. Восхищаемся силой большой и мощностью оружия, особенно автоматического... Хочется вырасти хотя бы до половины этой мощи, чтобы столько же полезного делать, как и они, для Родины» [7, с. 56].

Обратим внимание и на воспоминания легендарного партизанского командира, дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака. В них значительное место занимает рейд на правый берег Днепра. «Я помню многие встречи украинских и белорусских партизан, многие совместные боевые операции... Воспоминается мне встреча с белорусскими партизанами на Гомельщине, когда мы, собравшись вместе, поделились боевым опытом. И эта встреча много помогла как нам, украинским партизанам, так и нашим славным белорусским партизанам. Совместные боевые действия украинских и белорусских партизан под Лоевом и в других местах еще раз подтвердили великую дружбу народов Украины и Белоруссии...» [7, с. 198].

После боев за Лоев украинские партизаны перешли в Омельковские леса и продолжили свой рейд по белорусской земле. Стремительно прошли маршем по белорусско-украинскому Полесью, уничтожая на своем пути гитлеровские гарнизоны, разрушая коммуникации врага (тема отдельного исследования). За пять дней рейда за Днепром по территории Гомельщины только в соединение С. А. Ковпака влилось около 150 человек, в том числе несколько десятков человек местного населения присоединились к ковпаковцам и сабуровцам [1; 5]. Так, уроженец Лоева Михаил Иванович Плющ возглавлял группу подрывников в соединении Сабурова. Он отличался необыкновенной смелостью и большим мастерством в подрывном деле. Слава о диверсиях, которые он устраивал со своей группой на железных дорогах, ходила по всему соединению. За время боевых действий в составе соединения он пустил под откос 10 вражеских эшелонов лично и около 30 – в группах. Был награжден орденом Ленина, медалью «Партизану Отечест-

венной войны 1-й степени и другими. Отважно сражались с врагом в отрядах вышеназванных соединений также такие уроженцы Лоевщины, как Дмитрий Байдак, Левон Карась, Сергей и Алексей Регили, Дмитрий Казеко, Федор Никитенко, Владимир Пинчук, Дмитрий Чепего, Максим Ницко, Владимир Прищеп, Василий Байдак, Михаил Кукса, Фёдор Костюченко, Степан Симуткин, Надежда Мельниченко и др. Они были разведчиками, пулеметчиками, подрывниками. Многие оставались в рядах украинских партизанских отрядов вплоть до их соединения с Красной армией. Левон Павлович Карась был участником Карпатского рейда Ковпака и погиб там от рук фашистов» [5].

Память о знаменитом рейде Ковпака и Сабурова осенью 1942 г. увековечена в Лоеве. В музее «Битвы за Днепр» один из стендов посвящен этим событиям. На нем экспонируется шарф С. А. Ковпака, фотографии участников переправы. В центре Лоева, на площади, где проходил памятный парад, воздвигнут монумент-обелиск, один из барельефов которого отражает боевое содружество бойцов Красной армии, белорусских и украинских партизан во время боевых действий с немецко-фашистскими захватчиками на Лоевщине.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зубрей, В.* Ковпаковцы / В. Зубрей // Советская Беларусь. – 2009. – 4 фев.
2. *Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Лоеўскага раёна.* – Мінск : БелЭн, 2000. – 592 с.
3. Фонды Лоевского музея «Битвы за Днепр». – НВ670.
4. Фонды Лоевского музея «Битвы за Днепр». – НВ669.
5. *Анисовец, В.* Парад принимал Ковпак / В. Анисовец // Серп и молот. – 2007. – 6 нояб.
6. *Каплан, Г.* Чалавек з легенды / Г. Каплан // Гомельская правда. – 1987. – 23 мая.
7. Из истории партизанского движения в Белоруссии (1941–1944) : сб. воспоминаний. – Минск : Гос. изд-во. БССР, 1961. – 506 с.

А. Г. Цымбал

МЯСЦОВЫЯ ПРАЦОЎНЫЯ РЭСУРСЫ Ў ПЛАНАХ ГЕРМАНСКИХ АКУПАЦЫЙНЫХ УЛАД У БЕЛАРУСІ (1941–1944)

Выкарыстанне працоўных рэсурсаў акупаванай Беларусі з'яўлялася адным з найбольш істотных элементаў палітыкі нямецкіх улад. Пытанні працоўнай штодзённасці і прыцягнення мясцовага насельніцтва да працы акупацыйнымі ўладамі не знаходзілася ў цэнтры ўвагі даследчыкаў. У савецкай гістарыяграфіі праца на акупантаў разглядалася як здрадніцтва, у сучаснай беларускай гістарычнай навучы яна набыла іншы статус. Больш дэталёвае

і грунтоўнае вывучэнне праблемы сутыкалася з абмежаванасцю базы крыніц. Прадстаўленае даследаванне мае мэтай, у першую чаргу, увядзенне ў навуковы абарот новага фактычнага матэрыялу па праблеме працоўнай штодзённасці і выкарыстання акупацыйнымі ўладамі працы насельніцтва Беларусі ў 1941–1944 гг.

Выключную значнасць для раскрыцця вышэйадзначанай тэмы прадстаўляе Калекцыя дакументаў Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск» (фонд 378 Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь). Нямецкамоўная крыніца змяшчае багаты фактычны матэрыял, які датычыцца асобнага прадпрыемства – Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск». Дырэкцыя мела свае філіялы па ўсёй тэрыторыі Беларусі з працуючым нямецкім і мясцовым рабочым персаналам. Калекцыя дакументаў уяўляе сабой значны комплекс крыніц, якія ўключаюць вялікую колькасць паведамленняў статыстычнага характару аб колькасці рабочай сілы з ліку нямецкіх працаўнікоў і мясцовых жыхароў, патрэбе ў персанале падраздзяленняў прадпрыемстваў чыгункі, якія адносяцца да розных гадоў акупацыі, таксама ўтрымлівае звесткі аб ваеннапалонных і яўрэях, што задзейнічаны на работах. Дакументы змяшчаюць разнастайную інфармацыю аб дырэктыўных распараджэннях па арганізацыі працы мясцовых работнікаў, прафесіях, на якія быў найбольшы попыт у акупацыйных улад, галоўных накірунках службы, харчовым забеспячэнні работнікаў, уліку захворванняў мясцовага персаналу, умовах працы, апісваецца праблематыка ўздзеяння партызанскіх фарміраванняў на спробы павышэння якасці выкарыстання працы мясцовага насельніцтва гарадоў і вёсак акупаванай Беларусі.

Германскія акупацыйныя ўлады ў значнай ступені залежалі ад скарыстання працы мясцовага насельніцтва, якое магло забяспечыць функцыянаванне прадпрыемстваў Беларусі. Прыцягненне мясцовага персаналу на прадпрыемствы чыгункі вызначалася шэрагам нямецкіх інструкцый па найме і ўзнагароджанні мясцовай рабочай сілы. Першая з іх пачала дзейнічаць з 25 чэрвеня 1941 г. [1, арк. 3–3 адв., 4–4 адв., 5–5 адв.]. Аналіз дакумента дазваляе зрабіць наступныя высновы. Уладамі вызначалася, што ўсе пасады павінны былі быць размеркаваны паміж мясцовымі працаўнікамі, за выключэннем тых, якія па сур’ёзных прычынах павінны займацца немцамі. Пытанні прыцягнення якаснай рабочай сілы ў дастатковай колькасці заўсёды былі ў цэнтры ўвагі акупацыйнай адміністрацыі. Аб’ёмы найму вызначаліся актуальнай патрэбай. Асобная ўвага звярталася на тое, каб праца работнікаў, прыдатных для чыгункі, не выкарыстоўвалася ў іншых галінах. Абмежаванняў па найму мясцовага персаналу таксама не прадугледжвалася. Такім чынам меркавалася мець запас персаналу і магчымасць скараціць працоўны час.

Перш за ўсё планавалася наймаць мясцовы персанал, ні ў якім разе нельга было прымаць на працу палітычных камісараў, яўрэяў і, як пазначана ў дакуменце, паў-яўрэяў. Служачых, якія займалі пасады раней, можна было наймаць з дазволу палявой дырэкцыі транспарту, працаўнікоў з веданнем

нямецкай мовы трэба было наймаць у першую чаргу. Праводзілася апытанне аб стане здароўя і вызначалася прыдатнасць работніка да працы, пры неабходнасці ажыццяўляўся медыцынскі агляд. Кожны работнік павінен быў уносіцца ў спіс персаналу, дзе пазначаліся наступныя звесткі: бягучы нумар, прозвішча, імя, дата народзінаў, адрас пражывання, апошняя пасада, якую займаў работнік, дата прыёму на працу, від занятку і асаблівыя ўменні (напрыклад, перакладчык), а таксама дзень і прычына звальнення. Для ідэнтыфікацыі служачы атрымліваў павязку на руку і пропуск.

Асобная ўвага ў інструкцыі звярталася на тое, што да кожнага супрацоўніка трэба данесці, што нямецкі вермахт забяспечвае яму дастатковую заробную плату, узамен патрабуе ўкладання сіл у працу і вернасці. З мясцовым персаналам трэба было абыходзіцца строга, але справядліва.

Падкрэслівалася, што самастойнае выкарыстанне працы мясцовых кваліфікаваных спецыялістаў на кіруючых і адказных пасадах першапачаткова не разглядалася. Мясцовы персанал не павінен быў мець права аддаваць загады нямецкім супрацоўнікам чыгункі.

Тым не менш першапачатковыя дырэктывы і інструкцыі не прывялі да, па меркаванні ўлад, задавальняючага ўзроўню працы мясцовых работнікаў. Сітуацыя на фронце, рост уздзеянняў партызанскіх фарміраванняў спрыялі перагляду падыходаў да ўзаемадзеяння акупантаў з мясцовым кваліфікаваным персаналам. Акупацыйныя ўлады ўсё больш задаваліся пытаннямі павышэння прадукцыйнасці працы. З гэтай мэтай, напрыклад, 15 кастрычніка 1942 г. была падрыхтавана аналітычная запіска аб «Мэтанакіраванай сістэме аплаты працы рускіх працоўных і яе ўплыве на прадукцыйнасць і павелічэнне прадукцыйнасці». Аўтар падкрэсліваў неабходнасць улічваць асаблівасці «рускага менталітэту», толькі такім чынам нямецкія кіраўнікі здолеюць выхаваць і сфарміраваць рускіх як прадуктыўных і надзейных працоўных. У выніку «рускія будуць бачыць ў немцах не прыгнятальнікаў і эксплуатацыйнікаў, а вызваліцеляў з-пад бальшавіцкага гнёту» [2, арк. 31 адв.].

Акрамя заўваг наконт асаблівасцей менталітэту вынікам аналітычнай запіскі стала зацвярджэнне 29 лістапада 1942 г. новай «Інструкцыі аб выкарыстанні і павышэнні прадукцыйнасці працы мясцовай рабочай сілы і ваеннапалонных» [3, арк. 22]. Падыходы да мясцовага насельніцтва істотна змяніліся: працягласць працы неабходна было зрабіць аднолькавай з імперскімі немцамі, а асноўным прынцыпам павінен быў стаць наступны: «Кожны на сваім працоўным месцы». Падкрэслівалася, што працу кваліфікаваных рабочых дазвалялася выкарыстоўваць толькі ў адпаведнасці з іх адукацыяй. Каштоўных нямецкіх спецыялістаў трэба было замяняць іх мясцовымі кваліфікаванымі працаўнікамі. Таму мясцовым кваліфікаваным рабочым забаранялася працаваць на неадпаведных кваліфікацыі работах. Прадугледжвалася павышэнне кваліфікацыі або перападрыхтоўка. Таксама абвешчаліся прынцыпы эканомнага выкарыстання працы мясцовых работнікаў, забаранялася

іх звальняць, магчыма было толькі перавесці на новыя ўчасткі чыгункі. Існаваў дэфіцыт працаўнікоў, акупацыйныя ўлады адзначалі: «Працоўная сіла з прадукцыйнасцю 30 % лепш, чым нікая» [3, арк. 22 адв.].

Адначасова ўводзіліся іншыя формы павышэння прадукцыйнасці працы: дадатковая грашовая падтрымка і сацыяльнае абслугоўванне. Вострай праблемай для акупантаў сталі масавыя ўцёкі рабочых. Вялікая ўвага надавалася падтрыманню дысцыпліны і кантролю.

Працоўны час павінен быў вызначацца вытворчай неабходнасцю. Але акупацыйныя ўлады падкрэслівалі, што не трэба было так моцна выкарыстоўваць працоўную сілу, каб яна хутка аказвалася неэфектыўнай. Размеркаванне выходных таксама адбывалася адпаведна вытворчай патрэбе [1, арк. 3–3 адв., 4–4 адв., 5–5 адв.].

Заяўкі на адпачынак першапачаткова не разглядаліся. У абгрунтаваных выпадках магчыма было атрымаць вызваленне ад працы без аплаты.

Прадугледжвалася сістэма штрафаў у выпадку невыканання службовых абавязкаў. Кіраўнік службы меў права накласці штраф у памеры сярэдняга дзённага заробку. Штраф мог быць павялічаны ў 5 разоў.

Служачы меў права скасаваць свае працоўныя адносіны толькі з дазволу кіраўніка службы. Палявая дырэкцыя транспарту мела права звольніць работніка ў любы момант.

Заработная плата ўяўляла сабой аплату па гадзінах. Час хваробы, прагулы, выхадныя і святы не аплачваліся. Ніякіх надбавак першапачаткова таксама не было. Для вызначэння аплаты працы прадугледжваўся падзел працоўных на 3 групы. Заработная плата групы 1 павінна была адпавядаць звычайнай для мясцовасці сярэдняй зароботнай плаце. Заработная плата групы 2 – на 10 % вышэй, 3 – на 20 %. Таксама існавала адпаведная тарифная сетка.

Да групы 1 адносіліся: неадукаваныя рабочыя (вакзальныя служачыя, прыбіральшчыкі, дзяжурныя па пераезде); адукаваныя рабочыя (абслуговы персанал чыгуначнага шляху, счэпшчыкі, чысцільшчыкі, пагрузчыкі вугалю, грузчыкі і г.д.); пісары; работнікі такіх прафесій: качагары, манеўровыя дыспетчары, брыгадзіры шляхавай брыгады, багажныя раздатчыкі, кандуктары, шляхавыя абходчыкі, клапаўшчыкі, службовыя памочнікі.

Група 2: рамеснікі; работнікі на пасадах, якія тычацца абслугоўвання імперскай чыгункі; работнікі такіх прафесій: майстры-счэпшчыкі, майстры шляхавых брыгад, майстры-лінейныя наглядчыкі, майстры-пагрузчыкі, майстры-клапаўшчыкі, але толькі ў тым выпадку, калі іх дзейнасць па сваёй значнасці пераўзыходзіць працу счэпшчыкаў, брыгадзіраў шляхавых брыгад, лінейных наглядчыкаў, пагрузчыкаў і клапаўшчыкоў.

Група 3: старшыя рамеснікі; работнікі такіх прафесій: радаўцы, майстры, вагонаважатыя, вагонныя майстры, машыністы, начальнік цягніка; работнікі накіраваныя тэхнічных і нетэхнічных асістэнтаў, сакратароў (арганізацыя руху і кіраванне) [1, арк. 6, 7].

Велічыня зарплаты залежала ад тарыфных груп згодна з дадаткам да інструкцыі, зацверджаным 5 жніўня 1941 г. Па ўзоры стандартных для мясцовасці велічынь для Мінска вызначаліся наступныя пагадзінныя нормы, якія таксама лічыліся найвышэйшым заробкам у акрузе палявой дырэкцыі транспарту:

- тарыфная група 1 – 2 рублі;
- тарыфная група 2 – 2,40 рублёў;
- тарыфная група 3 – 2,80 рублёў;
- тарыфная група 4 – 3,20 рублёў.

У больш дробных паселішчах, асабліва ў сельскай мясцовасці, велічыні вызначаліся прыкладна да паловы вышэй прыведзеных значэнняў [1, арк. 9, 9 адв., 10, 10 адв.].

Сітуацыя змянілася ўжо 29 снежня 1941 г. Была выдадзена новая дырэктыва па ўзнагароджанні мясцовай рабочай сілы ў сферы Галоўнай дырэкцыі чыгункі «Цэнтр» [4, арк. 6–6 адв., 7–7 адв., 8–8 адв., 9–9 адв.]. Адзначалася: штодзённая абавязковая праца павінна складаць не менш за 8 гадзін. Кожны работнік і супрацоўнік павінен быць гатовы да перавышэння гэтай нормы па неабходнасці. Перапрацоўка па магчымасці была ўраўнаважана вольным часам. Калі гэта нельга было зрабіць, яна аплочвалася згодна з наступнымі ўстаноўкамі:

а) пагадзінная і дзённая аплата;

б) пры аплаце за месяц, якая звычайна разлічвалася на 48 гадзін працы ў тыдзень, пры перавышэнні да 54 гадзін даплата не здзяйснялася. Калі агульны час працы перавышаў 54 гадзіны, то за кожную гадзіну вышэй 54 выплачвалася ўзнагароджанне ў памеры 1/200 ад платы за месяц. Ніякіх надбавак па перапрацоўцы не прадугледжвалася, як і асобных надбавак за працу ў выходныя, святы і начную змену.

Парадак выплаты заробку здзяйсняўся адпаведна тарыфным групам у табл. [1, арк. 6–6 адв., 7–7 адв., 8–8 адв., 9–9 адв.].

Т а б л і ц а

Тарыфныя групы па аплаце працы
ў адпаведнасці з дырэктывай ад 29.12.1941 г.

Тарыфная група 1	Неадукаваныя рабочыя, дапаможныя працоўныя пасля 18 гадоў	Пагадзінны аклад – 1,10 рублёў дзённы аклад – 8,80 рублёў	Работнікі вакзалаў, прыбіральшчыкі, рабочыя-надомнікі, пасыльныя, работнікі сталовых, дзяжурныя, ліфцёры, абслуга лямпаў, работнікі па сумяшчальніцтве на складскіх пляцоўках, работнікі шляхавых дыстанцый на лёгкіх работах, работнікі складскіх памяшканняў на лёгкіх работах, растопшчыкі, разносчыкі ежы, качагары на простых растопных прыладах, прыбіральшчыкі вагонаў, дзяжурныя па чыгуначным пераездам ў простых умовах

	Жанчыны пасля 18 гадоў, якія займаюцца прастай працай	Пагадзінны аклад – 0,90 рублёў дзённы аклад – 7,20 рублёў	Прыбіральшчыцы, кухонная прыслуга
Тарыфная група 2	Адукаваныя рабочыя пасля 18 гадоў	Пагадзінны аклад – 1,40 рублёў дзённы аклад – 11,20 рублёў	Абслуговы персанал пуцей, некваліфікаваны рабочы, які абслугоўвае шпалападбівачныя машыны, чысцільшчык стрэлачных перадаў і семафораў, абслуговы персанал тэлеграфа, працоўны дрэвапрапітачнага і шпалазагатоўчага завода, дзяжурны па пераезде ў цяжкіх умовах, шляхавы абходчык, счэпшчык, укладчык тармазнага вагоннага запавольніка, ўсталёўшчык ручнога стрэлачнага пераводу, работнік складской пляцоўкі, багажны працаўнік, складскі рабочы, абслуговы персанал пад'ёмнага крана, памочнік у станка, станочнік, работнік па здабычы карысных выкапняў, мыйшчык вагонаў, чысцільшчык станкоў і вагонаў, вуглепагрузчык, счэпшчык і змазчык, абслуговы персанал паваротнага круга, дэзынфектар вагонаў з жывёламі, работнік простых падліковых і пісчых службаў, кухаркі
Тарыфная група 3	Старшыя работнікі пасля 18 гадоў	Пагадзінны аклад – 1,60 рублёў дзённы аклад – 12,80 рублёў	Стрэлачнікі цэнтральных пастоў, лінейныя наглядчыкі, кандуктары, багажныя раздатчыкі, дзяжурны па прыбыцці цягнікоў, наглядчык склада, працаўнік на пасадзе, адпаведнай пасадзе эксплуатацыйнага абслуговага персаналу ў імперскай чыгунцы
Тарыфная група 4	Паўнаватасныя рамеснікі ўсіх відаў	Пагадзінны аклад – 1,85 рублёў дзённы аклад – 14,80 рублёў	Паравозныя качагары, памочнік машыніста, начальнік цягніка, манеўровы дыспетчар, брыгадзір пуцёвай брыгады, шафёр, аператар станка, працаўнік на пасадзе, якая ў імперскай чыгунцы адпавядае пасадзе асістэнта
Тарыфная група 5	Старшыя рамеснікі пасля 18 гадоў	Пагадзінны аклад – 2,30 рублёў дзённы аклад – 18,40 рублёў	Майстар абслугоўвання сігналаў і тэлеграфа, вагонны майстар (кваліфікаваны), працаўнік на пасадзе, адпаведнай пасадзе сакратара ў імперскай чыгунцы

Тарыфная група 6	Майстры	Пагадзінны аклад – 2,70 рублёў дзённы аклад – 21,60	Майстры абслугоўвання пуцей і вагона-рамонтных заводаў, машыністы, абслуговы персанал лакаматыва, брыгадзір па пуці, майстар па чыгуначнай аўтаматыцы, тэлемеханікі і сувязі, працаўнік на пасадзе, адпаведнай пасадзе вышэйшага сакратара імперскай чыгункі
Тарыфная група 7	Інспектары	Месячны аклад – 700 рублёў	Работнікі на пасадах, суадносных з пасадамі вопытных інспектараў і вышэйшых інспектараў імперскай чыгункі, калі гэтыя пасады былі ў аналагічных па важнасці супрацоўнікаў яшчэ ў савецкія часы
Тарыфная група 8	Начальнікі	Месячны аклад – 950 рублёў	Работнікі на пасадах, адпаведных пасадам акруговага начальніка і чыноўніка з вышэйшай адукацыяй імперскай чыгункі, калі гэтыя пасады былі ў аналагічных па важнасці супрацоўнікаў яшчэ ў савецкія часы
Тарыфная група 9	Перакладчыкі	У месяц: а) вусныя перакладчыкі – 800 рублёў б) пісьмовыя перакладчыкі – 700 рублёў в) тыя, што ведаюць мову – 350 рублёў	Група перакладчыкаў: вусныя і пісьмовыя перекладчыкі

Зрыў планаў маланкавай вайны знайшоў адлюстраванне ў акупацыйнай палітыцы на Беларусі. Улады пачынаюць змяняць ранейшыя інструкцыі адносна мясцовых работнікаў. Ужо з канца 1941 г. уводзіцца здзельная і прэміяльная аплата працы. Асабліваю каштоўнасць набываюць мясцовыя рабочыя, якія валодаюць нямецкай мовай. Таксама згодна з дырэктывай жанчыны павінны былі атрымліваць аднолькавае ўзнагароджанне з мужчынамі. Моладзь ва ўзросце ад 16 да 18 год атрымлівала 80 %, да 16 год – 50 % акладу дарослых. Але ў 1941 г. сацыяльныя выплаты не прадугледжваліся.

Планавалася як магчыма хутчэй забяспечыць харчаваннем рабочых. Але да канца 1941 г. сітуацыя з харчаваннем так і не праяснілася. У дырэктыве ад 29.12.1941 г. значылася, што парадак выдачы харчавання рускаму насельніцтву яшчэ будзе дадаткова вызначаны ў далейшым. Прадукты павінны былі выдавацца толькі за грошы. Кошт вылічваўся з акладу ў наступным памеры:

- а) дзённае забеспячэнне – 6 рублёў;
- б) частковае забеспячэнне, абед – 3 рублі; сняданак, вячэра – кожны 1,50 рублёў;
- в) паходны паёк – 4 рублі.

2 снежня 1942 г. акупацыйная адміністрацыя чыгункі ўжо планавала ўвесці спецыяльнае харчаванне для занятых на асабліва цяжкіх работах, куды ўваходзілі:

- 1) персанал лакаматыва;
- 2) праваднікі цягнікоў;
- 3) манеўровы персанал,
- 4) стрэлачнікі;
- 5) персанал па бягучаму забеспячэнню чыгункі;
- 6) персанал лакаматыва дэпо;
- 7) персанал цэхаў вагонарамонтнага завода [5, арк. 48].

Наяўныя матэрыялы крыніц Калекцыі дакументаў галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск» падаюць дастаткова фрагментарную інфармацыю адносна праблемы выкарыстання працы мясцовага насельніцтва на прадпрыемствах акупаванай Беларусі. Велізарны факталагічны масіў з цяжкасцю падаецца абагульненню і генералізацыі, але дазваляе зрабіць пэўныя вывады, якія маюць у тым ліку і канцэптэуальны характар. Акупацыйныя нямецкія ўлады надавалі вялікую значнасць пытання ляльнасці насельніцтва Беларусі. З гэтай мэтай распрацоўваліся дырэктыўныя дакументы, інструкцыі, цыркуляры, аналізаваліся настроі і працоўны патэнцыял мясцовых работнікаў. Кіраўніцтва акупаванай Беларусі выкарыстоўвала адпаведныя метады і разумела, што германскія праграмы будаўніцтва на Усходзе, як і сама перамога ў вайне, у значнай ступені залежаць ад падтрымкі мясцовага насельніцтва. Першапачатковыя намеры выключна жорсткага і амаль бяспраўнага выкарыстання працы мясцовых работнікаў хутка сутыкнуліся з рэчаіснасцю. У выніку акупацыйная адміністрацыя звяртаецца да іншых сродкаў заахвочвання і павышэння прадукцыйнасці працы мясцовых работнікаў. Акрамя рэпрэсіўнага ўздзеяння і арганізацыі сістэмы кантролю ставіліся пытанні забеспячэння мясцовых работнікаў чыгункі прадуктамі, стварэння пэўных сацыяльных гарантый, праводзіліся мерапрыемствы, накіраваныя на павелічэнне прадукцыйнасці працы мясцовых жыхароў і яе стымуляванне – надбаўкі да зароботнай платы, прэміяльныя і здзельная аплата працы, узнагароджанні, прэміі, выдача прадуктаў, далікатэсаў, дабрачынная дзейнасць і дапамога сем'ям супрацоўнікаў.

Дакументы Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск» змяшчаюць унікальную інфармацыю, якая дазваляе істотна пашырыць факталагічную базу даследаванняў гісторыі перыяду акупацыі Беларусі. Увядзенне ў выніку праведзенага даследавання новага велізарнага факталагічнага масіву ў гістарычную навуку спрыяе разгляду тэарэтычных пытанняў адносна метадалагічных падыходаў і навуковых схем аналізу акупацыйнага перыяду. Выкарыстоўваючы ўвядзеныя ў навуковы абарот крыніцы, а таксама сучасныя метадалагічныя падыходы, варта аналізаваць стратэгіі выжывання насельніцтва Беларусі ва ўмовах акупацыі. Інфармацыя з крыніц Калекцыі дакументаў Галоўнай чыгуначнай дырэкцыі «Мінск» садзейнічае пастаноўцы даследчыкамі пытанняў аб ўмовах выжывання мясцовых работнікаў на другіх прадпрыемствах, у іншых сферах працы і рэгіёнах акупаваных тэрыторый Беларусі.

ЛІТАТАРУРА

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей НАРБ). – НАРБ. – Фонд 378. – Воп. 1. – Спр. 48.
2. НАРБ. – Фонд 378. – Воп. 1. – Спр. 326.
3. НАРБ. – Фонд 378. – Воп. 1. – Спр. 307.
4. НАРБ. – Фонд 378. – Воп. 1. – Спр. 43.
5. НАРБ. – Фонд 378. – Воп. 1. – Спр. 312.

В. В. Тугай, С. П. Кубеко

ДОГОВОРНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ФОЛЬКСДОЙЧЕ ИЗ СССР В 1939–1941 гг.

Важным событием в жизни немцев, которые в результате пакта Молотова–Риббентропа и последующих советско-германских договоров 1939–1941 гг. стали советскими, была их репатриация в 1939–1941 гг. Сигнал к переселению был дан Гитлером в речи, произнесенной в рейхстаге 6 октября 1939 г., в которой предвещал международные конфликты.

Предложение о переселении немецкого меньшинства из Прибалтики и Беларуси осенью 1939 г. исходило от германского правительства [1, с. 23]. Условия переселения были оговорены в секретных советско-германских документах от 23 августа и 28 сентября 1939 г., где указывалось, что «правительство СССР не будет чинить препятствия проживающим на территории его сферы интересов подданным Германии и другим лицам немецкого происхождения в случае, если они имеют намерение переселиться в Германию или на территорию ее сферы интересов» [2, с. 23].

Что касается прибалтийских немцев, то предыстория их переселения начинается с 1938 г. В частности, заместитель председателя немецкого «народного объединения» в Латвии Г. Штегман заявлял, что есть только две возможности для дальнейшего существования прибалтийских немцев: или они переселятся в Германию, или «народ Германии придет к ним» [3, с. 36].

Важное значение для изучения проблемы переселения немецкого населения из стран, попавших в сферу интересов Советского Союза, имеют двухсторонние договоры Германии с этими странами, заключенные сразу после речи Гитлера в рейхстаге 6 октября 1939 г. Так, договоры с Латвией и Эстонией были заключены 15 и 30 октября 1939 г. соответственно; с Италией – 21 октября 1939 г. (он предусматривал переселение фольксдойче из южного Тироля). Договоры с Советским Союзом предполагали эвакуацию польских и некогда русских немцев из территорий, которые становились советскими. Это польские провинции Восточной Галиции, Волыни и области Нарев (3 ноября 1939 г.), а также некогда румынские области северной Буковины и Бессарабии (5 сентября 1940 г.). Договор с Румынией предусматривал репатриацию оставшихся фольксдойче из юго-восточной части

южной Буковины и северной Добруджы [4, с. 340]. После присоединения Латвии, Эстонии и Литвы к Советскому Союзу летом 1940 г. был подписан дополнительный договор с Советским Союзом (10 января 1941 г.), регулировавший выселение немцев из Литвы, а также постпереселение из Латвии и Эстонии тех фольксдойче, которые уклонились от предшествовавшего принудительного переселения [4, с. 341].

После оккупации Польши ее обширные западные земли были включены в состав рейха под названием «округ Варты» (Warthehau).

В октябре 1939 г. в Ригу прибыли первые суда для перевозки переселенцев. В течение двух месяцев прибалтийские немцы, некогда наиболее состоятельная часть населения Латвии и Эстонии, покинули столетиями насиженные места [5, с. 242].

В середине октября 1939 г. в Гдыне, переименованной Гитлером в Готенгафен, начал работать центр по приему переселенцев. Этим ведомством зарегистрировано 49 тыс. переселенцев из Латвии и 13 тыс. из Эстонии. Управление центра в своем заключительном отчете подчеркивало, что оно тщательно проверило репатриантов «с медицинской и расово-биологической точки зрения». При этом 72 % переселенцев из Эстонии и 65 % из Латвии были признаны «пригодными по расово-биологическим признакам». Далее в отчете сообщается, что смешение с эстонцами нанесло «расовому качеству» немцев меньший урон, чем смешение с латышами, поскольку у эстонцев более значительна доля «нордической крови» [6, № 11, S. 9].

Подобные проверки по расово-биологическим признакам прошли все репатрианты, переселявшиеся из местностей, отошедших к Советскому Союзу. От того, насколько высоко было «расовое качество» фольксдойче, зависело определение его места в рейхе.

Для местных немецких деятелей решение о переселении было неожиданным: они надеялись, напротив, на усиление позиций немцев в регионах компактного их проживания. Вначале намеревались переселить небольшую часть немцев, однако в конце концов из-за опасений коммунистического влияния и коммунистического переворота в Латвии было принято решение переселить всех.

Германский посол в Латвии фон Котце 4 октября 1939 г. сообщил одному из руководящих прибалтийско-немецких деятелей, что идут слухи об ожидаемом в Латвии коммунистическом перевороте. Посол рекомендовал собрать переселенцев вместе и снабдить их соответствующими удостоверениями. В качестве удобного места был назван Агенскалнс в левобережной части города.

Бывший офицер СС Ф. Бухардт в воспоминаниях «В интересах рейха» отмечает, что в сентябре 1939 г. он был старшим группы офицеров в Гдыне. 20 сентября его брат, ответственный работник гитлеровской службы безопасности, сказал по телефону, что в связи с событиями, касающимися Латвии, его вызвали в Берлин. Ссылаясь на Гейдриха, занимавшего тогда пост начальника службы безопасности, ему сообщили, что «дела в Прибалтике

пойдут иначе, чем предполагалось, В связи с этим в ставку Гитлера прибудет руководитель национал-социалистического движения в Латвии Э. Крёгер, чтобы обсудить с Гиммлером судьбу прибалтийских немцев. В беседе Гиммлер с сожалением отметил, что события в Латвии примут другой оборот, чем предполагалось, и предложил «политически наиболее привлекшим к себе внимание лицам» переселиться в Германию. Крёгер сделал встречное заявление: переселиться должны все прибалтийские немцы. Гиммлер ответил, что в условиях войны прибытие большого количества пожилых людей создаст для Германии дополнительные трудности: юношей он охотно принял бы на службу в эсэсовских войсках. Тем не менее в ответ на настоятельную просьбу Крёгера Гиммлер обещал, что этой же ночью обсудит вопрос с Гитлером. Утром Гиммлер сообщил Крёгеру, что Гитлер дал согласие на переселение в Германию всех прибалтийских немцев. Затем Бухгардт обсудил с Крёгером подробности предстоящего переселения. Он рассказал, что некоторые эсэсовские руководители, учитывая опасность коммунистического восстания в Латвии, предложили выдать всем прибалтийским немцам германские паспорта. Однако Гейдрих заявил, что это не так срочно, можно все спокойно обсудить. Поскольку руководство рейха, сказал Гейдрих, после 1933 г. более или менее открыто призывало прибалтийских немцев оставаться на своем посту, они могут не понять необходимость переселения, поэтому следует поддержать эту акцию призывом фюрера [6, № 5, S. 3–4].

Высказывания Гиммлера, Олендорфа и других нацистских руководителей о том, что развитие событий в Прибалтике произойдет иначе, чем надеялись, означает то, что существовали планы аннексии Прибалтики Германией. Подобные планы были разработаны и в отношении других территорий, заселенных немцами.

Согласно информационному сообщению № 55 с пресс-конференции, состоявшейся 8 июня 1939 г., наряду с опубликованным договором о ненападении с Эстонией и Литвой «существовала еще и секретная статья, которая обязывает оба государства по договоренности с Германией и в соответствии с ее советами осуществить по отношению к Советской России все военные меры безопасности. Оба государства признают, что для них угроза нападения исходит только от Советского Союза и что реальная политика нейтралитета требует от них создания надежной обороны против этой угрозы. Там, где для этого не хватает собственных средств, им поможет Германия, ... оба государства понимают собственный нейтралитет в смысле дружелюбного отношения к Германии. Поскольку отношения с Литвой развиваются по тому же пути, стало возможным не только не допустить, чтобы зона Балтийского моря превратилась в плацдарм наступления стремящихся к окружению держав, но и сделать так, чтобы в случае конфликта страны этой зоны смогли противодействовать попыткам окружения до прибытия немецкой помощи» [7, с. 77–80].

До 28 сентября 1939 г. Литва входила в сферу интересов Германии, которая предусматривала ее аннексию и расширение зоны немецкого заселения в северо-восточном направлении. Секретные протоколы к данному договору предполагали отселение фольксдойче с литовских территорий, которые переходили под юрисдикцию Советского Союза [1, с. 305].

В соответствии с договорами Германии с упомянутыми странами, а также с Советским Союзом, 460 тыс. фольксдойче были переселены на территорию рейха [4, с. 341]. Среди них насчитывалось огромное количество немцев, которые до образования СССР являлись подданными Российского государства. Как уже отмечалось, с ноября 1939 г. по январь 1940 г. из Латвии и Эстонии было переселено 63 832 балтийца. В феврале 1941 г. дополнительно было вывезено еще 16 244 человека. Из Латвии в январе 1941 г. было вывезено 50 471 фольксдойче. С декабря 1939 г. по 26 января 1940 г. в холодных вагонах для скота «Трекс» из Волыни, восточной Галиции и области Вас было вывезено 134 267 фольксдойче: 64 600 – из Волыни, 55 400 – из Галиции и 8 100 человек из области вокруг Белостока. В качестве вознаграждения немецкая сторона разрешила белорусам и украинцам из занятых Германией областей вернуться в Советский Союз. Около 40 тыс. человек переселилось в БССР и УССР. Из Бессарабии и Северной Буковины в 1940 г. 93 500 и 42 400 фольксдойче соответственно были вывезены на территорию рейха, где от Варшавы до Львова и Галиции, а также вокруг Белостока для них были созданы компактные зоны проживания [4, с. 341]. Вместе с тем точного числа переселенных фольксдойче не существует, так как проведением переселения занимались разные организации и многие документы утеряны. При этом не все немцы переселились на территорию рейха. Судьбу их проследить довольно сложно.

Переселение фольксдойче с северо-западных и южных территорий Советского Союза в 1939–1941 гг. можно квалифицировать как одну из форм депортации. Рассматривать ее необходимо в рамках глобальной политики избавления советского общества от всяких нежелательных элементов. И хотя она совершалась по инициативе Германии и при ее непосредственном участии, смысл акции от этого не менялся. Характер проведения переселения, отношение к нему государственных и партийных органов свидетельствуют, что это была одна из мер по устранению враждебных элементов, которые, по мнению советского руководства, несли в себе большую социальную и политическую опасность для страны в условиях кануна войны.

Германия выступала в роли инициатора акции, защитника немецкого населения. При этом важно подчеркнуть, что, защищая «чистокровных арийцев», разрешая выезжать латышам, эстонцам, литовцам, белорусам, украинцам и русским в качестве членов их семей, Германия в то же время лишала возможности выезда нежелательных инородных элементов.

Вопрос о выселении немцев с территории Советского Союза решался без участия руководства советских республик, на территории которых они проживали. В состав смешанных комиссий по проведению переселения не

было включено ни одного представителя союзной республики, ни одного сотрудника республиканских исполнительных органов. На протяжении 1942–1943 гг. переселение фольксдойче с оккупированных территорий СССР продолжалось, хотя и значительно меньшими масштабами и темпами.

Таким образом, если со стороны СССР переселение немцев из территорий, которые в результате пакта Молотова–Риббентропа стали советскими, – депортация, то со стороны Германии – по сути то же. Обе стороны, внешне дружественные, готовились к войне друг с другом, поэтому каждый рейхдойче и фольксдойче, желавший остаться на советской территории, рассматривался как враг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фляйшхауэр, И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939 : пер. с нем. / И. Фляшхауэр; вступ, сл. В. М. Фалина; предисл. Л. А. Безыменского. – М., 1990.
2. *Loeber, D. A.* Diktierte Option. Die Umsiedlung der Deutschbalten aus Estland und Lettland 1939–1941 / D. A. Loeber. – Neumunster, 1972.
3. *Hehn, I.* Die Umsiedlung der baltischen Deutschen. Das letzte Kapitel baltisch-deutscher Geschichte / I. Hehn. – Marburg / Lahn, 1982.
4. *Pinkus, B.* Die Deutschen in den Sowjetunion / B. Pinkus, I. Fleischhauer. – Baden-Baden, 1987.
5. *Крупников, П. Я.* Полвека истории Латвии глазами немцев (конец XIX века –1945 год) / П. Я. Крупников. – Рига, 1989.
6. *Baltische Briefe.* – 1964. – № 11.
7. *Тугай, С. М.* Договорное переселение фольксдойче из СССР в 1939–1941гг. / С. М. Тугай // Гістарычнае пазнанне – важнейшая ўмова фарміравання светапогляду настаўнікаў XXI стагоддзя : матэрыялы Рэсп. навук.-тэарэт. канф., Мінск, 6 снежня 2002 г. – Минск, 2002.

АЎТАРЫ ДАКЛАДАЎ І ПАВЕДАМЛЕННЯЎ

Білевіч Анатоль Васільевіч – дацэнт кафедры сацыяльна-палітычных і гістарычных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Білевіч Вольга Іванаўна – старшы выкладчык кафедры сацыяльна-палітычных і гістарычных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Брыгадзіна Вольга Васільеўна – дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук (г. Мінск)

Варанкова Ірына Юр’еўна – старшы навуковы супрацоўнік аддзела ваеннай гісторыі і міждзяржаўных адносін Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Гарлатаў Анатоль Міхайлавіч – прарэктар па навуковай працы Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта, доктар філалагічных навук, прафесар

Грэбень Яўген Аляксандравіч – загадчык кафедры філасофіі і гісторыі Беларускага дзяржаўнага аграрнага тэхнічнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Мінск)

Дзмітрыева Вольга Пятроўна – аспірант аддзела ваеннай гісторыі і міждзяржаўных адносін Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Гофе Эмануіл Рыгоравіч – прафесар кафедры паліталогіі і права Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка, акадэмік і член Прэзідыума Міжнароднай акадэміі вывучэння нацыянальных меншасцей, доктар гістарычных навук, прафесар (г. Мінск)

Казлова Святлана Леанідаўна – навуковы супрацоўнік аддзела ваеннай гісторыі і міждзяржаўных адносін Інстытута гісторыі НАН Беларусі, кандыдат гістарычных навук (г. Мінск)

Кантар Юлія Зорахаўна – начальнік гісторыка-інфармацыйнай службы Дзяржаўнага Эрмітажа, прафесар кафедры ўсеагульнай гісторыі Расійскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя А. І. Герцэна (г. Санкт-Пецярбург)

Кіенка Дзмітрый Іванавіч – гісторык, кіраўнік даследчай групы вайскавай гісторыі Беларусі «Рубон» (г. Гродна)

Козел Дзмітрый Антонавіч – старшы выкладчык кафедры ваенна-інжынернай падрыхтоўкі ваенна-тэхнічнага факультэта Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Коршук Уладзімір Канстанцінавіч – доктар гістарычных навук, прафесар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, заслужаны работнік адукацыі Рэспублікі Беларусь (г. Мінск)

Кубека Сяргей Паўлавіч – старшы выкладчык кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта

Кузняцоў Ігар Мікалаевіч – дацэнт кафедры дыпламатычнай і консульскай службы факультэта міжнародных адносін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Мінск)

Кулінок Святаслаў Валянцінавіч – загадчык аддзела інфармацыі і навуковага выкарыстання дакументаў Беларускага дзяржаўнага архіва навукова-тэхнічнай дакументацыі (г. Мінск)

Куніцкі Уладзімір Уладзіміравіч – дацэнт кафедры старажытных цывілізацый і сярэднявэчча Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Мінск)

Кушнярэвіч Аляксандр Мікалаевіч – прафесар кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта, доктар мастацтвазнаўства, прафесар

Літвін Аляксей Міхайлавіч – загадчык аддзела ваеннай гісторыі і міждзяржаўных адносін Інстытута гісторыі НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар (г. Мінск)

Літвіноўскі Іван Афанасьевіч – дацэнт кафедры гісторыі Беларусі новага і найноўшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Мінск)

Літвіноўская Юлія Іванаўна – дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Мінск)

Мазец Валянцін Генрыхавіч – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, старшы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі НАН Беларусі (г. Мінск)

Матусевіч Юлія Уладзіміраўна – загадчык аддзела выкарыстання і публікацый дакументаў Дзяржаўнага архіва Мінскай вобласці, аспірант гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Мігун Дзмітрый Адамавіч – дацэнт кафедры гісторыка-культурнай спадчыны Беларусі Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Мінск)

Новікаў Сяргей Яўгенавіч – загадчык кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Папоў Іван Дзмітрыевіч – дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Валагодскага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Саракавік Іван Аляксандравіч – прафесар кафедры тэорыі і гісторыі дзяржавы і права Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, кандыдат гістарычных навук, прафесар (г. Мінск)

Скрабіна Людміла Сямёнаўна – дацэнт Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта транспарту, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Гомель)

Смальянінаў Міхаіл Мітрафанавіч – старшы навуковы супрацоўнік аддзела ваеннай гісторыі і міждзяржаўных адносін Інстытута гісторыі НАН Беларусі, кандыдат гістарычных навук (г. Мінск)

Стралец Міхаіл Васільевіч – прафесар кафедры сацыяльна-палітычных і гістарычных навук Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта, доктар гістарычных навук, прафесар

Тугай Уладзімір Васільевіч – загадчык цэнтра ўсеагульнай гісторыі і міжнародных адносін Інстытута гісторыя НАН Беларусі, доктар гістарычных навук, прафесар

Фядзюнін Уладзімір Валер’евіч – старшы выкладчык кафедры айчыннай гісторыі Маскоўскай акадэміі эканомікі і права, кандыдат гістарычных навук (Расія)

Хісамутдзінава Равіля Рахімянаўна – загадчык кафедры гісторыі, методыкі выкладання гісторыі і грамадазнаўства Арэнбургскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта, доктар гістарычных навук, прафесар (Расія)

Цымбал Аляксандр Георгіевіч – дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Шчаўлінскі Мікалай Барысавіч – дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай і айчыннай культуры Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт (г. Мінск)

Шыманская Наталля Анатольеўна – аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (г. Мінск)

Янеке Крысціна – доктар філасофіі, музеязнаўца, удзельнік праекта «Tradicia. History Service» (г. Берлін)

З М Е С Т

Прывітальнае слова прарэктара па навуковай працы прафесара А. М. Гарлатава	3

ЗМАГАЦЦА, ЖЫЦЬ І ПАМ'ЯТАЦЬ: ПОГЛЯД ПРАЗ ДЗЕСЯЦІГОДДЗІ

<i>Коршук В. К.</i> Трагедия и мужество белорусского народа в годы Великой Отечественной войны	5
<i>Кантор Ю. З.</i> Военное происхождение «русских» музейных и частных коллекций Финляндии	12
<i>Янеке К.</i> Российская революция 1917 года и ее последствия.....	20
<i>Литвин А. М.</i> Живой после смерти: документальные свидетельства выживших о массовых экзекуциях, проводимых нацистами на Беларуси (1941–1944)	26
<i>Кузнецов И. Н.</i> Расстрелы заключенных тюрем и лагерей НКВД БССР (22–30 июня 1941 г.)	35
<i>Федюнин В. В.</i> В тени Белостокской операции: бои за западный берег Немана от Гродно до Гожи 16–23 июля 1944 г.	39
<i>Попов И. Д.</i> Этапы компенсации ущерба, нанесенного войной, в истории ФРГ	48
<i>Хисамутдинова Р. Р.</i> Начало Великой Отечественной войны: общественная реакция (из воспоминаний жителей Урала)	57

БЕЛАРУСЬ НАПЯРЭДАДНІ І Ё ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ: НОВЫЯ ФАКТЫ, АЦЭНКІ, ВЫСНОВЫ

<i>Воронкова И. Ю.</i> Массовая оборонная работа в Белорусской ССР накануне Великой Отечественной войны	65
<i>Стрелец М. В.</i> Изучение трагедии белорусских евреев (1941–1944): опыт современного прочтения.	71
<i>Иоффе Э. Г.</i> Генерал Герман Гот на оккупированной территории СССР (1941–1943).....	85
<i>Новікаў С. Я.</i> Абарончыя баі Чырвонай арміі летам 1941 года ў найноўшых беларускіх, расійскіх і ўкраінскіх даследаваннях: параўнаўчы аналіз	95
<i>Гребень Е. А.</i> Оперативно-служебная деятельность полиции в годы нацистской оккупации Беларуси	110
<i>Казлова С. Л.</i> Нідэрландская ўсходняя кампанія: галандскія фермеры на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1941–1944).....	118
<i>Козел Д. А.</i> Белорусский штаб партизанского движения в годы войны: историография вопроса.....	125

<i>Кулинок С. В.</i> Школы по подготовке полицейских и командного состава добровольческих формирований на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны	132
<i>Матусевич Ю. В.</i> Подготовка медицинских кадров на территории Беларуси (1941–1944) в отражении оккупационной периодики и белорусской историографии	141
<i>Шиманская Н. А.</i> Роль органов государственной безопасности в подготовке операции по ликвидации гауляйтера Беларуси В. Кубе	146
<i>Щавлинский Н. Б.</i> Героические страницы боевых действий 62-го гвардейского авиаполка Гражданского воздушного флота в годы Великой Отечественной войны	154
<i>Цымбал А. Г.</i> Нацыянальныя адносіны на тэрыторыі Беларусі ў дакументах польскага падполля (1941–1944)	159
<i>Киенко Д. И.</i> Действия партизан против авиации противника (по материалам боевых донесений и шифротелеграмм БШПД, 1942–1944)	164
<i>Бригадина О. В.</i> Образы Великой Отечественной войны в советской плакатной графике	169

БЕЛАРУСКА-ГЕРМАНСКІЯ АДНОСІНЫ Ў ЛЮСТЭРКУ ЧАСУ: МІНУЛАЕ І СУЧАСНАЦЬ

<i>Билевич О. И., Билевич А. В.</i> Антисоветская деятельность ОУН-УПА в Брестской и Пинской областях (1944–1953)	174
<i>Литвиновский И. А., Литвиновская Ю. И.</i> Территориальный вопрос в советско-германских отношениях накануне Великой Отечественной войны	179
<i>Кушнярэвіч А. М.</i> Нямецкія мастакі Гескія пры двары князёў Радзівілаў	189
<i>Дмитриева О. П., Куницкий В. В.</i> Национальная политика германских оккупационных властей на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (февраль – ноябрь 1918 г.)	192
<i>Мазец В. Г.</i> Некаторыя аспекты фінансавай дзейнасці ўрада БНР у 1918 г.	200
<i>Мигун Д. А.</i> Германо-белорусские отношения в 1918 г.	204
<i>Саракавік І. А.</i> Беларуска-германскія навуковыя сувязі (1920-я – пачатак 1930-х гг.)	212
<i>Смольянинов М. М.</i> Нарочская операция Первой мировой войны	216
<i>Скрябина Л. С.</i> «Лоевский прорыв»: начало боевого пути украинских партизан по Гомельщине (осень 1942 г.)	225
<i>Цымбал А. Г.</i> Мясцовыя працоўныя рэсурсы ў планах германскіх акупацыйных улад у Беларусі (1941–1944)	228
<i>Тугай В. В., Кубеко С. П.</i> Договорное переселение фольксдойче из СССР в 1939–1941 гг.	236
Аўтары дакладаў і паведамленняў	241

INHALT

Grußwort des Prorektors für Forschung Prof. Dr. hab. A. M. Gorlatov.....	3

KÄMPFEN, LEBEN UND IM GEDÄCHTNIS BEHALTEN: RÜCKBLICK NACH JAHRZEHNTE

<i>Korschuk U. K.</i> Tragödie und Heldenmut des belarussischen Volkes während des Großen Vaterländischen Krieges.....	5
<i>Kantor Ju. S.</i> Militärisches Entstehen der „russischen“ Museums- und Privatsammlungen in Finnland	12
<i>Janeke K.</i> Russische Revolution 1917 und ihre Folgen	20
<i>Litwin A. M.</i> Am Leben nach dem Tod: dokumentierte Nachweise der Überlebenden von Massenhinrichtungen der Nationalsozialisten	26
<i>Kusnezou I. N.</i> Erschießungen der Gefängnis- und Lagerinsassen NKWD BSSR (22.–30. Juni 1941).....	35
<i>Fedjunin U. V.</i> Im Schatten der Kesselschlacht bei Białystok: Kämpfe um das Westufer der Memel von Grodno bis Hoscha 16.–23. Juni 1944.....	39
<i>Popow I. D.</i> Etappen des Lastenausgleiches in der Geschichte der BDR.....	48
<i>Hisamutdinowa R. R.</i> Anfang des Großen Vaterländischen Krieges: öffentliche Reaktion (Erinnerungen der Bewohner am Ural).....	57

BELARUS AM VORABEND UND ZU ZEITEN DES GROßEN VATERLÄNDISCHEN KRIEGES: NEUE TATSACHEN, BEURTEILUNGEN, SCHLUSSFOLGERUNGEN

<i>Woronkowa I. Yu.</i> Die Anstrengungen zur Massenverteidigung in der Belarussischen SSR vor dem Großen Vaterländischen Krieg.....	65
<i>Strelets M. W.</i> Forschung von Schicksalen der belarussischen Juden (1941–1944): Versuch der modernen Interpretation.....	71
<i>Ioffe E. G.</i> General Hermann Hoth im besetzten Gebiet der UdSSR (1941–1943)	85
<i>Novikau S. Ya.</i> Abwehrkämpfe der Roten Armee im Sommer 1941 aufgrund der neuesten belarussischen, russischen und ukrainischen Forschungen: Vergleichsanalyse	95
<i>Greben Ye. A.</i> Operative Polizeiamtstätigkeit zu Zeiten der Nazi-Besetzung von Belarus	110
<i>Kaslowa S. L.</i> Niederländische Ost-Kampagne: niederländische Landwirte im westbelarussischen Gebiet (1943–1944)	118
<i>Kosel D. A.</i> Belarussischer Stab der Partisanenbewegung zu Kriegszeiten: Geschichtsschreibung der Frage	125
<i>Kulinok S. W.</i> Ausbildungsdienst für Polizisten und Kommandeursbestand freiwilligen Verbände auf dem belarussischen Territorium während des Großen Vaterländischen Krieges	132

<i>Matusewitsch Yu. W.</i> Ausbildung der medizinischen Arbeitskräfte auf dem belarussischen Territorium (1941–1944) aufgrund der nationalen/vaterländischen Geschichtsschreibung und Besetzungsperiodikum	141
<i>Schimanskaja N. A.</i> Die Rolle des Staatlichen Staatssicherheitsdienstes bei den Vorbereitungen der Liquidierungsaktion von Gauleiter für Belarus W. Kube	146
<i>Schtschavlinskiy N. B.</i> Der 62. Gardegeschwader der Zivilluftflotte während des Großen Vaterländischen Krieges	154
<i>Tzimbal A. G.</i> Nationale Verhältnisse auf dem belarussischen Territorium in den Dokumenten des polnischen Untergrundes (1941–1944)	159
<i>Kijenko D. I.</i> Partisanenhandeln/tätigkeit gegen Luftfeind (anhand der Gefechtsberichte und Chiffretelegramme vom Belarussischen Stab der Partisanenbewegung)	164
<i>Brigadina O. W.</i> Bilder des Großen Vaterländischen Krieges in der sowjetischen Gebrauchsgraphik	169

DEUTSCH-BELARUSSISCHE BEZIEHUNGEN IM SPIEGEL DER ZEIT: VERGANGENHEIT UND GEGENWART

<i>Bilewitsch O. I., Bilewitsch A. W.</i> Antisowjetische Tätigkeit der Organisation Ukrainischer Nationalisten und der Ukrainischen Aufständischen Armee im Brester und Pinsker Gebiet (1944–1953)	174
<i>Litwinowskiy I. A., Litwinowskaja Yu. I.</i> Territoriale Frage in deutsch-sowjetischen Beziehungen kurz vor dem Großen Vaterländischen Krieg	179
<i>Kuschnjarewitsch A. M.</i> Deutsche Maler Hesse bei Höfe von Radziwiłł	189
<i>Dmitryewa W. P., Kunitski U. U.</i> Nationale Politik deutscher Besatzungsmacht auf dem belarussischen Territorium während des Ersten Weltkrieges (Februar – November 1918)	192
<i>Mazec W. H.</i> Aspekte der Finanztätigkeit von der BNR-Regierung 1918.	200
<i>Migun D. A.</i> Deutsch-belarussische Beziehungen in der zweiten Hälfte 1918	204
<i>Sarakawik I. A.</i> Deutsch-belarussische Wissenschaftsbeziehungen (1920er– Anfang 1930er)	212
<i>Smoljaninow M. M.</i> Schlacht am Naratsch-See des Ersten Weltkrieges	216
<i>Skrjabina L. S.</i> “Loyewer Durchbruch“: Anfang der Kampfgeschichte von ukrainischen Partisanen durch Gomler Gebiet (im Herbst 1942)	225
<i>Tzimbal A. G.</i> Arbeitskräfte vor Ort gemäß den Plänen der deutschen Besatzungsmacht in Belarus (1941–1944)	228
<i>Tugay U. W., Kubeko S. P.</i> Vertragsmäßige Umsiedlung der Volksdeutschen aus der UdSSR 1939–1941	236
<i>Autoren von Vorträgen und Beiträgen</i>	241

Навуковае выданне

**БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ:
ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ**

Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі

Мінск, 8 красавіка 2016 г.

В ы п у с к 15

Рэдактары: *А. М. Баброўская, В. С. Забродская, К. І. Кавалёва*
Ст. карэктар *С. А. Іванова*

Адказны за выпуск *С. Я. Новікаў*

Камп'ютарная вёрстка: *Н. В. Мельнік, П. Г. Церах*

Падпісана ў друк 12.04.2017. Фармат 60×84¹/₁₆. Папера афсетная. Гарнітура Таймс. Рызаграфія.
Ум. друк. арк. 14,42. Ул.-выд. арк. 17,12. Тыраж 50 экз. Заказ 29.

Выдавец і паліграфічнае выкананне: установа адукацыі «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт». Пасведчанне пра дзяржаўную рэгістрацыю выдаўца, вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў ад 02.06.2014 г. № 1/337. ЛП № 02330/458 ад 23.01.2014 г.
Адрас: вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск.